



**Прислуга в гостинице духов**

**Ирина Матлак**

## Пролог

На звездочку яркую глядя,  
 Попрошу я немножко чудес,  
 Волшебник просьбу услышит  
 И луну мне сбросит с небес.  
 Так важно в жизни бывает  
 Верить в чудо и знать:  
 Иногда чтобы счастье случилось,  
 Нужно верить уметь и мечтать...

Я окончательно выбилась из сил, когда передо мной неожиданно появился он.

Он был не таким как все взрослые, которых я знала. Не понимала чем именно, но незнакомец сильно отличался и от моих родителей, и от родителей моих подружек, и от снующих по городу прохожих. Да и, пожалуй, все-таки был гораздо младше них.

Я подняла на него заплаканные глаза и, жалобно всхлипнув, замерла. За поворотом гудели машины, сновали толпы, а мы стояли в маленьком проулке и внимательно друг друга рассматривали.

А затем он присел передо мной на корточки и спросил:

— Заблудилась?

Лицо у него было не очень красивое. Чересчур резкие черты и прищуренные, как будто колючие голубые глаза могли бы напугать, но я почему-то не боялась. Даже протянула вперед руку и погладила его по щеке.

В голубых глазах отразилось неприкрытое удивление, и я широко улыбнулась.

— Где твои родители, малышка? — его голос немного потеплел.

Улыбка медленно сползла с моего лица, и мне снова захотелось разреветься. Потому что я вспомнила, что мы приехали погулять по городу, я увидела красивую сверкающую бабочку и побежала за ней. Бежала, бежала, а потом бабочка внезапно исчезла. И я осталась совсем одна посреди незнакомой улицы. Теперь у меня устали ножки, болит побитая коленка и еще мне очень-очень страшно оттого, что я никогда не увижу родителей. Они меня не найдут!

Я захныкала.

Незнакомец тяжело вздохнул и, неожиданно взяв меня на руки, посадил себе на плечи. Хныкать я перестала моментально и вновь восторженно улыбалась, глядя на мир сверху вниз.

Мы вышли на широкую улицу, и незнакомец уверенно понес меня вперед. Рядом продавали воздушные шарики, и когда я потянулась к забавной мордочке Микки Мауса, он без возражений его купил.

— Зовут тебя как, малышка?

— Юля, — представилась я, жуя купленный вместе с шариком пончик. Сладкий крем тек по подбородку, и мне едва удавалось вовремя его вытирать. Испачкать волосы незнакомца совсем не хотелось.

— А лет сколько?

Я приосанилась и не без гордости ответила:

— На прошлой неделе исполнилось шесть! А тебе?

— Шестнадцать, — отозвался он.

— Фи, какой старый! — я засмеялась и поерзала, устраиваясь поудобнее.

Мы гуляли по городу до самого вечера. Бродили по площади, где я бегала по фонтану и, подняв подол сарафанчика, мочила босые ноги. Катались на каруселях, а после заглядывали в магазинчики игрушек и сладостей. Хотя больше ничего выпросить мне не удалось, я была счастлива. Настолько, что забыла и о родителях, и о том, что потерялась, и даже о запрете на разговоры с незнакомыми людьми.

— А тебя как зовут? — наконец, додумалась поинтересоваться я, когда небо стало темнеть.

— Меня? — переспросил мой новый друг и уже открыл рот, намереваясь ответить, как вдруг я заметила в толпе маму.

Рядом с ней шел папа, и они оба были непривычно бледными и напуганными.

— Твои родители? — проследив за моим взглядом, спросил он.

— Ага, — кивнула я и, не сводя с них взгляда, бросила: — Подожди немножко, я сейчас вернусь!

И, размахивая воздушным шариком, с криками «Мамочка! Папочка!» помчалась к ним. Меня целовали, обнимали, затем ругали и снова обнимали.

Толстый дяденька милиционер отер влажный лоб и выдохнул:

— Ну, слава богу. Нашлась!

Высвободившись из цепких маминых объятий, я схватила их с папой за руки и потащила в сторону фонтана:

— Пойдемте! Пойдемте, я вас кое с кем познакомлю!

Но когда мы пришли на то место, где несколькими минутами назад стоял мой новый друг, его там уже не было. Напрасно я заставила родителей обойти всю площадь и даже ближайšie улицы.

Он исчез, будто его и не было. А на память об этой встрече у меня остался лишь воздушный шарик, который сдулся уже через неделю. Тогда я взяла плоскую мордочку Микки Мауса и, накрыв стеклом, закопала во дворе нашего дома. Это был мой секретик. Рядом такой же секретик закопала Ленка, только вместо сдувшегося шарика положила фантик от шоколадной конфеты.

Затем мы пометили место, положив на него сорванные ромашки, и убежали в дом. А ночью мне снилось, что около секретика стоит он и внимательно смотрит в мое окошко.

## Глава первая, В которой желания исполняются самым неожиданным образом

Четырнадцать лет спустя

— Но мне очень нужна работа! — порывисто воскликнула я, когда все веские аргументы закончились, и не осталось ничего другого, кроме как пытаться надавить на жалость.

Сложив руки на коленях, я подняла на сутулого дядечку невинные карие глаза и прибегла к самому главному оружию — умильной моське. Нижняя губка чуть выпятилась, на щеках появился румянец, глаза влажно заблестели, а карамельного оттенка прядь несчастно упала на лоб.

Сейчас я не могла видеть себя со стороны, но точно знала, что выгляжу неотразимо. Не в том смысле, что передо мной все представители мужского пола расстелись бы ковровой дорожкой, а по-детски мило и безнадежно трогательно.

Умильной моськой проникались все.

Всегда.

— Девушка, я вам уже все сказал, — но этот тип отчего-то проникаться не желал. — Мест нет.

Захотелось удариться головой о стол, затем упасть, обхватить бесчувственного дядьку за ногу и... нет, не умолять — укусить. В самом деле, неужели так сложно дать человеку маленький шансик? Можно подумать, я пришла устраиваться в лучшую компанию, претендуя на место генерального директора! Всего-то просилась на должность продавца в захудалом магазинчике косметики.

Дядька, так и не удосужившийся лишний раз на меня взглянуть, продолжал пялиться в монитор и непрестанно щелкать мышкой. Еще пару секунд посидев на месте, я резко встала, подхватила с пола дорожную сумку и, вежливо попрощавшись, вышла за дверь.

Жутко хотелось хлопнуть ей как следует, но я сдержалась. В конце концов, как бы ни был неприятен этот работник, он не виноват в сложившейся ситуации. Меня просто опередила какая-то шустрая девица, и вакансия утратила свою актуальность еще вчера.

Сев на скамейку, я сняла зубами крышечку красного маркера и вычеркнула очередное объявление. На сегодня — последнее. Скомкав газету, пульнула получившимся шариком в мусорный бак и, под действием преследующего меня в последнее время невезения, ожидаемо промахнулась. Пришлось вставать, поднимать брошенный мусор и лично доставлять его до места назначения.

На этом мои силы оказались исчерпаны, и на скамейку я буквально упала. Так вот, значит, как чувствуют себя люди без определенного места жительства...

А все Ленка, чтоб ей пусто было!

Так называемая подруга позвонила с полмесяца назад и с радостью сообщила, что приглашает меня к себе. Не в гости, а насовсем. Не так давно она вышла замуж и переехала из нашего глухого поселка в город, где зажила как в сказке — счастливо и припеваючи.

И вот, наконец, Ленка вспомнила о любимой подруге детства и о том, что неплохо бы перетащить ее поближе к себе. Мне пообещали жилье на первое время и помощь в поиске работы. Как же я радовалась возможности уехать! Мечтала, что стану посылать родителям деньги, чтобы они могли обеспечивать и себя, и моего младшего братишку. Сашке уже давно пора обзавестись новым костюмом и прикупить портфель, а то через два месяца в первый класс пойдет в старом, затертом на коленках комбинезончике.

Я представляла себя работающей продавцом-консультантом в хорошем магазине. И, надо отметить, представляла не просто так, а вполне обоснованно, ведь Ленка уверяла, что именно такую должность сумеет для меня подыскать. Приятельница ее приятельницы, приходящаяся кумой ее троюродной тетке, занимала должность заведующей одного вполне приличного магазинчика, Ленка в своих заверениях была убедительна, так что самостоятельным поиском работы я заранее не озадачилась.

Как оказалось, зря.

Когда две недели назад я вырвалась из своей глухомани, протряслась несколько часов на электричке и уставшая, но счастливая пришла по указанному адресу, оказалось, что дома никого нет.

«Ничего!» — с энтузиазмом подумала я тогда. — «Наверное, куда-то ушли и скоро вернутся!»

Но не тут-то было. Милая женщина, выглянувшая из-за двери соседней квартиры, любезно сообщила, что Леночка с Пашенькой на целый месяц укатили в Египет. Как выяснилось, медовый месяц они планировали уже давно, путевки были куплены заблаговременно, вот только сообщить мне об этом, видимо, забыли.

Мобильник у любимой подружки оказался вне зоны доступа, ключи она мне не оставила, и я на ночь глядя оказалась без крыши над головой. Первым порывом было вернуться обратно в поселок, но, уже покупая билеты на вокзале, я внезапно передумала.

Деньги на первое время были, и я решила попытаться устроиться в городе самой. Сняла номер в самой дешевой гостинице, сразу же купила газету и засела за объявления о работе.

Дни пролетали незаметно и стремительно, деньги таяли, а работа находится никак не желала. У меня имелось профильное образование, соответствующий диплом, выданный в стенах родного колледжа, и даже опыт работы, но это оказалось бесполезным.

«Нет мест!», «Вакансия уже не актуальна!», «Взяли другого специалиста!», — фразы, которые успели набить оскомину и надоест до зубного скрежета.

Минувшая ночь была последней оплаченной в гостинице, и сегодня ночевать мне было негде. Деньги остались только на обратные билеты и какой-никакой перекус.

Неужели это конец? Неужели придется возвращаться обратно, так бесславно проболтавшись две недели и потратив все накопленные деньги? Выслушивать недовольство родителей, видеть их расстроенные лица и смотреть в глаза Сашке, который так на меня надеялся. Снова идти в ненавистный магазин, где платят до смешного мало, таскать тяжелые ящики и выслушивать бесконечные, переливающиеся из пустого в порожнее сплетни местных кумушек.

От безысходности хотелось взвыть. Вот почему я такая невезучая?

В боковом кармашке сумки раздалась знакомая вибрация, и, откинув крышку своей старенькой «раскладушки», я с тоской нажала на кнопку принятия вызова.

— Да, мама, — произнесла деланно бодрым голосом. — Привет, мама. Хорошо, мама. Да-да, замечательно, мама! И начальник хороший...ага, уже пятый день работаю. Ага...ага...и им передавай привет. Целую, пока.

Затолкав мобильник обратно, я откинулась на спинку скамейки и возвела к небу страдальческий взгляд. Может, хотя бы оно проникнется умильной моськой и в кои-то веки сжалится?

И все-таки возвращаться в поселок — не вариант. Просто не хватит духу явиться обратно с пустыми карманами и признаться в обмане. И неважно, что деньги были мои собственные — все равно стыдно.

По чистому летнему небу неспешно проплывали облака, сквозь зеленую листву проникали золотые лучи солнца — приятно согревающие и вынуждающиеся щуриться, а я, сидя в небольшом красивом скверике, чувствовала себя ужасно несчастной.

На фоне замечательной погоды и радостных лиц гуляющих здесь прохожих, мое собственное положение казалось еще более тоскливым. Сегодня мои розовые очки оказались разбиты окончательно, и как быть дальше я пока не знала. Единственное, что приходило на ум — это попытаться найти работу не по специальности. Наверное, следовало задуматься над этим уже давно, но я все надеялась, что мне улыбнется удача...

Говоря по правде, работу свою я не особо любила, но когда встал выбор, куда поступать, особых вариантов не было. Родители настояли на торговом колледже, и я послушала. Почувшись полгода, пошла работать и далее совмещала работу с учебой. Отучившись, так и осталась в должности продавца небольшого продовольственного магазинчика.

А ведь прежде я мечтала совсем о другом...

Солнце упало за горизонт, на потемневшем небе показались первые звезды, людей в сквере стало меньше, а я все продолжала уныло восседать на скамейке. Свою хандру заедала купленным в паре шагов сэндвичем, курица в котором явно попрощалась с жизнью неприлично давно. Оставшийся в пластиковом стаканчике кофе успел остыть и, допив его в несколько глотков, я отправила стаканчик туда же, где нашла свое последнее пристанище скомканная газета.

Запрокинув голову, снова посмотрела на небо и, зацепившись взглядом за самую яркую звезду, неожиданно для самой себя попросила:

— Пожалуйста, дай мне шанс! Пусть для меня найдется работа... ну хоть какая-нибудь!

Помнится, в детстве я часто сидела у окошка, смотря на ночное небо и загадывая звездам свои смешные желания. Особенно часто просила куклу — такую же, какую подарили на день рождения Ленке. Попросив, тут же лезла под кровать, обыскивала шкаф и шарила по углам, проверяя, не появилась ли она там. А когда ничего не находила, расстраивалась и искренне недоумевала, почему мое желание мгновенно не исполнилось.

Куклу мне так и не купили, и вера в волшебство постепенно сошла на нет. Перед сном я стала закрывать занавески, в окно больше не смотрела, а вскоре и вовсе забыла о том, что когда-то просила звезды об исполнении желаний.

Забыла, а сейчас вот почему-то вспомнила. Смешно...

Как говорит мама: до двадцати лет дожила, а ума так и не набралась.

Как говорит наш сосед после того, как хорошенько приложится к бутылке: чему бы жизнь нас не учила, а сердце верит в чудеса.

Решив, что дольше сидеть здесь бессмысленно, я собралась идти на вокзал. Ночевать там всяко лучше, чем под открытым небом, а завтра утром на свежую голову подумаю, как быть дальше.

Вздыхнув, я нехотя поднялась со скамьи и уже взялась за ручку сумки, как вдруг услышала странный звук, походящий на жужжание мотора. Он шел откуда-то сверху и, вновь невольно посмотрев на небо, я замерла с открытым ртом.

На меня падал автобус.

Точнее, не совсем падал, а медленно опускался, словно бы ехал по склону невидимой горы. Свет фар становился все ярче, гул мотора — все ближе. Через несколько секунд я смогла различить его ярко-красный цвет, круглые боковые зеркала и глянец, совсем как у проезжей новенькой «Феррари». Автобус был небольшим и как будто немного пухлым.

Приблизившись, он замедлил скорость и завис примерно в метре от земли так, что напротив меня оказалась тут же отъехавшая в сторону дверца. Из нее вывалилась складная лестница — будто язык у питбуля, — и в проеме нарисовался невысокий худощавый мужчина, держащий в руках рулончик билетов.

Он молча смотрел на меня, я молча смотрела на него и медленно оседала на скамейку. Правда, расстояние не рассчитала и вместо нее плюхнулась прямо на землю, оторопело изучая явившееся мне чудо.

— Деда, а чего она на земле сидит? — спросил проходящий мимо мальчик, ткнув в мою сторону указательным пальцем.

— Не знаю, внучок...ну и молодежь пошла!

Я проводила прогуливающуюся по парку парочку заторможенным взглядом, и в следующий момент до меня дошло: автобуса они не видят. Его что, вообще не видит никто, кроме меня?!

Должно быть, я брежу.

— Ну? — спросил кондуктор, чей голос заставил меня нервно вздрогнуть. — Заходить будем?

Дар речи меня покинул, и все, на что я оказалась способна — это утвердительно кивнуть. Вышло не слишком уверено, но мне и в голову не пришло усомниться в таком решении.

— Ну и чего тогда сидим? — явно подавляя зевок, осведомился кондуктор и посмотрел на наручные часы: — Уже выбиваемся из графика. Девушка, поторопитесь, будьте так любезны!

Последнюю фразу он гаркнул неожиданно громко, и я моментально подскочила с места. Рывком схватила многострадальную сумку, поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, и меня тут же каким-то непостижимым образом забросило внутрь. Я упала на сидение, раздался щелчок ремня безопасности, сумка плюхнулась у моих ног, и автобус тронулся с места.

— Ваш билет, пожалуйста, — кондуктор не глядя сунул мне бумажный талончик.

— А... — попыталась спросить я.

— За вас уже оплачено.

— А...

— На место прибудем через девять с половиной минут. Может быть, чаю? — любезно осведомился

кондуктор. — С молоком, с чабрецом, имеется какао. Могу предложить мятные леденцы.

— Простите, а куда мы едем? — все-таки сумела выдать я, не успевая справляться с потоком поступающей информации.

— Ваша остановка — Большой Дом, — прозвучал ответ, за которым последовало повторившееся любезное предложение: — Может быть, все-таки чаю? Хотя, посоветую вам остановить выбор на какао, к нему у нас подается вкуснейшая шоколадная плиточка.

Я помотала головой из стороны в сторону, скорее из желания отогнать преследующее меня наваждение, но кондуктор воспринял этот жест как ответ.

— Нет, так нет, — пожав плечами, он отвернулся.

Просто не находя подходящих слов и не зная, как на все это реагировать, я посмотрела в окошко. Мы набирали высоту, но это никак не ощущалось, и, не лицеэри я того, что происходило снаружи — решила бы, что мы стоим на месте. Внизу виднелись крыши многоэтажек, шумящие на ветру древесные кроны, лабиринты улиц, освещенных множеством огней, многочисленные парки и скверики.

В салоне слышался негромкий гул мотора, и приятно пахло тем самым какао, от которого я так опрометчиво отказалась. Происходящее казалось совершенно ненормальным, но это не мешало мне хотеть спать. Такая не очень полезная особенность организма — переживая стресс, он всегда стремится отключиться и, как следствие, сонливость приходит в самый неподходящий момент.

Вскоре автобус снова начал снижаться, и мы зависли недалеко от центрального района, рядом с трехэтажным зданием, вывеска на котором сообщала, что там находится игорный клуб. Дверца автобуса открылась, и внутрь вошел человек в маске. Он был очень высоким и худым, черный костюм висел на нем как на вешалке, а маска была абсолютно белой и закрывала все лицо, оставляя лишь прорехи для глаз.

— Три эмоции за проезд, пожалуйста, — обратился к нему кондуктор.

Мужчина в маске протянул вперед руку и отсыпал в подставленную ладонь три плоские игровые фишки.

— Благодарю, — улыбнулся кондуктор. — Быть может, чаю? К какао мы подаем вкуснейшую шоколадную плиточку, имеются так же мятные леденцы.

Новый пассажир к предложению остался безучастен, и кондуктор оставил его в покое. Я робко осмотрелась по сторонам, обернулась назад и убедилась, что кроме нас троих в салоне никого нет, не считая, разумеется, водителя.

— Не хотите сыграть? — неожиданно прозвучал низкий бархатный голос, и я не сразу сообразила, что обращаются ко мне.

В руках у мужчины в маске появился причудливый предмет, похожий на миниатюрный игровой автомат. Сбоку у него имелся специальный рычаг, и когда длинные пальцы в белых перчатках на него надавили, на дисплее замелькали пестрые картинка.

— Начальная ставка — одна эмоция, — сообщил пассажир, обернув ко мне скрытое маской лицо.

— Нет-нет, — тут же отказалась я, машинально вжимаясь в спинку кресла. — Не хочу.

Настаивать мужчина не стал, и игровой автомат тут же исчез, будто его и не было. Вместе с ним исчезла и моя внезапная сонливость, сменившись предельно четким осознанием: я нахожусь в компании неизвестно кого, на летающем автобусе, который едет неизвестно куда.

— П-простите, — снова решила заговорить с кондуктором, мысленно пытаюсь сформулировать вопрос: — А я... еще жива?

Наверное, глупее вопроса и не придумать, но именно он волновал меня в первую очередь. Я явно не спала — ведь во сне невозможно хотеть спать, — и так же явно находилась в трезвом уме и твердой памяти. Стало быть, либо я успела попрощаться с грешным миром и сейчас отправлялась на тот свет, либо...

— Ну, разумеется, вы живы, девушка, — опроверг мою теорию кондуктор. — В нашем автобусе еще никто не умер!

Странно, но такое утверждение меня немного успокоило, и задавать дополнительные вопросы тут же расхотелось. Я по-прежнему живой человек — это самое главное, а остальное непременно объяснится позже... а если не объяснится?

Черт! Наверное, только со мной, обладающей потрясающим умением попадать в нелепые ситуации, мог происходить такой бред!

Через пару минут мы снова сделали остановку, и на этот раз автобус завис достаточно высоко над землей, прямо около раскидистой кроны старого клена. Посмотрев в окошко, я увидела несколько маленьких шариков, похожих на горящих светлячков. Они окружали невысокую худенькую девочку, стоящую на одной из толстых ветвей. Ни за что не держась, она спокойно прошла вперед, поставила ногу на лестницу и в следующее мгновение оказалась в салоне. Оставшиеся снаружи светлячки друг за другом полетели обратно и затерялись где-то в шумящей листве.

— Три эмоции за проезд, пожалуйста, — проговорил кондуктор уже знакомую фразу, и на этот раз в его протянутую ладонь упали три маленьких зеленых листочка.

В то время как девочка занимала место, наши взгляды встретились, и я бы не взялась утверждать, чей выражал большее изумление. Если мужчина в маске хотя бы как-то вписывался в образ обычного человека, то этот ребенок стоял где-то за рамками нормальности. В ее густых, достающих до пояса, каштановых волосах поблескивали капли, на белых щеках виднелись рыжеватые пятнышки, похожие на слившиеся вместе веснушки, а на голове торчали маленькие...оленьи рожки. Сперва мне подумалось, что это просто обруч, но, присмотревшись внимательнее, я обнаружила, что они настоящие. Вместе с тем одежда девочки была вполне привычной: широкая юбка до колена, темные гольфы, туфли на плоской подошве и пиджачок, накинутый поверх тонкой кофточки.

— Человек, — потрясенно прошептала девочка-олененок, глядя на меня своими неестественно большими глазами.

Мы бы еще долго друг друга рассматривали, если бы снова не вмешался кондуктор:

— Должен заметить, ваша попутчица. Может быть, хотите чаю? С молоком, чабрецом, так же могу предложить мятные леденцы. Рекомендую попробовать какао, к нему у нас подается вкуснейшая шоколадная плиточка.

Справившись с удивлением, девочка заняла одно из свободных кресел и попросила:

— Два леденца, пожалуйста.

Кондуктор просиял довольной улыбкой, и через несколько мгновений новая пассажирка посасывала небольшую зеленую конфету. К моему удивлению, села девочка прямо передо мной, и к еще большему удивлению, обернулась, протянув второй леденец.

— Съешь, — на грани слышимости произнесла она и, когда я отказалась, настойчиво повторила: — Съешь. Не то тебя учуют безликие.

Звучало довольно жутко, и проверять, кто такие эти безликие я не испытывала ни малейшего желания. Поэтому осторожно приняла протягиваемую конфетку и сунула в рот. Вкус оказался приятным и хорошо знакомым. Действительно, обычный мятный леденец.

— Остановка «Большой Дом», — провозгласил кондуктор, когда автобус в очередной раз остановился.

Наружу я выходила с долей опасения, во-первых, потому что боялась упасть на ненадежной, обладающей странными повадками лестнице, а во-вторых, потому что понятия не имела, куда меня привезли. Судя по увиденным сквозь оконное стекло видам, мы находились где-то в районе городской черты.

— Спасибо, что воспользовались трансфером лучшей перевозной компании духов, — улыбнулся кондуктор, когда мои ноги коснулись твердой земли.

— До свидания, — не особо вникнув в смысл слов, машинально попрощалась я, в это же время рассматривая представшее предо мной здание.

Оно было довольно старым и явно нежилым: в четыре этажа, стекла в некоторых окнах разбиты, ступени на широком крыльце пестрили выбоинами. Растущие рядом деревья, по всей видимости, являлись такими же старожилками — большой, с толстым стволом и потрескавшейся корой дуб так точно. Судя по стилю, это здание было построено еще в дореволюционные времена, в то время как остальные, стоящие поблизости, являлись самыми обычными бетонными многоэтажками.

Над головой вновь послышалось гудение мотора, но на сей раз — удаляющееся. Проводив взглядом набирающий высоту автобус, я обернулась к вышедшей со мной девочке, но ее рядом уже не было.

— И что теперь делать? — зябко поежившись, спросила у самой себя.

Невзирая на стоящее днем тепло, ночи были прохладными, и сейчас я жалела, что сложила ветровку на самое дно сумки. Стоять на месте было попросту глупо, равно как и бродить по незнакомому району. Поэтому, решив, что об абсурдности случившегося можно подумать несколько позже, я подошла к входной двери. Замка на ней не было, а вместо привычной ручки висело тяжелое металлическое кольцо, которым я и постучала.

Не прошло и пары секунд, как в доме послышались стремительно приближающиеся шаги, дверь резко отворилась, и на пороге появилась покрасневшая девушка. С виду вполне обычная — никаких рожек, масок и прочих глупостей.

— Все, достали! — обернувшись, крикнула она кому-то позади себя. — Довели! Чтоб вам всем под землю провалиться! И не найдете вы больше дуры, согласной работать в таком дурдоме!

Зыркнув на меня влажными глазами, девица спустилась с крыльца и зашагала прочь, таща за собой подпрыгивающий на выбоинах чемодан.

Я даже осознать ничего не успела, как в дверном проеме показался высокий рыжеволосый мужчина в квадратных очках. Он окинул меня быстрым взглядом, и его губы изогнулись в теплой улыбке:

— Вы, должно быть, наша новая работница? Прощу, проходите.

Услышав слово «работница», я на миг оцепенела, после чего решительно вошла внутрь, не задумываясь ни о чем. А когда за спиной тихо закрылась дверь, замерла на месте как вкопанная.

## Глава вторая, В которой сказка становится реальностью

Одна за другой загорались маленькие, висящие под потолком лампочки, все больше освещая просторный холл: красную ковровую дорожку на светлом глянцевом паркете, персиковые обои и стойку, смутно напоминающую...ресепшен. В воздухе витал запах кофе, чего-то сладковатого и свежей краски.

— Идите за мной, — велел рыжеволосый, уверенно направившись вперед по убегающему вглубь дома коридору.

Отмерев, я двинулась следом, по-прежнему не понимая, как внутри такой развалюхи может быть сделан новый ремонт. Да и сами помещения казались слишком просторными для размеров дома, из-за чего возникло впечатление, будто я только что смотрела на здание одно, а вошла в совсем другое.

Рыжеволосый распахнул располагающуюся в конце коридора дверь и пропустил меня вперед. Мы вошли в самый обычный на вид кабинет. Здесь имелся небольшой книжный шкаф, диванчик и стол, на котором возвышался горящий монитор. Рядом пристроилась кружка с недопитым кофе, а на спинке стула — небрежно брошенный пиджак.

Заняв место за столом, мужчина предложил мне присесть в стоящее напротив кресло. У меня возникло чувство дежавю: кажется, я только-только находилась в таком же положении, придя устраиваться продавцом. Только вот сидящий передо мной молодой человек был куда приятнее замученного, обремененного ворохом дел дядьки. И компьютерной мышкой он не клацал, и смотрел прямо на меня. Дружелюбно так смотрел, с улыбкой.

— Юлия, — произнес потенциальный работодатель, и я, не ожидавшая, что он знает мое имя, невольно вздрогнула. — Меня зовут Кирилл, можно просто Кир. С завтрашнего дня вы можете приступать к своим обязанностям. В них входит: уборка номеров утром и вечером, уборка холла и конференц-зала, а так же двух гостиных. Дважды в неделю необходимо убирать бани, располагающиеся на верхнем этаже, и следить за порядком в коридорах. Вам предоставляется жилая комната здесь же, в Большом Доме, с личной ванной и балконом. Заработная плата составляет сорок пять тысяч рублей в месяц, плюс возможные чаевые. График работы подразумевает один выходной в воскресенье и режим работы с семи утра до девяти вечера.

Пока он спокойно и с неисчезающей любезной улыбкой обрушивал на меня этот поток информации, я все больше и больше выпадала в осадок, радуясь, что сижу. После того как была озвучена причитающаяся за работу сумма, меня перестала волновать и должность горничной, и странности последнего получаса, да и все странности вообще.

Сорок пять тысяч... Сорок пять! Да я больше пятнадцати никогда не получала!

— О, — Кирилл сделал короткую паузу. — Разумеется, если такие условия вам подходят, и вы согласны у нас работать.

Я уже хотела выпалить, что согласна, но в следующую секунду меня кольнуло сомнением. Разве может обычная горничная получать так много? Откуда этот человек знает мое имя? И почему меня вообще привезли сюда на феноменальном летающем автобусе?

Вопросов было слишком много, и они все же перевесили жадность. Возникло чувство, что я — маленькая, доверчивая мышка, которую радушно приглашают идти прямо в мышеловку, где находится большой и привлекательный кусок сыра.

Видимо, все мысли выразительно отразились на моем лице, потому что Кирилл вновь улыбнулся и, внимательно на меня посмотрев, произнес:

— Ровно восемнадцать минут назад вы смотрели на звезды и просили о работе. Великий вас услышал и направил к нам, в Большой Дом, где как раз освободилась подходящая должность. Вероятно, сейчас многое кажется вам непонятным, но поверьте, со временем вы привыкните ко всем странностям. Вам выпал шанс решить многие из своих проблем, и на вашем месте я бы им воспользовался.

Звучало убедительно и неубедительно одновременно. Но единственное, что меня теперь волновало, это:

— Откуда вы знаете про звезды?

Мне подарили очередную улыбку и, проговорив «минуточку», перевели взгляд на монитор. По компьютерным клавишам застучали ловкие длинные пальцы, и через оговоренную минуточку Кирилл зачитал:

— Юлия Мартынова, двадцать лет. Окончила торговый колледж и три года работала по специальности. Однако работу свою никогда не любила, поскольку с самого детства мечтала стать иллюстратором. Всегда носит при себе папку с рисунками и любимый скетчбук, где рисует при любой удобной возможности. Список задолженных желаний: цветные карандаши, запрошенные в Новый год двухтысячного года, кукла как у подруги Лены в том же двухтысячном два раза, щенок лабрадора — это уже в две тысячи втором...

С каждым озвученным желанием, загаданным мной когда-то, я становилась все ближе к обмороку. Если бы Кирилл говорил о моем опыте работы, о фактах биографии, даже о семье, это не вызвало бы такой реакции. Но мои детские мечты и желания — те самые, потаенные, искренние, о которых не могла знать ни одна живая душа, кроме моей собственной...это было слишком.

— Остановитесь, — попросила потрясенная я, выставив перед собой руку.

Кирилл тут же замолчал и, оторвавшись от монитора, вновь на меня посмотрел.

Я молчала, тяжело дыша и усиленно стараясь не выпасть из реальности. В конце концов, мы ведь не в девятнадцатом веке, где молодые барышни по поводу и без повода падают в обморок и приходят в себя только лишь от запаха нюхательной соли. А у меня вообще психика устойчивая, и к стрессам я привычная, и к неожиданностям тоже...

Нет, к такому меня жизнь, определенно, не готовила!

В череду лихорадочных мыслей вписалась недавно увиденная сцена, где из старого полуразвалившегося здания выходит злющая, раздосадованная девица. Вероятно, как раз бывшая горничная, освободившая для меня место. И с чего бы она так спешила отсюда уйти?

А потом память услужливо подкинула напоследок сказанные кондуктором слова: «спасибо, что воспользовались трансфером лучшей перевозной компании духов».

Духов — с ударением на «у».

Мамочка моя родная и любимая...

Обуреваемая смятением и робкой надеждой на то, что ошибаюсь, я подняла глаза на Кирилла и глухо спросила:

— Скажите, а Большой Дом — что это за место?

— Это, — не отводя взгляда, ответил тот, — Одна из лучших гостиниц духов. Здесь останавливаются как духи, обитающие в этом мире, так и приходящие из других. Так что вы скажете, Юлия?

Выразительное постукивание пальцев по столу, не менее выразительный, направленный на меня взгляд и по-прежнему обаятельная улыбка:

— Согласны у нас работать?

Наверное, логичным было ответить «нет». И многие на моем месте именно так бы и поступили. Но я вспомнила о родителях, о маленьком Сашке и об обещанной зарплате. А еще подумала о том, что мне выпала возможность стать причастной к пусть пока непонятной и подозрительной, но все-таки сказке.

— Согласна, — ответила я и тут же зажмурилась, страшась сделанного выбора.

Почему-то в голову пришла мысль, что сейчас меня заставят подписать договор на древнем как мир свитке и расписаться кровью. Но вместо этого Кирилл извлек из верхнего ящика стола несколько листов обычной офисной бумаги, вставил их в принтер и распечатал такой же обычный контракт. Затем протянул его мне вместе с шариковой ручкой и предложением все проверить.

Собрав волю в кулак, а разлетающиеся мысли в кучку, я внимательно прочла документ. Все изложенное на нем было озвучено ранее с одной единственной поправкой: по контракту я была обязана проработать не менее года. Решив, что это не так уж и много, я глубоко вдохнула и уверенно поставила на нем размашистую подпись. Следом контракт подписал Кирилл, а увенчал наше соглашение шлепок круглой синей печати.

— Поздравляю с новой должностью, Юлия, — новый начальник улыбнулся еще теплее прежнего. — Надеюсь, работа у нас придется вам по душе.

А уж я-то как на это надеюсь! Но еще больше на то, что пожалеть о сделанном выборе не придется.

Поднимаясь из-за стола, Кирилл проговорил:

— Вчера мы закончили ремонт в холле, сегодня все получили выходной и разъехались. Поэтому Большой Дом вам покажут завтра, а пока я провожу вас до комнаты.

Я послушно проследовала за начальством на третий этаж, где мне указали на нужную дверь и вручили ключ. Затем попрощались, пожелали хорошего настроения, приятного отдыха и удалились.

Комната мне понравилась сразу. Небольшая, но светлая и чистая. В наличие имелась полуторная кровать, деревянный комод с подходящим по стилю зеркалом, стол и обещанный выход на балкон, у которого раскинулся огромный дуб.

Бросив на пол сумку, я вышла подышать свежим воздухом и, что называется, проветрить голову. Роскошная древесная крона закрывала практически весь обзор, но частично улица все-таки просматривалась. Я даже увидела женщину, стоящую у одного из окон соседней пятиэтажки. А еще возникло странное чувство, будто стоящую на балконе меня никому не видно. На миг даже показалось, что балкон окружает нечто прозрачное и мерцающее, надежно скрывающее меня от посторонних глаз.

Положив руки на перила, я глубоко вдохнула ночной воздух и, глядя на самую яркую звезду, выдохнула:

— Спасибо...

Постояв еще немного, отправилась в душ. Водичка полилась чистая и горячая, в самой ванной имелась пара полотенец, мыло и гель — все, как и полагается любому хорошему отелю.

Многострадальную сумку снова разбирать не хотелось, и ко мне закралась заманчивая мысль отложить это до завтра, но я не поддалась. То, что откладывается на завтра, у меня в лучшем случае выполняется через неделю. Так что долой лень!

Разложив и развесив все вещи, я с чистой совестью улеглась на кровать, прихватив скетчбук. Перекатившись на живот, раскрыла его и усталилась на незаконченный рисунок. Эту озорную рыжую девчонку я начала рисовать вчера вечером и застопорилась на руках. Уж сколько было прочитано книг, пересмотрено мастер-классов и видео уроков — без толку. Все равно всегда с ними мучаюсь, даже несмотря на упрощение и стилизацию.

Пребывая под впечатлением от всего случившегося, рисовать я не могла. Поэтому лишь пролистывала листок за листком и, смотря на старые работы, думала о другом. О том, как докатилась до полетов на автобусе, общения с девочками-оленятами и устройства на работу в гостиницу духов.

Взгляд задержался на рисунке монстрика. Это был милый монстрик — зеленый, круглый и пушистый, нарисованный год назад под вдохновением от просмотренного мультфильма. Наверное, как раз из-за любви к сказкам и фэнтези я и восприняла новость о существовании духов относительно легко. Сколько себя помню, меня всегда называли фантазеркой и неисправимой мечтательницей. По крайней мере, до тех пор, пока неинтересная работа не задушила меня рутиной. Только иллюстрации и спасали...

Сонливость накатила, когда циферки на дисплее телефона показали без пяти минут одиннадцать. Выключив висящий на стене ночник, я зарылась под тонкое, приятно пахнущее свежестью одеяло, и закрыла глаза.

Вот что ненавижу искренне и всеми фибрами души, так это когда ночью внезапно становится жарко! Вроде и спать хочется, и одеяло тонкое, а все равно начинаешь крутиться с боку на бок и никак не можешь провалиться в сон.

Раскрылась — не то, слишком прохладно.

Укрылась — тоже не то, слишком жарко.

Раскрылась наполовину и высунула из-под одеяла одну ногу — идеально...

А потом вспомнила про живущих под кроватью монстров. Тут же мысленно себя отругала: это в детстве их нормально бояться, а мне уже, на минуточку, двадцать лет! Под кроватью никого нет и быть не может. И нога моя никому не нужна. Никто и никогда меня за нее не схватит. И вообще, глупо думать, будто одеяло может служить для кого-то преградой. Можно подумать, какой-нибудь монстр или маньяк войдет в комнату, увидит, что я прячусь под одеялом, пожмет плечами и уйдет искать другую жертву.

Мысли кружили хороводом, и я медленно-медленно засыпала...

— Ты это видишь, бро? — снился мне чей-то низкий голос.

— Вижу, бро, — отвечал ему другой, похожий на мультяшный.

— Хватаем, бро?

— Хватаем, бро!

Вслед за этим моей пятки коснулось что-то мягкое, и стало очень щекотно. Я машинально дернула ногой, и пятку обхватили крепче.

Сон слетел моментально, буквально в один миг! Одна перепуганная новоявленная горничная резко открыла глаза, и уже в следующую секунду гостиницу сотряс ее громкий крик! Орала я недолго, но во всю мощь голосовых связок, и пока из груди не вышел весь воздух.

Видно, напуганные таким звукоизвлечением, отпустили меня так же в один миг, а дальше под кроватью послышался шорох. Мне стало нехорошо. Очень-очень нехорошо.

Резко сев и подобрав под себя ноги, я дотянулась до выключателя, и комнату озарил неяркий желтый свет. Вооружившись блокнотом, горящим мобильником и сдвув упавшую на лоб прядь, я медленно подползла к краешку кровати. Замерла. Встала на ноги. Собралась с духом, с силами и резко спрыгнула, стараясь оказаться как можно дальше.

— Там никого нет, там никого нет, — как мантру повторяла я про себя, опускаясь на колени и намереваясь заглянуть под кровать.

Смотреть туда было чертовски, просто до одурения страшно! Но я хотела убедиться, что некто, ухвативший меня за ногу, — всего лишь игра подкрепленного странностями реальности воображения.

— Там! Никого! Нет! — уверено произнесла еще раз и, протянув вперед мобильник, посмотрела под кровать.

Далее произошло несколько вещей. Во-первых, рука дрогнула, и телефон упал на пол. Во-вторых, два довольно крупных пушистых чуда попытались выскользнуть из-под кровати и проскользнуть к двери, но у них не вышло. А не вышло, потому что, в-третьих, я опять заорала.

Чуды упали на меховые пятые точки, воззрились на меня огромными, на выкате глазами и, дождавшись, пока я проорусь, синхронно выдали:

— Дратути.

Наверное, если бы не окончательно покинувший меня дар речи, я бы заорала еще разок. Но вместо этого лишь открывала и закрывала рот, продолжая держать наперевес блокнот и готовиться к самообороне.

— А чего она не здороваается, бро? — не отрывая от меня взгляда выпученных глаз, поинтересовался обладатель мультяшного голоса.

— Не знаю, бро, — отозвался низкоголосый. — Зато пугается, как положено.

Еще с полминуты я продолжала изображать выброшенную на берег рыбу, а после с придыханием спросила:

— А вы...кто...такие?

Чуды переглянулись и, снова на меня уставившись, одновременно ответили:

— Подкроватьные монстры мы. Ты о нас вспомнила, вот мы и пришли.

— А я и раньше о вас вспоминала, — зачем-то поделилась я. — Чего в прежние времена не приходили?

— Так мы, в смысле собратья наши, приходили, наверное, — отозвался мультяшный. — Только ты нас не видела.

— Ага, — задумчиво кивнула я, как будто мне что-то стало понятно. — А вы это... выйти из-под кровати можете?

Спросив, тут же отползла назад, спешно поднялась на ноги и замерла, все еще удерживая несчастный блокнот. Когда чуды выползли на свет, оказалось, что они не такие страшные, какими мне представлялись в полумраке, а где-то даже милые. Тот, что говорил низким голосом, был толстым и полностью покрытым темно-фиолетовой шерстью, имел огромные руки-лапы и такие же огромные когтистые ноги. Другой отличался синим цветом шерсти, ярко-желтыми глазами и

крошечным, сложенным в трубочку ртом.

Рассмотрев подкроватных монстров во всей их ужасной красе, я поинтересовалась:

— Хорошо, из-под кровати вышли. А из комнаты можете?

Парочка переглянулась, вздохнула и понуро поплелась к двери. Затем обернулась, бросила на меня обиженные взгляды и неожиданно растеклась по полу, после чего проскользнула в щель между дверью и полом.

Впервые в жизни реакция организма, выражающаяся в повышенной сонливости во время стресса, оказалась как нельзя кстати. На этот раз я заснула быстро и сразу. Даже несмотря на жару из-за натянутого до самых глаз одеяла.

## Глава третья, В которой коты носят чемоданы, а с монстров пищутся портреты

Проснулась я рано и этому факту очень обрадовалась, поскольку накануне забыла завести будильник. По паркету и бежевым обоям прыгали солнечные зайчики, навевающие теплоту и дарящие прекрасное настроение.

Утро, начинающееся с кофе — хорошее утро. А утро, начинающееся с солнца — просто отличное!

Вскоре в комнату вошла девушка, которой на вид можно было дать лет двадцать пять.

— Извини, что без стука, — бросила она, явно ничуть не раскаиваясь по этому поводу. — Я принесла твою форму.

Передо мной положили выглаженное красное платье длиной примерно до колена и белый передник. В общем и целом, типичная форма типичной горничной. Только цвет яркий.

— Здесь туфли, — поставив на пол обувную коробку, девушка протянула мне руку и представилась: — Алена.

— Юлия, — я ответила на рукопожатие и решила сразу прояснить: — А ты тоже дух?

Не сводя с меня скептического взгляда, Алена надула пузырь из жвачки, и когда тот лопнул, усмехнулась:

— Не-а.

Только я мысленно выдохнула и обрадовалась компании нормального человека, как она огорошила:

— Медиум. Посредник между людьми и духами. Слабый правда, поэтому только на роль горничной и гожусь.

Не удержавшись, я рассмотрела ее внимательнее, но так и не заметила ничего странного или сверхъестественного. Черные кудрявые волосы до плеч, красный обруч, довольно приятное лицо. Ноги худые и немного кривоватые, стандартная форма горничной и черные балетки. Словом, на вид самый обычный среднестатистический человек!

— Как соберешься, приходи на кухню, — велела Алена, выходя за дверь. — Только через ресторан не вздумай идти, войдешь через черный ход!

О том, где именно находится кухня, я спросить не успела. Но, решив, что отыскать ее не составит особого труда, принялась готовиться к первому рабочему дню. Умывшись, облачилась в выданную форму, которая подошла идеально, как и обувь. Волосы я собрала в привычный высокий хвост, немного подкрасилась и, довольная своим внешним видом, отправилась добывать завтрак.

Предположив, что ресторан может находиться на первом этаже, я спустилась вниз. Во всяком случае, именно там он располагался в той гостинице, где я жила последние две недели. В дневном свете гостиница виделась еще симпатичнее, чем вчера. Она оказалось очень светлой, с иногда встречающимися яркими акцентами. Такими, как красные напольные вазы, цветы и ковровые дорожки.

Дойдя до конца коридора, я наткнулась на ведущую вниз лестницу. Хм...цокольный этаж? Вряд ли там может располагаться ресторан. Уже разворачиваясь в намерении уходить, я внезапно уткнулась во что-то твердое. Ойкнув, отступила на шаг назад и едва не полетела вниз по лестнице, в последнюю секунду успев ухватиться за перила и сохранить равновесие.

Чем-то твердым, к моему величайшему изумлению, оказалась мужская грудь. Собственно, ее обладатель стоял прямо передо мной и сурово взирал с высоты своих не менее ста восьмидесяти сантиметров.

Я успела отметить светлые, лежащие в беспорядке волосы, висящий на цепочке медальон и черный плащ, прежде чем мужчина с сомнением спросил:

— Человек?

— Новая работница, — прозвучало тихо и несколько жалко, за что я мысленно надавала себе оплеух.

Мужчина окинул меня быстрым взглядом с ног до головы и, явно обратив внимание на униформу, хмыкнул:

— А, прислуга.

Я смотрела на эти как минимум сто восемьдесят и тихо зверела. Нет, по сути-то он правильно сказал. Но самое главное — как он это сказал. Словно я букашка какая-то, таракан безродный... монстр подкроватный!

Пока я силилась найти подходящие слова, а после искала смелость, чтобы их высказать, черный плащ бесцеремонно оттеснил меня в сторону и принялся спускаться по лестнице. Смотреть на целых сто восемьдесят сверху вниз было довольно приятно.

— А вы не подскажете, где здесь ресторан? — все-таки решилась крикнуть ему вдогонку, и крикнуть совсем не то, что собиралась.

— Конец коридора левого от центрального входа, — не оборачиваясь, ответил мужчина, и я тут же простила ему пренебрежительное «прислуга».

Направляясь по указанному маршруту, я даже не предполагала, насколько крупно меня подставили. И насколько мелкая у некоторых совесть, если таковая у них вообще имеется.

В конце обозначенного коридора действительно находилась дверь, в которую я и вошла. А, войдя, тут же оторопела и не сразу поняла, куда попала. Это была небольшая, лишенная окон комната, и оттого — очень темная. Сперва показалось, что в ней никого нет, но уже вскоре в темноте загорелись большие желтые глаза, и показалась чья-то разъявленная, с меня размером пасть. Увидев это, я рывком закрыла дверь и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Даже думать не хотела, что это было за существо!

— Ресторан там, как же, — мысленно возмущалась я. — Только если закуска — я!

Уточнив месторасположение ресторана у стоящего на ресепшене администратора, которым, к слову, тоже являлся обычный с виду человек, я пошла в указанном направлении. Ресторан все-таки находился на первом этаже, и на сей раз мне удалось его отыскать довольно быстро.

В то время как я переступала порог кухни, Алена уже заканчивала завтракать. Помимо нее здесь не было ни души... точнее, это вначале я так подумала. И думала вплоть до тех пор, пока передо мной — присевшей за столик, не опустились ложка с вилкой, тарелка с омлетом и беконом, а так же чашка кофе, увенчанная шапочкой взбитых сливок.

— Знакомься, это Вилли, — представила Алена невидимку. — Наш шеф-повар и по совместительству дух специй. Какие он пряные кексы делает, закачаешься! За ужином попробуешь.

— П-приятно познакомиться, — с запинкой пробормотала я, неотрывно глядя на движущиеся в воздухе белые перчатки, передник и поварской колпак.

— Ты быстрее ешь, — поторопила меня Алена. — Смена вот-вот начнется, а у нас тут все строго по расписанию.

Во время ускоренного поглощения умопомрачительной, надо отметить, пищи, я расспрашивала Алену об особенностях нашей работы и местных постояльцах. Это волновало в первую очередь. С ее слов, персонала здесь было совсем немного. Горничных имелось три: сама Алена, некая Аня, у которой сегодня выходной, и я. Мои умозаключения оказались верны, и девица, с которой довелось столкнуться вчера, являлась бывшей горничной. Да к тому же потомственной ведьмой. Администратор, которого мне уже довелось увидеть, был медиумом.

— Только гораздо более сильным, — добавила Алена, мечтательно возведя глаза к потолку.

Я тут же сделала себе заметку: никогда и ни при каких обстоятельствах не флиртовать с симпатичным брюнетом. Мало того, что служебные романы и так нигде не приветствуются, так еще и Аленка, кажется, неровно к нему дышит.

— Ну и конечно, хозяин, — попытожила Алена. — Кирилл у нас самый главный, и он — маг. Говорят, пришел сюда около двухсот лет назад из другого мира, но вот из какого именно, никто точно не знает.

После ее слов воздух рядом со столиком подозрительно завибрировал: к нам подлетел шеф-повар. Судя по расположению белых перчаток, он сложил руки на груди, а, судя по источаемой энергии — сложил в недовольстве.

— А, ну и Вилли, конечно, — охотно добавила Алена. — И еще некоторые мелкие духи, но они скорее на подработке, и мы с ними особо не контактируем. Запомни, твоя задача убирать, стараться оставаться незаметной и лишней раз не заговаривать с постояльцами. Да, и еще. Самое сложное это убирать и подготавливать бани, но этим мы занимаемся втроем одновременно, плюс нам подсобляют духи-помощники. В остальном работа вполне сносная.

Алена скосила глаза на настенные часы и резко поднялась с места:

— Так, все. Завтрак окончен. Что не съела, то протухло!

Схватив под руку, она заставила жующую меня встать из-за стола и потащила за собой. Мы выбежали в коридор, откуда стремительно направились к подсобке. Мне была всучена швабра, ведро и перчатки, а так же объяснено, с чего начинать.

Собственно, начинать предполагалось с уборки холла. Набрав воды и надев выданные перчатки, я взялась за дело. Изначально мне было непонятно, что здесь можно убирать, если холл с самого утра блистал чистотой. Но как только я сюда вернулась, обнаружила на глянцевом паркете некрасивые грязевые разводы. И вот спрашивается, откуда? На улице дождя как минимум полмесяца не было!

Пока я драила полы, мимо несколько раз проходили постояльцы, так что оставаться незамеченной у меня получалось плохо. И вообще-то, в том не было моей вины: как расписание составили, так и работала.

Где-то через час, когда мне следовало подняться этажом выше, входная дверь пришла в движение и, посмотрев в открытый дверной проем, я опешила. Даже мокрую тряпку из рук выронила, и та упала в ведро, наделав кучу брызг. Причиной моему изумлению была вовсе не входящая в гостиницу девушка (хотя и она тоже), а находящийся позади нее вид. Вместо городской улицы там виднелось поле с белой, покрытой инеем травой, и такое же белое небо, с которого сыпался снег.

Вошедшая девушка, являющаяся обладательницей длинных белоснежных волос, белоснежных же кошачьих ушек и пушистого полусубка, едва ли обратила на меня внимание. Поистине царственной походкой прошествовав до ресепшена, она величественно кивнула администратору, и тот тут же рассыпался в любезностях.

А мне пришлось снова протирать пол, потому как изящные сапожки оставили на нем мокрые лужи. И, к слову, не только сапожки, но и кошачьи лапы. К своему повторному изумлению я заметила, как следом за новой постоялицей просеменили четыре милейшие белые кошечки, лапки которых знатно наследили на только что вымытом паркете. Над каждой из кошечек летел белый чемодан, габаритами превышающий их всех вместе взятых. И после того, как администратор заполнил необходимые документы, кошки вместе с чемоданами проследовали за своей хозяйкой наверх.

Чудеса, да и только...

Когда они скрылись из виду, я бросила на администратора быстрый взгляд и, делая вид, что тщательно убираю, незаметно подошла к двери. Прямо-таки руки чесались ее открыть! Пойдя на поводу у этого желания, я надавила на ручку и робко высунулась наружу.

Взгляду предстали обыкновенные скучные многоэтажки, заасфальтированная улица и пестрящий выбоинами тротуар. Где-то сиротливо орал кошка, явно не имеющий отношения к причудливым белоснежным кошечкам, а неподалеку женщина с кислой миной обмахивалась газетой и предлагала прохожим купить мороженое.

Остаток рабочего дня прошел на удивление спокойно. Я занималась делами, наводя в гостинице чистоту и оттачивая навыки невидимки. За все это время успела навидаться самых разных духов, некоторые из которых выглядели вполне безобидными, а некоторые так, что хотелось бросать швабру и убегать подальше. К числу последних относился гигантский толстяк невнятного пола и невнятного вида. Он чем-то походил на слона, ходящего на задних лапах и имеющего маленькие, практически незаметные уши. А еще три рога — два торчали на макушки, а один, особо длинный — на лбу. Именно в номере этой помеси слона с носорогом я прибиралась, когда он неожиданно и раньше положенного вернулся с обеда.

Быстренько поправив на кровати покрывало и скомкано извинившись, я попыталась прошмыгнуть в коридор, но постоялец преграждал мне путь своим крупногабаритным телом.

— Прошу прощения, — пискнула я, протискиваясь вдоль по стеночке. — Не могли бы вы...

Вместо того чтобы посторониться, дух издал невнятный мычащий звук и еще больше меня прижал. После чего невнятный звук издала уже я, начав задыхаться от нехватки кислорода.

— Уф-ф-ибо, — промычали, обращаясь ко мне.

По-видимому, это невнятное «уф-ф-ибо» переводилось как «спасибо», и я даже нашла в себе силы выдать:

— На здоровьечко...

А затем, поднапрягшись, все-таки сумела высвободиться из плена зажимающей меня туши и

выскользнуть в коридор. Правда, швабра застряла, и пришлось приложить немало сил, чтобы спасти от незавидной участи быть раздавленной еще и ее.

— И это вот духи?! — в ужасе возмущалась я, несясь на первый этаж. — Лучше бы они были нематериальными и умели проходить сквозь стены!

Впрочем, как мне вскоре пришлось убедиться, становиться нематериальными они умели очень хорошо, только не считали нужным делать этого в гостинице. Более того, в Большом Доме такой привилегией обладали только упомянутые Аленой духи-помощники, а для остальных это являлось проявлением дурного тона.

Целый день входная дверь не закрывалась, пропуская все новых и новых гостей. Из-за ремонта их всех выселили на одну неделю, а теперь они возвращались обратно.

Вечером, после того как в гостиничном ресторанчике были накрыты столы, мы с Аленой тоже пришли на кухню, чтобы поужинать. Обед выдался скромным, я была зверски голодна и на еду буквально набросилась.

И все-таки Вилли поистине мастер специй! Такой сочной свинины под пряной корочкой я не ела ни разу в жизни, а уж фирменные кексы...за такую вкусноту можно умереть!

— Ну, как первый рабочий день? — поинтересовалась Алена, отхлебнув холодный зеленый чай.

— Ты знаешь, вполне сносно, — проговорила я, уплетая второй по счету кекс. — Только странно все, непривычно пока. Вот, например, само расположение гостиницы. Сегодня к нам заселялась...э-э-э... не знаю, как правильно назвать...белая девушка-кошка. Так вот, когда она входила, я увидела за ее спиной заснеженное поле. А потом, когда выглянула на улицу — снова наш родной город. Как так?

Отставив чашку, Алена отправила в рот неизменную мятную жвачку и, разжевав ее, пояснила:

— Духи приходят к нам из разных миров. Как правило, в параллельных мирах появляется соответствующая дверь, войдя в которую они попадают к нам. Ведь Большой Дом — это не только гостиница для духов, но еще и проход между мирами. Таких гостиниц в нашей стране всего две, а по всей Земле что-то около двадцати.

Я мысленно присвистнула: не так уж и много. Но, сколько ни пыталась, все равно не могла понять принцип работы этих дверей и осознать существование множества миров. Да и задумываться об этом не слишком-то хотелось. Работа есть, жилье есть, деньги платят, а остальное не имеет значения.

— Слушай, я вот еще что спросить хотела, — подавшись вперед, я зачем-то понизила голос до полусшепота. — А что это за существо такое обитает в темной комнате, последней по левому коридору?

Алена несколько раз непонимающе моргнула, надула пузырь, после чего хмыкнула:

— А, ты о Котике? Что, уже успела к нему наведаться?

Я чуть с табуретки не упала и неверяще переспросила:

— Котике?

— Ну да, Котике, — ничуть не смутилась моей реакцией Алена. — Это дух-хранитель Большого Дома. Люди таких как он все чаще домовыми называют.

Только я собралась расспросить об этом подробнее, как ощутила позади себя чье-то присутствие. Очередной жвачный пузырь звучно лопнул, и Аленка, вмиг подобравшись, с улыбкой приветствовала:

— Добрый вечер, Герман.

Германом оказался тот самый бессовестный тип, который вместо кухни отправил меня в комнату к Котику. Скользнув по мне беглым взглядом, он подошел к колдующему над большой кастрюлей повару и выразительно побарабанил пальцами по крышке стола.

Заметив его, Вилли тут же оторвался от своего занятия, подлетел к холодильнику и извлек оттуда несколько сырых бараньих ног. Как такие огромные куски мяса поместились в достаточно скромный по размерам холодильник, я не поняла, но предположила, что это снова магические штучки.

Пока Герман переключал мясо в большой мешок, я беззастенчиво его рассматривала. Странно, но возникло такое чувство, будто мы уже прежде встречались. И не здесь, не около лестницы, а

гораздо раньше. Резкие черты лица казались смутно знакомыми, но я списала это на разыгравшееся воображение.

Когда Герман, как заправский не то охотник, не то викинг перекинул мешок с мясом через плечо и удалился из кухни, я тут же принялась расспрашивать о нем Алену. Мой кучерявый, жующий жвачку справочник устал выдавать сведенья и делал это с большой неохотой.

— Герман — безликоборец, — подперев подбородок рукой, со скучающим видом сообщила Алена. — Безликие — это такие сущности, которые не имеют определенной формы и пожирают других духов, а иногда и людей. Таких, как Герман, очень мало, и им приходится туго, потому что безликих великое множество. И если в нашем мире ситуация более менее нормальная, то в других дела обстоят хуже.

Поднапрягшись, я вспомнила, что уже слышала о безликих от девочки-олenenка, с которой летела на автобусе.

— А мятные леденцы как-то от них защищают? — спросила я, припомнив сказанные ею слова.

— Не леденцы, — возразила Алена. — Мята. Безликие не могут видеть, они только чуют. А эта травка хорошо сбивает их с толку.

Дальнейшие расспросы пришлось отложить на потом, так как Алена отвечать отказалась, сославшись на усталость. Я же мысленно сделала заметку номер два: в ближайшее время последовать ее примеру и обзавестись мятными жвачками. А еще пить как можно больше мятного чая. И вообще свежую мяту почаще есть — как оказалось, она произрастала прямо во внутреннем дворе гостиницы.

Вернувшись к себе в комнату, я с удовольствием переделалась в шортики с майкой и, с ногами забравшись на кровать, включила ноутбук. Проверила соцсети, повздыхала над отсутствием новых сообщений и, включив музыку, засела за рисование. Любовно разложила перед собой цветные маркеры, карандаши, привычно провела по ним кончиками пальцев и взялась за дело.

Дорисовать руки на позавчерашней иллюстрации получилось быстро. Результатом я осталась довольна и сразу же приступила к созданию нового рисунка. Хотелось нарисовать что-нибудь такое...этакое!

Когда уже было принято решение изобразить очередную милую девчушку, из-под кровати донеслись знакомые голоса:

— Что она делает, бро?

— Рисует, бро.

И тут мне в голову пришла потрясающая идея. Велев подкроватным выползть на свет, я еще раз внимательно к ним пригляделась. Чуды были своеобразными и очень колоритными. Такими, что пальцы сами обхватили карандаш и принялись выводить на бумаге набросок.

— А теперь что она делает, бро? — снова спросил фиолетовый.

— Теперь нас рисует, бро, — мультяшным голосом отвечал ему синий.

Чуды мгновенно приосанились, выпятив вперед меховые животы.

И вот на бумаге появились две стоящие бок о бок фигурки: толстенькая и худая. Постепенно они дополнялись деталями, обзаводились глазами и ртами, большими лапами и ворсинками меха...

Чуды позировали как профессиональные натурщики. Стояли, не шелохнувшись и лишь изредка переглядываясь, да обмениваясь короткими фразами.

— А чего она язык высунула, бро?

— Должно быть, от усердия, бро.

Ну да, есть у меня такая не очень красивая привычка, от которой никак не могу избавиться.

Пожалуй, эта была одна из самых быстрых моих иллюстраций, которая к тому же, полностью меня удовлетворила. После ее завершения подкроватные выказали желание посмотреть на себя любимых и, увидев портреты, пришли в полный восторг. Меня даже простили за то, что вчера так бесцеремонно их выставила.

— Только одно плохо, бро, — вздохнул синий, почесав нос.

— Что, бро? — тут же встрепенулся другой.

— Она нас теперь бояться не будет.

И две пары глаз уставились на меня со смесью робости и надежды.

— Ну да, — подтвердила их опасения я, аккуратно пристраивая блокнотик на стол. — Но ничего плохого в этом не вижу. А если вам все же так хочется, чтобы вас боялись, могу заверить, что ногу из-под одеяла из-за страха, что вы схватите, высовывать не буду.

Чуды просияли и тут же сникли.

Я удивилась:

— Что опять не так?

— Так это, — промямлил фиолетовый. — Мы же пугать должны. А кого пугать, если все люди интуитивно нас чувствуют и ноги прячут?

Вот так задачка. Они бы хоть сами определились с тем, что им на самом деле нужно. Чтобы поднять чудам настроение, я подарила им сделанный рисунок, чем они остались крайне довольными.

Сегодня из комнаты монстрики не выплывали, превращаясь в невнятную лужицу, а выходили пританцовывающей походкой. А синий при этом с гордостью держал рисунок на расстоянии вытянутой руки и не переставал им любоваться.

— Пойдем похвастаемся, бро!

— Пойдем, бро!

И чуды ушли, тихо прикрыв за собой дверь.

## Глава четвертая, В которой желе наносит удары, а нахалы летают на змеях

Этим утром меня разбудил идущий с улицы шум. И будь это гул проезжающих мимо машин или вопли дебоширов я бы продолжила спать, дожидаясь звона будильника. Но долетающие до меня звуки были не очень громкими, странными и навевающими смутную тревогу.

Присев на кровати, я зевнула и, силясь не закрывать глаза, вышла на балкон. Немного перегнулась через перила, глянула на улицу, и весь сон тут же слетел. Увиденное повергло меня в такой шок, что я едва не свалилась вниз!

Прямо перед гостиницей мелькали неясные полупрозрачные штуки, похожие на человекообразное желе. Их было порядка десяти, и они окружали тяжело дышащего Германа. Тот в свою очередь пытался одновременно и отмахиваться, и обхватывать желе руками. Если Герману удавалось его сжать, то желе лопалось, разваливаясь на мелкие куски, которые в следующую секунду бесследно исчезали.

Я продолжала оторопело смотреть на разворачивающуюся под окнами сцену до тех пор, пока не заметила на рубашке Германа бурые пятна. Я всегда боялась крови, и в первый момент перед глазами поплыло, но уже в следующий мне удалось взять себя в руки.

Не задумываясь над своими действиями, выбежала из комнаты и бросилась вниз. Наверное, следовало позвать кого-нибудь на помощь, но я была слишком шокирована, чтобы мыслить трезво. Все, о чем думала: человек ранен и ему требуется помощь.

Больше всего я боялась, что когда открою дверь, окажусь в каком-нибудь параллельном мире, но, к счастью, обошлось. Выскочив на улицу, я побежала прямо к Герману, который в это время добивал оставшихся безликих. То, что это именно безликие, я поняла еще в тот момент, когда впервые их увидела.

Безликоборец сжал последнего, и тот повторил судьбу собратьев, разлетевшись на неопрятные, колышущиеся куски, в следующее мгновение растекшиеся по асфальту. Тяжело дыша, Герман привалился к столбу забора и только теперь заметил прибежавшую на подмогу меня.

— В Доме не сидится? — прищурившись, хмуро спросил он.

— У вас...у вас кровь, — проигнорировав вопрос, пролепетала я. — Нужно кого-нибудь позвать! Врача, или...

— Никого звать не надо, — с мрачным спокойствием возразил Герман, и всякое желание спорить тут же пропало.

Но вот желание оказать помощь — нет. Герман был бледным и заметно пошатывался, а светлая рубашка все сильнее пропитывалась кровью. В который раз за последнее время собрав волю в кулак, я решительно приблизилась и, подставив плечо, велела:

— Обопритесь.

А вот на этот раз спорить не стал уже Герман и послушно выполнил требуемое. Помогая ему подниматься по полуразвалившимся ступеням, я спросила, в каком номере он живет, на что получила исчерпывающий ответ: вниз по лестнице. Хотелось верить, что на этот раз он не врет, и мы действительно придем в его комнату, а не как какому-нибудь...Котику.

Время было раннее, все постояльцы, как и персонал, еще спали. В гостинице стояла тишина, которую нарушал только стук наших шагов и хриплое дыхание Германа. Выглядел он откровенно неважно, и меня это сильно беспокоило. Спустившись по той самой лестнице, мы оказались перед одинокой дверью, войдя в которую, попали во вполне обычную комнату. Единственное, что отличало ее от остальных — это небольшие оконца, расположенные под самым потолком.

Уложив Германа на кровать, я хотела было включить свет, но он не позволил.

— Спасибо, — сухо поблагодарил, чтобы тут же сказать грубость: — Теперь можешь проваливать.

Я бы и рада, но совесть не позволяла. И ведь понимала, что толку от меня немного, и раз безликоборец говорит уйти, значит, необходимо послушаться. Но у неожиданно проснувшейся совести было свое мнение на этот счет, и она, вопреки здравому смыслу, заставляла меня задержаться.

— Какое из слов во фразе «можешь проваливать» тебе непонятно? — уже злее спросил Герман. — Твое присутствие меня раздражает, а ты сама бесполезна, поэтому нечего стоять здесь столбом!

Совесть получила крепких тумачков от гордости, и, развернувшись, я направилась к двери. Да,

пожалуйста! Очень мне хотелось помогать всяким истекающим кровью хамам!

Только моя рука легла на дверную ручку, как с кровати донесся глухой, полный боли стон.

Я на миг замерла. Мысленно выругалась. Отпустила ручку и стремительно приблизилась к стоящей рядом с кроватью тумбочке. Возникло подозрение, что в таком состоянии Герман возвращается в гостиницу не в первый раз, а значит, где-то здесь должна быть аптечка. Пройгнорировав полетевшие в мою сторону неллицеприятные эпитеты, провела быстрый обыск и в итоге нашла искомое. Я вообще к чужому недовольству устойчивая.

Когда я, вооружившись бинтами, ватой, перекисью водорода и тазиком набранной в ванной воды присела на кровать, Герман отвернулся. Кажется, он если не смирился, то принял мое присутствие как неоспоримый факт. Вот так-то лучше.

Аккуратно, заставляя пальцы не дрожать, я расстегнула рубашку и помогла Герману присесть. Затем стянула с него этот пришедший в негодность предмет одежды и снова заставила лечь.

Рана на груди была небольшой, но достаточно глубокой и, похоже, ее оставили длинные когти. На левом плече виднелась еще одна, но уже гораздо менее глубокая, которую с легкостью можно было назвать не более чем царапиной.

В последний раз я занималась перевязками в школе на курсе медицинской подготовки. И, надо сказать, как образцовая девочка, всегда справлялась с заданиями на отлично! Правда, там мы с одноклассницами перебинтовывали друг друга, ран на нас не было, и крови — тоже...

Обрабатывая раны, я представляла, что снимаюсь в кино, и рана с кровью — это всего лишь грим. Возможно, глупо, но зато действовало.

Герман оказался товарищем выносливым и во время перевязки не проронил ни звука. Даже стонать перестал. Лишь один раз, когда я только приступала к делу, не поворачивая головы, спросил:

— Ты хоть когда-нибудь это делала?

— У меня пятерка по медицинской подготовке была! — тут же отчиталась я.

— Ясно, — прозвучало до того скептически, что рядом с уже имеющимися ранами захотелось нанести еще одну. Поглубже.

Закончив делать из хмурого страдальца мумию, я прибралась, вернула аптечку на место и вылила красноватую воду. Уже опустив тазик на пол, схватилась руками за раковину, посмотрела на себя в зеркало и обнаружила, что я такая же бледная, как Герман. А может, еще и бледнее него.

Меня накрыла запоздалая дрожь, к горлу подкатила тошнота, и перед глазами потемнело. Боюсь я крови, до одурения боюсь, даже если палец режу — все, нервы и истерика. И с чего вдруг вздумала ему помогать? И самое главное, как вообще оказалась на такое способна? Сама от себя таких подвигов не ожидала...

Немного постояв и придя в себя, я вышла из ванной и снова подошла к кровати, желая убедиться, что Герману не стало хуже. Хуже не стало! Более того, безликоборец соизволил на меня посмотреть. Мы молча сверлили друг друга глазами, и во мне снова всколыхнулось чувство, будто я уже видела его раньше.

— Слушайте...а мы раньше нигде не встречались? — спросила я, не в силах сдержать самовольно слетающий с языка вопрос.

Выразительно заломив бровь, Герман еще несколько мгновений помолчал, после чего иронично бросил:

— Мы уже прошли этап первого знакомства.

Это...это на что он сейчас намекнул?!

Не дожидаясь очередных подколов, я стиснула зубы, пожелала скорейшего выздоровления и возвратилась к себе. До смены времени оставалось предостаточно, но мне еще предстояло привести себя в человеческий вид. После внепланового лечения походила на самого настоящего призрака, разве что не просвечивалась.

Приняв душ, я нанесла на волосы любимые ароматные масла и, следуя неизменному ритуалу, принялась их сушить, наклонив голову. Свои волосы я любила, всячески оберегала и никогда не сушила феном. Как следствие, зачастую опаздывала, ибо не ходить же с мокрой головой. Волосы — это вообще травма юности. Когда-то додумалась осветлиться до платиновой блондинки и так их испортила, что долгое время они походили на сухую солому. Это уже потом взялась за ум и стала

правильно за ними ухаживать. Только покрасила еще разок — в красивый карамельно-медовый оттенок, который до сих пор поддерживала.

Я старательно отвлекала себя незначительными и глупыми мыслями, чтобы не возвращаться к событиям этого утра. Ни к чему, совсем ни к чему вспоминать о страшном желе и грубияне, его уничтожившем! Лучше подумать, что с первой зарплаты смогу отправить деньги родителям, купить Сашке одежду к школе, а себе — маркеры, о которых давно мечтала. И цветные линзы заодно. Всегда хотела иметь цветные глаза, но природа одарила светло-кариими.

Входя в кухню, я обнаружила, что Алены здесь еще нет. Повар колдовал над завтраком, со скоростью света жаря тонкие блинчики и шинкуя клубнику.

— Доброе утро, Вилли, — улыбнулась ему я, присаживаясь за столик.

Тот на миг остановился, перчатка приподняла колпак в знак приветствия, и повар вернулся к приготовлениям. Стрелки настенных часиков мерно тикали и сообщали, что до смены еще целый час, и я пришла слишком рано.

Немного посидев на кухне и решив, что время до завтрака можно провести с пользой, я решительно направилась к выходу из гостиницы. Только не центральному, а ведущему на задний дворик.

Дверь снова приоткрывала робко, но опасалась я зря. Большой Дом выпустил меня куда нужно, и я попала в красивый зеленый сад. Здесь росли фруктовые деревья — большие и поменьше, которые служили своеобразной стеной между гостиницей и остальным городом. Я точно не знала, видели ли эту красоту простые, спующие за забором люди, но была склонна думать, что нет.

Здесь же имелся небольшой огород, к которому я и направилась. Среди прочей зелени виднелась мята, источающая приятный свежий аромат. Этой травы по понятным причинам здесь росло много. Нарвав несколько толстых пучков, я подумала, что стоит развесить их по своей комнате. Конечно, вряд ли безликие могут так просто проникнуть на территорию гостиницы, но меры безопасности лишними не бывают.

Утро сегодня было замечательным, и я не смогла не задержаться в саду. Солнце уже светило вовсю, под его лучами переливались капельки росы, разбрызганной по короткой травке. И небо такое полетному чистое, голубое, украшенное пуховыми облаками...Только бери и рисуй.

Хотя, нет. Всяких чуд рисовать интереснее. Я вообще не особо продвинута в изображении природы и нацелена исключительно на персонажей.

Когда вернулась в кухню, за столиком уже сидела Алена и еще одна девушка в форме горничной.

— Аня, — представилась миниатюрная блондинка, дружелюбно улыбнувшись.

— Юля, — привычно ответив такой же улыбкой, я села напротив и в очередной раз с надеждой спросила: — Человек?

Милейшее создание потупило взгляд, потрепало кончик белокурой косы и тоненьким голоском выдало:

— Ведьма. Потомственная. В седьмом поколении.

Наверное, весь испытываемый диссонанс отчетливо отразился на моем лице, потому что Алена засмеялась. Вилли в это время опустил перед нами тарелки со свежими блинчиками под ягодным соусом и зеленый чай. Мне правда, подал кофе, но я тут же попросила заменить.

Этим утром окончательно осознала важную истину: мяты много не бывает!

А уже вечером у меня снова был сеанс рисования, причем ситуация вышла довольно забавной. Как только я взяла блокнот с карандашом и вознамерилась оттачивать мастерство, дверь приоткрылась, и в щелку протиснулись подкроватные. Притом явились они не одни. За ними в комнату вошло существо, очень похожее на крупного белого цыпленка. Только вместо клюва у него почему-то была морковка, а глаза напоминали мелкие черные пуговики. Цыпленок передвигался на непропорционально длинных, очень тонких ногах, непонятно как удерживающих увесистое круглое тельце.

— Уи-уи! — пропищал он, просеменив к кровати.

— Хочет портрет, — синхронно перевели для меня чуды.

Во все глаза смотря на этого недоцыпленка, я тихонько поинтересовалась:

— Ребят, а это вообще кто?

— Уи-уи! — снова пропищал тот.

— Дух-помощник, — тут же перевели монстры. — Портрет очень-очень хочет.

Цыпленок сделал еще несколько шажков вперед, и вся троица в ожидании на меня уставилась.

Портрет, значит? Очень-очень, говорите? Пока мозг пытался все это переварить, пальцы уже обхватывали карандаш и подносили его к бумаге.

Рисовать цыпленка было совсем несложно. Персонажем он был характерным, колоритным и крайне занимательным. Только, в отличие от подкроватных, позировал из рук вон плохо. Все время крутился, демонстрируя умение поворачивать голову на триста шестьдесят градусов, и тихо попискивал.

Я так воодушевилась, что даже применила новую технику использования карандашей и маркеров. Заодно опробовала новый, еще ни разу не использованный лайнер. (Вот куда все деньги уходят!)

Увидев готовый портрет, дух-помощник пришел в неопишуемый восторг. Буквально выхватив его у меня из рук, всмотрелся в изображение, взвизгнул, подпрыгнул, и тонкие лапы засеменили прочь из комнаты, унося цыпленка хвастаться перед собратьями.

Вот тебе, пожалуйста, Юлия Александровна, — ни иллюстрации, ни благодарности.

Подкроватные забрались, собственно, под кровать и притихли, так что вскоре я вообще забыла об их присутствии. Перед тем как лечь спать, залезла в интернет и сделала то, что собиралась уже очень давно: создала профиль на площадке для художников.

К выбору сайта я подходила долго и ответственно, еще с месяц назад изучила все возможные варианты и в итоге выбрала наиболее перспективный, по моему скромному мнению. Суть состояла в том, что художник выкладывает свои произведения, расписывает примерную работу, за которую может взяться, и ставит приблизительные цены. Далее на него либо выходил заказчик, либо художник сам выбирал работу из оставленных заявок.

Идея заниматься иллюстрированием на заказ пришла мне в голову давно, но я все боялась ее осуществить. О своих навыках рисования мнения была невысокого и профессионалом себя не считала. Сейчас же все резко переменялось, вдохновение поперло фонтаном, и моя уверенность в себе возросла. Если сидеть на месте и ничего не делать, то мечты так и останутся мечтами. Так что долой сомнения и трусость!

Опубликовав последнюю иллюстрацию, я, гордая собой, закрыла ноутбук, погасила свет и привычно устроилась в постельке. Монстры больше не пугали, но высовывать ногу из-под одеяла я все-таки не рискнула. Пускай себе бездельем мучаются...

Через некоторое время, когда я уже почти отключилась, мне пришлось снова убедиться, что на спокойный сон в Большом Доме рассчитывать не приходится.

Кто-то настойчиво скребся в мое окошко. А когда я, накрыв голову подушкой, отвернулась к стенке, стал активно стучать. Ну никакого уважения к желающей выспаться горничной!

Ожидая увидеть очередного чудика, я нехотя поднялась, подошла к балкону и тут же в удивлении замерла.

За стеклом стоял молодой и крайне привлекательный мужчина с иссиня-черными волосами, татуировкой змеи, обвивающей все левое плечо и руку, и глазами такими синими, что им бы позавидовали самые яркие цветные линзы! А вот одежда была... точнее, одежды почти не было. На незнакомце красовались лишь брюки, смутно похожие на домашние, да одинокая сережка гвоздик, поблескивающая в правом ухе. По пояс мужчина был полностью раздетым, отчего я даже невольно залюбовалась его идеальной фигурой и матовой, будто светящейся изнутри кожей.

Тряхнув головой, отгоняя неуместные мысли, я подошла к балкону и, немного помедлив, чуть приоткрыла дверь. Именно чуть-чуть — и муха бы не просочилась!

Муха-то не просочилась, а вот этот ночной гость каким-то образом сумел!

Синеглазый ворвался в комнату со скоростью вихря, и не успела я опомниться, как оказалась зажата между стеной и крепким мужским телом. Я не то, что среагировать, даже подумать ни о чем не успела, как мои губы смяли в неистовом страстном поцелуе!

Это...вообще...что за?!

Растерявшись от неожиданности, в первые мгновения я не сопротивлялась, отчего поцелуй стал еще настойчивее, а моя короткая пижамка стремительно поползла вверх. Когда излишне наглые

руки оказались лежащими на том месте, которому я посвящала ежедневные приседания, оцепенение спало.

Глухо замычав, я попыталась сжать губы и выставила перед собой ладони, вынуждая неизвестного хама отстраниться. В глубине души успела страшно испугаться, что это какой-то маньяк, а я как последняя дура его впустила, но, к счастью, маньяком он не был.

Заметив сопротивление, синеглазый оторвался от моих губ, и непонимание на его лице медленно сменилось недоумением.

— Ты не Маша, — не спеша меня отпустить, удивленно констатировал он.

— Какая на фиг Маша?! — ругательство вырвалось само и, откровенно говоря, с языка рвалось кое-что похуже. — Ты кто такой? Впрочем, неважно. Сейчас же отпусти!

Мое праведное негодование оставили без внимания:

— Маша где?

— Да какая... — только хотела дать себе волю и высказать все, что думаю, как до меня дошло: — Бывшая работница, которая жила в этой комнате?

— Бывшая? — моментально переспросил синеглазый, и эти глаза недобро блеснули. — Что значит бывшая?

— Тебе объяснить значение слова? — съязвила я и, понимая, что отпустить меня не намерены, извернулась и высвободилась сама. — Да, она позавчера уволилась, а на ее место взяли меня. И, к слову, прежде чем набрасываться на девушку, неплохо бы вначале посмотреть на ее лицо!

Нет, я понимала, что в комнате темно, а пришел синеглазый вовсе не для того, чтобы терять время попусту. Но мне-то какое до этого дело?

— Тебя взяли, говоришь? — синие глаза блеснули повторно и внимательно по мне прошлись.

Такой взгляд мне совершенно не понравился: цепкий, оценивающий, буквально видящий насквозь. И без того тонкая, коротенькая пижама стала казаться мне еще и прозрачной, что отнюдь не добавило уверенности.

Закончив меня рассматривать, синеглазый улыбнулся. И улыбка эта мне не понравилась еще больше взгляда. Было в ней что-то самодовольное, самоуверенное, в крайней степени наглое. У меня дома с таким видом кот обычно на рыбок в аквариуме смотрит. Вроде как понимает, что трогать нельзя, но знает: если пожелает и протянет лапу, никуда рыбешки от него не денутся.

Не имея представления, чего ждать в следующий момент, я решительно подошла к балкону и указала на дверь.

— Всего доброго, — даже нашла в себе придержать дополнение «скатертью дорога».

Провоцировать нежданного гостя совершенно не хотелось. Потому что я в данном случае, пусть и по-боевому настроенная, но все-таки рыбка. А он — сильный, наглый черный кот.

— А Кирилл знает, кого брать, — разве что не мурлыкнул «кот». — Как зовут тебя, карамельная?

Ну надо же, стоило встать поближе к свету, даже цвет волос рассмотреть сумел. Прогресс прям на лицо!

Знакомиться с ним я не испытывала ни малейшего желания, поэтому молча сложила руки на груди и снова кивнула на дверь.

Синеглазый усмехнулся, сунул руки в карманы и прошествовал по направлению моего кивка. Выйдя на балкон, на мгновение замер, обернулся и бросил:

— До завтра, карамелька.

Когда он встал прямо на перила, я чуть не бросилась к нему, подумав, что он спятил. А когда этот ненормальный сиганул вниз, не сдержала крика и уже подалась вперед, намереваясь сорваться с места, да так и замерла. Синеглазый взмыл вверх, сидя на небольшом лиловом змее, покрытом переливающейся чешуей. Послал мне полный иронии взгляд, улыбнулся напоследок и устремился прочь, взлетая над многоэтажками.

Неотрывно глядя на то, как он со своим лиловым червяком становится все меньше и меньше, я медленно осела вниз по стеночке. Посидела так немного, бесцельно смотря на улицу, затем

плюнула и улеглась в кровать. Предварительно заперла дверь и на всякий случай задернула шторы.

— Эй, подкроватные, — позвала я, приготовившись засыпать.

— Чего? — тут же отозвались те.

— Разбудите, если этот тип опять на балконе появится, хорошо?

— Хорошо, — синхронно ответили мне.

Довольная наличием охраны в лице двух монстриков, засыпала я почти спокойно. Даже о страхе забыла и, уже почти провалившись в сон, ощутила, как меня легонько пощекотали за пятку.

## Глава пятая, О том, какие бани предпочитают духи

— Вот зараза! — выругалась Аленка, дослушав мой рассказ. — Говорила же этой дурехе, чтобы на порог его не пускала! А она глянь-ка, приучила!

Подув на горячий, поданный Вилли омлет, я спросила:

— А кто он вообще такой?

— Дух желания, — нехотя ответила моя коллега. — Только не путай с духами желаний. Этот конкретно на физическом влечении специализируется и силы из него же черпает.

Откусившая кусочек омлета я, подавилась.

— В каком смысле? — спросила, откашлявшись.

— В прямом, — Алена мрачно на меня посмотрела. — Нет, вообще-то он тоже пользу людям приносит. Может разжигать почти погасшие между супругами искры, или молодым чувств прибавлять, или просто двух незнакомцев друг к другу подталкивать. Проблема в том, что сам он жуткий бабник. Но при этом, если ему приглянется какая-нибудь девушка, вцепится в нее как пиявка и не отстанет, пока не добьется своего. Ему ведь не только близость нужна. Ему важно почувствовать, что жертва буквально жить без него не может, от страсти сгорает.

— Добившись, он ее бросает, да? — правильно уловила суть я.

— Естественно, — фыркнула Алена. — С разбитым сердцем и без шансов в кого-нибудь влюбиться. Точнее, шанс есть, но для этого девушка должна обладать стальной силой воли.

— А как же Маша? — уточнила я, окончательно забыв про омлет. — Судя по его вчерашнему... приветствию, они вместе уже давно.

— Машка — ведьма, — пояснила моя персональная энциклопедия. — Ведьмам не так-то просто задурить голову. Их отношения были вполне взаимовыгодными. Он брал ее энергию, она получала неповторимые ощущения без угрозы влюбиться.

Наш разговор прервался из-за вошедшей в кухню Ани. Она широко зевала, изящно прикрывая рот рукой, и вид имела уставший.

— Что, опять над книжками всю ночь чахла? — укоризненно спросила у нее Алена. — Совсем на своей учебе помешалась!

Протерев глаза кулачками, Аня вздохнула:

— А что делать? На подготовку всего два дня осталось.

Подлетевший Вилли поставил перед ней только что снятый с плиты омлет, неизменный мятный чай и кусочек творожного пирога. Выразив почтение приподнятым колпаком, упорхнул обратно управляться с несколькими стоящими на огне сковородами.

Услышав об учебе, я не могла не полюбопытствовать, о чем идет речь. Как оказалось, в этом году Аня намеревалась поступать на заочное отделение в медицинский и сейчас неустанно к этому готовилась.

Весь завтрак и последовавшую за ним уборку номеров я не могла отделаться от одной неприятной мысли. И мысль эта была о том, что, улетаая, дух желания сказал мне «до завтра». Не до свидания, не пока, не прощай, а именно до завтра. То есть, уже до сегодня. Вот только не хватало, чтобы эта черноволосая пиявка решила присосаться ко мне! Хотя, с чего бы ему это понадобилось? Вокруг девушек полно, пусть вон к своей ведьмочке летит, та по нему, небось, скучает.

— Слушай, ты не могла бы обед Герману отнести? — спросила отозвавшая меня в сторонку Алена, когда я управлялась с уборкой холла. — Меня Олег попросил с документами помочь.

Посмотрев на работающего за ресепшеном администратора, я понятливо улыбнулась. С документами помочь. Горничную. Ну да, ну да.

Вообще-то, идти к Герману не очень хотелось, но под просящим взглядом Алены я нехотя сдалась. И мне плюстик в карму, и ей возможность с предметом симпатии рядом побыть.

Вооружившись подносом с горячим куриным супчиком, я спустилась на цокольный этаж, немного постояла перед дверью, принимая независимо-уверенный вид, и вошла внутрь. Первым делом посмотрела в сторону постели и лишь когда заметила, что Германа в ней нет, обвела взглядом

комнату.

Безликоборец обнаружился возле окна, и то, чем он занимался, так меня удивило, что шедевр духа специй едва не опрокинулся на пол!

Герман отжимался. На одной руке. И это при том, что еще вчера чуть ли не помирал!

— Что? — поймав мой изумленный взгляд, спросил он.

— Обед, — отмерев, я прошествовала к столу и водрузила на него поднос. — Приятного аппетита.

Мое присутствие явно не доставляло безликоборцу радости, так что я поспешила уйти. Но в тот момент, когда уже открыла дверь, мне в спину неожиданно донеслось:

— Ты ведь не медиум. И даже не ведьма. Как здесь оказалась?

— Я ведь тебе ничего плохого не сделала. Даже помогла, — ответила ему в тон. — Ты со всеми такой приветливый?

Судя по брошенному взгляду — да, дружелюбием он не одаривал не только меня.

Когда Герман, потеряв ко мне всякий интерес, продолжил упражняться, я только пожала плечами и вернулась к работе, которой сегодня оказалось неожиданно много.

И хоть бы кто-нибудь заранее предупредил, что уже к вечеру нужно подготовить пресловутые бани! Об этом я узнала, когда вошла в холл, намереваясь продолжить неоконченную уборку, и наткнулась на разбушевавшуюся, мечущую искры фурию. Увидев дородную невысокую и ярко покрашенную тетку, обрушивающуюся на побледневшего администратора, я так и замерла, ощущая, как на голове шевелятся волосы.

Тетка обладала широким носом в форме картошки, небольшими черными глазками и копной буйных рыжих волос, напоминающих клоунский парик. При всем этом на ней было столько бус, браслетов, разнообразных кулонов и прочих украшений, что было совершенно непонятно, как она еще не рухнула под их тяжестью! Довершало образ цветастое платье с многослойными юбками и бесчисленным множеством оборок.

— Ммм? — неожиданно протянула она, резко обернувшись ко мне. — Что, та самая новенькая?

Не успела я завершить ошарашенный кивок, как на орехи прилетело уже мне:

— Ну и чего встала, тупица криворукая?! Взяла в зубы швабру и поднялась на третий этаж! Живо-живо! — замахала она на меня появившимся прямо из воздуха белым платком. — Не то на корм безликим отдам!

Дополнительного стимула мне не требовалось, и я под звуки собственного бешено стучащего сердца побежала вверх по лестнице. Вот теперь в полной мере понимала свою предшественницу, которая убегала отсюда, сверкая пятками. Да от одного только вида этой рыжей мегеры инфаркт заработать можно, даже если до этого со здоровьем все было в порядке!

На третьем этаже я еще не бывала и испытала изрядную долю удивления, когда лестница привела меня к высокой красной двери. Самое удивительное заключалось в том, что кроме нее здесь не было ничего, даже коридоров — по обеим сторонам от меня располагались лишь узкие, огороженные перилами балкончики, откуда, по идее, должен быть виден второй этаж. Но нет, он не просматривался — все внизу, даже начало лестницы окутывал туман.

— Чем дальше, тем страннее, — подумала я, робко касаясь дверного кольца.

— Так, руки убрала! — неожиданно прозвучавший визгливый голос заставил меня подскочить. — Тупица криворукая, не видишь что ли?! Специальная автоматическая система у нас установлена!

Вслед за этим створки двери резко распахнулись, едва не сбив меня с ног, и я ощутила пыхнувшее в лицо облако жаркого пара. Переступив порог, первые мгновения видела лишь белый дым, но вскоре он рассеялся, и моему взгляду предстали знаменитые бани Большого Дома... и вот как-то сразу стало понятно, почему они знаменитые!

А я еще поражалась, как во внешне небольшом здании может располагаться такая большая гостиница...

Бани были просто огромными! Справа от меня тянулся длинный ряд парных, двери которых сейчас были открыты. Мельком заглянув в первую, я обнаружила привычную такую русскую парилку: обитую деревом, с небольшой печью и лежащими на полке вениками. По другую сторону стояли столы, очень напоминающие массажные, а так же располагались обложенные камнями бассейны,

похожие на большие ванны, в нескольких из которых бурлила вода.

«Местное джакузи!» — тут же мысленно решила я.

А вот потолки были не слишком высокими и тоже деревянными. С них свешивались нанизанные на толстые нити разнокалиберные бусины, какие-то странные медальоны и амулеты, среди которых преобладали золотые и красные. Душный воздух пах терпкими травами.

— Юля, наконец-то! — крикнула мне стоящая у одного из бассейнов Алена. — Иди сюда, ни черта сегодня не успеваем!

Я хотела было возмутиться, что задержалась, потому что меня никто не догадался заранее предупредить, а она сама вообще отправила к Герману, но промолчала. Сердиться на Аленку не хотелось, да и не получалось при всем желании.

Быстро подойдя к ней, я заметила рядом Аню, драящую полы. Рядом с ней, прямо в воздухе кружила пара ведер, и, присмотревшись внимательнее, я заметила, что их держат полупрозрачные существа. Должно быть, духи-помощники.

А когда я перевела взгляд непосредственно на бассейн, то волосы на моей голове зашевелились повторно. Вода в нем была какого-то неопределенного грязно бурого цвета и ужасно воняла стухшей крапивой. Да-да, именно крапивой! У меня как-то мама развела целый бак такого кошмара, объясняя это тем, что водой с крапивой очень полезно удобрять грядки. Уж сколько мы с папой нервов потратили, чтобы заставить ее от сей «полезности» избавиться...

— Смотри, вон там полка, достань с нее два камня и принеси, — велела Алена, кивнув куда-то мне за спину. Не прекращая чертить на стенке бассейна какие-то символы, поторопила: — Быстрее, Юль!

Нужная полка отыскалась почти сразу, вот только располагалась она высоко, и дотянуться до нее было не так-то просто. Но когда я стала осматриваться в поисках того, на что можно встать, мои ноги внезапно сами оторвались от пола!

И я бы точно по привычке заорала, если бы в следующий миг не увидела окруживших меня духов-помощников. Оставаясь полупрозрачными, они негромко пищали и, удерживая меня, поднимались вверх. Среди них я даже заметила того самого недоцыпленка, с которого вчера рисовала портрет!

Нащупав пару небольших и гладких, непонятно для чего нужных камушка, схватила их, духи тут же опустили меня на пол, и я вновь побежала к Аленке. Она к этому времени как раз закончила свою начертательную геометрию и, взяв у меня один камушек, бросила его в бассейн.

Вода тут же активно забурлила, очистилась, ринулась вверх мощным фонтаном, забрызгав нас с ног до головы, и в считанные мгновения разлилась по всем баням.

— Ну вот, теперь будет проще, — явно довольная собой, провозгласила Алена. И, заметив мое потрясение, самодовольно хмыкнула.

Вскоре мы с ней присоединились к Ане и принялись намывать мокрые полы в шесть рук. Духи-помощники подавали нам бутылочки шампуней, ароматных гелей, создающих пышную пену, и мы использовали их в своей непростой миссии под названием «наведи чистоту!»

— Слушайте, — запыхавшись, негромко спросила я у своих напарниц. — А что это за недовольная рыжая дамочка?

— Ты только ей в глаза такого не ляпни, — так же негромко усмехнулась Алена. — Госпожа Санли управляющая, старшая горничная и сама твердыня этой гостиницы в одном лице. Потомственная ведьма, которой черт знает сколько лет. Говорят, еще ее пра-пра-бабка заключила договор с каким-то могущественным духом, и теперь их семейство имеет доступ не только к долголетию, но и к внушительной силе. Так что ни в коем случае ни в чем с ней не спорь. Назовет страшилой плоскозадой — соглашайся и терпи.

— Тупицей криворукой, — почему-то издал смешок, поправила я.

— Тебя хоть получше обозвала, — пробубнила Аленка. — А я не виновата, что у меня конституция такая... плоская!

Откровенно говоря, если бы мне пришлось выбирать между «такой конституцией» и отсутствием мозгов, я бы совершенно точно выбрала конституцию, так что еще неизвестно, какое прозвище звучало оскорбительнее. Но не успела я высказать свою точку зрения, как молчавшая до этого Аня горестно вздохнула и тихонько пролепетала:

— Я у нее вообще немочь бесцветная... а Маша курицей расфуфыренной была.

— Машу она вообще терпеть не могла, — охотно добавила Алена. — Госпожа Санли на своей внешности помешана, видела бы ты, сколько в ее комнате всякой косметики и омолаживающих кремов! Вот и бесится, когда какую-нибудь молодую, да к тому же симпатичную девчонку видит. И на рыжих волосах у нее еще бзик. Она сама сейчас седая, раньше вроде русой была, хотя всю жизнь рыжий цвет поддерживала. Так что, Юлька, учитывая твой цвет волос, это она тебя еще мягко обласкала.

— У меня оттенок не рыжий, а карамельный, — возразила я и тут же полюбопытствовала: — Так это случайно не из-за нее Маша уволилась?

— Изводила ее госпожа Санли, — подтвердила Алена. — Но уволилась она по многим причинам, не только поэтому.

— А сразу мне почему об этой госпоже Санли не рассказали? — запоздало возмутилась я. — Всех представили, а ее нет!

— Извиняй, — Алена виновато развела руки в стороны. — Любит она эффектные неожиданные появления и не терпит, когда ее обсуждают. Если бы узнала, что мы о ней тебе рассказали, нам бы влетело. А вообще она на какой-то там конференции была, только этим утром вернулась. Эх... — напарница страдальчески закатила глаза. — А так в последнюю неделю хорошо жилось...

— Какая там конференция, — тихонько покачала головой Аня. — Шабаш под прикрытием, да и только...

Подготовка к банному вечеру была проведена тщательно. Уж не знаю, сколько времени мы потратили на уборку, но ощущение было такое, словно я торчала в этих душных комнатах целую вечность. Привычные к такому Алена и даже щупленькая Аня почти не устали, а вот я буквально валилась с ног. Мало того, что надраивала полы и убирала парилки, так еще пришлось топить печки, из-за чего я ввиду неопытности оказалась вымазана в сажу. А потом мы наклеивали на все двери таблички, сообщающие, какому постояльцу в какую нужно входить. Я уже хотела поинтересоваться, существует ли в этих банях хоть какое-то гендерное разделение, когда внезапно, словно из ниоткуда возникла плотная ширма, разделившая бани на две одинаковые зоны. Значит, все-таки существовало.

И вот, когда одна бедная новоявленная горничная, таща по полу язык, понадеялась, что весь кошмар остался позади, и вознамерилась идти отдыхать, Алена выдала:

— Куда? Нам еще термальные источники облагораживать!

Я мысленно взвыла. Понятия не имела, что там за термальные источники, но узнавать, откровенно говоря, желания не было никакого. Впрочем, моего согласия никто не спрашивал, поэтому не осталось ничего другого, кроме как собираться с силами и идти отрабатывать обещанную зарплату.

Из бань существовал еще один, противоположный главному выход. Выйдя через него, мы оказались на небольшой деревянной площадке, которая, как вскоре выяснилось, являлась лестничной клеткой. Алена надавила на встроенный в стену рычаг, и где-то внизу раздался протяжный скрип. Вслед за ним прямо из стен стали вылезать деревянные перила со ступенями, и совсем скоро перед нами оказалась узкая, ведущая вниз лестница.

— Обалдеть, — только и сумела выдохнуть я.

Наверное, после всего удивляться такой мелочи, как выезжающая из стены лестница не стоило, но все же она произвела на меня неизгладимое впечатление. По мере того как мы спускались вниз, мной все больше и больше завладевало чувство, что я нахожусь в каком-то другом месте. Конечно, я и так находилась в невероятной гостинице духов, откуда, на минуточку, можно попасть в параллельные миры, но все-таки этот ее участок сильно отличался от остальных интерьеров.

— Это старая часть здания, — словно подслушав мои мысли, сказала Алена. — Кирилл провел ремонт везде, а ее оставил нетронутой.

О том, что эта часть старая, можно было догадаться и без лишних слов. Нет, лестница была прочной, ничуть не прогнившей и даже почти не почерневшей, но все-таки явно далеко не новой. Было что-то особенное в атмосфере, что витала здесь вместе с поблескивающей под рассеянным светом пылью. Свет проникал через круглые витражные окна, ложился на ступеньки разноцветными бликами и отражался в красных камушках, будто вросших в дерево перилл.

— Здесь выход в сад, — прокомментировала Алена, когда мы оказались на еще одном лестничном пролете. — Термальные источники на цокольном этаже.

И мы продолжили спускаться вниз, на тот самый цокольный этаж, упоминание которого навеяло воспоминания о Германе. Подумав о хмуром безликборце, я тут же себя одернула и невольно повела плечами — вот уж о ком точно думать не стоит!

— А вот и источники! — провозгласила моя коллега и экскурсовод по совместительству.

Едва войдя в неприметную с виду дверь и миновав короткий темный коридорчик, я теперь уже точно уверовала, что оказалась где-то в другой реальности. Вместо потолка — неясный темный дым, напоминающий ночное небо, вода в природном бассейне — кристально-голубая, местами отдающая бирюзой, а в нее обрушивается пусть и небольшой, но все же самый настоящий водопад. И все это великолепие пышет горячим паром, хоть прямо сейчас снимай форму и надевай купальник!

С ума сойти!

— И что нам нужно здесь делать? — обводя «великолепие» ошарашенным взглядом, осведомилась я.

Ответ мне был продемонстрирован наглядно. Алена сняла с висящей на стене ключницы несколько ключей, пару оставила себе, еще по одному дала нам с Аней и поманила за собой. Приблизившись к бассейну, она присела на корточки и отперла стоящий рядом маленький домик. Аня последовала ее примеру и недоуменная я к ним присоединилась. Разбросанные у бассейна домики напоминали скворечники, только вместо круглых отверстий в них были миниатюрные дверцы.

Щелк! — и они открылись, выпуская наружу бледно-голубых духов.

Сначала духи имели неопределенную туманную форму, но уже через пару секунд приобрели очертания все еще туманных, но довольно привлекательных девушек. Неприлично раздетых девушек, полотенца на которых едва прикрывали то, что посторонним демонстрировать не положено!

— Что, опять? — недовольно поджала губы одна из них.

— Достали! — подхватила вторая, сложив руки на груди.

— Поспать не дают, когда вы все уже намоетесь?! — возмутилась третья.

Оставшаяся четверка промолчала, но взглядами выразила примерно то же самое.

Уперев руки в бока, Аленка не менее недовольно бросила:

— Хватит ныть! Банницы вы, или где?

Показательно повздыхав и пожаловавшись на свою нелегкую долю, девицы разбрелись по территории источника, взобрались на ветви растущего у него дерева и, болтая в воздухе ногами, принялись бросать в воду мелкие светящиеся бусины.

Алена тем временем подтолкнула застывшую меня к выходу, и ближайших полчаса мы занимались тем, что приносили на источник закуски. Целый банкет организовали! Вилли себе не изменял, и среди блюд имелись такие исходящие умопомрачительными запахами кушанья, что я не могла дожидаться того момента, когда удастся, наконец, поесть. Голод напал просто зверский!

— Для кого хоть стараемся? — спросила я, пристраивая на низкий столик запеченную с травами форель.

— Особые постояльцы, — на сей раз ответила мне Аня.

— Гости «VIP», — кивнула Алена. — Остальные довольствуются простыми банями.

— А здесь с гендерным разделением как? — не удержалась от вопроса я, не представляя, как в горячем источнике могут одновременно нежиться все подряд. Ширмочки-то никакой явно не предвиделось.

— Все расписано по времени, — пояснила Алена и, отерев влажный лоб, произнесла заветные слова: — Ну все, на сегодня мы свое отработали!

Простая фраза пролилась на мою нечеловеческую усталость целебным бальзамом и придала сил, чтобы выползти из источника, подняться по лестнице и прошествовать на кухню, где нас уже дожидалась заслуженная трапеза. Жутко хотелось перед этим хотя бы забежать в душ, но сама мысль о том, что нужно подниматься аж на второй этаж, доставляла страдания.

Однако добраться и до кухни без приключений не удалось. И случившееся приключение меня не то, что не обрадовало — крайне расстроило и очень напрягло!

В тот момент, когда мы по стеночке, стараясь оставаться незаметными, проходили через холл, у ресепшена стоял высокий черноволосый мужчина, повернутый к нам спиной. Вот даже лица его видеть не требовалось, даже татуировки, даже глаз синющих, чтобы понять, кто это такой!

— Ваш номер двести семь, — Олег с профессиональной улыбкой протянул ему ключ. — Приятного отдыха, надеемся, вы у нас задержитесь.

Словно почувствовав наше присутствие, дух желания резко обернулся, замер, в упор глядя прямо на меня, и... блеснув глазами, подмигнул!

## Глава шестая, О странных снах и говорящих котях

Водичка была восхитительно-горячей и расслабляюще-приятной. Я нежилась, откинувшись на гладкие камни, и наблюдала за ее бурлением из-под полуопущенных век. Банниц видно не было — наверное, попрятались по своим «скворечникам», а вот столики все еще были уставлены аппетитными яствами и бутылками дорогого вина.

«Вино-то откуда?» — мелькнула в затуманенном сознании ленивая мысль. — «Мы такого вроде не приносили...»

Шумно выдохнув, я отвела прилипшую к щеке влажную прядь и зажмурилась — блаженство. Захотелось съесть какого-нибудь фрукта, но шевелиться, чтобы дотянуться до подноса, было лень. Вообще все было лень. Только лежать бы так в горячем источнике и наслаждаться, наслаждаться...

Моих губ мягко коснулось что-то прохладное.

«Виноград», — тут же с довольством поняла я и, уже открыв рот, опешила.

Застлавшее сознание жаркое марево чуть отступило, я резко распахнула глаза и увидела находящегося совсем рядом, склонившегося ко мне синеглазого нахала, пальцы которого удерживали тот самый виноград!

— Что за... — от шока я даже обратилась к непечатному словарю.

— Ну же, съешь его, — с вкрадчивыми интонациями, от которых по коже пробежали мурашки, проговорил дух. — Ты ведь хочешь...

Его чуть прищуренные, поблескивающие в полумраке глаза смотрели прямо в мои. И как-то внезапно пришло понимание, что я сижу тут, в чем мать родила, прикрытая лишь паром да побулькивающей бирюзовой водой. А мой сосед по источнику, судя по оголенным плечам и груди, тоже наличием одежды не отягощен, и это вкупе с царствующим здесь жаром заставило щеки неистово запылать.

Да какого... вообще творится?!

— Так, — стараясь не выдавать невольного смущения, я немного отодвинулась. — Виноград убрал!

Зеленая ягодка моментально исчезла, но пальцы одного не в меру наглого духа остались у моих губ.

— И руки тоже! — возмутилась я, в то время как к пылающим щекам добавилась шея.

На сей раз вместо того чтобы послушаться, неприлично материальный дух улыбнулся, очертил контур моих губ, затем мягко обхватил за подбородок и, приблизив ко мне лицо, выдохнул:

— Ты такая красивая, карамелька. И притягательно-сладкая, как все конфеты. Так и хочется попробовать...

— Карлес заработаешь! — огрызнулась я, ударив его по настырной руке, и снова отползла подальше.

Вот только нужного результата это не возымело: стоило мне отодвинуться, как он тут же неумовимо оказывался рядом, заглядывал в глаза, улыбался, что-то вкрадчиво говорил и не оставлял попыток дотронуться. В какой-то момент я неожиданно поймала себя на том, что почему-то сама медленно подаюсь ему навстречу, растворяюсь в глазах глубоких, как синее ночное небо и, словно подчиняясь невидимой силе, протягиваю руки, желая его обнять... коснуться... поцеловать...

Когда до осуществления этого непотребства осталось всего ничего, меня как молнией шарахнуло. Поразительно еще, что гром не грянул от такого яркого, полного потрясенного ужаса осознания!

Да что я вообще творю?!

Теперь фразочки, составленные из слов непечатного словаря, были куда более разнообразными. Судя по удивленному выражению синих глаз, дух ожидал услышать все, что угодно, но только не их.

— Какого черта?! — разозлившись не на шутку, спросила я.

В картину на лице духа добавились мазки искреннего непонимания. Он выглядел так, как если бы в наш век встретил кого-нибудь, на полном серьезе утверждающего, что земля плоская и стоит на китах.

Ко мне снова потянулись загребущие руки. Я снова отползла и мельком осмотрела берег, надеясь

обнаружить поблизости хотя бы небольшое захудалое полотенце. Тогда потянулась бы к нему, укуталась прямо под водой, вылезла из бассейна и сию же секунду сбежала!

Сквозь рой мыслей в сознание настойчиво пробивалась одна, которая казалась очень важной, но она постоянно ускользала, не давая на ней задержаться. Казалось, во всем происходящем есть что-то неправильное, неестественное, то, чего быть никак не может...

М-да. В происходящем искусственное может и было, а вот дух являлся очень даже настоящим. Слишком настоящим, я бы сказала!

— Карамелька, — прищурился синие глазищи, задумчиво протянул он. — Что ты сейчас чувствуешь?

— Сильнейшее желание, — честно призналась я и, увидев на его лице самодовольную улыбку, так же честно добавила: — Съездить тебе по физиономии.

Картина под названием «изумление», что моментально нарисовалась на лице духа, могла смело зваться шедевром. Я искренне не понимала, что его так удивляет — неужели думал, что поведусь на сомнительные комплименты и охотно брошусь ему на шею?

Но куда больше меня волновал момент другой. Спрашивается, а как я вообще в таком положении оказалась?! Вот она — та самая ускользающая мысль, которую мне, наконец, удалось схватить за хвост!

Сосредоточившись, я воспроизвела в памяти последние события. Как мы убрали бани на третьем этаже, как спустились на цокольный и будили банниц, как шли через холл, и дух желания, что сейчас находится рядом со мной, заселялся в Большой Дом. Как мы ужинали, сидя на кухне, а потом разошлись по комнатам. Последнее, что я помнила — как немного порисовала, осчастливила портретом еще одного приведенного подкроватными духа-помощника и легла спать... Спать?

Так я что, сейчас сплю?!

Стоило об этом подумать, как пришло предельно четкое осознание: это действительно сон, отсюда и ощущение некоей неестественности. А раз сон, значит совсем необязательно искать полотенце и пытаться пробраться к выходу. Достаточно только проснуться!

— Я сплю, — проговорила, как мне казалось, про себя, но на самом деле произнесла вслух.

— Да, карамелька, — тут же напомнил о себе дух. — А ты полна сюрпризов...

Слушать, что он скажет дальше, я не стала. Крепко-крепко зажмурилась, закусил губу, на всякий случай сильно себя ущипнула и изо всех сил пожелала проснуться. Как когда-то в детстве, когда загадывала желания — от всего сердца, с искренней верой, что все получится.

И получилось ведь!

Резко сев на кровати, я шумно выдохнула и помотала головой. В мыслях творился полный кавардак, прикушенная губа побаливала, как и ущипнутая рука, а волосы и кожа были влажными.

Я перевела ошалелый взгляд на окно и обнаружила, что за ним уже светает. Потянулась к тумбочке и, взяв мобильник, посмотрела на часы. Время было слишком раннее даже для жаворонков-горничных Большого Дома, но снова спать я теперь легла бы разве что под дулом пистолета.

Потянувшись, нехотя поднялась и, широко зевая, прошлепала в ванную. Вид у меня был не слишком презентабельный, но это меня даже обрадовало: чем менее привлекательно буду выглядеть, тем лучше. Никогда не была равнодушна к собственной внешности, но сейчас свои взгляды пришлось пересмотреть.

Чуд в комнате не было — судя по всему, они появлялись только ближе к вечеру, других собеседников тоже не наблюдалось, так что пришлось терпеть и дожидаться начала смены. Дабы не тратить времени впустую, я снова решила порисовать, но перед этим зашла проверить свой профиль на сайте, куда недавно загрузила иллюстрации.

Пока выдавший виды ноутбук, громко тарахтя, выражал недовольство и жаловался на тяжелую жизнь, я размышляла о нынешнем сне. Очевидно, что простым он не был. Скорее всего, проделки непосредственно духа желаний — даром он мне накануне подмигнул! Память тут же услужливо подкинула слова Алены о том, что этот дух подобен пивявке. Если прицепится — не отодрать.

У-у-у, вот же напасть! Надо же ему было «прицепиться» именно ко мне! Впрочем, чему я удивляюсь? Кто еще может так последовательно влипать в самые необычные «приключения»...

Минут через десять ноутбук перестал ворчать, смилостивился, и на экране отобразилось окошко браузера. Пара щелчков мышью — и я увидела несколько новых комментариев от коллег под своими

работами. Хороших таких комментариев, воодушевляющих. Прямо на сердце потеплело, а губы непроизвольно растянулись в широкой улыбке. Даже сердце застучало почти с той же скоростью, что и во сне — все-таки я никогда еще на всеобщее обозрение свое творчество не выставляла.

После, ни на что особо не надеясь, я зашла в раздел личных сообщений и... все духи этого мира, мне не мерещится?! Сердце забило до того сильно, что грозило пробить грудную клетку, в то время как подрагивающие пальцы делали еще один щелчок мышкой, отделяющий меня от содержимого непрочитанного письма.

Не то чтобы у меня была занижена самооценка, но... Бог мой, как всего за одну ночь меня мог найти заказчик? Вчитываясь в ровные строки, написанные в официальном, но вместе с тем уважительно-дружелюбном тоне, я едва ли верила себе. Мои последние работы заинтересовали одно агентство, и их представитель приглашал меня через три дня прийти на собеседование. Работа предполагалась удаленная, заключающаяся в продумывании образов и рисовании персонажей для всевозможных значков, кружечек, наклеек и другой продукции.

Я так опешила и обрадовалась, что на зарплату обратила внимание в самую последнюю очередь. А когда все-таки обратила, то поняла, что расшибусь в лепешку, переломая все ногти и зубы, которыми вцеплюсь в эту работу, но точно ее получу! Потому что когда обещанная зарплата радует точно так же, как непосредственно работа — это просто идеал! Правда идеал, ведь я всегда мечтала заниматься творчеством, к тому же работа удаленная, и я смогу совмещать ее с должностью в Большом Доме!

Проснувшись во мне энтузиазму почти удалось вытеснить переживания, связанные со сном, поэтому к завтраку я спускалась крайне вдохновленная и ужасно счастливая. Наверное, не стоило так радоваться шкурке медведя, который пока еще бегал по лесу, но я всегда верила в материализацию мыслей. Если мыслишь позитивно и веришь в хороший исход, то судьбе не остается ничего другого, кроме как подчиниться такому оптимистичному напору!

Утро сегодня выдалось очень приятным, теплым и солнечным, как все в последнее время. На кухню я пришла первой и, сидя за столиком, терпеливо дожидалась, пока Вилли закончит готовить сырники. Попутно, помимо прочего, думала о том, существует ли какое-нибудь средство от духа желаний. Помогает ведь мята от безликих?

— Нет, не существует, — через некоторое время «обрадовала» меня пришедшая на завтрак Аня.

— Попала ты, подруга, — следом за ней «поддержала» Алена. — Он теперь не отстанет, всю душу вымотает, пока не добьется своего. Лучше сдайся сразу.

Наткнувшись на мой выразительный взгляд, Аленка усмехнулась:

— Да шучу я. Если будет серьезно доставать, обратись к Кириллу. Он у нас справедливый, обычно отстаивает интересы не только клиентов, но и персонала. Только госпоже Санли ни в коем случае не жалуйся — эта сначала позлорадствует, а потом от зависти на мыло сойдет!

Кажется, мои и без того широко распахнутые глаза стали еще больше:

— В каком смысле от зависти?

— Так она же сама его внимания уже давно добивается, — понизив голос до полупшепота, со смешком поделилась Алена. — По-моему, это единственная женщина, от которой он удирает, сверкая пятками, и боится как чумы!

Представив такую сцену, я тоже не сдержалась и сдавленно фыркнула.

В кухне царил миротворение. Большинство постояльцев еще спали, и в Большом доме было тихо. Аня рассеянно нанизывала на вилку кусочки сырника, тут же о них забывала и продолжала усердно вникать в книгу по биологии. Колдующий у плиты Вилли помешивал кипящий бульон, на плите пытела большая кастрюля, Алена звучно помешивала ложечкой чай, и во всех этих звуках было что-то такое уютное и родное, что я почувствовала себя практически как дома.

Миротворение длилось ровно до того момента, когда его бесцеремонно и неожиданно нарушила ворвавшаяся в кухню рыжая чума. Укладка чумы... то есть, госпожи Санли была еще объемней, чем вчера, колец на руках прибавилось, платье сменило цвет на ядрено-зеленый, а глаза управляющей метали молнии.

— Ужасного аппетита! — сходу пожелала она, остановившись у нашего столика. — Завтракаете? Прохлаждаетесь? А который час знаете?!

Мы синхронно перевели взгляды на тикающие настенные часики.

— У Котика кто убирать будет?! — спросила госпожа Санли, из глаз которой в дополнение к молниям теперь сыпались самые настоящие искры. — Плановая уборка! Говорила же, чтобы до смены с ней справлялись, бестолочи!

— Просим прощения, — смиренно проговорила Алена. — Сейчас же пойду убирать...

Госпожа Санли смерила ее уничтожающим взглядом:

— Сиди уж, страшила, отсиживай дальше плоский зад! Ты! — без перехода тыкнула она на меня указательным пальцем с ярко-красным коготком. — Быстро прихватила кривые руки и шагом марш к духу-хранителю!

От такого напора я как сидела, так и продолжала в шоке сидеть, что очень не понравилось управляющей. Ее большие ноздри раздулись, глаза загорелись прямо таки сумасшедшим блеском, все три подбородка яростно затряслись, и в следующую секунду на меня осыпалась целая лавина изощренных ругательств. Да уж, словарь непечатных слов у госпожи Санли явно увесистее моего...

Моя скромная попытка спросить о том, как именно следует убирать у Котика, и где в его комнате включается свет, породила новый поток замысловатой брани. Поэтому я, как человек совестливый, дабы не спровоцировать у пожилой дамы сердечный приступ от переизбытка эмоций, спешно удалилась, заработав при этом сочувственные взгляды Алены и Ани. Даже в том, как Вилли приподнял колпак, сквозило участие.

Уже вскоре я стояла перед заветной дверью, переминалась с ноги на ногу, кусала многострадальную губу и пыталась перебороть страх. Нет, ну правда очень страшно было! Стоило вспомнить разъявленную пасть, желающую меня сожрать, как всякое желание войти в комнату тут же пропадало.

«Соберись!» — строго велела я себе. — «Ты ведь, несмотря ни на что, хочешь здесь работать!»

Убедив себя тем, что задержаться в Большом Доме мне в самом деле хочется очень-очень, я одним рывком распахнула дверь и, как осужденный на казнь, вошла внутрь. Швабру держала наготове, намереваясь в случае, если у Котика с утра пораньше разыгрался аппетит, дать ему отпор.

Как и в прошлый раз, в комнате стояла абсолютная темнота. Лишь участок у порога освещался проникающим из приоткрытой двери лучом света. Не сходя с этого освещенного островка, я опустила на пол ведро со шваброй, переделала растрепавшийся хвостик и, сглотнув, уставилась вглубь темноты.

— Ну и как здесь убирать? — негромко спросила у самой себя, а затем неуверенно обратилась к обитателю комнаты: — Эй... Котик, ты здесь?

Я успела почувствовать себя круглой душой, пытающейся поговорить с пустотой, когда неожиданно прозвучало:

— Мяу.

Я подпрыгнула, задела ногой ведро, но успела его придержать, и вода не разлилась. Прозвучавший голос абсолютно точно был человеческим, коты так не мяукают!

— Котик? — стараясь унять дрожь, робко уточнила я.

— Мяу, — утвердительно ответили мне.

Показалось, что в низком хриловатом голосе прозвучало издевательство. Стараясь не думать о том, что увижу, я зашарила ладонями по стене в надежде отыскать выключатель, но он находится упорно не желал. И когда уже подумалось, что эта затея бесполезна, свет внезапно загорелся сам — неяркий и исходящий от зависшего прямо в воздухе абажурного торшера.

— Здорово, — выпустив колечко дыма, приветствовал меня развалившийся на парящих подушках котяра, размерами значительно превосходящий среднестатистического кота.

Он был белоснежным и толстым, с узкими хитрющими глазами, пушистым хвостом и крошечными ушками. Сия животина возлежала, закинув ногу за ногу, курила трубку, почитывала газету и попивала кофе, чашка которого тоже зависла в воздухе.

Сказать, что я выпала в осадок — это не сказать ничего! Меня штормило между желанием сбежать, истерически расхохотаться и упасть в обморок.

— Мила-у-шка, ты при-у-бирать пришла? — вкрадчиво, как будто разговаривал с болезной, поинтересовался кошак. — Так и при-у-бирай, деточка. А потом кофею мне принеси с шо-у-коладными пирожными. И свежий выпуск журнальчика у администратора при-у-хвати.

Этим утром я слишком часто впадала в прострацию, но поделаться с собой ничего не могла. Наверное, так бы и стояла, хлопая глазами, если бы комната неожиданно снова не погрузилась во мрак, и прямо перед моим лицом не появилась гигантская пасть, сказавшая голосом кошки:

— Побыстрее-у-е, мила-у-шка.

Мужественно подавив крик, я немного попятилась. Свет тут же вновь загорелся, как ни в чем не бывало валяющийся на подушках кот выразительно хмыкнул, и я приступила к работе.

В комнате было чисто, только на полу валялись обертки от шоколада и шоколадных конфет. Подметая, я косилась краем глаза на погруженного в чтение газеты кошака, и чем больше на него смотрела, тем больше привыкала. Страх постепенно сошел на нет, и мной завладело сильнейшее любопытство с практически детским восторгом.

Ну надо же, говорящий кот! Да кто хоть раз, хотя бы самую малость не мечтал с ним встретиться? Конечно, учитывая пагубные привычки, этот экземпляр походил скорее на взрослую версию персонажа многих сказок, но это его отнюдь не портило. Напротив, даже какого-то шарма прибавляло!

Чувствуя себя почти что Алисой, повстречавшей Чешира, я продолжала исподлобья его рассматривать, как вдруг кошка поймал мой взгляд и спустя короткую паузу поинтересовался:

— А пра-у-да, что ты портре-у-ты рисуешь?

— Правда, — подтвердила я, боясь спугнуть пролетающую рядом удачу.

Котик дернул кончиками ушей, выпустил одно за другим два колечка дыма и с деланным безразличием спросил:

— А меня нарисо-у-вать можешь?

Взмахнув крыльями, удача уселась мне на плечо, упускать ее я не собиралась и с готовностью кивнула. Во время оставшегося времени уборки мы договорились, что я еще загляну сюда вечером, прихватив необходимые для создания иллюстрации принадлежности. Котик остался доволен, хотя всячески старался это скрыть, а уж как была довольна я! Такой классный персонаж в мою коллекцию — чудо просто!

Закончив мыть полы, я принесла ему заказанный кофе с пирожными, а так же взятый у Олега журнал, который покупали специально для Котика. Причем, увидев, что именно предпочитал читать дух-хранитель Большого Дома, я медленно сползла вниз по стеночке, сотрясаясь от беззвучного хохота. Успокоившись, доставила свежий выпуск «мужского» журнала адресату, и когда подрагивающие от предвкушения лапы к нему потянулись, согнулась пополам снова.

— Ничего смешно-у-го, — вырвав у меня из рук несчастный журнал, обиженно проворчал Котик. Судорожным движением засунул его под верхнюю подушку, перевернув обложкой с голой девицей вниз, и недобро на меня зыркнул.

Готова была поклясться, шерсть на его щеках в этот момент порозовела!

День проходил быстро и насыщенно. Уборка одних номеров сменяла уборку других, протиралась пыль в гостиных, наводилась чистота в конференц-зале, где мне помогали милейшие духи-помощники. Госпожа Санли несколько раз приходила, чтобы проверить, как я справляюсь, и, обнаруживая, что справляюсь неплохо, поджимала губы и гордо удалялась. А у меня просто неудержимое желание ей назло хорошо работать появилось!

Очередная встреча с неприятностями настигла меня ближе к вечеру, когда я решила, что сегодня их уже можно не ждать. Я как раз направлялась к подсобке, чтобы отправить в нее рабочий инвентарь, когда на моем пути неожиданно возник дух желания. Его внезапное появление напугало больше разъявленной пасти Котика, но я постаралась ничем этого не выдать.

Не моргнув глазом, попыталась молча его обойти, да куда там! И без того не слишком широкий коридор словно бы стал еще уже, наглый дух с места двигаться не намеревался, и я поняла: сейчас что-то будет.

Что-то случилось! И случилось в той форме, какую я ожидала меньше всего!

Обворожительно улыбнувшись, синеглазый похвалил мой внешний вид (ввиду испачканной формы и растрепанных волос звучало как сарказм), а после протянул мне букет... пионов. Белых. Моих любимых. Которые, на минуточку, отцвели еще с полмесяца назад!

Сговорились они все что ли, меня сегодня в ступор вгонять?

— Послушай... — начала я и замялась, не зная, как обратиться к духу.

— Най, — охотно подсказал он.

— Най, — повторила, сделав акцент на необычном имени. — Мне, конечно, льстит твое внимание, но буду очень благодарна, если ты меня от него избавишь.

Возможно, прозвучало грубо, но я давно поняла, что с такими самоуверенными типами по-другому нельзя. Вот только стоящий передо мной синеглазый брюнет — не просто какой-то там самоуверенный тип, а дух желания. И на мои слова он и бровью не повел!

— Ну что ты, карамелька, — мягко и чуть виновато улыбнувшись, Най покачал головой. — Я всего лишь хочу извиниться за ночное недоразумение. Мне не следовало так поступать.

Нет, и все-таки вгонять меня в ступор сегодня все точно сговорились! Уж чего-чего, а извинений я от него никак не ждала... наверное, именно поэтому и заподозрила в них какой-то подвох.

Цветы я так и не взяла, а поскольку дух неожиданно посторонился, воспользовалась моментом и прошмыгнула мимо. Благополучно добравшись до подсобки, я обнаружила, что там перегорела лампочка, поэтому пришлось пробираться сквозь гору рабочего инвентаря вслепую. После общения с Котиком темноты я не боялась... до того момента, пока не ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Так иногда бывает, лично у меня — когда нахожусь одна дома. Кажется, что из темноты кто-то смотрит на тебя, наблюдает, следит...

По позвоночнику пробежался неприятный холодок, и я поспешила убраться в спасительный коридор.

«Хватит с меня на сегодня духов!» — подумала я, а потом вспомнила о договоренности с Котиком.

Откровенно говоря, усталость навалилась нешуточная, но все же желание порисовать ее перевесило. Так что остаток вечера после сытного ужина я проводила в компании кошки, который подошел к позированию со всей ответственностью. Он провел тщательную подготовку, разложив подушки по цвету и начистив свою трубку, а позировал едва ли не лучше подкроватных монстриков — аки возлежащий на подушках шейх!

— Гото-у-во? — периодически спрашивал пушистый натурщик.

Получая отрицательный ответ, вздыхал, вновь принимал позу и приосанивался. Его пушистым величием мне даже была позаимствована мягкая подушечка, благодаря которой сидеть на полу было комфортно. Я так увлеклась, что совершенно забыла и об усталости, и о настырном Нае. В блокноте, словно по волшебству, линии складывались в толстую, вальяжно развалившуюся на подушках фигурку, размазанные штрихи простого карандаша обращались табачным дымом, яркий маркер изобразил прищуренные желтые глаза. Да, это было настоящее волшебство... волшебство, которое творила я сама!

Какого же было мое удивление, когда, нанеся последний штрих, я обнаружила вокруг себя духов-помощников! Они обступили меня со всех сторон, переминались на маленьких ножках и, вытягивая шею, пытались заглянуть в блокнот.

— А теперь гото-у-во? — проявляя то же любопытство, что и они, спросил Котик, и кончик его хвоста нетерпеливо дрогнул.

Вместо ответа я протянула ему вырванный из блокнота листок, подумав, что в ближайшее время нужно будет по памяти снова нарисовать его портрет — уже для себя.

Котик рассматривал рисунок на расстоянии вытянутых лап, косил одним глазом и придирчиво вглядывался в каждую черточку, заставляя меня нервничать. А вдруг не понравится?

— Хоро-у-ш, — наконец, вынес вердикт он.

Только я хотела поблагодарить за лестную оценку моего художества, как Котик добавил:

— Краса-у-вещ!

Поняв, что он подразумевает себя любимого, я только подавила смешок и покачала головой. Затем нежданно-негаданно в комнату со всей своей чумовой эффектностью ворвалась госпожа Санли, обрушила гнев на бездельничающих духов-помощников, принесла извинения Котику и буквально вытолкала меня за дверь. Время было позднее, так что я особо и не сопротивлялась.

Оказавшись, наконец, в своей комнате, привалилась спиной к двери, скинула туфли и, облегченно выдохнув, прикрыла глаза. Постояла так немного, а после, на каком-то интуитивном уровне почувствовав неладное, посмотрела на письменный стол. Там, среди царящего в комнате полумрака

выделялось неясное светлое пятно — стоящий в вазе букет белых пионов...

## Глава седьмая, О тех, кто обитает в темноте

На сей раз я знала, что сплю. Но невероятную реальность сна это, к сожалению, не отменяло. Впрочем, имелся и позитивный момент — я была одета в любимые джинсы и майку, только ноги оставались босыми.

Передо мной, сидящей на возвышенности, раскинулись зеленые луга, пересеченные поблескивающей под ярким солнцем речушкой. Неподалеку шумел лес, а совсем рядом, только протяни руку, цвели вишни и яблони — настоящая белоснежная сказка, чье благоухание хотелось вдыхать бесконечно.

Несмотря на высоко стоящее солнце, было совсем не жарко, а свет не слепил, позволяя свободно смотреть на чистое, украшенное облаками небо. Я бы наслаждалась всем этим, беззаботно зарывала босые ноги в мягкую травку, подставляла лицо приветливым лучам, искала в облаках знакомые очертания, если бы не одно «но». Очень весомое и, можно сказать, невероятное «но!»

Такая картина была мне слишком хорошо знакома. А разве могло быть иначе, если именно такой пейзаж я представляла, будучи подростком и грезя о прекрасном принце?! Да-да, вот точно, абсолютно точно такой!

В своих мечтах я сидела среди такой красоты, а потом из соседнего лесочка выезжал непосредственно он — мой принц. Иногда на белом коне, иногда на велике, иногда пешочком топал. А иногда моя фантазия особо извращалась, и прямо среди нетронутой природы появлялась шикарная иномарка, из которой выходил парень с лицом известного актера и фигурой лучшей модели. Улыбался мне голливудской улыбкой, признавался в любви, а затем мы вместе уезжали в наступивший закат. Иногда улетали — это если меня совсем несло, и вместо машины, велосипеда или коня появлялся дракон.

Сейчас, внезапно оказавшись среди своих подростковых мечтаний, я видела их смешными, наивными и до жути банальными. Хотя небольшая доля светлой ностальгии тоже была...

Когда в соседнем лесочке раздался шорох, я даже не удивилась. И когда вместо заказанного принца появился Най, не удивилась тоже. Нет, ну духа желания верхом на летающем змее даже мое бурное воображение нарисовать не могло!

Все же полностью воплощать мои давние фантазии дух не стал, и вместо парадного костюма на нем была простая одежда под стать моей — джинсы и рубашка.

— Доброй ночи, Юля, — с улыбкой пожелал он, спешившись и опустившись рядом со мной на траву.

Учитывая вовсю светящее солнце, пожелание прозвучало довольно странно.

— Ты опять? — я напряглась, ожидая, что сейчас он повторит свои поползновения.

— По-моему, красивый сон, — пожав плечами, он устремил взгляд на горизонт. — Я уже извинился за свое недавнее поведение, больше такого не повторится, — синие глаза обратились ко мне. — Ты другая.

Намерение немедленно проснуться пошатнулась. В последнее время мне снился всякий бред, сейчас дух желания приставать явно не собирался, поэтому я не видела причин, по которым не могла бы здесь ненадолго задержаться.

Солнышко продолжало дарить приятное тепло, легкий ветерок приносил ароматы цветущих деревьев и, срывая с них лепестки, бросал мне на колени. Най молчал, вновь обращая взгляд вдаль, а я нет-нет, да исподлобья на него поглядывала. В эти моменты он не походил на самого себя — того, каким предстал в первые наши встречи. Не было самоуверенной наглости, напористости и навязчивости. Только спокойствие и легкая задумчивость, создающие впечатление, что мысленно он одновременно находится и здесь, и где-то далеко.

— У тебя красивое воображение, — неожиданно произнес Най. — Образ похож на картину художника акварелиста.

— Спасибо, — удивленно поблагодарила я, услышав самую необычную похвалу в своей жизни.

— Можно, я побуду здесь еще немного? — спросил дух, глаза которого приобрели оттенок грусти. — Я не могу создать нечто столь прекрасное, черпая образы из своей души.

— Почему? — произвольным шепотом переспросила я.

Ветер развеял черные волосы, спутал их с белоснежными лепестками, и прозвучал ответ:

— Потому что души лишены того богатства, что есть у людей. У нас нет души, — он смотрел на меня несколько долгих мгновений, а затем опустил взгляд и тихо добавил: — У меня нет.

На какое-то мгновение мне стало его жаль. Сердце вдруг екнуло, замерло, чтобы через секунду забиться чаще. Я смотрела на сидящего рядом Ная и, не в силах отвести глаз, ужасно хотела сказать что-нибудь приободряющее. Даже приоткрыла рот, но ни единого слова с моих губ так и не сорвалось. Где-то глубоко внутри трепыхалось странное и крайне беспокойное чувство, объяснения которому я все никак не могла найти.

Как-то совершенно незаметно наш разговор задержался на акварелях, плавно перетек в иллюстрации и перерос в обсуждение современных художников. Най знал многих иллюстраторов, от работ которых я буквально сходила с ума, и эта тема так меня увлекла, что я окончательно забыла о том, где нахожусь. А еще о том, кем является мой собеседник.

По ощущениям, прошло немало времени, хотя оно и пролетело незаметно, а солнце все так же стояло в зените. Продолжал шуршать лепестками ветерок, колыхалась под его дуновениями невысокая трава, по небу все так же не спеша проплывали облака, когда Най с улыбкой произнес:

— Пора. Если не хочешь проспать, самое время возвращаться к реальности.

Не успела я ответить, как умиротворенную тишину нарушил настырный и крайне неприятный звук. Словно доносясь из самого неба, окружающий мир пронзили вопли будильника!

Перехватив мою руку и глядя в глаза, Най коснулся губами моего запястья, щелкнул пальцами, и я почувствовала, что падаю куда-то вниз. Мимолетная, длящаяся всего мгновение темнота — и вместо синего неба надо мной простирается бежевый потолок.

Будильник разрывался не меньше минуты, прежде чем я, сбросив оцепенение, его отключила. Свесив ноги с постели, зарылась руками в спутавшиеся волосы и не без удивления обнаружила в них пару белых лепестков.

— Да что же это такое... — растерянно пробормотала я, все еще пребывая во власти сна.

Не в пример предыдущему, это сновидение было довольно приятным. Как ни странно признавать, но это действительно так. Я бы даже охотно поверила, что видела самый обычный сон, ведь образ присутствующего в нем духа совсем не вязался с тем, кого я знала. Но вот лепестки являли собой неоспоримое доказательство того, что минувшей ночью дух желания снова бессовестно вторгся в мое подсознание.

Умываясь и неспешно переодеваясь в форму, я не могла избавиться от беспокойных мыслей. Перед глазами то и дело предстало его лицо — задумчивое, озаренное мягкой улыбкой, которая касалась и необычайно пронизательных синих глаз... как раз-таки это и пугало.

— Черт! — глядя в зеркало, я похлопала себя по щекам. — А ведь я и вправду поддаюсь его обаянию!

Хотя... обаянию ли? Может, правильнее сказать — чарам? Он ведь намерено воссоздал в моем сне картину из моих же романтических грез. В точности воссоздал! Так что мешало ему изменить и себя?

— Ну, конечно! — щекам досталась еще пара шлепков. — Дура ты, Юлька, почему сразу этого не поняла?

Во сне Най так ловко задурил мне голову и настолько отлично сыграл роль, что я, незаметно для себя, утратила бдительность и полностью ему поверила! Раз он сумел найти доступ в мои фантазии, что мешало ему увидеть еще и давний образ моего идеала, а потом в точности его повторить?

— Нет, ну какой же...

Слов не хватало, и я подумала, что надо будет одолжить у госпожи Санли ее увесистый непечатный словарь. А потом использовать не по назначению и огреть им этого синеглазого оболъстителя! Вот уж точно, змей-искуситель собственной персоной!

Настроение было прескверное. Я злилась и на него, и на себя — причем, на себя больше, — а еще была тверда в намерении найти способ оградить свои сны от постороннего вмешательства. Если нужно обратиться к Кириллу — значит обращайтесь. Маг же он, в конце концов!

На завтрак я притопала в том же откровенно поганно-решительном настроении. Вилли, еще не видевший меня такой, опасливо приподнял колпак и, отлетев на значительное расстояние, принялся рьяно шинковать петрушку, а жующая бутерброд Аленка сходу поинтересовалась:

— Что, опять?

Плюхнувшись напротив, я угрюмо кивнула. Мельком на меня покосившись, Аня немножко отодвинулась и снова углубилась в чтение, беззвучно что-то бормоча.

— Вот что, — сказала Алена, когда Вилли осторожно опустил перед нами яичницу. — Кирилл сейчас отъехал, вроде как на пару дней, но может и дольше. У него проблемы какие-то, так что в ближайшее время он вряд ли найдет минутку с тобой поговорить.

Мое и без того обитающее под плинтусом настроение моментально скатилось куда-то в подземелье.

— Но! — продолжила Аленка, в голосе которой зазвучал энтузиазм. — У нас тут на следующей неделе ежегодная ярмарка духов намечается. Там традиционно всякие штуки полезные по дешевке продают. Можем съездить, глядишь, и тебе амулет какой подходящий подыщем.

Я встрепенулась:

— Серьезно? Это было бы очень кстати...

— Серьезно, — тряхнув кудряшками, подтвердила Алена. — Не дрейфь!

Настроение частично выползло из темных недр и остановилось где-то на уровне цокольного этажа. Вообще-то я никогда не умела долго предаваться унынию, от любых невзгод отходила довольно быстро, и этот раз исключением не стал. Довольная тем, что на горизонте замаячило решение проблемы, да еще и приправленное поездкой на настоящую ярмарку духов, к работе я приступала с оптимизмом. Дополнительным плюсом стало еще и то, что госпожа Санли сегодня пребывала в удивительно благостном расположении духа — настолько, насколько это было возможно в принципе. В связи с тем, что вчера я прибиралась у Котика и драила добрую треть гостиницы, сегодня работы было гораздо меньше. А после обеда и вовсе выяснилось, что, поскольку я успела быстро управиться, оставшуюся часть дня могу быть свободна.

Да я даже ушам своим не поверила!

— Наша управляющая может и ведьма, но не монстр, — усмехнулась Аленка, которой предстояло работать до вечера. И, задумавшись, тихонько добавила: — Ну... почти.

Велик был соблазн покинуть Большой Дом и пойти прогуляться в город, но я от него удержалась, решив провести свободное время с пользой. Завтра суббота — не только мой законный выходной, но еще и день, на который назначено самое важное собеседование в моей жизни. Я намеревалась подготовиться к нему на все сто!

Прежде чем выйти в сад, я привычным маршрутом дошла до подсобки и, погруженная в свои мысли, распахнула дверь. Все так же задумчиво пристроила к стене швабру, опустила на пол ведро и уже собралась уходить, когда снова ощутила его — взгляд. Тот же, что был обращен ко мне вчера. Я могла бы списать такое неприятное чувство на свое чересчур богатое воображение, если бы только не находилось в Большом Доме — месте, где обитали духи всех мастей!

Тут же вспомнив о Котике, который оказался совсем не таким страшным, каким представлялся вначале, я как можно увереннее спросила:

— Кто здесь?

Направленный на меня взгляд стал еще тяжелее. Даже показалось, что темнота в дальнем углу комнатки зашевелилась. А вместе с ней уже в который раз за последнее время зашевелились волосы на моей голове! И не по себе стало. Очень-очень.

Тем не менее, уходить я не спешила. Вместо такого вполне логичного действия, которое поддерживало чувство самосохранения, почему-то продолжала стоять на месте и пристально всматриваться в темноту. Мне могло и казаться, но в какой-то момент я поймала себя на том, что различаю высокий тонкий силуэт, забившийся в дальний угол.

А еще через некоторое время мне пришлось узнать одну простую истину: если долгое время всматриваться в темноту, она может с тобой заговорить!

— Ты что, видишь меня? — прошепестел незнакомый голос.

И вот тут я была как никогда близка к безотлагательному бегству! Но все-таки не сбежала. Потому что пора уже привыкнуть и к духам, и ко всякого рода странностям. И вообще, вдруг окажется, что этот жмующийся в уголке дух тоже очень колоритный и идеально подойдет для моей серии забавных персонажей?

«Чокнутая», — припечатал меня здравый смысл, которому очень хотелось как можно скорее

покинуть подсобку.

«Творческая», — мысленно поправила я.

И ответила на озвученный ранее вопрос:

— Не очень отчетливо, если честно. Но да, кажется, вижу.

— Ты не можешь меня видеть, — шелестящий женский голосок прозвучал изумленно и несчастно. — Мое присутствие можно только чувствовать!

Или посочувствовать, поскольку теперь я видела этого духа во всех подробностях. Передо мной стояла высокая худощавая девушка с бледной кожей, очень длинными светлыми волосами и одетая в белую бесформенную сорочку.

— Ну уж прости, я почему-то вижу, — ответила я и, посчитав, что дух, с которым приходится иметь дело, довольно безобидный, представилась: — Юля.

Бесцветные, светящиеся в темноте глаза отразили полнейшее неверие. Нет, ну можно подумать, это она здесь духа увидела!

— У тебя есть имя? — спросила я, почему-то не в силах прекратить этот странный разговор.

Девушка вздрогнула, помялась, переступая с одной босой ноги на другую, и, наконец, ответила:

— Меня называют Наблюдательницей.

— Почему? — снова задала вопрос я, хотя об ответе уже догадывалась.

— Потому что я наблюдаю, — вздохнула она, не отрывая от меня светящихся глаз. — Из темноты, где всегда живу. Прихожу в дома, где не горит свет, пробираюсь в комнаты, прячусь в ваннах и на чердаках, наблюдаю... за людьми наблюдаю. Меня никогда не замечают. Только чувствуют иногда — чаще всего дети. Но если чувствуют — всегда пугаются и убегают.

Ее голос звучал очень тихо, похожий на легкий бумажный шелест:

— А ты не хочешь убежать?

Если сперва мне действительно этого хотелось, то теперь такое желание исчезло. Уж очень замученной и несчастной Наблюдательница выглядела. Похоже, она и сама была ужасно перепугана!

— Одиноко тебе, наверное, — искренне посочувствовала я. — Если ты существуешь только в темноте, получается, никогда не видела ни солнца, ни света, ни ясных дней?

Дух обреченно кивнул, и я преисполнилась к нему еще большей жалостью. Правда же бедняга...

— А если я включу свет, ты исчезнешь?

Снова кивок и дополнение:

— Но если пожелаю, появлюсь здесь снова.

В коридоре послышались шаги, от которых вздрогнула и я, и Наблюдательница, а затем дверь открылась, и в нее вошла Аня. Заметив меня, она улыбнулась, достала с полки какое-то моющее средство и попутно спросила:

— Мне показалось, или ты с кем-то разговаривала?

Я перевела удивленный взгляд на Наблюдательницу, а та лишь развела руками, как бы подтверждая: «я же говорила».

Уже немного позже, когда я, прихватив скетчбук, карандаши и кружку мятного чая, направлялась в сад, у меня назрел крайне занимательный вопрос. Если Наблюдательницу в самом деле никто не видит — даже Аня, будучи ведьмой, и Алена, являясь медиумом, — то с какой такой стати ее вижу я? И вообще, стоило давно задать себе вопрос, озвученный Германом: а как, собственно, я в принципе вижу всех этих духов? Помнится, Кирилл говорил что-то о Великом, который услышал мою просьбу о работе и направил в Большой Дом. Так может, меня помимо исполнения желания еще и необходимым бонусом наградили?

Пока я возилась, болтая со всякими там обитающими в темноте духами, и забирала у Вилли свой чай, на улице пошел дождь. Стоило мне переступить порог черного входа, как в лицо дхнул запах

свежести и влажной земли. Но меня это не остановило и, быстренько добежав до стоящей неподалеку деревянной беседки, я расположилась в ней.

Отсюда, с заднего двора, Большой Дом выглядел почти так же, как со стороны городской улицы. С тем лишь исключением, что казался совершенно новым. Если включить фантазию, можно было даже представить, что таким он и был более века назад — когда его только построили. Точнее, не он сам, а возведенное людьми здание, параллельно с которым он существовал.

Воспроизводя на бумаге отпечатавшийся в памяти портрет Котика, я впервые по-настоящему размышляла над тем, в каком месте оказалась. Ведь наверняка не только у Большого Дома, но и у этого дореволюционного строения была своя история. Интересно, что здесь раньше находилось? В моем понимании, это здание больше всего походило на усадьбу.

Закончив портрет Котика, я перешла к Наблюдательнице. Стилизовать ее не составило никакого труда, а вот с выражением лица пришлось повозиться. Мне хотелось передать одновременно испуг, грусть и чувство одиночества, но каждый раз получалось что-то не то. Когда я испортила три листка, то, как это обычно бывало, решила переключиться на что-то другое. За прошедшие дни я успела сделать наброски очень многих и теперь превращала их в настоящие иллюстрации. Время близилось к вечеру, и дождь постепенно прекращался. Кружка чая давно опустела, стало немного прохладно. И все же находиться в саду было очень приятно. Пожалуй, здешняя атмосфера могла смело соперничать с той, что присутствовала в моем сегодняшнем сне. А запахи! Боже, как же головокружительно пахли влажные от дождя цветы!

Как-то незаметно для самой себя я завершила почти все иллюстрации, которые планировала. Осталась всего пара персонажей, но их я надеялась закончить перед сном. Наверное, стоило на этом остановиться, но внезапно во мне проснулось какое-то странное желание изобразить еще парочку духов. Я успела подумать, что, должно быть, совсем спятила, прежде чем принялась старательно выводить на бумаге... безликих.

До сих пор, как только я вспоминала это подвижное желе, меня пронзала дрожь. Как-то мне доводилось слышать о такой методике в психологии: если что-то тебя пугает, нужно представить это «что-то» в забавном виде. Вот я и превращала жутких духов в пусть и сердитых, но вполне милых чудиков.

Я даже весело фыркнула, когда вышедший из-под моих пальцев безликий оказался и вправду смешным. Он топал железной ножкой, хмурил брови и походил этим на непослушного, капризничающего ребенка.

Внезапно к ритмичному стуку капель добавился звук шагов. Обернувшись, я увидела направляющуюся ко мне Алену, которая несла поднос. При ее приближении оказалось, что на нем пыхтел чайничек с горячим чаем, а рядом мостилась вазочка со свежее испеченным Вилли печеньем.

— Ты как Анька, честное слово! — укорила напарница, поставив на стол в беседке эту аппетитную красоту. — Что та с учебниками спит, что ты со своими блокнотами! О! — без перехода восторженно кивнула она на иллюстрацию. — Это что, Котик?!

Если вкратце рассказать о том, что происходило в следующие минут пять — так меня еще не хвалили! Как выяснилось, сама Алена рисовала как курица лапой (это дословно с ее же слов), поэтому буквально преклонялась перед художественными талантами других. От ее похвал я покраснела как... как Котик, когда я передавала ему журнал!

— А это что, подкроватные? — зашлась она хохотом, когда увидела их ростовые портреты. — Ой, не могу... Юль, это же потрясающе! Честное слово, потрясающе!

Как-то мимоходом я поделилась своими планами на завтра, а именно — что собираюсь попытать счастье на профессиональном художественном поприще. На это Алена уверила, что если я умудрюсь провалить собеседование, она не пустит меня на порог, а тех болванов, которые лишены всяческого иллюстраторского чутья, самолично прикопает.

— О, а это кто? — заинтересовалась она моими последними иллюстрациями, когда я уже собралась закрывать блокнот.

После такого вопроса я даже капельку расстроилась, потому что мне казалось, что безликие вышли удачно. А раз она их не узнала, значит, моя стилизация получилась не такая уж и хорошая.

— Не узнаешь? — я вздохнула. — Ну и ладно, попозже тогда над ними еще поработаю.

Аленка всматривалась в страницы скетчбука с пристальностью опытного следопыта, но в итоге сдалась и умоляюще на меня посмотрела.

— Да безликие это, — сжалилась я.

— Вот уж нашла, кого рисовать, — фыркнула Алена. — Хотя фантазия у тебя и впрямь буйная. Я бы ни за что не додумалась их в форме желешек представить! Мне они как-то всегда в виде теней представлялись, или привидений...

— В каком смысле представлялись? — не поняла я. — Их что, каждый по-своему видит?

Настал черед удивляться Алене. На меня смотрели точно как на иллюстрации, если еще не пристальнее.

— Так, — выдохнула она, положив руки мне на плечи. — Только не говори, что ты их видишь...

Внутри меня зашевелилось предчувствие — хорошее или нет, я пока не понимала, но в том, что оно очень важное, не сомневалась ни капли. Хотелось того или нет, а пришлось осторожненько сообщать и без того явно ошарашенной Алене, что да, я вижу безликих, а еще и обитающую в подсобке Наблюдательницу.

— Это плохо, да? — взволнованно осведомилась я. — Теперь этим желешкам будет проще меня сожрать?

Несколько долгих мгновений Алена только и могла, что изумленно моргать, продолжая буравить меня пристальным взглядом, после чего резко схватила за руку и потащила за собой в Большой Дом.

## Глава восьмая, в которой безликоборец наносит ответные удары

— Она видит безликих! — сходу заявила напарница, притащив меня не куда-нибудь, а к Герману.

Я так растерялась от ее напора, что даже не сопротивлялась, когда меня бесцеремонно проволокли по прихожей, протащили за собой по лестнице и втолкнули в комнату, располагающуюся на цокольном этаже.

Судя по накинутому плащу и высоким сапогам, Герман как раз собирался уходить, когда к нему ворвался вихрь в виде двух взбудораженных горничных. Надо отдать безликоборцу должное, наш приход несколько не вывел его из состояния равновесия. Мне уже вообще начинало казаться, что воздвигнутую вокруг него невидимую стену не пробить ничем!

Обернувшись в нашу сторону, он на несколько мгновений замер, пристально всматриваясь мне в лицо, после чего, как ни в чем не бывало, двинулся к выходу. Вот только на его пути стояли замершие в дверях мы, и если оттеснить растерянную меня не составило никакого труда, то сдвинуть с места Алену оказалось непросто.

— Вы слышали, что я сказала? — взволнованно повторила она. — Юля видит безликих!

Теперь пристальный взгляд несколько секунд буравил ее, после чего Герман ровно произнес:

— Это невозможно.

— Но... — попыталась запротестовать Алена.

— У новой горничной слишком богатое воображение, — все же сумев оттеснить ее в сторону, раздраженно бросил Герман. — Пусть занимается своими прямыми обязанностями, а не лезет, куда не следует.

Его слова уничтожили мою растерянность, не оставив от нее и следа. А на смену ей пришла горячая волна негодования, затопившая меня целиком! Конечно, этот тип никогда не отличался избытком любезности, но это уже откровенное хамство — говорить обо мне в третьем лице, да еще и в таком тоне!

Никогда не любила кричать кому-то в спину, уподобляясь мелкой твякающей собачонке, но сейчас он по-настоящему вывел меня из себя. Поэтому, глядя в ту самую движущуюся к лестнице спину, я возмутилась:

— Может, у новой горничной и богатое воображение, но одному безликоборцу определенно не хватает учебника хороших манер! И к сведению этого безликоборца, я никуда не лезу, а тот факт, что вижу желеобразных чудищ, его ничуть не касается! Так что мне плевать, верит он, или нет!

Герман остановился и застыл ровно в тот момент, когда я заговорила о желеобразных чудищах. Кажется, предыдущие слова он благополучно пропустил мимо ушей и не стал бы больше удостаивать меня даже взглядом, если бы не эта фраза.

Он стоял так буквально с пару секунд, затем резко обернулся и... я говорила, что его предыдущие взгляды были пристальными? Нет! По-настоящему он буравил взглядом именно сейчас, причем в направленных на меня глазах, помимо прочего, появился проблеск интереса.

Что собирался сказать Герман, мне было не суждено узнать, поскольку над нашими головами неожиданно громыхнул гром. Ну, это изначально я приняла раздавшийся грохот за гром, а когда мы синхронно ринулись вверх по лестнице и, миновав коридор, оказались в холле, оказалось, что источником шума является госпожа Санли. Она стояла посреди заляпавшей пол черной и липкой на вид кляксы, растрепанная и с перекошенным от злости лицом, а в ее руках находился осколок разбитой банки. Остальные же осколки, наряду с кляксой, тоже покрывали пол.

Быстро глянув на ресепшен, я увидела, что Олег забился под стойку и обхватил голову руками. Признаться, при виде все больше и больше впадающей в ярость управляющей, мне захотелось сделать то же самое.

— Лучший косметический эликсир! — проговорила она сдавленным голосом. — Да чтоб...

По каким причинам ее лучший эликсир взорвался, мы так и не узнали, потому что далее управляющая продемонстрировала все содержимое своего непечатного словаря. А затем, когда демонстрация была окончена, госпожа Санли взвилась и набросилась на Алену, потребовав немедленно убрать «все это безобразие», а так же немедленно разыскать «немочь бесцветную», которая целый день отлынивает от работы. Затем горящий ведьмовской взор направился на меня, и я уже мысленно попрощалась с честно полученным отдыхом, когда неожиданно вмешался Герман.

— Она идет со мной, — среди творящегося сумасшествия его голос прозвучал с чужеродным спокойствием.

Не знаю, чему я удивилась больше: его заявлению, или тому, что госпожа Санли даже не подумала возразить. В излюбленной манере поджав губы, она только отрывисто кивнула и продолжила расточать волны недовольства в адрес моих несчастных напарниц.

Не глядя на меня, Герман прошествовал в направлении коридора, ведущего в кухню, но когда я осталась стоять на месте, обернулся и выразительно приподнял бровь. Поколебавшись не дольше пары мгновений, я побежала в свой номер, где прихватила ветровку, затем снова спустилась вниз и застала Германа уже с перекинутым через плечо мешком. Угадать, что в нем находится, не составило труда — однозначно бараньи ноги.

Я понимала, куда он направляется и, по правде говоря, идти с ним не испытывала ни малейшего желания. Но убирать липкую пакость не хотела еще больше, а вдобавок в глубине души испытывала смутное и какое-то ненормальное любопытство, подталкивающее еще раз хотя бы одним глазком взглянуть на безликих. Психологическая методика подействовала, не иначе! А еще безликоборец мог пролить свет на то, почему я вижу то, чего видеть, судя по всему, не должна...

— Ты что делаешь? — отшатнулась я, когда Герман неожиданно попытался меня обнять.

Поморщившись, он вновь бесцеремонно притянул меня к себе, и не успела я опомниться, как на мою шею оказался надет медальон. Он был похож на тот, что носил сам Герман, только немного меньше. С серебряной бляшки свисали короткие красные нити, заканчивающиеся бусинами.

— Внутри мята, — соизволил пояснить безликоборец.

Взяв медальон, я не без интереса его рассмотрела и, заметив сбоку выступ, тут же на него нажала. Раздался щелчок, крышечка открылась, и внутри действительно оказался маленький пучок этой ароматной травки.

Пока я рассматривала новое украшение, Герман успел выйти на улицу и дойти до ворот. На ходу надевая ветровку, я выскочила следом за ним и едва не упала, поскользнувшись на мокрой дорожке. По закону подлости безликоборец оглянулся именно в этот момент, и меня удостоили крайне выразительного скептического взгляда. Я уже была готова вновь возмутиться, но тут из гостиницы донеслись грозные вопли «рыжей чумы», вынудившие прикусить язык. Еще неизвестно, кто опаснее — пара-тройка безликих, или разбушевавшаяся древняя ведьма!

После прошедшего дождя на улице было прохладно, даже холодно, чему способствовала и приближающаяся ночь. Зажглись редкие фонари, очень кстати осветившие пестрящий выбоинами тротуар. Стараясь обходить многочисленные лужи, я молча шла за Германом, чувствуя себя при этом престранно. Недавно сравнивала себя с Алисой из знаменитой сказки, а теперь словно участвовала в сказке другой: «Пойди туда, не знаю, куда». Было ясно, что Герман идет охотиться на безликих, но вот где конкретно это будет происходить, оставалось загадкой.

Прохожие встречались редко, а те, что встречались, неизменно провожали нас удивленными взглядами. Если благодаря плащу безликоборец хотел оставаться незаметным — тактику он выбрал в корне неверную. Перекинутый через плечо мешок тоже мало вписывался в рамки обыденности, так что я в дополнение ко всему ощущала себя еще и спутницей обитателя средневековья.

Улицы, по которым мы шли, отличались малолюдностью и плохой освещенностью. Фонари чем дальше, тем встречались все реже, зато количество ям на тротуаре увеличивалось с завидной быстротой. Вознося благодарности любимым удобным кедам, я продолжила машинально идти вперед, как вдруг Герман внезапно остановился. Большой Дом стоял где-то на окраине, а теперь мы, судя по всему, оказались на самой городской черте. Слева виднелся пустырь и небольшой пролесок, а справа возвышались какие-то заброшенные строения. Присмотревшись внимательнее, я заметила проржавелую накренившуюся табличку, сообщающую, что здесь некогда располагалась обувная фабрика.

Места эти выглядели не слишком радушными, отчего мне подумалось, что лучше бы я надраивала холл гостиницы, оттирая черную пакость. И вообще, совсем не то я подразумевала, когда хотела оказаться за пределами Большого Дома и немного прогуляться... совсем-совсем не то!

Тем временем Герман осмотрелся и, кивнув каким-то своим мыслям, прошествовал напрямик к фабрике. У меня разве что ноги не зачесались вернуться в родную и милую гостиницу, но отступить было поздно. Искренне пытаюсь подавлять скребущийся в душе страх, я вновь покорно пошла за безликоборцем, и вскоре мы очутились у одной из полуразвалившихся стен.

К моему глубочайшему недоумению, Герман скинул свою ношу прямо на землю, затем вошел внутрь здания, откуда вернулся с какими-то дощечками, бумажками, прочим мусором и... принялся разводить костер.

Костер, чтоб его!

Наверное, со сменяющих друг друга выражений моего лица можно было рисовать набор смайликов, но Герман этого не увидел. Он сосредоточился на своем занятии, действуя при этом расслабленно и уверенно. Прошло совсем немного времени перед тем, как обшарпанные, украшенные «великим и могучим» стены облизали язычки разгоревшегося пламени.

Теперь мне приходилось чувствовать себя до нельзя глупо, стоя перед костром, в то время как Герман преспокойно перед ним сидел. Он снял плащ, расстелил его прямо на земле и вальяжно на нем устроился. Правда, долго мое нынешнее самоощущение не продлилось — плюнув на все, я, недолго думая, уселась рядом с ним.

И вот горит жаркий костер, искорки вверх поднимаются, где-то капельки капаят, звездочки на прояснившееся небо выползают...

— Романтика? — спросите вы.

— Комары! — отвечу я.

Проклятые кровопийцы до того обнаглели, что лезли прямо в глаза, чем невероятно бесили. Один их гул раздражал настолько, что хоть вой! А этот тип рядом со мной сидел себе и в ус не дул — нет, ну надо же! Даже противные насекомые его не берут!

— Слушай... — прилепнув одного особого наглого кровопийцу, решила заговорить я. — Мы чего вообще ждем?

Ответило мне горящее дерево, затрещав особенно громко, а вот безликоборец промолчал.

— Понятия не имею, когда у тебя день рождения, — проговорила я, — Но обязательно это выясню и таки подарю тебе учебник для изучения хороших манер. А еще лучше — методичку с указаниями по социальной адаптации.

Герман усмехнулся, что стало для меня полнейшей неожиданностью (то есть, улыбаться мы все-таки умеем!), и ответил на ранее заданный вопрос:

— Мы ждем безликих.

— Ага, — кивнула я, после того как догадка подтвердилась. — А я тебе для чего — в качестве приманки?

— Разумеется, — согласился Герман.

Прозвучало до того убедительно, что я поверила, успела запаниковать, возжелать немедленно отсюда убраться, а перед этим прибить его за такую кошмарную подставу! Но повторная усмешка и очередной скептический взгляд остудили мой пыл и открыли еще одну особенность безликоборца: какое-никакое, а чувство юмора у нас, оказывается, имеется тоже.

— А ты их видишь? — резко сменила тему я.

Быстрого ответа, конечно, не ожидала (да и вообще никакого не ожидала), но неожиданно его получила:

— Частично, — Герман бросил в костер скомканную бумагу. — В большей степени чувствую.

Немного воодушевившись его внезапной общительностью, да еще и намеками на дружелюбие, я не приминула уточнить:

— А я? В смысле, если вижу их очень отчетливо, это плохо?

Общительность и дружелюбие сдохли в зародыше, ответа на сей раз я не дождалась, из чего сделала вывод: в моей способности видеть духов Герман по-прежнему сомневается. А сюда притащил, чтобы прояснить этот момент до конца.

— Вижу или нет, а уничтожать их я не умею, — напомнила ему. — Так что учти, если эти твои безликие объявятся, моя целостность и сохранность целиком на твоей совести!

Закономерно меня проигнорировав, Герман поднялся, развязал свой мешок и извлек из него сырую баранину. Разложил ее примерно в десяти шагах от костра, достал откуда-то еще несколько больших пучков мяты — можно сказать, веников! — и пару из них протянул мне.

— Разложи вокруг себя, — велел он. — Они тебя не учуют.

Вторично меня просить не пришлось — такое действие я исполнила с большой охотой. Обложила мяткой, как Котик мягкими подушками, и даже на всякий случай пожевала пару листков. Герман к такой щепетильности остался равнодушен, разве что его губы вновь скривились в некоем подобии усмешки. Да и на здоровье — пусть усмехается, сколько влезет, лишь бы защиту мне обеспечил!

Как раз после того, как все приготовления были окончены, и я почти успокоилась, воздух невдалеке как-то странно завибрировал. Это было непонятно и необъяснимо, словно до меня донеслась вибрация от очень громкой музыки, в то время как она сама была не слышна. Моментально посмотрев в ту сторону, я подобралась и сжевала третий листок.

Там были они! Ходячие желешки в количестве трех штук!

— Что, действительно видишь? — выдернул меня из лап нахлынувшего страха Герман.

Голубые глаза были прищурены и обращены ко мне.

Все язвительные замечания остались мной не озвучены, так как моей выдержки хватило лишь на утвердительный кивок.

Я уже всерьез начинала жалеть, что вообще сюда пришла и очень надеялась, что в случае чего, Герман меня все-таки не бросит. Ибо мы в ответе за тех, кого с собой на приключения притащили!

Безликие двигались медленно и бесшумно. Передвигались на толстых длинных ногах, что придавало им человеческие черты, и, будучи полупрозрачными, переливались всеми цветами радуги. Вот уж точно — желатинки!

Глядя на их неотвратимое приближение, я силилась представить безликих такими, какими изобразила их на иллюстрации. Смешными, забавными, капризными и чуточку бестолковыми. Что до первых трех определений, то таковыми настоящие безликие являлись вряд ли, а вот последнее вполне себе оправдывали. Видимо, мозги у них были такими же железяными, так как, оказавшись около разложенной на земле баранины, они синхронно замерли и принялись озираться по сторонам.

— Жрать хотят, — ровно произнес Герман.

Как мне в скором времени пришлось убедиться, жрать они хотели отнюдь не мясо. То лишь служило для них приманкой, в то время как истинной целью являлись духи. А поскольку никаких духов, кроме них самих, поблизости не наблюдалось, они предпочли людей. А поскольку люди здесь присутствовали только в нашем лице, то и поглотить вознамерились непосредственно нас. Точнее Германа, который сам вышел к ним навстречу. Я же продолжала восседать в окружении мяты, тихонько клацать зубами, да дышать через раз — так, на всякий пожарный.

Мысленно я настроилась на очередной фильм ужасов, сопровождаемый неминуемым пролитием крови, но к моему несказанному облегчению ничего подобного не было и в помине. Конечно, комедией разворачивающуюся передо мной картину тоже вряд ли можно было назвать, а вот драмой — вполне.

Герман разобрался с безликими в считанные минуты. Тихо к ним подкрался, а затем уложил одного за другим до того ловко, что я и оглянуться не успела! По земле растеклись невнятные железяные лужицы, от которых вскоре не осталось и следа.

— Что, и все? — не поверила я. — Так просто?

Теперь обратившийся ко мне взгляд был мрачным, как бы говорящим: нет, не просто. По-видимому, чтобы разделаться с безликими требовалось приложить немало сил, о чем свидетельствовала и мгновенная бледность, коснувшаяся лица Германа.

Я уже открыла рот, намереваясь спросить, можно ли теперь возвращаться в Большой Дом, как вдруг увидела позади него еще две полупрозрачные фигуры. Они двигались молниеносно, с нечеловеческой быстротой, и я только и успела, что судорожно выкрикнуть:

— Сзади!

К счастью, этого оказалось достаточно, чтобы Герман круто развернулся и, встретившись с безликими лицом к лицу, отправил их к почившим собратям.

После того как еще две лужицы впитались в и без того влажную землю, повисла гулкая тишина. Только костер слегка потрескивал, да гудели под ухом назойливые комары. Под тем тяжелым, буквально придавливающим взглядом, каким смотрел Герман, мне и самой захотелось, уподобившись безликим, раствориться в земле. Но длилось это ощущение недолго — мне ко всяким тяжелым взглядам вообще не привыкать. У меня папочка — человек суровой армейской закалки, и

не так смотреть умеет!

Я невозмутимо смахнула с джинсов несуществующий мусор и поинтересовалась:

— Мне благодарности сейчас ждать, или до утра отложим?

— Ты не должна их видеть, — судя по всему, благодарностей в планах и не стояло. — В тебе нет ни капли сил безликоборца, я бы почувствовал.

— Так может, ты объяснишь, как такое возможно? — я спокойно встретила его взгляд. — Знаешь, по натуре я человек жутко любопытный, а если дело касается лично меня — любопытный вдвойне. Так вот сейчас мне жутко любопытно узнать, что же со мной не так. Предположения есть?

Кажется, такой реакции Герман от меня не ожидал. Наверное, думал, что, столкнувшись с безликими, начну если не психовать, то, по крайней мере, помалкивать и трястись от страха. Но здесь была вынуждена его разочаровать — страх у меня обычно проходил так же быстро, как плохое настроение. А еще от меня за версту разило мятой, так что даже столкнусь я с желешками нос к носу — шиш бы они меня учуяли!

Герман двинулся с места, остановился от меня на расстоянии пары шагов и, продолжая смотреть в упор, спросил:

— Как ты попала в Большой Дом?

Его манера вести диалог очень напоминала принцип «вопросы здесь задаю я». То есть, мои он принципиально игнорировал, зато свои не уставал повторять.

И все же я со вздохом ответила:

— Ты уже спрашивал. Но если нужны подробности...

И я поведала душещипательную историю о том, как дорогая и любимая подружка вместе с мужем уехала смотреть египетские пирамиды, как я за две недели отчаялась отыскать работу, как попросила звезды об исполнении желания, и как это самое желание мгновенно исполнили. Предоставили мне транспорт и доставили прямо до места назначения — то есть, гостиницы духов, где как раз уволилась горничная, и по такому случаю Кирилл встретил меня с распростертыми объятиями.

— Вот, — подытожила я.

А сама подумала, что, доведись мне услышать такую историю пару недель назад, покрутила бы пальцем у виска.

На лице Германа отразилась озадаченность, которая, впрочем, совсем скоро сменилась привычным угрюмым безразличием. Тянуть из него слова клещами я устала, поэтому сделала то, чего, по-видимому, он хотел больше всего — замолчала.

Мы продолжали сидеть у костра, который понемногу угасал, небо к этому времени окончательно прояснилось, и отмытые дождем звезды сияли как никогда ярко. Домой безликоборец пока явно не собирался, а мне возвращаться одной было... нет, не страшно, скорее немного боязно. Так что я предпочла задержаться и, достав из прихваченного с собой рюкзака блокнот, принялась дорисовывать то, что не успела ранее.

Судя по исходящему от Германа напряжению, я своими действиями снова поставила его в тупик. От осознания чего даже тихо фыркнула — было что-то приятное в том, чтобы пробуждать в нем хоть какие-то, отличные от раздражения эмоции.

Пока я возилась с дорисовкой персонажей, которые намеревалась сделать частью портфолио для завтрашнего собеседования, Герман успел разделаться еще с одним безликим. Причем на сей раз я в его сторону почти не смотрела — подумаешь, желешка напала... тоже мне, невидаль!

Но, не удержавшись, один взгляд исподлобья все же бросила. И вместо того чтобы обратить внимание на выверенные движения и ловкость, с которой Герман заставил злобного духа развалиться на кусочки, я снова думала о том, что он кажется мне смутно знакомым. «Взгляд исподлобья» неумовимо трансформировался в «пристальное рассматривание», и я упустила тот момент, когда Герман его поймал. Уже сбилась со счета, в который раз за этот вечер мы играли в гляделки, но в этом раунде потерпела безоговорочное поражение. Отведя глаза, я вернулась к рисованию и принялась штриховать пузо слоновидного духа с особым рвением. А затем, когда прошло немного времени, мой карандаш замер. Пальцы словно сами собой перелистнули несколько страниц блокнота и начали новый набросок.

Хорошо, что на этот раз закон подлости не сработал, и мои возобновившиеся быстрые взгляды остались незамеченными. Черты лица Германа были очень яркими, выразительными — казалось, всего пара резких штрихов способна точно их передать. Но быстрый портрет мне не давался. А нарисовать его хотелось буквально до дрожи, до маниакальной необходимости. Со мной иногда такое случалось... хотя, кого я обманываю? Происходило чуть ли не каждый день! Вдохновение приходило, откуда не ждали, и требовало немедленного выхода наружу. Вот я ему выход и пыталась обеспечить, правда, безуспешно. Портретист-реалист из меня такой же, как пейзажист. А стилизовать безликоборца точно не стоило.

Хотя...

Нет, все-таки не стоило. Во всяком случае, не сейчас.

Как это обычно бывало, я так увлеклась, что даже не заметила, как пара иллюстраций переключалась в руки Германа. Обнаружила это, только когда он склонился над ними, чтобы лучше рассмотреть, тем самым испортив мне весь хороший ракурс.

— Эй! — возмутилась я таким бесцеремонным вмешательством в мой маленький мир.

Вот чего не люблю, так это когда мои рисунки пытаются посмотреть без спросу! Это все равно что... что в душу влезть!

— Серьезно? — Герман перевернул лист иллюстрацией ко мне. — Ты видишь их такими?

На меня смотрела смешная и насупленная, топающая ножкой желешка.

— Ага, — беззаботно отозвалась я. — Именно такими.

Последовавшая за моими словами смесь неверия, изумления и недоумения определенно стоила этой маленькой лжи. Насладившись ей в полной мере, я отобрала у Германа иллюстрации, сложила их обратно в блокнот, который после засунула в рюкзак, и осведомилась:

— Домой скоро?

Дома — как-то незаметно для себя я стала считать Большой Дом таковым — мы оказались около двух часов ночи. Несмотря на то, что завтра мне предстоял ранний подъем, сейчас глаза слипались, а ничего путного от безликоборца мне узнать так и не удалось, о проведенном с ним вечере я не жалела. Даже благодарна была за насыщенную «программу» и полученные впечатления.

А еще за то, что благодаря дикой усталости заснула быстро и с уверенностью, что не увижу никаких странных снов.

## Глава девятая, о чирикающих гусях и новой работе

Я вышагивала по улицам нашего городка с папкой подмышкой, рюкзаком на плече и духом-хранителем под боком. Маленький цыпленок — один из тех, кто получил свой портрет в числе первых, увязался за мной и ни в какую не хотел возвращаться в Большой Дом.

— Делать тебе нечего? — покосившись на него, шикнула я. — Ну-ка брысь обратно!

— Уи-уи! — пропищал он, активно перебирая длинными лапами.

— Брысь, кому сказано! — приняла я еще одну беззлобную попытку его вразумить. — Отвлекаешь ведь. А у меня, чтоб ты знал, сегодня очень важный день!

— Уи-уи! — деловито пропищали мне в ответ и гордо вскинули голову.

Вздохнув, я бросила взгляд на наручные часы и ускорила шаг. Понятия не имею, почему всегда так получается, но если я встала вовремя, заранее собралась и даже морально настроилась — в итоге стопроцентно буду опаздывать. Уже отойдя от гостиницы на приличное расстояние, я поняла, что забыла иллюстрацию Котика, которую решила подправить с утра пораньше. Бегом ринувшись обратно, как раз столкнулась с цыпленком, который семенил мне навстречу с рисунком наготове. Из чувства благодарности я его чуть не расцеловала, но вот желание духа пойти со мной не оценила.

На мое счастье, офис располагался всего через три остановки от гостиницы, так что отсутствие нужного транспорта проблемой не стало. Благодаря удачному стечению обстоятельств я все-таки успела вовремя. Собеседование проходило на первом этаже нового на вид здания, в небольшом, но светлом и аккуратном помещении. Видимо, здесь совсем недавно был проведен ремонт: пахло свежей краской, а из мебели присутствовали только расставленные в ряд стулья и компьютерный стол.

Войдя, я сразу отметила шестерых претендентов на желанную должность, занимающих те самые стулья. Из них трое были девушками, двое — парнями, а с половой принадлежностью оставшегося человека я затруднялась. Облаченный в черное, коротко стриженный, с многочисленными пирсингами объект так просто классификации не поддавался. Свободное место оставалось как раз рядом с ним, и как только я присела, из смежной комнаты вышел еще один молодой человек. Очень симпатичный, надо отметить, и относящийся к разряду тех, кто умеет располагать к себе с первой секунды знакомства.

— Доброе утро! — с улыбкой приветствовал он, обведя собравшихся дружелюбным, но вместе с тем изучающим взглядом.

Мы произнесли нестройным хором ответные приветствия, а один из присутствующих, видеть которого могла только я, выдал коронное:

— Уи-уи!

Далее улыбчивый главный редактор, представившийся Дмитрием, коротко изложил обязанности будущих работников компании и предъявляемые к ним требования. В целом, про себя я могла сказать, что подхожу по всем параметрам... кроме одного. Ключевого. У меня напрочь отсутствовал опыт рисования на графическом планшете. К тому же, мои навыки работы в «фотошопе» и еще паре подобных программ никак не соответствовали профессиональному уровню.

И все же отступить я не намеревалась.

Поскольку пришла последней, беседовать с потенциальным руководителем мне тоже предстояло в последнюю очередь. Сначала нам раздали анкеты, в которых содержался перечень стандартных вопросов, а затем стали подзывать по одному. Все, что говорили кандидаты, было хорошо слышно, и чем больше я их слушала, тем сильнее нервничала. Разумеется, идя сюда, я отдавала себе отчет, что могу оказаться далеко не лучшей, но все-таки в глубине души надеялась на удачу. В конце концов, они ведь сами меня пригласили, верно?

Когда объект в черном (который, к слову, все-таки оказался парнем), вернулся на свое место, я глубоко вдохнула и прошествовала к письменному столу. Протянула Дмитрию папку со своими работами, присела напротив него и принялась ждать, пока он просмотрит их и заполненную анкету.

Еще никогда тиканье часов не действовало на меня так угнетающе. И еще никогда гул машин не казался таким громким! Тишина длилась недолго, но была до того давящей, что я едва справлялась с собой. Изо всех сил поддерживая видимость спокойствия, внутри буквально сходила с ума и плавила от нестерпимого волнения.

— Итак, Юлия, — голос Дмитрия заставил встрепенуться. — Не буду скрывать, что недостаточные навыки владения программами являются существенным минусом. В своей компании мы бы хотели видеть настоящих профессионалов. То же касается и отсутствия опыта работы на планшете.

Такие слова могли похоронить мою мечту об этой работе... если бы мечта не была именно моей. Я свои мечты холю, лелею, оберегаю и так просто от них не отказываюсь!

— Зато у меня имеется потрясающее умение быстро обучаться всему новому, что сполна компенсирует обозначенные вами недостатки, — заметила я.

— А что компенсирует отсутствие опыта работы? — моментально среагировал Дмитрий, чуть подавшись ко мне.

— Ваш профессионализм, — так же моментально выдвинула аргумент я, послав ему сдержанную улыбку. — Благодаря ему вы оценили мои работы. Иначе меня бы здесь не было, так ведь?

— В ваших работах безусловно есть потенциал, — одарив меня ответной, кивнул Дмитрий. — Что ж, думаю, вы нам подходите.

Судя по раздавшимся за моей спиной звукам, искренне удивилась не одна я. До этого он ни единого, даже самого выдающегося кандидата так открыто не одобрял!

— Что ж, благодарю всех, на этом собеседование окончено, — Дмитрий поднялся, и я последовала его примеру. — Мы перезвоним вам в течение двух дней.

Народ постепенно устремился к выходу, и когда я, попрощавшись, двинулась в том же направлении, меня неожиданно настигло:

— Юлия, задержитесь, пожалуйста.

— Уи-Уи? — вопросительно пропищал дух-помощник, затормозив вместе со мной.

Вот теперь, нежданно-негаданно оставшись наедине с новоиспеченным руководством, я и оценила присутствие цыпленка. Обрадовалась ему даже. Не сказать, чтобы такой поворот заставил меня снова нервничать, но некоторое напряжение все же возникло.

— Мне правда очень понравились ваши работы, — которая по счету приветливая улыбка уничтожила это напряжение на корню. — Но приобретать обозначенные навыки вам действительно необходимо. Могу порекомендовать несколько неплохих онлайн-курсов.

— Буду признательна, — согласилась я, преисполнившись к нему искренней человеческой симпатией.

— Вообще у нас практикуется обучение молодых специалистов, — добавил Дмитрий. — Я могу назначить для вас время, но потребуется приходить сюда пару раз в неделю.

На такое предложение я откликнулась с энтузиазмом, но, через мгновение вспомнив о своем плотном графике в Большом Доме, спросила, нельзя ли эти «пару раз» поставить на выходные. Наверное, была в моей просьбе доля наглости, но Дмитрий, как ни странно, легко с ней согласился. Затем мне был вручен листок с адресом сайта, на котором можно скачать необходимые курсы, а так же... графический планшет. Не самый новый, но идеально подходящий для обучения.

«Все лучшее — сотрудникам», — как сказал, усмехнувшись, Дмитрий.

Попрощавшись теперь уже окончательно, я вновь направилась к выходу и... вновь невольно остановилась, обнаружив, что сопровождающий меня дух успел проковылять к другой двери и, насупившись, недовольно пофыркивал. В своем грозном недовольстве цыпленок выглядел смешно и даже мило, вот только с чего это он вообще?

— Юлия? — вопросительно окликнул меня Дмитрий.

Я мотнула головой:

— Простите, задумалась, — и, бросив еще один быстрый взгляд в сторону цыпленка, вышла на улицу.

Денек сегодня выдался, что надо. Июль предстал во всем своем жарком великолепии, солнце обласкало городские улицы, рассыпало по дорогам солнечные зайчики и заставило пожалеть о недавно сломанных темных очках. Решив, что давно пора прикупить новые и вспомнив, что сегодняшний день у меня абсолютно свободный, я свернула на другую улицу, где располагались небольшие магазинчики. Как раз в это время меня нагнал все еще недовольно пофыркивающий цыпленок и уже привычно засеменил рядом.

— Ну и что это было? — спросила я у него.

Проходящий рядом мужчина как-то странно на меня посмотрел, и я сделала вид, что поправляю вставленный в ухо наушник.

— Уи-уи, — подбоченившись, закономерно ответили мне.

Обзавестись переводчиком «уи-уистского» языка, что ли?

Настроение у меня было просто замечательное, весь мир казался прекрасным, и по такому случаю очки, которые я примеряла в небольшом торговом центре, были розовыми. Точнее, пудровыми — ныне модными и идеально гармонирующими с моим цветом волос. Нет, ну до чего все-таки волшебно, когда жизнь, наконец, поворачивается к тебе передом!

Буквально на днях в Большом Доме я получила аванс и теперь с удовольствием потратила его не только на очки, но и на всевозможные карандаши, маркеры и прочие крайне полезные штуки. А когда, обзаведясь увесистым пакетом, вновь вышла на улицу, то увидела нечто крайне странное, но ужас, какое забавное.

На одном из растущих вдоль тротуара каштанов сидела парочка птиц. И что в этом необычного — спросите вы? А то, что внешне они сильно напоминали больших, раскормленных, белого и серого... гусей. В очках. Черных.

— Чык-чык, — выдал белый, вытянув длинную шею. — Глянь, какая цыпа!

— Чык-чырык, — вторил другой. — Нэ, блондиночка из продуктового цыпее будет!

Забыв обо всем, я в ступоре откровенно на них пялилась, смутно сознавая, что никакие это не птицы, а самые настоящие духи. То есть, выходит, я теперь вижу не только постояльцев в гостинице, духов-помощников и безликих, но вообще их всех? С ума сойти...

— Чык-чык! Она шо, прямо на нас смотрит? — изумился белый.

— Да ты шо? — перевернувшись вниз головой, усомнился серый. — Нэ, тэбе кажется. Она не вэдьма.

— Так можэ этот...как его... экстрасенс?

— Нет, ребят, — подавив смешок, возразила я. — Всего лишь художник.

Не дав им опомниться, поманила за собой цыпленка и пританцовывающей походкой направилась напрямик к Большому Дому. В спину мне еще долго доносилось возбужденное «чириканье», а я только посмеивалась и подставляла лицо жарким солнечным лучам.

Когда подходила к гостинице, у ворот были припаркованы два черных джипа. Буквально через несколько мгновений в один из них вышедший из Большого Дома мужчина, и машины тронулись с места. Стремительно пронесли мимо меня, а я только и успела, что отметить тонированные стекла и испытать необъяснимое чувство тревоги. Понятия не имела, кто к нам наведался, но интуитивно почувствовала, что их визит не сулил ничего хорошего.

— Ален, а что за люди к нам приезжали? — спросила я, столкнувшись с ней у входа.

— Это к Кириллу, — ответила она, поправив висящую на плече сумку. — Подробностей не знаю, но этот Игорь уже давно хочет выкупить Большой Дом. Правда, раньше действовал не так нагло, а сейчас таскается сюда чуть ли не каждую неделю. А еще, похоже, это из-за него у Кира возникли проблемы.

— А Игорь тоже маг? — осмыслив сказанное, уточнила я.

— Вроде да, — Аленка передернула плечами. — Кто их, этих магов, разберет? Ладно, мне пора. Тебя там, кстати, Котик к себе требует.

Почему его пушистому величеству потребовалось видеть горничную, я поняла не сразу. Войдя в комнату, обнаружила духа-хранителя привычно развалившимся на парящих подушках, покуривающим трубку и читающим непристойный журналчик. С моим приходом журналчик он тут же лихорадочно спрятал, затем обернулся ко мне с невозмутимым выражением приплюснутой морды и кивнул:

— При-у-ветствую. Уже вернулась?

— Нет, еще отсутствую, — хмыкнула я. — Чего хотел?

Котик дернул кончиком хвоста:

— Слы-у-шал, ты на ярмарку ду-у-хов едешь? Хотел попро-у-сить кое-чего.

Чтобы узнать, что именно он собрался попросить, мне пришлось по его требованию приблизиться вплотную и выслушать заговорческий шепот. Как оказалось, на ярмарке духов традиционно торговала одна особа, к которой Котик питал самые нежные чувства. Но поскольку он вот уже как больше сотни лет привязан к этой «треклятой забегаловке», увидеться с предметом своего обожания не может. Собственно, меня он попросил передать ей одну вещь — какую, Котик намеревался сказать непосредственно в день ярмарки.

— А Алену чего не попросишь? — полюбопытствовала я. — Или Аню?

— Не очень они мне нра-у-вятся, — важно сообщил Котик и без перехода облагодетельствовал: — А ты очень нра-у-вишься.

Если он хотел грубой лестью заставить меня посядействовать, то ему это однозначно удалось. Польщенная я согласилась сделать для него такую малость, после чего, закашлявшись от запыленного воздуха, поднялась к себе в комнату.

В Большом Доме царил благословенная тишина. Удивительно, но выходные в гостинице проходили гораздо спокойнее, чем будни. В это время за порядком следили только духи-помощники и лично госпожа Санли, а многие постояльцы или возвращались в свои миры, или разлетались по нашему, направляясь по своим делам.

Развалившись на кровати и потягивая мятный лимонад, который мне передал Вилли, я чувствовала себя как в раю. За окном стрекотали кузнечики, где-то щебетали птицы — обычные, а не гуси — и эти звуки действовали на меня умиротворяюще. Фактически всю жизнь я провела близ леса и особую привязанность к природе испытывала с детства. Всегда хотела переехать в город, хорошо зарабатывать, иметь возможность покупать то, что хочется, но это не мешало мне любить и то, что я всегда имела.

Допив лимонад, я оставила пустой стакан на тумбочку и, блаженно застонав, опустила голову на подушку. Думала, что полежу так совсем немножко, но в какой-то момент незаметно провалилась в сон.

На этот раз все было по-другому. Перед глазами стоял сплошной туман, который заволочил и сознание, а слуха то и дело касался волнующий шепот. Я не разбираю слов, но его вибрация отзывалась в каждой клеточке тела, все глубже и глубже погружая в восхитительную негу. А потом мне казалось, что тысячи невесомых перышек касаются меня и слегка щекочат, покрывая кожу россыпями мелкой дрожи. Вынырнуть из затягивающего блаженства заставил мой собственный прерывистый вздох, прозвучавший слишком громко. Возникло ощущение, что меня рывком потащили куда-то вниз, после чего я резко села и втянула ртом прохладный воздух.

Обнаружив себя, сидящей прямо на облаке, притом свесив с него ноги, я констатировала:

— Теперь точно умерла.

— Ну что ты, карамелька, — раздалось слева от меня. — Живее всех живых. Просто сладко и очень крепко спишь.

Най сидел рядом и, так же свесив с облака ноги. Небо впереди напоминало жемчуг, плавно переходя из голубого в нежно-розовое и перламутровое. А внизу медленно проплывали такие же облака как то, на котором сидели мы — объемные, пушистые, напоминающие больших барашков.

— Что бы ты ни задумал — не выйдет, — прямо заявила я. — Я прекрасно понимаю, что в прошлом сне ты играл роль моего идеала, так что больше этот номер не пройдет. И вообще, давай все решим по-хорошему. Ну, природа у тебя такая, натура нечеловеческая. Ну, привлекла я твое внимание, хотя, откровенно говоря, даже не представляю, чем. Но давай просто сделаем вид, что ничего не было, и ты переключишься на кого-нибудь другого, а?

Все это я говорила, смотря прямо перед собой. Все же смотреть на духа не рискнула, боясь попасть под его очарование. Надо отдать его умениям должное, очаровывать он действительно умел. А мне это вот все совсем-совсем не нужно!

— Забавная ты, — снова шепнули мне прямо на ухо и, смакуя каждую букву, произнесли по слогам: — Ка-ра-мель-ка.

Вот этого я и опасалась! Один только вкрадчивый глубокий голос будоражил душу, а в мыслях тут же всплывал образ того Ная, с которым я обсуждала изобразительное искусство в прошлом сне.

— Не скрою, я действительно позаимствовал некоторые черты у твоего воображаемого принца, — я не видела его лица, но точно знала, что на нем играет обворожительная улыбка. — Однако я не

играл, карамелька. Я — дух желания, имею множество граней, и каждый видит среди них те, что его привлекают. Такова моя сущность. Используй я хотя бы долю своих настоящих сил, ты давно стала бы моей.

Такое признание откровенно пугало. Хотелось надеяться, несмотря на то, что сейчас Най бесцеремонно вмешивался в мое сознание, царапнувший меня страх все же остался для него невидим.

В следующее мгновение окружение изменилось, и я оказалась сидящей на крыше многоэтажки. Хотя, наверное, правильнее сказать — небоскреба. Вновь появившийся Най сидел напротив, сложив ноги по-турецки и поглаживая голову свернувшегося около него змея. Теперь избегать взгляда ярко-синих глаз было сложнее, да и, единожды в них заглянув, оторваться я уже не смогла.

— Есть в тебе что-то, карамелька, — словно гипнотизируя, произнес дух. — Не могу понять что, но это цепляет.

Секунда — и его лицо совсем близко, а губы шепчут в мои:

— Эту загадку хочется разгадать. И я непременно это сделаю.

Каким-то шестым чувством я понимала, что еще пара мгновений, и синие глаза обратятся океанами, вынырнуть из которых будет невозможно. Собрав всю силу воли, какую только смогла в себе отыскать, я сосредоточилась на желании немедленно проснуться.

Поплыло звездное небо, простирающийся внизу ночной город и крыши высоток. Подернулась дымкой фигура и лицо сидящего напротив меня духа, губы которого сложились в многообещающую улыбку, а синие глаза не стерлись из памяти даже после пробуждения.

Проснувшись, я обнаружила, что уже наступил вечер: за окном, где еще недавно светило солнце, смеркалось. Под кроватью тихо перешептывались чуды, пустой стакан с тумбочки, видимо, успели забрать духи-помощники... все такое спокойное и привычное. Только вот мне казалось, что я до сих пор чувствую на себе взгляд Ная.

Быстрее бы уже эта ярмарка, на которой можно достать хоть какой-нибудь действенный амулет!

## Глава десятая, в которой открывается ярмарка духов

Обычно бывает так, что время до заветного дня тянется, словно жвачка, действуя на нервы и делая тот самый день еще желаннее... но не в этот раз.

Вторник, на который было назначено открытие ярмарки, наступил быстро. Выходные пролетели как одно мгновение, но, надо отметить, пролетели с пользой. Я начала знакомство с нужными программами, попробовала рисовать на планшете и даже перерисовала портреты чуд в электронной версии. Понедельник выдался насыщенным, госпожа Санли привычно зверствовала, так что этот день тоже прошел незаметно. Следом промелькнула ночь, в которую меня снова посетил сон с Наем в главной роли. И вот он — вторник!

С самого утра в Большом Доме творилось какое-то безумие. Прибывали все новые и новые постояльцы, которым, казалось, не было конца, а кто-то напротив покидал гостиницу. Вилли готовил особые блюда, которые должны были подать к столу на праздничный ужин. Как выяснилось, ярмарка была приурочена к какому-то важному празднику духов, названия которого я не смогла не то что запомнить, но даже выговорить.

— С Самайном все равно не сравнится, — хмыкнула работающая вместе со мной Алена. — Вот уж где настоящий дурдом и буйство духов всех миров!

Припомнив, что Самайн — это старое название Хэллоуина, я вздрогнула. Вот уж действительно, главный праздник духов! И вообразить страшно, что здесь в такой день творится...

В разгар приготовлений я начала серьезно сомневаться, что нас сегодня вообще куда-то отпустят. Но когда высказала опасения Алене с Аней, те дружно заверили, что работать в вечер сегодняшнего празднества по меркам духов — просто преступление. Поэтому, дабы поддерживать статус приличной гостиницы, госпожа Санли вынуждена отпускать весь персонал на законные гуляния. Только самые мелкие духи, вроде наших неизменных помощников, останутся, чтобы прислуживать гостям.

Около восьми часов вечера все необходимое было сделано, столы в ресторане накрыты, а бани на верхнем и нижнем этажах обставлены так, что самый привередливый посетитель не смог бы остаться разочарованным. Усилий потребовалось приложить много, в подсобку я добиралась практически ползком, но это несколько не уменьшило моего желания оказаться на ежегодной ярмарке духов.

Ярмарке духов, чтоб меня! Это же круче чем какой-нибудь супер популярный VIP- клуб! Вот кто еще, скажите на милость, может похвастаться, что побывал на таком мероприятии?

Поэтому я, хоть и волочила ноги, но чувствовала себя при этом той самой VIP-персоной. В подсобке, куда с большим облегчением сгрузила рабочий инвентарь, я снова столкнулась с Наблюдательницей. Она сидела, подобрав под себя ноги прямо на старом, набитом хламом комоде и смотрела на меня мерцающими, полными печали глазами.

Я знала, что увижу ее здесь, когда намеренно не включила в подсобке свет. Он проникал только сквозь дверную щель, предоставляя большей части этой комнатки кутаться во мрак.

— Ты и праздник увидеть не можешь? — спросила я у несчастного, обитающего во тьме духа.

Наблюдательница прикрыла глаза и отрицательно покачала головой.

— На вот, — я осторожно поставила рядом с ней тарелку с фирменными кексами Вилли и некоторыми другими вкусностями. — Не знаю, что ты любишь и ешь ли вообще, но попробуй. Понимаю, для праздника этого мало, но все-таки лучше, чем ничего.

Дух смотрел на меня с уже знакомой смесью непонимания, испуга и изумления, а я больше не стала ничего говорить. Развернулась и, подумав, что на ярмарке нужно будет обязательно что-нибудь для нее купить, вышла в коридор.

— Спасибо... — донеслось до меня очень тихое, и, прежде чем закрыть дверь, я заметила, как Наблюдательница взяла длинными пальцами один кекс.

Затем я наведальась к Котику, который сегодня выглядел просто сногсшибательно. Он надел на шею бабочку, подкрутил кончики длинных усов, а его трубка сменилась на украшенную замысловатым орнаментом. Пушистый ловелас с чуть розовеющими щеками передал мне небольшой пакет и назвал адрес, по которому нужно искать адресата.

На ярмарку я собиралась скоростными темпами, но в то же время очень тщательно. Одежду подобрала еще накануне, и сейчас с удовольствием облачилась в красный сарафан (цвет, который

очень любят духи), босоножки на невысоком и удобном каблучке, а волосы просто чуть-чуть подкрутила и оставила распущенными. Легкий макияж кожи и глаз, яркая помада... та-дам — я готова!

Сборы придали сил, отражение в зеркале воодушевило, и из комнаты я выбегала, полная энергии. Аленка сегодня тоже выглядела очень неплохо, а ее красный комбинезон лишний раз подтвердил, что с цветом я не прогадала. Аня надела длинное темно-синее платье, но и у нее на шее оказался повязан миниатюрный красный платок.

Только когда мы дружно спустились вниз и вышли через черный ход, я поняла, что до сих пор так и не узнала, где именно проходит ярмарка. Вообще изначально предполагала, что в каком-нибудь другом мире, но, судя по тому, что мы покинули Большой Дом, это было не так.

Обойдя гостиницу, мы вышли через центральные ворота, и как только оказались за ее пределами, где-то в небе раздался смутно знакомый приближающийся гул. Еще до того как подняла голову, я знала, что увижу его — пухлый красный автобус, блестящий как новенькая Феррари. Он спускался, точно двигаясь по невидимому склону, и вскоре перед нами возникла «выплюнутая» им лестница. Памятуя о повадках последней, я помедлила, не спеша на нее ступить, но тут Алена подтолкнула меня вперед, и я оглянуться не успела, как оказалась в салоне.

— Три эмоции за проезд, пожалуйста, — с дежурной улыбкой потребовал знакомый кондуктор.

— А? — не поняла я, чего от меня хотят, хотя вспомнила, что такую же оплату он требовал у духов в прошлый раз.

Неожиданно стоящая позади меня Алена залиvisto засмеялась. Не успела я даже предположить, что ее так рассмешило, как кондуктор мгновенно протянул ей небольшой мешочек, который совершенно точно был пустым. Но когда Алена отсмеялась и вернула его обратно, в нем что-то находилось.

Затем все повторилось, только уже с Аней в главной роли. Вместо того чтобы засмеяться, она жалобно всхлипнула, и через миг по ее щеке скатывалась слеза.

— Ну? — поторопил кондуктор, пихая мне под нос мешочек. — Плакать, смеяться будем?

Я опешила. Абсолютно и окончательно.

А когда в протянутом мне мешочке внезапно прибавилось неизвестных предметов, просто выпала в осадок. Наверное, так и стояла бы столбом, если бы не очередной толчок Алены в сторону пассажирских кресел.

— Не объяснишь, что это только что был за спектакль? — ошарашено посмотрела я на нее, когда автобус тронулся.

— О-ой, опять ты за свое, — с деланными страданиями протянула Алена. — То объясни, это объясни... Ань, твоя очередь просвещать.

Сидящая перед нами ведьмочка обернулась и послушно ответила:

— У духов очень ценятся человеческие эмоции. Это своего рода валюта, которая в ходу во всех мирах. Вот, например, подкроватные монстры чаще всего получают от людей эмоции страха. Потом преобразуют их и используют в зависимости от своих нужд. Алена сейчас оплатила поездку искренним смехом, я легко умею настраиваться на печаль. Ну а от тебя исходило неприкрытое изумление — самая распространенная эмоция, кстати.

После таких слов «самая распространенная эмоция» у меня достигла апогея и так же стремительно сошла на нет. В сравнении со многими другими вещами, с какими я столкнулась за последнее время, это — сущая мелочь.

Тем временем автобус набирал высоту, вознося нас под самый купол ночного неба. Прошло всего лишь чуть больше недели с того момента, как я летала на нем в прошлый раз... а сколько всего с тех пор произошло!

Из-за ступора с оплатой проезда я как-то упустила момент, когда в салоне кроме нас оказались и другие пассажиры. Среди попутчиков я заметила некоторых постояльцев Большого Дома, хотя большинство все же были незнакомцами. А еще среди направляющихся на ярмарку наблюдался Его безликоборческая угрюмость — господин Герман, в гордом одиночестве восседающий в хвосте автобуса. Хорошо еще, что Ная не было. Впрочем, духу желания ничто не мешало прилететь на праздник на своем лиловом червяке.

По пути мы подобрали еще немало пассажиров, и в какой-то момент я заметила, что автобус словно

увеличился. Чем больше духов появлялось в салоне, тем больше он становился, незаметно расширяясь и обзаводясь дополнительными креслами.

— Надень, — велела Алена, протянув мне узкий бумажный браслет. — Это что-то вроде пропуска.

Как только я его надела, мое запястье охватило легкое, едва уловимое сияние, исчезнувшее уже через пару секунд. За мелькающими за окном видами я не следила, поэтому немного удивилась, когда автобус приземлился в совершенно незнакомых местах. Рядом шумел на ветру ночной лес, перед которым раскинулось просторное поле, а вдалеке виднелось множество желтых огней — должно быть, в той стороне остался город.

Когда все двинулись прямо в лес, и я пошла следом, на всякий случай вцепившись в надежную Алену, было совершенно неясно, что сейчас произойдет. Неизвестность несколько пугала, и этот страх перемешивался с волнительным предвкушением скорых чудес. В том, что чудеса будут, я не сомневалась ни капли!

Была тому виной моя невнимательность, или же так и должно было случиться, но как плавно и одновременно быстро изменилось окружение, я не заметила. Кажется, только-только кругом проступали самые обычные деревья, как вдруг — бам! — и под ногами стелется широкая, мощеная камнем дорога. По обеим сторонам от нее выстроились красные столбы, на которые легла крыша, создав тем самым длинный, убегающий далеко вперед коридор. Сквозь прорехи между столбами все еще просматривался лес, но теперь он был не таким темным как вначале, а освещенным множеством огней, что висели прямо в воздухе.

Перестав клешами цепляться за Алену, я жадно озираясь по сторонам, впитывая удивительную, царящую здесь атмосферу. Прилетающий с конца коридора ветер приносил звуки музыки и ароматы чего-то съестного. Очень аппетитного съестного и желанного, учитывая, что со всей сегодняшней суматохой я не успела поужинать.

Несмотря на то, что казался очень длинным, коридор закончился довольно быстро. Оставив его позади, мы вышли к... я даже затруднялась с тем, как назвать представшее глазам место. Рыночная площадь? Маленький город посреди леса? Как ни назови, а это было потрясающе!

Повсюду стояли красные шатры, в которых торговали всякой всячиной. На многочисленных мангалах жарилось мясо — и шашлыки, и стейки, и даже целые, нанизанные на вертела тушки! Эта площадь — буду называть место ярмарки так — условно делилась на несколько зон. Первая, на которой находились мы, располагалась внизу, на следующую вела широкая каменная лестница, которую отсюда было хорошо видно. Кажется, наверху находились фонтаны, журчание которых безошибочно угадывалось даже через шум.

А шум-то был знатный! Уж сколько я навидалась духов за недолгое время работы в Большом Доме, но такого их скопления и вообразить не могла... кого здесь только не было! Духи всех мастей прибыли на ежегодную ярмарку из уголков самых разнообразных миров и сейчас сновали меж шатрами, торговались, переговаривались друг с другом или просто отдыхали, восседая на причудливых каменных скамейках.

От изобилия красок, запахов и звуков я даже растерялась, но быстро сумела взять себя в руки и уже сама потащила Алену с Аней в сторону ближайших шатров. Я хотела рассмотреть все!

В первом, к какому мы подошли, торговали масками. Среди них были и карнавальные, напоминающие венецианские, и детские, и просто белые с прорехами для глаз, но больше всего мне понравились те, что были сделаны как лица духов. Не удержавшись, я даже прикупила себе одну, отдав за нее всего лишь пять эмоций восторга.

Нет, ну не здорово, а? Считаю, что бесплатно все брать можно!

А потом, вспомнив о Наблюдательнице, я приобрела еще одну маску, которая закрывала только нижнюю часть лица. На ней изображалась милейшая улыбка, и я подумала, что такой подарок точно должен ей подойти. Говорят, если все время носить маску, она незаметно становится частью тебя самого. Кто знает, может такой сувенир подарит всегда печальной Наблюдательнице хоть немного радости...

Следом мы посетили шатер, где торговали необычными шашлычками. Я, будучи девушкой стройной, но довольно-таки прожорливой, купила сразу три. Пару мясных и один овощной, где среди перчиков, баклажанов и прочих вкусностей поблескивали белые съедобные жемчужинки — по вкусу они оказались похожими на редис.

— Юля, остановись! — попыталась вразумить меня Алена, когда следом за шашлычками в меня отправились черные паровые булочки, хрустящая «соломка» в цветной обсыпке и дымящийся, но холодный коктейль.

Да куда там! Если уж я решила уйти в гастрономический отрыв — ничто и никто не удержит!

Уплетая вкусности на ходу, я жадно высматривала все новые и новые диковинки, какими торговали в шатрах, а попутно искала тот, где должна была присутствовать вывеска «магические шары мадам Стью». Именно в эту лавку Котик поручил мне доставить пакет. Названный им «адрес» оказался бесполезным, так как на том месте, что он указал, продавали те самые шашлычки.

Нужный шатер обнаружился минут через пятнадцать — как раз к тому моменту, когда я почувствовала абсолютную и крайне приятную сытость. Алена с Аней куда-то отошли, что сыграло мне на руку. Котик просил о строгой конфиденциальности, и эту его просьбу я намеревалась выполнить.

— Мадам Стью? — спросила я у стоящей за прилавком девушки.

Глядя на нее, Котика я понимала в полной мере. У нее были невероятно красивые, большие фиалковые глаза, длинные золотистые волосы и улыбка до того ослепительная, что Голливуд удавился бы от зависти. Куда там красоткам с обложек сомнительного содержания журнальчиков...

— Нет-нет, — возразило прелестное создание. — Я медиум, ее помощница. Мадам Стью вот там...

Проследив за движением ее руки, я обомлела.

Честное слово, после подкроватных монстров, чирикающих гусей и прочих странных существ была уверена, что больше необычной внешности духов удивляться не буду! Но все-таки удивилась. Мягко сказать. Потому что мадам Стью, владелица передвижной лавки «магических шаров» и по совместительству предмет обожания духа-хранителя Большого Дома оказалась... рыбой.

Размером раза в два меньше Котика, она парила в воздухе, перебирая острыми плавниками и беззвучно шлепая пухлыми губками. Звуки она издавала весьма странные, булькающие и нормально говорить, судя по всему, не умела. Тем не менее, это не мешало выстроившимся в очередь покупателям важно кивать на ее бульканье и приобретать приглянувшийся товар.

Поймав себя на том, что совсем неприлично на нее глазею, я тут же себя одернула и с дружелюбной улыбкой подошла к мадам Стью. Когда передала ей пакет, сообщив имя отправителя, и без того огромные рыбы глаза стали еще больше. С губ сорвалось несколько крупных пузырей, бульканье стало буквально утробным, и показалось, что рыбка вот-вот лишится чувств. Длилось такое состояние не слишком долго, и вскоре мадам Стью, игнорируя недовольство очереди, поманила меня за собой.

Мы продвинулись вглубь шатра, где стояли высокие, заставленные всякой всячиной полки. Уверенно подлетев к одной из них, рыбка бережно сняла с нее небольшой прозрачный шар, упаковала его в бумажный пакет и протянула мне, заставив вновь почувствовать себя самым настоящим посыльным.

А далее я удивилась в который по счету раз, потому как, глядя в направленные на меня рыбы глаза, отчетливо поняла смысл вновь прозвучавшего бульканья. Меня очень любезно просили доставить шар Котику и передать, что они — в смысле, мадам Стью — о нем не забыли.

Из шатра «Магических шаров» я выходила несколько ошарашенной, но быстро пришла в себя и вернулась в необычную, окружающую меня реальность. Духов на ярмарке стало еще больше, Алену с Аней в такой толпе было не отыскать, но меня это волновало не слишком. Прекрасно чувствуя себя и в одиночестве, я слилась с потоком, движущимся в сторону лестниц, и уже вскоре поднималась вверх. Ступени под ногами пестрили мелкими трещинками, сквозь которые пробивалась зеленая трава. Перилла обвивало растение, напоминающее плющ и цветущее мелкими красными цветами.

Как и предполагалось, на втором «ярусе» располагались фонтаны. Квадратные и круглые, большие и поменьше, вместе они составляли интересную композицию, дополненную обширным, утопающим в зелени променадом. Здесь, вдоль разбегающихся в разные стороны дорожек, тоже стояли торговые шатры, при виде которых я внезапно вспомнила о своей главной цели.

Амулет! Вот же, исхитрилась совсем о нем забыть...

Еще раз осмотревшись без особой надежды выискать взглядом Алену, я расправила плечи и, подражая степенному шагу идущих впереди меня духов, двинулась к шатрам. Торговали здесь тоже всякой всячиной, но каждый раз на свой вопрос о нужном амулете я получала ответ в виде широко разведенных рук и коротких извинений.

Неужели это такая редкость?

Я почти сдалась, когда мое внимание неожиданно привлек совсем небольшой и неприметный

шатер. На фоне красочных собратьев он казался как будто выцветшим, потертым и старым. Ни на что особо не надеясь, я подошла к нему и сразу же наткнулась на приклеенную к прилавку табличку: «Амулеты и обереги от сглаза, порчи, прочего вредительства и страшных снов». Смысл написанного компенсировал не внушающий доверия внешний вид, и я прокашлялась, привлекая внимание торговца.

Через несколько мгновений к прилавку подошел замученный, непрестанно зевающий парень лет двадцати с небольшим. Не знаю, почему и как, но я с первого взгляда уверилась в том, что он — не дух, а человек. Скорее всего, очередной медиум. Своими круглыми очками и худощавой фигурой он напомнил мне знаменитого мальчика из не менее знаменитой саги. Только шрама на лбу для полноты ощущений не хватало.

— Чем могу помочь? — подавив очередной зевок, флегматично осведомился торговец, которого я мысленно окрестила «Гарри».

Скользнув по прилавку беглым взглядом, ответила:

— Мне нужен какой-нибудь амулет, отгоняющий плохие сны... точнее, не совсем плохие... в общем... — поняв, что мямлю нечто невнятное, пояснила уже конкретнее: — В мои сны вторгается один дух, и мне необходимо как-то от него отгородиться.

— Что за дух? — все так же флегматично уточнил «Гарри». — Мелкий, или кто посolidней?

Немного помявшись, я обреченно выдохнула:

— Дух желания.

Ничуть не удивившись и не выказав вообще никаких эмоций, продавец кивнул и не глядя достал коробку — словно из воздуха! Водрузил ее на прилавок, открыл — после чего на меня пахнуло старьем и пылью, — и принялся извлекать всякие штуковины. Кулоны, браслеты с бляшками, носовые платки и даже компакт-диски беспощадно отметались в сторону, как неподходящие. Дойдя до самого дна, «Гарри», как мне показалось, чуть помедлил, а затем вытащил на свет небольшой и выдавший виды ловец снов. Переплетение нитей было малость перекошенным, висящие на тонких веревочках перья какими-то общипанными, а украшение в виде бусин — поцарапанным и местами облупленным.

— Семь тысяч, — прозвучало как гром среди ясного неба.

— Эмоций?! — сразу не сообразив, изумленно воскликнула я.

Продавец закатил глаза:

— Рублей. Сдались мне твои эмоции...

— Семь тысяч?! — еще больше вознегодовала я. — Семь? Вот за это вот барахло?!

— Барахло — это те ловцы, которые продаются в человеческих магазинах и годятся только в качестве украшений, — поморщившись, возразил «Гарри». — Но если не хочешь брать, я не настаиваю...

Потрепанное старье уже почти полностью погрузилось обратно в коробку, когда я резко передумала:

— Ладно, беру!

Уж не знаю, что на меня нашло, но парню я внезапно поверила. Конечно, возможно стоило ознакомиться и с другими вариантами, но больше шатров с подобным товаром поблизости не наблюдалось. А еще, возможно, следовало все-таки отыскать Алену и проконсультироваться по этому вопросу с ней, но я почему-то не стала.

И вот, в моих руках оказалось уже два бумажных пакета плюс собственная маленькая сумочка. Решив немного передохнуть и составить план дальнейших действий, я покинула торговую зону и вернулась к фонтанам. Уселась на бортик одного из них, полюбовалась играющей под яркой подсветкой водой, получила в лицо ворох прохладных брызг, а затем вдруг заметила стоящего неподалеку Германа. Судя по тому, как безликоборец озирался и прорезал взглядом толпу, он тоже кого-то искал.

Приняв второе относительно странное решение, что компания угрюмого, но знакомого безликоборца лучше, чем одиночество среди незнакомых духов, я прихватила пакеты и подошла к нему. Моему присутствию Герман не то чтобы не обрадовался... собственно, проигнорировал. Да я даже кивка захудалого не удостоилась! Нет, ну что за человек, а?

— Будем считать, что ты поздоровался, — не став обижаться, легко заметила я. — Алену с Аней не видел?

— Нет, — снизошли до ответа мне, продолжив выискивать кого-то взглядом.

А в толпе тем временем началось какое-то оживление. Как раз в той стороне, где я только что сидела, народ активно расступался, освобождая место, но особого внимания на этот переполох я не обратила.

— Слушай, а как в Большой Дом вернуться? — снова обратилась я к Герману. — Нет, я пока не собираюсь, но спрашиваю так, на всякий случай. Тоже на летающем автобусе?

На меня-таки соизволили взглянуть, и, должно быть, я свихнулась, потому что мне показалось, будто цепкие голубые глаза за пару секунд осмотрели меня целиком. Вот так — раз! — и исследовали от макушки до кончиков накрашенных накануне ногтей. И отражалось в них в этот момент что-то такое... не интерес, нет, но нечто очень и очень на него похожее.

Кажется, Его-величество-Угрюмость собирался что-то сказать, и это «что-то» явно не пришлось бы мне по душе, но тут рядом с нами неожиданно появилась пара духов. Аж до заикания внезапным появлением испугала!

Нечеловечески красивые близнецы улыбнулись одинаково ослепительными улыбками и синхронно выкрикнули название нынешнего праздника:

— Торовецнлос!

А затем, не успели ни я, ни Герман опомниться, как наши руки — моя левая, его правая — оказались связаны атласной красной лентой.

Как же усилилось мое изумление, когда при попытке высвободиться у меня не получилось! Внешне хлипкая, завязанная бантиком ленточка держала крепче прочного кожаного ремня!

— Это еще зачем? — сумела сформулировать адекватный вопрос я, не прибегая при этом к великому «непечатному».

— Торовецнлосские соревнования! — с прежней синхронностью отчитались близнецы и, снова не дав опомниться, буквально силком поволокли нас за собой.

Сила у этих внешних хлипких духов, как и у злосчастной ленточки, была еще та.

Скосив глаза на Германа, я заметила, что он не злится... он просто в бешенстве!

## Глава одиннадцатая, об огненных полетах и незваных гостях

Я такому повороту событий, где мы с безликоборцем оказались в буквальном смысле привязаны друг к другу, тоже обрадовалась не слишком. Но, в отличие от некоторых, старалась мыслить позитивно, а вдобавок испытывала искренний интерес по поводу того, что же это за соревнования, о которых говорили близнецы.

Нас притащили к фонтанам, как раз к тому месту, где рассосалась толпа, и под бурные аплодисменты поставили рядом с еще шестью парами. Что примечательно, все потенциальные участники соревнования были людьми — ну, по крайней мере, таковыми выглядели.

— Нам обязательно участвовать? — шепнула я Герману не столько из желания узнать ответ, сколько из потребности хоть немного его расшевелить.

— Если бы на этот вопрос можно было ответить отрицательно, меня бы здесь уже не было, — процедил он, глядя куда-то в сторону.

Кажется, его взбесил не столько сам факт нежданного участия в соревнованиях и, что приятно, не я, а потеря времени. Видимо, отыскать кого-то среди присутствующих было для него действительно важно.

Пока я мимоходом об этом задумывалась, близнецы произнесли краткую речь, где объявили соревнования открытыми. В детали я сразу не вникла, но суть уловила. Нам предстояло в паре пройти несколько испытаний, показать себя с лучшей стороны и обойти соперников. Победители получали почетный красный кубок и приз-сюрприз, который, по словам близнецов, должен был обязательно прийтись всем по вкусу.

Короче говоря, не знаю, что там думал безликоборец, но я вознамерилась выиграть. А если побоевому настроенная девушка что-то решила, то привязанному к ней мужчине лучше бы с этим смириться!

Такую, казалось бы, простую истину, тот самый мужчина почему-то не понимал и, судя по виду, прикладывая силы для победы не намеревался. Сложилось впечатление, что, дай ему волю, так он и все соревнования столбом простоит...

Ну уж нет!

Только я открыла рот, собираясь снова с ним заговорить, как вдруг один из близнецов бросил перед фонтаном небольшой красный камушек. Упав, тот разлетелся на мелкие искорки, и уже через пару мгновений прямо перед нами полыхал костер. Настоящий костер, только горящий сам по себе, без дров! А затем были объявлены правила первого испытания: не используя возможность полета и прочую магию, перепрыгнуть его со своей парой.

— Перепрыгнуть костер, серьезно? — удивилась я вслух. — Прямо как на Ивана Купалу?

— А сегодня, по-твоему, что? — скептически заметил Герман.

Я перевела на него ошарашенный взгляд:

— Праздник с зубодробительным названием...

— Торовеццнос, если прочитать наоборот, звучит как «солнцеворот». Солнцеворот — другое название Ивана Купалы. У нас его празднуют с шестого на седьмое июля, а у духов дата смещена на четыре дня.

В первую очередь я позавидовала тому, насколько легко безликоборец выговорил труднопроизносимое слово, а во вторую — приняла к сведению полученную информацию. Надо же, никогда бы не подумала, что ярмарка приурочена к древнему славянскому празднику!

Нам предстояло прыгать последними. Размер костра немного умерил мой пыл и заставил занервничать, но все же присутствие боевого духа я не теряла. Когда через пламя перемахнули несколько пар-конкурентов, во мне даже азарт проснулся, чего за собой никогда не замечала. Происходящее казалось абсолютно нереальным — начиная пышущим в лицо жаром и заканчивая мелкими искорками, что, подобно живым светлячкам, светились и устремлялись куда-то в небо. Спокойная музыка сменилась задорной, барабаны задавали нужный ритм, звучащие наравне с ними струнные задевали какие-то особые нити души и посылали вибрации возвышенного волнения, пробегающие по всему телу.

Успешно через костер сиганули четыре пары. Две другие с задачей не справились, рухнув прямо в него. Я чуть не заорала от ужаса, когда это произошло, но, к счастью, неудачливые конкурсанты не загорелись. Не то, потому что костер, несмотря на источаемый жар, не опалил, не то, потому что

они все-таки были духами.

— Не обольщайся, — словно прочитав мои мысли, с каким-то изощренным злорадством проговорил Герман. — Если рухнем в пламя духов — сгорим.

Я непроизвольно судорожно сглотнула, и это не осталось незамеченным. Удивительно, но, похоже, мой проявившийся страх несколько смягчил непробиваемого безликоборца. С его губ сорвался короткий обреченный вздох, а затем... о, все духи этого мира! Меня взяли на руки! Одним рывком. Решительно, но осторожно. Неожиданно до того, что я и пикнуть не успела!

Когда Герман отошел на несколько шагов назад, я замерла, боясь сделать малейшее движение. Потому что вдруг отчетливо поняла, что сейчас произойдет, и насколько сильно мы рискуем. А еще поняла, что весь мой боевой настрой не стоил и выеденного яйца, так как костер к этому времени стал еще больше — да он вообще увеличивался с каждой секундой! Такой обычному человеку не перепрыгивать, а на вертолете перелетать нужно! Это я утрирую, конечно, но все-таки.

Перед нами колыхалось из стороны в сторону яркое красно-желтое пламя. Искры перемешивались с парящими огоньками, отражались в глазах собравшихся вокруг духов и ложились на окружающий лесной мир красочными мазками. Руки Германа, удерживающие меня, казались стальными. В нашем поселке молодежь всегда любила подурачиться, и парни на руках меня таскали неоднократно, но таких ощущений я еще не испытывала. В прикосновениях безликоборца не могло быть ничего романтического или интимного, но... я почему-то, неожиданно для самой себя, ощутила смущение. Слишком уж легким был подол платья, и горячие мужские ладони фактически касались моей кожи. Кроме того, мне не оставалось ничего другого, кроме как обхватить Германа за шею, а когда он сорвался с места — вцепиться в него изо всех сил и прижаться, как к единственному спасению в жизни.

Это было нереально. Даже нереальнее, чем ярмарка и само существование духов. Время словно специально замедлилось, позволив прочувствовать каждую секунду, каждый короткий миг нашего совместного полета. А это был именно он — полет.

Я не знала, как Герман это сделал, да и, откровенно говоря, в тот момент об этом не задумывалась. Казалось, пламя было повсюду, лизало защищенные босоножками пятки, щекотало открытые щиколотки и освещало пряди волос. Они — карамельные — путались с волосами пшеничными, окружающими безликоборца сияющим ореолом. Зачарованная и испуганная происходящим, я обвела взглядом будто бы замедленно хлопающих в ладоши духов, покачивающиеся кроны высоких деревьев, бьющие фонтаны, на воду в которых тоже легли алые блики... а затем посмотрела на Германа. Кончиком носа почти касаясь его щеки, я впервые рассмотрела короткую светлую щетину, твердый, выступающий вперед подбородок и пересекающий висок шрам в форме кривого креста.

А время все растягивалось, замедляясь до невозможного и предоставляя мне все новые и новые возможности пить настоящее, чувствуя полный его вкус. Герман выглядел сосредоточенным, сконцентрированным, но ни на секунду в себе не сомневающимся. Наверное, именно поэтому я перестала бояться так же быстро, как начала и где-то глубоко внутри даже не хотела, чтобы этот прыжок заканчивался...

Но он закончился. Пламя осталось позади и всего через пару мгновений погасло, мир снова наполнился звуками, а я продолжала смотреть на решительный профиль безликоборца, почему-то не в силах от него оторваться. Не отвела глаз, даже когда он вдруг обернулся ко мне, и наши взгляды столкнулись.

А глаза у него вовсе не серые. Скорее дымчатые, с почти незаметными зелеными крапинками...

Совсем ненадолго они стали открытыми, демонстрирующими одновременно и простые человеческие чувства, и что-то потустороннее — было в этих глазах нечто мистическое, неподвластное обычным людям. Но как только мои ноги коснулись твердой земли, открытость исчезла, заковавшись непроницаемым панцирем.

— Торовецнлос! — довольно воскликнул один близнец.

— Торовецнлос! — повторил другой.

— Торовецнлос! — зааплодировав, подхватили зрители.

— Торовецнлосские танцы! — теперь уже разом объявили близнецы.

Следом они чуть ли не скороговоркой проговорили условия очередного испытания, которое заключалось в демонстрации танцевальных умений. Парам предстояло импровизировать, демонстрируя при этом ловкость, грациозность и самое главное — единство и страсть.

Услышав последнее требование, я подавилась воздухом. Незаметно покосилась на Германа,

опасаясь, что уж сейчас он точно психанет и пошлет всех куда подальше, но безликоборец, как ни странно, остался бесстрастным. Только плечами раздраженно передернул.

Тем не менее, я не обольщалась. Через костер он старался перепрыгнуть, так как от этого зависела ни много, ни мало — его жизнь. А вот танцы, как и победа, ему не сдались и даром.

Зазвучавшая музыка была очень необычной. Будучи меломаном, я различила в ней оттенки множества направлений и даже культур. Не слишком быстрая, с четким ритмом, но с плавными перезвонами колокольчиков, она заворожила с первых нот. У нас почти не было времени на передышку, а вдобавок не обошлось без сложностей. Затухнувшее было пламя, вспыхнуло вновь отдельными костерками, окружившими каждую пару.

Вот теперь огонь точно был повсюду...

Я полагала, что Герман станет бездействовать, позволив нам спокойно проиграть, поэтому решила взять дело в свои руки. Танцевала я не то чтобы отлично, но, по моим представлениям, вполне сносно. И все же с победой почти попрощалась — потрясающих танцевальных умений от Германа не ожидала, — хотя и намеревалась приложить для нее максимум стараний.

Мельком глянув на уже танцующих духов, я не без удивления отметила, что их парные танцы отличаются от привычных. Парни и девушки танцевали на расстоянии, не касаясь друг друга, но при этом сохраняя непрерывный зрительный контакт. Удивительно, но воздух между ними всеми буквально искрил, отражая выполнение того условия соревнования, которое нам с Германом было неподвластно.

Запрещая себе думать о том, что танцую в одиночестве, буду выглядеть глупо, я двинулась в такт звучащей музыке.

Стоило пошевелиться, сделать осознанное танцевальное движение, как меня словно подхватила мощная энергетическая река — невидимая, но ощутимая настолько, что захватила целиком. Даже всполохи пламени вдруг перестали казаться чем-то мешающим, а вписались в окружающую меня гармонию — необычную, причудливую, но по-настоящему прекрасную.

Запомнив несколько украдкой подсмотренных движений, я попыталась их повторить и, что удивительно, у меня получилось. Как будто то самое невидимое, что наполняло окружающий мир, подталкивало к нужным действиям, придавало сил и вдохновения.

Но не прошло и минуты, как я ощутила себя неуклюжей неумехой. А все потому, что внезапно затанцевавший Герман... танцевал просто потрясающе! Не ожидавшая такого поворота, я сбилась с ритма и замерла, неверяще на него смотря.

Наверное, это нельзя было назвать танцем в привычном понимании слова, но все же то был именно он — такой же необычный, как весь сегодняшний праздник. Безликоборец двигался на грани. Голова и торс оставались неподвижными, в то время как ноги совершали короткие, плавные шаги, а руки складывались в выразительные жесты. Он так органично вписывался в этот мир, так точно повторял танец духов, что, не зная я, кто передо мной, тоже приняла бы его за духа.

Зато взгляд... Бог мой, что это был за взгляд! Внешне казалось, что он выражает необходимую сдерживаемую страсть, но я чувствовала, что на самом деле меня хотят придушить. И вскоре поняла, почему — вместо того, чтобы танцевать, я по-прежнему стояла столбом, по-идиотски приоткрыв рот, и беззастенчиво рассматривала своего партнера!

Тряхнув головой, я отмерла и вновь стала танцевать, только теперь уже вместе с ним. Мы находились друг от друга на расстоянии вытянутой руки, а воздух между нами стремительно уподоблялся тому, что существовал между другими парами.

Между мной и угрюмым безликоборцем, с ума сойти! Даже не верилось, что это действительно он!

Либо Герман был блестящим актером, либо на эти минуты угрюмость действительно его покинула. Даже желания меня придушить у него явно поубавилось, что изрядно меня порадовало — иметь недруга в лице того, кто одной пяткой укладывает страшные желеобразные штуковины, мне абсолютно точно не хотелось.

В какой-то момент раздался звучный хлопок, огонь обратился маленькими фейерверками, и пары стали сходиться, берясь за руки. Я отреагировала вовремя, но и Герман не отстал, приблизившись ко мне в мгновение ока. Его лицо второй раз за вечер находилось совсем близко от моего — близко до того, что я видела, как в дымчатых глазах отражаются отблески фейерверков...

Только теперь я внезапно осознала, что все это время не ощущала сжимающей запястье ленты. В соревнованиях она оставалась абсолютно незаметной, не мешала проходить испытания и не сковывала движения.

Когда отзвучал последний перелив колокольчиков, задали финальный бой барабаны. И под этот бой девушки одна за другой падали на руку своих партнеров, прогибались в пояснице и замирали, касаясь кончиками туфель земли. Последовав их примеру, я на миг зажмурилась, а уже в следующий видела над собой лицо Германа — все так же близко, — и в воцарившейся тишине слышала его дыхание. Его твердая ладонь служила моей единственной опорой — как недавно, в момент полета над костром, — и время словно останавливалось, замедлялось, превращая весь мир в фон, написанный небрежными, размытыми мазками...

После окончания этого этапа вынужденных соревнований чувства я испытывала смешанные. Эмоций было очень много — разных, ярких, по-настоящему живых, и самое удивительное заключалось в том, что вызывал их не только сам конкурс, не только то, где и в каком окружении он проходил, но еще и нелюдимый безликоборец, за каких-то жалких полчаса открывшийся мне с другой стороны.

Сейчас я понимала, что он не всегда был мрачным и закрытым. Могла бы поклясться — в его жизни произошло нечто плохое, что сделало его таким. Или же просто груз обязательств накладывал свой отпечаток...

Следующая пара испытаний заняла меньше времени и была куда менее романтичной. Нам всем пришлось быстро отгадывать загадки, из которых я не отгадала ни одной, поскольку все они были связаны с потусторонними мирами, а вот после них я блеснула. Последнее задание оказалось забавным: на ходу сочинить сказку. Не обделенная фантазией, я хорошо с ним справилась, чем была очень горда и даже поверила в то, что мы с Германом можем победить.

Но когда пришло время подводить итоги, оказалось, что одна пара духов нас все-таки обогнала. Чертовски несправедливо! Из-за недолгого расстройств я даже не обратила внимания на врученный победителям приз, зато услышала о «наказании», предусмотренном всем проигравшим. Хитро переглянувшись, близнецы сообщили, что потерпевшим поражение предстоит ходить «связанными» до конца ночи.

Нет, ну вот что за духи такие? Вообще-то проигравшим положен поощрительный приз! Хотя... для некоторых влюбленных это как раз и было самым настоящим призом. А вот для меня — нет. И уж точно это не являлось призом для Германа, который, несмотря на внешнее спокойствие, явно горел желанием разнести все вокруг!

Я сидела на бортике фонтана и попивала купленный поблизости отвар. Вкус у него был специфический: не то облепиховый, не то яблочный с уймой специй, но, во всяком случае, приятный.

Герман восседал рядом. Отвар не пил. Молчал.

Собственно, я не продолжала исследовать ярмарку именно по причине того, что он наотрез отказался куда бы то ни было идти. Когда я спросила почему, ответил, что на этом месте у него назначена встреча. Такому упрямству оставалось только позавидовать — судя по тому, сколько прошло времени, опаздывающий неизвестный приходит уже вообще не собиравшись.

После пройденных вместе испытаний между нами появилось некоторое напряжение и, как ни старалась, относиться к Герману по-прежнему я не могла. Еще в тот момент, когда мы перепрыгивали костер, во мне словно что-то щелкнуло, и я... нет, не влюбилась конечно, но что-то отдаленно похожее определенно испытала. Поэтому больше не воспринимала его исключительно как угрюмого, недружелюбно настроенного ко всему миру типа.

Во мне боролись два равноценных желания: немедленно избавиться от ленты, чтобы с ним разойтись и, напротив, оставаться в таком положении как можно дольше, дабы хоть немного его растормозить. Но, невзирая на желание последнее, язык будто прирос к небу, и я не знала, как завести разговор. Редкий случай, учитывая, что человек я, в общем и целом, коммуникабельный...

Неладное началось с резко замигавших фонарей. Огоньки, что парили в воздухе, вдруг стали дергаться, мельтешить, как вспугнутые светлячки, а заметившие это безобразие гости ярмарки тут же замерли, недоуменно на них смотря.

Пока я вместе со всеми удивленно озиралась по сторонам, не понимая, что происходит, Герман уже подскочил с места. Притом, подскочил, забыв, что мы с ним связаны, из-за чего я чуть не рухнула на землю.

— Эй! — выкрикнула возмущенно, в то время как он чертыхнулся.

Больше ничего сказать не успела, так как на нижней площадке раздался высокий женский вопль, который через миг потонул в громоподобном шуме. Особо не церемонясь, Герман рванул к лестнице, таща меня за собой, и вскоре я могла видеть причину воцарившейся суматохи.

На ярмарку пробрались безликие.

Полчища безликих, которые стремительно заполняли нижнюю площадь, проникая на нее через красный коридор!

У меня успело вырваться неподобающее девушке слово, прежде чем Герман побежал вниз. А побежал он — пришлось бежать и мне, и вот здесь уже непроизвольно вырвалось не одно, а целый поток непотребных слов!

Ну за что? Не хочу! Не пойду!

— Я против! — выкрикнула последнюю из своих суматошных мыслей.

— Близнецы минут пять назад спустились туда! — тоже перекрикивая шум, сообщил безликоборец. — Это их магия, только они могут нас развязать!

Теперь в сознании пронеслась вереница связанных мыслей, из которых выходило следующее: мне хана. Нам всем хана! Потому что отыскать двух духов в таком дурдоме просто нереально — это раз. А даже если мы каким-то чудом сумеем, с таким количеством безликих Герман в одиночку не справится — это два. Главный выход в привычный мир отрезан, а о том, где находятся запасные и существуют ли они вообще, я не имею ни малейшего представления — это, в конце концов, три!

— Нас сожрут, — обреченно констатировала я, сломя голову несясь за Германом.

Чего никак не ожидала, так это того, что он вдруг обернется, прямо на бегу посмотрит мне в глаза и серьезно возразит:

— Не сожрут.

Наверное, я чокнутая. Потому что взяла — и вот так просто ему поверила, немного успокоилась даже. Должно быть, не зря всех творческих людей считают странными и не от мира сего. А как иначе объяснить отсутствие моего дальнейшего сопротивления и беспрекословное следование за безликоборцем?

Чтобы бежать было удобнее, он взял меня за руку, в другой руке я держала сумки, и уклоняться от несущихся нам навстречу духов было невероятно сложно. Некоторые из них летели, но большинство все же передвигалось на ногах и, следуя зову здравого смысла, сливалось с общим потоком, движущимся на верхние площади.

Сложилось впечатление, что в обратном направлении бежали только мы. У меня уже сформировалось предположение, что близнецы тоже вернулись наверх, и я даже собралась его озвучить, как вдруг заметила их, взбирающихся на высокое дерево. Близнецы перепрыгивали с ветки на ветку, как ловкие птицы и пробирались все выше.

— Вон они! — крикнула я Герману, указав на них.

И тот, мгновенно среагировав, устремился в нужном направлении.

Как выяснилось спустя пару минут, близнецы были духами эгоистичными, наглыми и вообще чхать хотели на чужие проблемы с высокой колокольни... точнее, дерева. Услышав зов, они мельком покосились в нашу сторону и демонстративно отвернулись, показывая, что на помощь мы можем не рассчитывать.

Форменный беспредел, противопоставить которому нам оказалось нечего!

Видимо, посчитав, что пока он будет гоняться за нахальными близнецами, безликие успеют нанести этому месту и другим духам существенный урон, Герман резко остановился, после чего в который раз сменил направление, взяв курс прямо на центр площади.

Моего мнения, естественно, никто не спрашивал. Но даже если бы вдруг спросил — я бы, как ни странно, возражать не стала. Просто вдруг пришло понимание, что кроме Германа противостоять безликим некому, а кроме того противные желешки пожирают в первую очередь духов. Только представив, как кто-нибудь из этих необычайных существ будет съеден, я ужаснулась. Духи, конечно, бывают наглыми и проказливыми, но встречаются и милые — такие, как мадам Стю! Необычная рыбка, в которую влюблен дух-хранитель Большого Дома, так отчетливо предстала перед глазами, что остатки моего бывшего страха окончательно исчезли. Я ведь видела безликих, а значит, могла оказать Герману существенную помощь! Конечно, вряд ли нам удастся справиться со всеми, но, по крайней мере, задержать получится точно!

Вблизи все оказалось не так плохо, как виделось издали. Безликих было действительно много, но все же не настолько, как показалось мне изначально. Переливающееся желе бесшумно двигалось

меж опустевших торговых рядов, заглядывало в шатры, останавливалось, будто принохиваясь, и вновь прокладывало дорогу вперед.

— Где амулет? — недовольно сверкнул глазами Герман в район моего декольте.

— Не подходил под платье, — признала я, чувствуя себя круглой дурой.

Медальон действительно никак не вписывался в мой сегодняшний образ, но ведь я даже предположить не могла, что этим вечером он мне понадобится!

Парящие в воздухе огни продолжали мигать, словно недовольные вторжением незваных гостей, с верхних площадей доносился гомон взбудораженных, перепуганных духов, а я мимоходом размышляла над тем, насколько же сильные эти безликие, раз все их так боятся! А еще не могла не задаться вопросом, как они вообще на эту ярмарку попали. Ведь духи всегда предпринимают необходимые меры предосторожности, дабы себя обезопасить и предотвратить подобные случаи!

Пока в моей голове продолжали роиться связанные и не очень мысли, Герман успел уложить троих безликих. Причем сделал это одной рукой и с легкостью, ранее ему не свойственной. Нет, конечно, он всегда демонстрировал чудеса ловкости, но сейчас это было что-то запредельное! Я буквально уронила челюсть, когда за той тройкой последовал добрый десяток, уделанных одной левой безликих!

— Возьми и кидай прямо в них, — перекусив зубами висящий на руке шнурок, Герман снял с него какой-то мешочек и протянул мне.

Внутри оказались небольшие и гладкие зеленые шарики, напоминающие горох. От них исходил просто термоядерный запах мяты, отчего все вопросы тут же отпали. Кое-как извлекая шарики из мешочка, я целилась и швыряла их в подступающих к нам безликих, в то время как безликоборец продолжал с поразительной легкостью укладывать их одного за другим.

— Хотя бы раз попасть можешь? — недовольно укорил он меня спустя некоторое время. — У тебя же правая рука свободна!

— Вообще-то, я левша, — буркнула ему в ответ, после чего неожиданно сработал редкий закон справедливости: очередной шарик, наконец, достиг цели!

Бамс! — и грузное желе распалось на колышущиеся куски, а вместе с ним повторили ту же судьбу еще несколько его собратьев.

Вот так шарики, вот так бомбочки! Вот это я понимаю!

Во мне пробудился опытный снайпер, и дальше дело пошло оптимистичней. Опытный — потому что я всегда обходила противников по игре в дротики и с меткостью проблем никогда не испытывала.

Приноровившись бросать шарики правой рукой, я одновременно старалась успевать за передвигающимся Германом и, по возможности, ему не мешать. Каким-то непостижимым образом мы вдруг стали действовать как слаженная команда, и в дополнение к снайперу во мне пробудился задремавший было азарт. Все происходящее внезапно стало восприниматься лихим приключением, опасной, но захватывающей игрой, из которой мы двое — теперь уж точно! — были обязаны выйти победителями.

Попутно я не забывала отслеживать перемещения безликих и сообщала о них Герману. Совсем скоро, к своему довольству и радости, убедилась, что мои указания ему в самом деле помогают, и безликоборец справляется еще лучше, чем прежде.

И все же связывающая наши руки лента мешала — без нее справиться с нагрянувшими желейками однозначно стало бы проще.

Только я в который раз об этом подумала, как откуда-то сверху донеслось негромкое:

— Эй...

Пульнув последний шарик в гущу безликих, я запрокинула голову и увидела девочку, стоящую на ветви растущего поблизости дерева. Потребовалась всего пара мгновений, чтобы ее узнать — это была та самая девочка-оленок, с которой я впервые прибыла в Большой Дом.

Завладев моим вниманием, она продемонстрировала увесистые, поблескивающие на свету ножницы и сказала:

— Духи-близнецы отдали.

— Шэлли? — произнес отвлекшийся Герман, и его брови в удивлении поползли вверх.

Будто не замечая ни его удивления, ни безликих, девочка спокойно спрыгнула по ветвям на землю, подошла к нам и, высунув от усердия кончик языка, перерезала алую ленту.

## Глава двенадцатая, в которой появляется один очень загадочный персонаж

Шарики закончились, и все, что мне оставалось — это изумленно смотреть на разошедшегося Германа. Больше он не нуждался даже в моих подсказках, прорезая толпу безликих как горячий нож — масло. Такие умения поражали, ведь у него не было никакого оружия, разве что собственные руки, да какие-то амулеты, которые он периодически использовал. Стараниями Германа безликие не могли приблизиться к нам с Шэлли, которая все еще стояла около меня.

— Как он это делает? — все же не сдержалась я.

Вопрос имел риторический окрас, но девочка-оленок неожиданно на него ответила:

— Это место — тайник духов. Здесь существует источник самого эфира, который при должных умениях преобразуется в разного рода магию. Герман использует его, как обычно делает в других мирах. Это только в вашем источник настолько ослаб, что черпать из него силы практически невозможно.

Я бы многое могла сказать по поводу таких новостей, но только покачала головой и внутренне содрогнулась от детского ликования. Если перевести сказанное на нормальный язык, то получалось, что прямо у меня под носом творилась самая настоящая магия! Разумеется, я уже наблюдала всякие чудеса раньше, но способности ими восхищаться все еще не утратила.

— Ты как будто сияешь, — заметила Шэлли.

— Я впитываю, — проронила, наблюдая за сражением. — И запоминаю.

— Запоминаешь, чтобы потом нарисовать? — уточнила она.

Машинально кивнув, я подумала, что вскоре меня попросят изобразить еще один портрет, который, надо отметить, мне будет рисовать только в радость.

Безликих становилось все меньше, и все же их численность продолжала оставаться внушительной. Несмотря на озвученное Шэлли, Герман явно начинал уставать, и теперь ему снова пригодились мои подсказки. К слову, сами безликие старались не столько задеть его, сколько прорваться к верхним площадям, откуда за происходящим со смесью любопытства и ужаса наблюдали оставшиеся на ярмарке духи. Большинство из них исчезли, подтвердив мое предположение о том, что отсюда существует несколько выходов.

Я как раз собиралась предупредить Германа о том, что позади на него готовится напасть особо обнаглевший безликий, когда неожиданно наткнулась на появившийся поблизости силуэт. Хотя, правильнее сказать — мужчину, чью фигуру и лицо скрывал длинный черный плащ.

Он стоял, молча взирая на бой, а я, отвлекшись на него, так и не предупредила Германа, которому пришлось отражать внезапную атаку безликого. В это же время на него набросилась еще пара желеобразных духов и, вероятно, безликоборцу пришлось бы не сладко, но внезапно кое-что произошло.

Все это время гуляющий по лесу ветер был легким и едва ощутимым, но вдруг буквально за мгновение превратился в настоящий ураган. Сильные порывы зашумели в кронах деревьев, подхватили парящие огни и бесстыдно развеяли подол моего легкого сарафанчика, так что пришлось быстро его придерживать.

Мой взгляд был прикован к незнакомцу, полы плаща которого так же развевались по ветру. Показалось, что это он создает ветер, что это от него исходит золотистое, резанувшее по глазам свечение...

А ведь и правда, от него!

Мужчина в плаще вытянул перед собой руки, опустил кулак на раскрытую ладонь и произнес что-то неразборчивое, но моментально породившее на коже уйму мурашек. Во все стороны брызнули золотые искры, свет стал просто нестерпимым, и я зажмурилась, инстинктивно заслонив лицо рукой.

А когда открыла глаза, на площади было пусто. И тихо. На ней стояли только мы трое: я, Герман и девочка-оленок, поглаживающая сидящую у нее на плече белку. Ветер затих, кроны деревьев замерли, и лишь огоньки вновь пришли в движение, засияв ровно и ярко, как прежде.

— Ушел, — на грани слышимости выплюнул Герман и так же тихо выругался, привалившись спиной к могучему стволу.

Несмотря на потрясение, суть я уловила сразу: именно этого незнакомца ждал сегодня Герман, и

именно этот незнакомец разогнал оставшихся безликих, причем сделал это без особого труда!

Мамочка моя, да с кем я вообще связалась...

Хотелось выдохнуть сразу два слова: «Вау!» и «Жуть!»

Какое больше — определить не могла.

— Ну вот и хорошо, — вместо меня подытожила Шэлли, почесав белку за ушком. — Можно продолжать веселье, больше они сюда не сунутся.

Уж не знаю, как там принято у духов, но мне сегодняшнего веселья хватило с лихвой! Поэтому я очень обрадовалась и едва не расплакалась от облегчения, когда увидела сбегающих по лестнице и направляющихся ко мне Алену с Аней — взъерошенных, перепуганных и нагруженных ворохом пакетов. Похоже, не одна я до вторжения безликих успела провести результативный шопинг!

В Большой Дом мы возвращались все на том же летающем автобусе. Впечатления переполняли — хотелось оказаться в одиночестве, мысленно еще раз прожить все случившееся и как следует над ним поразмыслить. И все же, идя по красному коридору, я ощущала легкую грусть. Покидать это место было жаль, ведь вернуться сюда мне предстояло в лучшем случае через год.

В автобусе я заняла место у окна и, прильнув к нему, наблюдала за проплывающими внизу пейзажами. Герман с нами не улетел, а о незнакомце в плаще я его так и не расспросила. Намеревалась узнать о нем у Алены, но только не сейчас — все-таки на сегодня впечатлений и впрямь было предостаточно. Шэлли в автобус тоже не села, наверное, решила вернуться в гостиницу вместе с Германом.

Кондуктор традиционно предлагал чай, кофе и какао, к которому подавалась знаменитая шоколадная плиточка, и на этот раз я выбрала мятный чай. Отпивала его мелкими глотками, гадая, как еще не лопнула от обжорства, и неотрывно следила за шумящими внизу зелеными кронами, за переплетениями дорог и коврами полей, за перемигиваниями сияющих звезд и неспешно плывущей молодой луной.

Автобус был полупуст, но зато в нем прибавилось новых пассажиров. Прямо позади меня летела дамочка, у которой имелся говорящий чемодан. Сия особа на весь салон причитала, что он, поразит такой, сжевал и измял ей всю одежду, да еще имел наглость закусить новым комплектом белья.

Судя по габаритам дамочки, чемодан был обжорой еще большей, чем я...

Вернувшись в Большой Дом, я первым делом заглянула в подсобку, где отдала Наблюдательнице купленную для нее маску. Подарок обитающий в темноте дух принимал с прежней осторожностью и неверием. Казалось, бедняга сейчас просто лишится чувств! Если, конечно, духи в принципе умеют падать в обморок. Зато когда маска оказалась в длинных тонких пальцах, Наблюдательница словно засветилась изнутри, и уголки ее губ приподнялись в робком намеке на улыбку. К слову, тарелка, на которой лежали принесенные мной кексы, оказалась пуста, и я отнесла ее на кухню. А уже после, перед тем как подняться к себе, тихонько прокралась к Котику, который в это время бодрствовал.

— Бла-у-годетельница, — буквально растаял он, когда я вручила ему переданный рыбкой шар. — Спаси-у-бо.

— Будешь должен, — зевнув, усмехнулась я и, подавив любопытство, вышла из комнаты.

Конечно, было интересно узнать, что там за шар такой, но спать хотелось еще больше. Часы показывали половину четвертого утра, а вставать мне, между прочим, предстояло уже в семь! Поставив будильник, я уже почти улеглась в кровать, когда внезапно вспомнила об одном важном деле.

Нет, ну надо же, второй раз забываю, зачем ярмарку посещала!

Достав из пакета ловец снов, я немного повозилась и кое-как приспособила его у изголовья — сперва сняла небольшую картину, а затем повесила его на освободившийся гвоздик. Для надежности еще пожелала, чтобы мне удалось хорошо выспаться, не видя никаких снов, и, обняв подушку, почти сразу провалилась в беспмятство.

Под ухом что-то настойчиво шумело. Не то чтобы громко, но назойливо и монотонно. К звуку, похожему на шум от старого сломавшегося телевизора, примешивался характерный скрип, будто бы тоже от чего-то старого.

Нехотя распахнув глаза, я в полудреме присела на кровати и, обведя глазами комнату, обнаружила, что она погружена в голубоватый полумрак. Цвета были сонными, вязкими, как будто немного

выцветшими. А рядом с кроватью...

Боже, даже подкроватные монстры меня настолько не шокировали!

Рядом с кроватью стояла сова. Ростом с человека, потрепанная, явно не выпавшаяся. В голубых шортах и белой, местами драной футболке, с кружкой кофе в крыле и большими круглыми глазами, взирающими на меня из-под тяжелых век. А под другим крылом у нее находился непонятный, выдавший виды аппарат — покопавшись в памяти, я вспомнила, что, кажется, именно так выглядели фильмоскопы.

— Что заказывать будем? — глотнув кофе, флегматично поинтересовалась сова.

— А... — выдавила изумленная я и спустя паузу закончила: — А вы кто такой?

— Ловец снов, — практически засыпая, ответили мне. — Можно просто Сов. Так что будем заказывать? Драма, мелодрама, триллер, комедии не предлагаю — у меня прошлый клиент прямо во сне задохнулся от смеха. Есть ужасы, но не рекомендую — бывали случаи смерти от страха.

По ощущениям, мои глаза по размеру сравнялись с его.

— Ну? — широко зевнув, поторопил Сов. — Спать охота.

Немного придя в себя, я озвучила единственное пожелание, которое очень-очень хотела осуществить:

— А можно отключение вещания? В смысле, чтобы вообще никаких снов!

— Ага, — кивнул Сов и вставил в фильмоскоп какой-то слайд.

Моя голова моментально налилась свинцом, и я почувствовала, как падаю во что-то глубокое, черное, но манящее и очень приятное. Оно расплзлось, приближалось, захватывало меня целиком, выполняя обещание Сова — спала я крепко и снов действительно не видела.

Следующее утро подарило разбитость и непрерывную зевоту, из-за которой я предпочла мятному чаю крепкий кофе. Забавно, но только когда Вилли поставил передо мной чашку, я вспомнила о ночной встрече с Совом. Задаваясь вопросом, произошла она на самом деле, или мне просто снова снился какой-то непонятный сон, я все-таки склонялась к варианту первому. По всему выходило, что вместе с ловцом снов мне в личное пользование достался дух, да еще какой!

Кажется, пора приобретать пару дополнительных скетчбуков...

Судя по количеству грязной, сгрудившейся в раковине и на столешницах посуде, гулянка в Большом Доме вчера была знатная. Вилли сегодня подсобляли мелкие духи-помощники, дружно намывающие посуду и тихонько что-то пофыркивающие. Нам с девочками сегодня предстояло лично накрывать столы к завтраку, так что, допив кофе, именно этим я и занялась. Точнее, собиралась заняться, но кое-что помешало.

И о, все духи разных миров, «кое-что» оказалось неожиданным, потрясающим и буквально невероятным!

Мы как раз проходили через холл, когда входная дверь резко распахнулась, будто бы открытая сильным порывом ветра. Затем этот самый ветер влетел внутрь, зашуршал стопкой бумаг, лежащих на стойке, привлек внимание Олега, и тут Алена резко схватила меня за руку:

— В сторону, быстро!

Машинально проследовав за ней, я заметила, что все, кто находился в холле — а это был как персонал, так и некоторые постояльцы, среди которых имелась даже вчерашняя дамочка с говорящим чемоданом, — почтительно склонили головы. Получив ощутимый щипок Алены, я тоже опустила очи долу, но тут же незаметно их подняла, вперившись взглядом в дверной проем.

А в дверном проеме... от удивления мне даже пришлось снова помянуть обитателей всех миров, потому как на пороге стоял мужчина в плаще. Да-да, тот же самый — разогнавший безликих на ярмарке!

Гулкие чеканные шаги прорезали повисшую в холле тишину, отчего сложилось впечатление, будто мы все — подданные, встречающие почтившего нас своим присутствием монарха. Ощущение было довольно необычное, и я поймала себя на том, что тоже невольно прониклась исходящей от незнакомца силой. До раболепства конечно было далеко, но какое-то странное волнение я определенно испытывала.

— Кирилл у себя? — раздался глубокий, чуть хрипловатый голос.

— Вернулся утром, — подтвердил Олег. — Позвольте вас проводить.

Шаги постепенно удалялись, а когда в конце коридора хлопнула дверь, и они затихли, в холле началось оживление. Все одновременно загомонили, и я моментально обратилась к Алене:

— Кто это такой?

— Это, — с придыханием, благоговейно произнесла она. — Заклинатель духов.

— Заклинатель? — переспросила я.

— Заклинатели имеют над духами большую власть, — вставила Аня. — Даже ведьмы их опасаются. Чем выше личностная сила, или, говоря иначе — духовная энергия заклинателя, тем больше эта власть. Заклинатели могут призывать или изгонять духов из разных миров. Существует так называемый нижний мир, где изначально рождаются духи, прежде чем переселиться в другие. Так вот, если заклинатель захочет, он может изгнать любого духа обратно в нижний, откуда тому вернуться будет практически невозможно. Поэтому духи их так боятся.

Звучало внушительно. А в совокупности с тем, что мне накануне было продемонстрировано наглядно, и вовсе поражало.

— То есть, заклинатели пользуются еще большим уважением, чем безликоборцы? — уточнила я. — И имеют возможность изгнать абсолютно любого, даже очень сильного духа?

— Если обладают достаточной духовной энергией, — напомнила Аня. — Бывает, что дух оказывается сильнее, тогда ничего не выходит. Духи вообще-то тоже разные бывают, не все такие дружелюбные, как останавливающиеся в этой гостинице. Встречаются очень сильные и настолько же опасные.

Здесь однозначно было над чем подумать, но меня больше волновало другое:

— А конкретно этот заклинатель, он вообще какой? У него достаточно этой... духовной энергии?

— Более чем, — слегка вздрогнув, тихо проговорила Аня. — О Тэйноре ходят легенды. Он предпочитает скрывать свое лицо, и лично с ним знакомы единицы.

— Кстати, Герман входит в их число, — с прежним благоговением добавила Алена. — Если верить слухам, они познакомились еще лет двадцать назад. У Германа пробудились способности безликоборца, и Тэйрон взялся его обучать.

На этом мое просвещение окончилось, так как нас настигла «рыжая чума», то есть управляющая, то есть госпожа Санли, которая раскричалась и потребовала, чтобы мы немедленно приступали к работе.

После накрытия столов к завтраку и уборки номеров, для меня нашлось задание куда интереснее и желаннее, чем все предыдущие. Меня отправили убираться в библиотеке, которая располагалась в старой части здания. Чтобы в нее попасть, нужно было пройти через бани, спуститься по старой, выезжающей при нажатии на рычаг лестнице, и миновать несколько не тронутых капитальным ремонтом коридоров.

В банях, как всегда, было душно и... многодушно. Мелкие духи прибирались, наполняли бассейны, отмывали полы — в общем, выполняли свою обычную работу. Содрогнувшись при мысли о том, что буквально на днях мне снова придется к ним присоединиться, я быстро прошмыгнула к дальней двери и, выйдя через нее, оказалась на той самой старой лестничной клетке. Ненадолго пристроив ведро и швабру у стены, нашла нужный рычаг и изо всех сил на него надавила. Старое дерево поддавалось нехотя, со скрипом — кажется, Алена справлялась гораздо ловчее.

Когда все ступени заняли свои места, я вновь взяла свой инвентарь и с опаской стала спускаться вниз. Казалось, что лестница в любой момент возьмет, да и исчезнет, предоставив мне не идти, а на всех парах лететь вниз.

Как и в прошлый раз, сквозь витражные окна проникали солнечные лучи, благодаря цветному стеклу становящиеся такими же разноцветными. Под ними виднелась витающая в воздухе пыль, жить которой осталось совсем недолго. Решив, что от меня не убудет, я протерла и эти окна, и даже лестницу — хотя, возможно, в том не было никакого смысла.

Много времени это не заняло, и вскоре я вновь шла по направлению библиотеки. Оказавшись на первом этаже, я вышла в сад, который здесь со всех сторон был огорожен стенами. Он представлял собой совсем небольшой участок земли, заросший невысокой травкой. В центре имелся фонтан со скульптурой в виде девушки с кувшином, а так же несколько пышно цветущих кустов и каменная скамейка. А еще, с интересом осмотревшись, я заметила разбросанные между кустов

«скворечники», похожие на те, в каких обитали банницы.

Мне в очередной раз пришлось убедиться в том, что Большой Дом — место своеобразное не только благодаря своему назначению, но и архитектуре. Насколько я уже знала, главная библиотека располагалась недалеко от ресторана, была оснащена новыми компьютерами и имела большой ассортимент книг на любой вкус. А вот в ту, куда шла я, можно было попасть только таким изощренным способом. Для чего нужны такие сложности, я решительно не понимала, но подозревала, что создали их, скорее всего, даже не духи, а первые хозяева, отстроившие этот дом. Известно ведь, что многие аристократы отличались любовью к тайным ходам...

Библиотека оказалась не слишком большой и вполне уютной... вернее, была бы вполне уютной, не будь она такой грязной! Вот тут-то я и поняла, почему госпожа Санли отправляла меня сюда с такой милой, совершенно не сочетающейся с маниакальным блеском глаз улыбочкой!

С потолков свисали противные нити паутины, опутывающей еще и все без исключения углы. Гнездились пауки и на широких подоконниках, и на ажурной люстре, и на книжных полках, и даже между ножек кресел и стола. Вездесущая пыль покрывала все те же полки, устилала пол аки свежewe выпавший снег и, как только я вошла, заставила тут же чихнуть.

Ну вот же... духи!

Решив не терять энтузиазма, я закатала рукава и с воинственным настроением приступила к делу.

Значит, госпоже Санли мой цвет волос не угодил, да? Невзлюбила она меня, да? Думает, жаловаться начну, да?

А вот и нет, дудки! Пускай работенка не самая приятная, пускай порой не из легких, но зато она связана с самым настоящим волшебством, и я от нее откажусь разве что под угрозой смерти! И то, еще подумаю.

Когда ты научился видеть чудеса, отказаться от них — все равно, что перестать жить.

По совету Алены, воду я набирала прямо из фонтана, а грязную выливала на клумбы. Повезло хотя бы с тем, что помещение было небольшое, и фронт работы размером не пугал. Впрочем, уборка все равно отняла около пяти часов, учитывая, сколько всего пришлось перемыть, переложить и отсортировать. Многие книги безбожно валялись в неподходящих местах, и значительную часть времени я расставляла их по полкам. К слову, по большей части в библиотеке были представлены образцы зарубежной и отечественной классики. Мне попадались сборники стихов Пушкина, Лермонтова и Есенина. Труды Толстого и Гете, Достоевского и Ницше, но чаще всего встречался, пожалуй, Гоголь. Сборников его произведений в этой библиотеке имелась целая коллекция, под которую была отведена отдельная секция! Кажется, я даже догадывалась, почему такая привилегия выпала на долю именно этого, имеющего склонности к мистике писателя.

Я уже почти закончила с уборкой, когда внезапно услышала позади себя какой-то шорох. Вместе с ним пришло ощущение постороннего присутствия и прикованного ко мне взгляда. Круто обернувшись, я наткнулась на стоящего совсем рядом Ная, прищуренные, как будто грозные глаза которого не предвещали ничего хорошего.

## Глава тринадцатая, в которой Большой Дом открывает некоторые свои секреты

Когда подумала, что сейчас столкнусь с неизбежными неприятностями, я не прогадала. В общем и целом, сам факт появления духа желания можно было назвать самой сутью неприятностей, причем с большой буквы.

Синие глаза потемнели и сейчас действительно напоминали грозное небо, с которого, того и гляди, низвергнутся молнии.

— Где ты его достала? — адресовался мне вопрос, произнесенный, впрочем, вполне миролюбиво.

— Достала кого? — не обманувшись интонацией, уточнила я.

— Редкий ловец снов.

И взгляд тако-о-ой выразительный, тако-о-ой пронзительный, что, кажется, пара молний все-таки блеснула, и даже прогремел гром.

Не посчитав себя обязанной отвечать, я деланно непринужденно обвела взглядом библиотеку, убедилась, что та блистает чистотой и, обогнув Ная, прошествовала к выходу. Как и ожидалась, просто так уйти мне не удалось и, не успев я моргнуть, как дух появился у меня на пути, загородив дверной проем.

Только я собралась возмутиться, как услышала от него неожиданно покаянное:

— Прости, карамелька, я не хотел тебя испугать. Но мне было так радостно иметь возможность создавать для тебя прекрасные сны, видеть тебя хотя бы ночью, что появление у тебя ловца крайне меня расстроило.

Он говорил мягко, вкрадчиво, бархатистый голос обволакивал, стремился лишиться воли и приковать внимание к гипнотизирующим синим глазам. Какая-то часть меня понимала, что он играет, использует свою силу очарования, и старалась этому противиться. Но была и другая — которая тоже понимала, но сопротивляться не хотела совершенно. Хотя, пожалуй, имелась еще и третья — наивно верящая, что дух искренен.

Помотав головой, отгоняя наваждение, я зацепилась за царпнувшую слух фразу. Как-то внезапно, словно по щелчку пальцев, мне вдруг стала понятная одна вещь. Най сказал «хотя бы ночью», потому что он и правда появлялся рядом только в ночное время. Олег поселил его в Большом Доме, но свое нахождение здесь дух желания никогда не афишировал. Даже сейчас он появился лишь потому, что я пришла в почти заброшенную, пустынную библиотеку. С чем это связано? Ответ очевиден.

Мысленно обрадовавшись, я с такой же вкрадчивой улыбкой предложила:

— Най, а почему бы нам прямо сейчас не заглянуть в гостиничный ресторанчик? Мне бы очень хотелось разделить с тобой ужин. Не сомневаюсь, Вилли с удовольствием приготовит для нас что-нибудь вкусное пораньше, а духи-помощники накроют стол.

— Разве твой рабочий день уже окончен? — склонившись ко мне и намотав на палец карамельную пряду, проговорил Най.

— Не совсем, — не стирая обворожительной улыбки, ответила я. — Но думаю, госпожа Санли не откажет в маленькой просьбе отпустить меня пораньше. Ты ведь попросишь за меня, правда?

Дух желания ничем не выдал своих эмоций — выражение его лица осталось прежним, но все же я заметила, как на считанные доли секунды его глаза изменили цвет. Интуитивно стало понятно, что такие изменения вызваны... страхом. Паническим.

Меня это неожиданно развеселило. Просто стоило вспомнить о рассказе Аленки и подкрепить его моим буйным воображением, как губы сами собой расплылись в улыбке уже не обворожительной, а самой что ни на есть довольной.

Это же надо, знаменитый дух желания боится нашей рыжей чумы!

— Не думаю, что это хорошая идея, — тем временем выдохнул Най, дыхание которого зашепотало мою щеку. — В ресторане слишком много посторонних глаз. Не хочешь ли поужинать в более приятной обстановке? Наедине... со мной...

Спроси меня кто-нибудь, что произошло в этот момент, с ответом я бы не нашлась. В сознании успели промелькнуть слова Ная о том, что прежде он не использовал и толику своих возможностей, прежде чем моя голова наполнилась туманом. Вязким, обволакивающим, отдающим синевой — той

же, какой светились глаза, неотрывно смотрящие в мои.

Меня накрыло такой шальной волной энергии, какая буквально выбила почву из-под ног. Глядя в те самые глаза, я уже не помнила, кто я, где я, в обществе кого нахожусь. Все, чего хотела — это раствориться в них, принадлежащих самому невероятному, самому потрясающему мужчине всех миров.

Когда меня, обняв, притянули к себе, я сама в ответ обвила шею, с готовностью подалась навстречу, чтобы почувствовать на своих губах горячее дыхание. Кажется, сияли уже не только глаза Ная, но и его кожа — такая гладкая, пахнущая чем-то свежим и одновременно пряным...

Прикрыв глаза, я успела ощутить лишь легкое касание его губ, а затем раздался грохот. Распахнув веки, я в полнейшей растерянности, невидяще обвела взглядом помещение и с трудом сфокусировалась на большом темном пятне, стоящем напротив держащегося за челюсть Ная.

В который раз помотав головой и глухо застонав от накотившего головокружения, я собралась с силами и, присмотревшись внимательнее, обнаружила, что «темное пятно» — это Герман собственной персоной, невесть когда появившийся в библиотеке.

— Ты? — выдохнули мы одновременно с Наем.

Вернее, выдохнула только я, а вот к Наю больше подошло бы определение «процедил».

— Одно из важнейших правил этой гостиницы, написанных для постояльцев, гласит: не навреди персоналу. Поскольку Кирилл в данный момент занят, напомнить тебе об этом решил я. Или мне следовало сразу позвать госпожу управляющую?

При упоминании госпожи Санли Ная заметно передернуло, и все же он с чувством превосходства бросил:

— Не одичай ты от постоянного одиночества, знал бы, что мои действия были направлены исключительно на получение обоюдного удовольствия. Никакой опасности для караме.... — быстрый взгляд на меня и поправка: — Для горничной они не представляли.

Герман недобро усмехнулся:

— За исключением того, что «обоюдного удовольствия» горничная вовсе не жаждала. А ты использовал свою силу для воздействия на ее чувства и сознание.

— Как бы то ни было, это не твое дело, безликоборец!

— Ошибаешься, дух желания, — в голосе Германа зазвучали предупреждающие нотки. — Юлия не только исполняет обязанности горничной, но и обладает незаурядными способностями, в связи с чем оказывает не бесплатную помощь мне в работе. Поэтому любое намерение причинить ей вред, я буду воспринимать на свой счет. А те, кто пытается мне вредить, очень скоро об этом жалеют.

Услышав такое, я немного обалдела, но Най был слишком занят откровенно прозвучавшей угрозой, чтобы это заметить. Пока они продолжали вести диалог, больше напоминающий противостояние готовых наброситься друг на друга хищников, я все возвращалась к фразе «не бесплатная помощь в работе». То есть, это меня сейчас дополнительной деятельностью обеспечили? Или Герман сказал так, чтобы Най от меня отстал?

И вообще, почему он вступился за меня? Я, конечно, не жалуясь, но...

Как-то внезапно ко мне пришло полное понимание того, что случилось бы, не вмешайся Герман. Притом, случилось не где-то там во сне, а наяву! Вместе с пониманием меня накрыла жаркая волна стыда. Вогнать меня в краску не так-то легко, но сейчас я покраснела буквально до корней волос.

Боже, я ведь сама его обнимала, хотела, чтобы он меня поцеловал... хотела, чтобы...

— До встречи, карамелька, — не позволил мне утонуть в омуте раскаяния голос Ная.

И дух желания, пренебрегая всеми правилами приличия, бессовестно растворился в воздухе, оставив после себя легкий, уже вскоре исчезнувший синеватый флер.

С его уходом я испытала одновременно и облегчение, и смущение еще большее, чем прежде. Кроме того, неожиданно обнаружила, что сижу на крышке стола, в то время как подол формы совсем неприлично вздернут вверх, оголяя большую часть ног.

Черт, черт, черт! Да чтоб его, этого Ная!

Спрыгнув на пол и одернув форму, я глубоко вдохнула, медленно выдохнула и, стараясь придать

голосу спокойной уверенности, обратилась к безликоборцу:

— Спасибо. Большое.

— У нас с ним давние счёты, — ровно ответил тот. — В ближайшее время он вряд ли решит снова тебя побеспокоить, но все же постарайся не оставаться надолго одна. К слову, — Герман выразительно приподнял одну бровь. — Подумай насчет моего предложения. У тебя определенно необычные способности, которые грех не использовать. Понимаю, нагрузка в Большом Доме большая, но ты можешь помогать мне только в самых сложных случаях. Разумеется, небескорыстно, как я уже говорил.

Предложение было, прямо скажем, заманчивым. Вот только помимо работы в гостинице у меня теперь имелась работа, связанная с иллюстрированием, а выходные мне предстояло проводить за компьютером в офисе, обучаясь использованию программ.

Я собиралась отказаться. Правда, собиралась. Но что-то — скорее всего, возможность лишний раз побыть рядом с Германом и получше его узнать — подтолкнуло меня согласиться.

— Только предупреждаю, если твои «сложные случаи» будут выпадать на время моей работы в гостинице, отпрашивать меня у госпожи Санли будешь сам.

— По рукам, — легко согласился Герман.

Затем мы обсудили мою заработную плату, если можно так сказать. Сошлись на том, что деньги я буду получать по факту оказания помощи, и скрепили договор крепким рукопожатием.

Простое соприкосновение ладоней напомнило о прикосновении другом — освещенном бликами костра и сопровождаемом причудливой, ритмичной музыкой...

Уборка была окончена, но уходить из библиотеки я теперь не спешила. Герман тоже почему-то здесь задерживался, и мне в голову пришла мысль немного схитрить, чтобы подольше побыть с ним наедине. Безликоборец сильно интересовал меня во многих смыслах, а после его неожиданного заступничества все зарождающиеся во мне чувства значительно усилились.

Притворившись, что все еще испытываю легкое головокружение, я присела на диван и попросила Германа немного со мной посидеть. Морально была готова к тому, что получу отказ, но он без лишних слов согласился.

— А ты давно здесь живешь? — полюбопытствовала я, заводя нужный разговор.

— Давно, — лаконично ответили мне.

— Значит, и Кирилла давно знаешь?

Получив утвердительный кивок, я как бы невзначай констатировала:

— И заклинателя духов.

На этот раз никакого ответа не получила и предприняла попытку зайти с другой стороны:

— Тэйрон твой наставник, да? Знаешь, вчера я испугалась его едва ли не больше, чем безликих! Это же какой силищей нужно обладать, чтобы так легко с ними расправиться!

Герман посмотрел на меня в упор:

— Тебе интересно узнать о заклинателе духов, или о том, что меня с ним связывает?

Ну надо же, какой пронизательный!

— И о том, и о другом, и обо всем сразу, — честно призналась я. — Говоря по правде, у меня вообще уйма вопросов, касающихся и тебя, и заклинателя, и многих постояльцев, и Большого Дома в целом.

Герман криво усмехнулся:

— Если ты не заметила, я — не лучший объект для общения.

— Заметила, что так думаешь ты сам, но вот я так не считаю, — серьезно ответила ему. — Мне думается, глубоко внутри ты совсем не такой, каким кажешься на первый взгляд. Каким стараешься казаться.

Признание вырвалось непроизвольно, заставив в очередной раз покраснеть, но, тем не менее, о сказанном я не жалела.

Герман пристально смотрел на меня несколько долгих мгновений, после чего неожиданно приблизился и, глядя прямо в глаза, спросил:

— И какой же я, по-твоему, внутри?

По коже проползла дрожь, в душе зародилось странное волнение, и я вновь ответила предельно честно:

— Пока не разобралась.

Наше «глаза в глаза» продолжалось еще несколько долгих мгновений, а затем Герман неопределенно хмыкнул и отстранился. Повисшая тишина была ощутима буквально физически — складывалось впечатление, что мы находимся не в старой библиотеке, а в маленьком заброшенном мирке, где существуем мы одни.

Чтобы разрушить невыносимое, сковавшее меня напряжение, я снова заговорила первой, только тему на этот раз выбрала нейтральную:

— Слушай... а тебе что-нибудь известно о Большом Доме? Не как о гостинице духов, а как о построенном людьми здании. Его ведь люди строили, да?

Не то стычка с Наем так на него повлияла, не то он просто стал больше мне доверять, но Герман сегодня был на удивление разговорчив:

— Когда-то эту усадьбу построил граф, вскоре после чего переехал сюда вместе со своей молодой женой. Брак заключали по расчету. Граф был стар, но богат, девушка — молода, красива, но бесприданница, которую отдали замуж против ее воли. Вместе они прожили чуть больше года, после чего граф скончался, как говорили, от сердечного приступа. Вскоре после этого вдовствующая графиня встретила молодого человека, который оказался магом. Вообще, ходили слухи, что он был ее любовником еще при жизни мужа. Сама графиня с рождения имела необычные способности, позволяющие ей видеть потусторонних существ. Она была медиумом. Дмитрий — так звали мага, объяснил, что такого дара не нужно бояться, и помог с ним освоиться. Будучи крайне сильным и талантливым магом, он почувствовал, что усадьба стоит на месте, где ткань мироздания истончена, и помог здешней магии себя проявить. Так у усадьбы появилось две стороны: одна, видимая человеческому глазу, и другая — место обитания духов, которые с того времени могут попадать в нее из разных миров. Сначала Дмитрий сам отыскивал духов и помогал тем из них, кто в этом нуждался, поэтому первое время здесь существовала скорее не гостиница, а приют.

Звучало... фантастически. Я даже не заметила, как, заворожено слушая Германа, подалась вперед и невольно приоткрыла рот.

— И что потом? — поторопила, когда он замолчал.

— Потом случилась революция, — продолжил безликоборец. — Усадьбу разорили, хозяев расстреляли — по официальным данным. На самом деле они ушли в другой мир, где, по слухам, прожили долгую и счастливую жизнь. Несколько лет в усадьбе существовал склад, потом здание кое-как привели в порядок и организовали здесь школу. Правда, долго она не просуществовала из-за того, что в ней постоянно творилась всякая чертовщина. После еще пары безуспешных попыток сделать из здания магазин, его забросили. Так оно до сих пор и стоит бесхозным. Зато духам — раздолье.

Представив, как в некогда существующей здесь школе летали тряпки, гремели стулья, а мел на доске писал неприличные выражения, я улыбнулась. Зная духов, могла бы поклониться — именно так все и было!

— Вот ты говоришь, приют, — задумчиво проговорила я. — А как он превратился в гостиницу? И как перешел к Кириллу? Кажется, Алена как-то упоминала, что Кирилл пришел в наш мир около двух веков назад...

Герман, что совсем не было ему свойственно, фыркнул и закатил глаза:

— Так вот откуда сплетни берутся... Впрочем, фактически тебе сказали правду.

— И-и? — протянула я, когда он вновь замолчал.

— Это дела Кирилла, — отрезал безликоборец, показывая, что на эту тему говорить не намерен. — Я не любопытная горничная Большого Дома, чтобы лезть в чужие тайны.

Наверное, услышав такое, Аленка бы обиделась, но я мысленно поставила Герману еще один плюстик. Что может быть хуже мужчины, любящего трепать языком?

За время разговора мое «головокружение успело пройти», и дольше оставаться в библиотеке смысла не было. Мы уже направились к выходу, когда мне внезапно захотелось прояснить еще один момент:

— Герман?

Он остановился и, как мне показалось, вздохнул. Обернулся и вопросительно на меня посмотрел.

— Кто такая Шэлли? То есть... я понимаю, что она дух. Но почему ее никогда не видно в Большом Доме, хотя она абсолютно точно здесь живет?

Судя по всему, обсуждать этот вопрос Герману тоже не хотелось и все же, недолго поколебавшись, он ответил:

— Не все духи таковыми рождаются. Некоторые души, которых что-то держит на этом свете, застревают между мирами. Как Шэлли. Она — дух-призрак. Такие духи не могут взаимодействовать с другими духами, только, при желании, с людьми. В сущности, почти все обычные духи вообще не замечают призраков. Те для них — все равно, что невидимки.

Некоторое время я неподвижно стояла, осмысливая услышанное. Прежде мне ни разу не приходилось связывать духов и души умерших людей. Всех без исключения духов я изначально воспринимала как каких-то волшебных существ. А оно вон, оказывается, как бывает...

— А кроме Шэлли в Большом Доме еще есть призраки?

— Нет. Как правило, они одиночки.

Я видела, что Герман о чем-то недоговаривает. О том, что связывает его лично с девочкой-олenenком, но больше пытаться лезть к нему в душу не стала.

Следующие несколько дней пролетели как одно мгновение. Видимо, посчитав, что ее подчиненные выглядят слишком счастливыми, госпожа Санли завалила нас работой настолько, что нам сочувствовали даже не знающие усталости духи-помощники. Уборка номеров, мытье коридоров, подготовка бань — все сливалась в непрерывный калейдоскоп, где единственной передышкой оставался сон.

О, да! Благодаря ловцу снов ночь для меня стала самым желанным временем суток. Сов оказался товарищем ворчливым, любящим немного понуть и пожаловаться на тяжелую долю, однако работу свою выполнял исправно. Я рискнула заказать себе пару сновидений и не прогадала — утром ощущала себя так, словно посмотрела невероятно интересный фильм, в котором помнила каждую деталь! А вдобавок, что немаловажно, чувствовала себя бодрой и отдохнувшей.

В ночь перед выходным я и вовсе решила сыграть не по правилам, попросив Сова составить мне во сне компанию. В общем, как оказалось, моя комната, окутанная голубоватым светом, тоже являлась своего рода сном. Точнее, как сказал Сов — отправной точкой. За несколько минувших ночей эту «отправную точку» Сов переделал на свой вкус, и теперь некогда лаконичный номер гостиницы походил на свалку старого барахла. Пожалуй, моя кровать осталась единственным нетронутым предметом мебели: вместо привычного шкафа здесь теперь стоял старый сервант, до отказа напичканный антиквариатом, стол вместо квадратного стал круглым и покрытым простенькой скатертью, на стене появились часы-кукушка — только вместо кукушки из них выпрыгивала ухающая сова.

— Можно, я у тебя здесь побуду? — присев на кровати, спросила я.

Сов безразлично пожал плечами и, широко зевнув, прошлепал ставить чайник на невесть откуда появившуюся в углу плитку.

Это было очень странно: понимать, что я вроде как сплю, но в то же время все происходит на самом деле. Этакий реальный сон, которым можно управлять. А еще страннее было воспринимать это гнездовье Сова как свою комнату в Большом Доме.

Пока Сов заваривал свой фирменный кофе, я украдкой осмотрелась, отметив пристроенное на кресло-качалку лоскутное одеяло, старый добрый фильмоскоп, взгромоздившийся на тумбочку, и, конечно, ловец снов, как и в реальности висящий у изголовья кровати.

С ногами забравшись на стул, я вдохнула запах, исходящий от поставленной передо мной кружки и, цапнув из вазы печеньку, поинтересовалась:

— И как это меня угораздило тебя встретить? Не поверишь, но я купила твой ловец снов совершенно случайно!

Сделав смачный глоток, сов откинулся на спинку стула, поскреб перья на макушке и сонным голосом возразил:

— Чего не существует во всех мирах, так это случайностей. Все, что ни происходит — есть суть закономерностей бытия.

— Хочешь сказать, что наша встреча была предрешена? — удивившись тем, что во сне почувствовала вкус печенья, я принялась за кофе.

— Не предрешена, а закономерна, — вновь зевнув, Сов прикрыл клюв крылом. — Оболтус Митька не хотел ехать на ярмарку, когда об этом его попросила мать. Но поехал, потому что требовались деньги на взятку недобросовестному преподавателю, который не хотел ставить ему зачет. А не получил бы Митька зачет — турнули бы из универа. А турнули бы из универа — пришлось бы идти работать на фирму к папашке, с которым они не в ладах. Вот так неудачливый Митька, сын одной известной ведьмы, и попал на ярмарку духов. А ведьма та с разумением — у нее в лавке только хороший товар имеется. Только рассчитан он не на духов, а все больше на медиумов, ведьм, да простых людей. Вот духи всю ярмарку мимо и проходили, а потом ты появилась...

За один прием опрокинув в себя остатки кофе, Сов вздрогнул так, что затряслось его меховое пузо, и выдохнул:

— Это оболтус Митька еще продешевил, когда тебе мой ловец снов всего за семь тысяч продал. Еще и барахлом меня мысленно обозвал, — обидчиво протянул Сов и тут же довольно хмыкнул: — Мамка его небось потом за уши оттащила...

В общем и целом, из его рассказа я вынесла следующее: мне крупно повезло. Сейчас у меня даже желания не возникло спорить, что заплаченная сумма — это мало. Да за такого чудесного духа я бы на себя не один кредит повесила, не то, что отдала какие-то там семь тысяч!

Внезапно нашу мирную кофейную беседу прервал настойчивый и очень громкий стук. Казалось, он был повсюду, и от него тряслось буквально все: пол, стены, потолок!

подавившись и прокашлявшись, я в ужасе воскликнула:

— Это еще что?!

Не в пример мне, Сов оставался невозмутимо-сонливым:

— А, ерунда... ночные кошмары буянят.

Я оказалась способна лишь на потрясенно-вопросительный взгляд.

Грохот стал еще громче, с потолка посыпалась штукатурка, а Сов, словно ничего не замечая, приступил ко второй чашке кофе. Перелил часть в блюдце, подул, сделал глоток и буквально расплылся по стулу от невыразимого удовольствия.

Вот же кофеман-наркоман!

— Со-о-в! — напомнила о своем присутствии я.

— Сны плохие ломаются, говорю, — нехотя прокряхтел тот и, прислушавшись, хмыкнул: — А вот еще и прохиндей главный пожаловал. Беспредельщик! Третью ночь ломится!

Понять, кто подразумевался под «беспредельщиком», не составило труда, и я еще раз мысленно поблагодарила высшие силы за то, что послали мне такого замечательного защитника, ограждающего сны от всяких неугомонных духов желания!

## Глава четырнадцатая, в которой совершается небольшое путешествие в другой мир

— О, глянь, опять та цыпа!

— А с ней поменьше цыпа!

— Чык-чык!

— Чык-чырык!

Поравнявшись с деревом, на котором под лучами летнего солнца загорали нахлабучившие темные очки гуси, я ненадолго остановилась. Запрокинула голову, посмотрела на них в упор, чем вызвала очередные испуганные пересуды, улыбнулась своим мыслям и вместе с семенящим за мной духом-помощником пошла дальше.

Признаться честно, входя в уже знакомый офис, я нервничала. Накануне пересмотрела оставшиеся записи уроков, порисовала на планшете, сделала зарисовки на бумаге, но все равно волновалась как ребенок, впервые переступающий школьный порог.

Дмитрий меня уже ждал. Пару дней назад он позвонил и назначил время занятий, вот только я думала, что обучать меня станет какой-нибудь другой сотрудник, а не он сам.

Мы прошли в кабинет, где располагалось пять персональных компьютеров, два из которых обратили к нам горящие взоры мониторов. Бегло оценив обстановку, я порадовалась, что здесь вполне уютно: просто и светло. А начатая пачка печенья, заварник и пара чашек, стоящих на столе, добавили домашних ноток.

Нервозность отступила, и я почти расслабилась, чему способствовала и непринужденность Дмитрия, сразу расположившего меня к себе. Сейчас он держался со мной не как с подчиненной, или даже сотрудником, а скорее как с хорошей знакомой. Неожиданно, но приятно.

— Располагайся, — он отодвинул для меня компьютерное кресло и без перехода поинтересовался: — Ничего, что я на «ты»?

— Ничего, — тут же отреагировала я.

И мысленно добавила: «только за». Всегда чувствовала себя некомфортно из-за чрезмерной официальности. Наверное, сказывалась прошлая работа, где я запросто могла наорать на начальника — взрывного усатого дядьку, — услышать в ответ пожелание катиться далеко и надолго, сдобренное заявлением о том, что я уволена, а на следующий день, как ни в чем не бывало, обмениваться с ним ехидными шуточками. В общем-то, благодаря Петровичу я кое-как и выносила скучную для себя работу продавщицы.

Устроившись в удобном кресле, я достала из рюкзака планшет, сделанные накануне эскизы и приготовилась внимать. Дмитрий тем временем придвинул поближе еще одно кресло, присел и первым делом взялся просматривать те самые эскизы. Накануне я экспериментировала, пытаюсь стилизовать Сова совершенно по-разному. Большинство попыток, на мой взгляд, были неудачными, но парочка мне нравилась.

Как я только не поиздевалась над ловцом снов! Изображала его в духе минимализма, превратив в глазастый кружок, в виде «смешарика», в живописной манере. Но лучше всего, по моему мнению, он получился в моем традиционном стиле.

— Неплохо, — брови Дмитрия чуть приподнялись, и он одобрительно кивнул. — Очень неплохо. И персонаж такой... колоритный.

«Даже не представляете, насколько», — мысленно усмехнулась я.

Словно возмущившись тем, что хвалят ловца снов, а не его, пришедший со мной цыпленок подбоченился и возмущенно пропищал:

— Уи-уи!

Я метнула на него короткий взгляд и вовремя заставила себя прикусить язык, который так и чесался ответить! Не хватало еще перед новым начальством выставить себя сумасшедшей, говорящей с самой собой...

Учителем Дмитрий оказался прекрасным. Во время просмотра курсов у меня возник ряд вопросов, на которые он дал четкие, лаконичные и, самое главное, понятные ответы. Разложил все по полочкам, объяснил еще кое-какие детали и, дав задание, занимался своими делами, пока я его исполняла. Мне предстояло перерисовать Сова на планшете, применив при этом новую и довольно

интересную технику. Процесс так меня увлек, что я искренне удивилась, когда обнаружила, что сижу над этим уже два часа — по ощущениям, прошло всего несколько минут!

— Передохни, — не столько посоветовал, сколько велел Дмитрий. — Глазам нужно давать отдыхать, особенно при такой работе, как наша.

Далее я чувствовала себя почти как минувшей ночью с Совом, потому что мы с наставником пили кофе. От печенья я вежливо отказалась, а вот кофе оценила — насыщенный, горьковатый, ничем не разбавленный... Дмитрий определенно знал в нем толк.

— Значит, у тебя есть и другая работа, — во время возникшей в разговоре паузы, констатировал начальник. — Если я правильно помню из резюме, ты работаешь в гостинице?

Я утвердительно кивнула и, чтобы он не стал развивать эту тему, перевела стрелки:

— А сколько иллюстраторов работает в нашей компании? Из тех, что приходили со мной на собеседование, кого-нибудь приняли?

— Приняли, — подтвердил Дмитрий, после чего поименно перечислил всех сотрудников. Их оказалось не так уж много, а большинство, как и я, предпочитали работать на дому, заглядывая в офис совсем нечасто.

Я полагала, что за таким обсуждением тема моей работы в гостинице была забыта, но это оказалось не так. Дмитрий вернулся к ней в тот момент, когда я снова расслабилась и совсем этого не ожидала.

— Не сочти за бестактность, — с улыбкой произнес он, наградив меня долгим взглядом. — Но что такая творческая личность столько времени делала на должности продавца, а теперь еще и горничной? Зарплата у нас достойная, поэтому дело явно не в ней.

Мысли лихорадочно завертелись в голове, и я укорила себя за то, что не подготовилась к таким вопросам заранее. Стараясь говорить как можно более уверенно, ответила фактически правду:

— Если вы действительно помните резюме, то должны знать, что я окончила торговый колледж. Потом было распределение. Что до горничной... в город я переехала не так давно, и мне требовалось отыскать хоть какую-нибудь работу. А теперь у меня заключен годовой контракт. Соответственно, уволиться я не могу, поэтому совмещаю работу горничной с иллюстрированием.

На последних словах я заметила, что цыпленок проковылял в конец кабинета, остановился у одного из компьютерных столов и теперь тихо шипел, в то время как его шерстка встала дыбом. Воинственно настроенный дух-помощник вынудил меня невольно отвлечься, и следующего вопроса я не услышала.

— Юля-я, — снова позвал Дмитрий, проследив за моим взглядом. — Что ты там увидела?

Вот этот вопрос был мной расслышан, но с ответом я все равно помедлила. Уже не столько из-за цыпленка, сколько из-за того, что сумела рассмотреть нечто, его напугавшее.

И лучше бы мне этого не видеть!

Сейчас, когда намеренно присмотрелась внимательно, моему взгляду открылось то, что я не замечала прежде. По полу тянулась узкая грязевая дорожка — темная, «серо-буро-малиновая» и липкая на вид. Местами она лежала комками, а кое-где была размазана тонким слоем, создавая ощущение того, что этот след оставило какое-то страшное существо... какой-то дух. Учитывая, что большее скопление грязи находилось под столом, он не так давно сидел именно там.

Вместе с прозрением ко мне пришла и жуткая, исходящая от этого следа вонь, заставившая поморщиться и непроизвольно затаить дыхание.

— Юля? — в голосе Дмитрия появились нотки беспокойства. — С тобой все в порядке?

— В полном, — прогнусавила я, стараясь отделаться от невыносимого запаха плесени и гнили, который как назло стал еще ощутимее.

Цыпленок, перепугавшись окончательно и решив держаться от подозрительной штуки подальше, вернулся на прежнее место и уселся у меня в ногах. Так и хотелось проговорить что-нибудь ободряющее, дабы его успокоить, но я опять сдерживалась.

— Взгляни сюда, — Дмитрий протянул мне какую-то папку. — Здесь распечатки нашей чистовой продукции. За две недели нужно подготовить два варианта линейки — то есть, разработать серию иллюстраций к чашкам, значкам и футболкам. Эскизы сдать к двадцать первому числу, в электронном формате. Справишься?

Получив утвердительный ответ, он еще раз повторил со мной все основные моменты в использовании программ, проверил выполненные задания и, указав на ошибки, объявил, что на сегодня достаточно.

— Ты домой? — словно разговаривая с доброй приятельницей, спросил Дмитрий, когда мы собрались уходить. И, дождавшись кивка, предложил: — Может, тебя подбросить?

— Хочу пройтись пешком, — на этот раз возразила я, скрасив отказ вежливой улыбкой.

Настаивать Дмитрий не стал. Из офиса мы вышли вместе, а потом так же вместе прошли еще до стоянки, где у него было припарковано авто. В отличие от офиса, на улице в обществе Дмитрия я испытывала колоссальное напряжение, поэтому облегченно выдохнула, как только мы попрощались.

Красная ауди пикнула, игриво подмигнула фарами, начальник сел за руль, а я прошествовала дальше по обласканной жаркими лучами дороге. Дух-помощник притих и молчаливо семенил рядом, будто погруженный в какие-то размышления, и я ловила себя на том, что тоже то и дело мысленно возвращаюсь к странному грязевому следу.

В общем-то, ничего удивительного в том, что в офис наведалься какой-то дух, не было. Ну приперся он незванным гостем, ну посидел немного под компьютерным столом, ну наследил, уходя... и все-таки что-то меня беспокоило. Еще и поведение цыпленка в предыдущий раз вспомнилось — кажется, тогда он тоже чего-то испугался.

В Большом Доме царила тишь, да благодать. Сонливое умиротворение, вызванное царящей на улице удушливой жарой. Войдя в старое здание и оказавшись в блистающем новом ремонтом холле, я словно попала на морское побережье, балующее прохладой и свежестью. Олег на ресепшн лениво заполнял какие-то бумаги, периодически прерываясь на прохладный лимонад, парочка духов неспешно протирала и без того чистый пол, из кухни доносились тонкие ароматы чего-то сладкого и ягодного...

Покой. Умиротворение. Можно подняться к себе в номер, растянуться на кровати и предаться законному ничегонеделанию...

Мое одобренное сладким предвкушением намерение в пух и прах разнесли неожиданно прозвучавшие кошачьи вопли. Я успела вздрогнуть, испугаться и подумать о Котике, прежде чем дверь гостиницы с размаху распахнулась, и в нее вбежали четыре белые кошечки. Их мне уже приходилось видеть — именно они в мой первый рабочий день несли чемоданы своей хозяйки.

Кошки словно обезумели — взъерошенные, с вздыбленной шерстью и горящими глазами, они орали во всю глотку и носились по холлу, оставляя на полу красные следы. Я не сразу поняла, что красные следы потому, что лапы кошек испачканы кровью. А когда поняла, на вопли уже сбежалась добрая половина постояльцев и персонала, возглавляла которую госпожа Санли.

Совсем скоро вопли кошек дополнили перекрикивания возмущенных постояльцев, после чего их всех вместе взятых перекрыл громоподобный голос разбушевавшейся рыжей ведьмы, призывающей всех сохранять спокойствие, а затем... затем внезапно наступила тишина. Абсолютная. Даже кошки угомонились!

В холл вошел заклинатель духов, за спиной которого находился Герман. Их появление среди воцарившегося безумия возымело эффект разорвавшейся бомбы — точнее, ее последствий. Все замерли в тех позах, в которых находились, и госпожа Санли оказалась стоящей с поднятой вверх рукой, широко открытым ртом и отведенной назад ногой, которой собиралась незаметно пнуть одну из особо буйных кошек.

Тэйрон остановился около стойки, за которой застывший Олег шевелил одними глазами, ошарашено переводя взгляд с одного действующего лица на другое.

Первыми отмерли все те же кошки. Не став возобновлять крики, они быстро, но без прежнего безумства приблизились к заклинателю духов и, потершись о его ноги, запрокинули головы, чтобы посмотреть ему в глаза.

Безмолвие продолжалось еще несколько секунд, после чего Тэйрон обратился к Герману:

— Пойдешь?

— Разумеется, — не выказывая ни капли беспокойства, едва заметно усмехнулся тот. — Как я могу упустить возможность с тобой поработать?

Процессия в виде одного заклинателя, одного безликоборца и четырех кошек паровозиком двинулась к выходу, а немного пришедшая в себя публика провожала их обескураженными

взглядами. Даже госпожа Санли впервые на моей памяти потеряла дар речи и молча повторяла мимику остальных.

Чего я совсем не ожидала, так это заставшего меня врасплох вопроса:

— Не хочешь присоединиться?

Замедлив шаг, Герман посмотрел мне прямо в лицо и, не дожидаясь ответа, продолжил путь. Кажется, стоящие рядом Алена и Аня синхронно охнули, а госпожа Санли хмыкнула и недоверчиво покосилась в мою сторону, но я не могу утверждать, что все было именно так, потому что ноги уже сами несли меня к заветной двери.

Ох уж эти ноги... и почему я всегда подчиняюсь эмоциям, а не разуму?

Разум был категорически против назревающей авантюры, но его глас быстро потонул среди взыгравших во мне чувств, главным из которых являлось жуткое любопытство. Я понимала, что, куда бы мы ни направлялись, мне ничего не грозит — в такой-то компании! Поэтому зачатки страха отправились туда же, куда кануло недовольство разума, и я буквально притоптывала от нетерпения, когда Тэйрон открывал дверь.

Выглянув из-за Германа, за спиной которого решила стоять на всякий случай, я увидела знакомое снежное поле — в прошлый раз именно из этого мира в наш отель приходила девушка-кошка. В лицо дхнула холодная свежесть, а легкий ветерок бросил в лицо несколько мелких снежинок.

Из гостиницы я выходила последней, и когда шагала за порог, мне на плечи неожиданно легло что-то мягкое. «Что-то» оказалось невесть откуда взявшимся синим пуховиком, а, оглянувшись, я обнаружила, что его принесла Алена.

— Дурында, — беззлобно припечатала она. — Заболеешь ведь!

Ее глаза горели любопытством почти таким же, какое мучило меня, и я могла бы поклясться, что сейчас она просто мечтала оказаться на моем месте. А еще она явно не понимала, с какой такой стати безликоборец пригласил меня составить им с заклинателем компанию, и очень хотела об этом рассказать.

— Потом все расскажу, — пообещала я и, заметив, что мое третье по счету начальство уже успело отойти от крыльца, поспешно бросилась следом.

Вопреки ожиданиям, в этом снежном мире было совсем не холодно... ну, ладно, капельку все-таки было. Но не так, чтобы девушка в босоножках моментально окоченела и сравнялась по цвету с выданным ей пуховиком.

Почти нагнав своих провожатых, я, не удержавшись, обернулась... да так и обомлела! Все, что имелось в этом мире от Большого Дома — это невысокая, покрытая инеем дверь, существующая сама по себе. От самого здания не осталось и следа, а за дверью тянулось все то же бескрайнее белоснежное поле, сливающееся с таким же белоснежным небом.

Вновь идя за Германом, я чувствовала себя иллюстрацией, сделанной на чистом листе. Вот, честное слово, так и казалось, что мы — единственные цветочные пятна в этом царстве белизны!

— Здесь бы рекламу про стиральный порошок снимать... — пробормотала я.

И тут же отметила, что теперь кошки бегут впереди, указывая путь и попеременно оглядываясь, проверяя, идем ли мы следом.

Через некоторое время я заметила еще одну странность: снег был наметен толстым слоем, но ноги в него не проваливались. Не то здесь работали другие физические законы, не то мы все успели похудеть до веса невесомого перышка, но, во всяком случае, это было приятно. Ничто не затрудняло движения, и даже дуновения ветра, продолжающего бросать в лицо мелкие снежинки, не раздражали.

Что давалось действительно большим трудом, так это молчание. Наши шаги были почти бесшумными, сопровождаемыми лишь легким шелестом рассыпчатого снега, и эту почти полную тишину неимоверно хотелось нарушить.

Куда мы идем? Что нас ждет? Что случилось с хозяйкой кошек? Неужели заклинатель духов такой же угрюмый, как Герман, и потому тоже хранит отрешенное молчание?

Взвесив все «за» и «против», я пришла к выводу, что от переизбытка вопросов можно заработать головную боль, и вообще неудовлетворенное любопытство вредно для здоровья. Поэтому отбросила здравые опасения, ускорила шаг, обогнала Германа и, поравнявшись с Тэйроном, завела разговор:

— У вас такое необычное имя. Вы иностранец или иномирец?

— Иностранец, переехавший сюда очень давно, — прозвучал из-под капюшона будто бы искаженный, глухой голос, в котором угадывался оттенок сдерживаемого недовольства.

Я не стала останавливаться на том, что это недовольство вызвано, скорее всего, моим присутствием, и поинтересовалась:

— А вы видите безликих? Простите, если лезу не в свое дело, но на ярмарке вы так легко от них избавились, что я до сих пор поражена!

Я совсем не хотела ему льстить, вот правда. Разве что надеялась наладить с ним контакт и чуть-чуть задобрить. И говорила, между прочим, чистую правду — его способности и впрямь могли бы впечатлить даже самого заядлого скептика!

Показалось, что заклинатель тяжело вздохнул, прежде чем коротко ответил:

— Ты задаешь слишком много вопросов, девочка.

Много вопросов? Серьезно? Всего-то два!

Несмотря на неразговорчивость Тэйрона, я каким-то шестым чувством улавливала, что излишняя мрачность ему не свойственна. Напротив, мне почему-то подумалось, что он вынужден себя сдерживать и играть роль этакого загадочного повелителя духов, хотя на самом деле характер у него совсем другой.

Я бы непременно продемонстрировала, что такое действительно большое количество вопросов, если бы впереди внезапно не показался какой-то силуэт. Кошки побежали быстрее и, мы, следуя за ними, уже вскоре увидели очертания высокой белоснежной беседки, у которой на снегу расплывались небольшие багровые пятна.

Ненадолго остановившись, я прикрыла глаза и глубоко вдохнула.

Подумаешь, кровь... ничего страшного, совершенно ничего...

Справившись с подступившей к горлу закономерной тошнотой, я подошла к беседке, в которой уже находилась вся честная компания, и увидела лежащую на скамье девушку. Сейчас ее кожа выглядела едва ли не белее снега, длинные белоснежные волосы разметались, и несколько свисающих со скамьи прядей частично лежали на полу. Глаза девушки с кошачьими ушками были закрыты, но длинные ресницы чуть подрагивали. А окрашенные ярко-алые губы — полуоткрыты, и с них срывались тихие прерывистые вздохи.

Кровь же, как и видимые раны, на теле и одежде девушки отсутствовала.

Пока я ее рассматривала, Тэйрон достал небольшое зеркальце и склонился над ней, а Герман тем временем изучал оставленные на снегу кровавые пятна.

Забываясь о своем самочувствии и держась от крови подальше, я сконцентрировалась на действиях заклинателя, который уже поднес зеркальце к ярко-алым губам. Сперва показалось, что он таким образом хочет проверить дыхание девушки, но это было, конечно, не так. В какой-то момент от зеркала стал исходить свет, — как если бы на него упал и отразился солнечный луч, — и свет этот проникал прямо в ее приоткрытый рот. Не открывая глаз, девушка тут же стала совершать глотательные движения, будто бы пила обычную воду.

Да уж... такое точно увидишь не каждый день.

Что удивительно, белоснежное ушастое создание пришло в себя за считанные секунды. Судорожно вдохнув, она резко села, невольно сбросив взобравшихся на нее кошек, и обвела присутствующих заторможенным взглядом. Впрочем, заторможенность очень быстро уступила место какому-то безумству, выразившемуся в совершенном нападении на... меня.

Я даже испугаться как следует не успела, а все уже закончилось. Заклинатель ловко перехватил ее руку, а Герман мгновенно оказался стоящим передо мной.

Постепенно глаза девушки становились ясными, и в них проступала осмысленность. Похоже, до этого она пребывала не в себе, а я просто неудачно привлекла ее внимание.

— Вы в порядке, Джея? — не спеша ее отпустить, спросил Тэйрон.

Нахмурившись, та выдернула руку сама и, осмотрев всех уже окончательно прояснившимся взглядом, выплюнула:

— Чтоб ему от лап безликих погибнуть! Это же надо, вторгнуться в мой личный мир и осмелиться напасть! Чтоб из него душу вынули и заменили ее раздражающей тело колючей стужей...

— Джея, — мягко, но настойчиво перебил заклинатель. — Мы понимаем ваши чувства. Но проникнемся ими еще больше, если вы расскажете, что случилось.

Опустив ноги на пол и отведя от лица растрепавшиеся пряди, девушка раздраженно дернула кончиками ушей, и к ней на колени моментально запрыгнула пара кошек. Две другие остались сидеть у ног, словно бы охраняя хозяйку. Вся четверка громко и, не стесняясь чувств, мурчала, заботливо гладила Джею лапами и тыкалась в ее ноги и руки мокрыми розовыми носами.

— Это все тот маг, — наконец, произнесла она, нарушив воцарившееся молчание. — Сказал, чтобы я передала весточку Киру. Если он не подпишет бумаги, всех постояльцев ждут серьезные проблемы, и в конечном итоге они сами сбегут из Большого Дома.

У Германа вырвалось глухое ругательство, и я, глянув на него, невольно поежилась. Лицо безликоборца исказила настоящая злость, и хотя она адресовалась не мне, все равно стало немного жутко.

Тэйрон жеотреагировал более сдержанно и ровным тоном уточнил:

— Это все?

— Нет, безликие побери, не все! — неожиданно взорвалась Джея, и ее кошки в тот же миг зашипели. — Он чертовски силен, этот маг, раз сумел отыскать мою запасную, ведущую сюда дверь! Я — сильнейший дух, не смогла противиться его заклинанию оцепенения, и если бы не мои девочки, он бы так и ушел, не понеся вообще никакого наказания!

Картина более менее прояснилась. Судя по всему, кровь принадлежала как раз этому магу, а под «девочками» понимались кошки, которые и нанесли ему раны. Вот только самого главного я пока не знала, и этот пробел вознамерилась заполнить незамедлительно.

— Что за документы, которые должен подписать Кирилл? — спросила, обращаясь сразу ко всем. — Это из-за них и упомянутого мага он постоянно отлучается и в последнее время почти не бывает в гостинице?

Кажется, обо мне все успели подзабыть, и обратившиеся ко мне взгляды выражали самые разнообразные эмоции. Джея смотрела на меня как на некое недоразумение, случайно попавшее в ее мир, кошки настороженно прищурились, в глазах Германа отражалось сомнение, явно вызванное выбором — отвечать, или нет, а по глазам заклинателя я ничего считать не смогла, поскольку его лицо по-прежнему скрывал глубокий капюшон.

— На передачу прав владения, — сделав верный выбор, сообщил Герман. — Игорь хочет выкупить Большой Дом, но Кирилл продавать отказывается.

— Выкупить? — удивленным эхом переспросила я. — И поэтому решил угрожать постояльцам? Но это просто... просто глупо! Кто после такого захочет селиться в гостиницу, если владельцем станет он?

Герман передернул плечами:

— Ему не нужна гостиница. Он хочет обладать проходом между мирами, искренне считая, что у него есть на то все права.

Задать уточняющие вопросы, коих появилось великое множество, мне помешал заклинатель, довольно резко нас прервавший:

— Нужно возвращаться и сообщить о случившемся Кириллу.

— Не сомневайся, — процедила Джея, сузив глаза, — сообщу. Но я никогда не полагалась на чужую помощь, не делаю этого и теперь. Этот маг горько пожалеет, что посмел на меня напасть.

Ее лицо заострилось, приобретя пугающие, даже немного демонические черты, и прищуренные глаза полыхнули алым:

— Я обид не прощаю.

Уж не знаю, какой силой обладал напавший на нее маг, но на его месте я бы уже бежала на другой континент, сломя голову! Очень уж зловеще выглядела «жертва», кошки которой вдруг тоже перестали казаться милыми.

## Глава пятнадцатая, о любовных письмах, жабах и важных разговорах

К вечеру зарядил сильный дождь, вскоре превратившийся в разъяренную грозу, что совсем не удивляло, учитывая, как парило весь день.

Сразу после возвращения в Большой Дом вся троица, сопровождаемая распушившими хвосты белоснежными кошками, отправилась в кабинет Кирилла, который, как сообщила госпожа Санли, только что вернулся. Меня, ясное дело, на этот раз никто с собой не позвал, и я сделала то, что собиралась после возвращения с работы — отправилась отдыхать. Спокойно вздремнула несколько часов, а затем с новыми силами взялась за данное Дмитрием задание. Разработка серии иллюстраций оказалась делом непростым, но невероятно интересным, и, что самое главное — источники вдохновения без конца сновали у меня под носом, якобы занимаясь своими делами.

Главная задача духов-помощников помимо основной работы — оставаться незаметными. Но сегодня они с ней справлялись из рук вон плохо, и в моей комнате то и дело появлялись «недоцыплята», «недощенки» и прочие, имеющие своеобразную внешность чудики. Даже подкроватные монстры раньше положенного выползли на белый свет и нет-нет, а украдкой заглядывали в мой блокнот.

Немного позже я спустилась в кухню, где вместо причитающегося мне ужина взяла поднос с кусочками пирога и чашками с чаем. А потом, возвратившись в комнату, пригласила подкроватных угощаться. Они, конечно, удивились почти как недавно Наблюдательница, но спорить не стали и вскоре трескали угощение за обе меховые щеки.

Было в этом что-то прекрасно-уютное: сидеть с необычными существами в теплой комнате, пить мятный чай и рисовать, в то время как на улице бушует непогода. Из-за грозы казалось, что уже наступил поздний вечер, хотя обычно в такое время все еще было очень светло. Молнии успокаиваться упорно не желали, то и дело озаряя пространство яркими вспышками, а гром, словно соревнуясь с ними, не отставал, грозными раскатами сотрясая воздух. Как раз по вине грома, а так же увлеченности рисованием, я не услышала громкого хлопка и последовавшего за ним восклицания, раздавшегося на пороге моей собственной комнаты.

Зато их услышали подкроватные монстры, замершие с поднесенными ко рту кружками и во все глаза уставившиеся на дверь. Заметив красноречивую реакцию, я недоуменно проследила за их взглядами и непроизвольно ойкнула, обнаружив стоящую в дверном проеме госпожу Санли.

Вид она имела откровенно потрясенный, и пару мгновений спустя, я поняла, почему. Представшая перед ней картина была следующей: восседающая на кровати горничная в окружении ноутбука, блокнотов и карандашей; два чаевничающих подкроватных монстра и уйма духов-помощников, находящихся буквально повсюду. Мелкие духи сидели на мебели и ковре, висели на шторах и под потолком, явно наблюдая за появлением на белых листах изображений. И вся эта орава, не ожидавшая появления управляющей, замерла в нелепых позах и так же откровенно на нее тарачилась!

Надо же... а я и не заметила, что духов рядом со мной стало так много!

— И как... — звучный голос госпожи Санли дрогнул от обилия чувств, — Как это понимать?

Ее слова, прозвучавшие несколько тише обычного, возымели ожидаемый эффект. Духи, перепуганные, взбудораженные и застигнутые начальством за отлыниванием от своих обязанностей тут же засуетились, лихорадочно сделались невидимыми и... бессовестно упорхнули, оставив меня наедине с ведьмой, глаза которой метали молнии ярче, чем те, что озарили темное небо!

— У меня выходной, — осторожно напомнила я, непроизвольно сглотнув.

Госпожа Санли недобро прищурилась и, пару мгновений посверлив меня немигающим взглядом, обследовала комнату. Все тот же немигающий взгляд, казалось, был рентгеновским и замечал даже то, что скрывалось в самых темных углах. Дольше всего он задержался на столе, где теперь стояли пустые чашки.

— Ты, конечно же, в курсе, что только что позволила двум мелким духам нелегально проникнуть на территорию гостиницы? — елеиным голоском, вкрадчиво спросила управляющая.

Мне даже не пришлось изображать удивление, поскольку оно было искренним:

— То есть как, нелегально?

— Незнание не освобождает от ответственности! — неожиданно гаркнули мне, и я испуганно подскочила. — И это, не считая того, что по твоей милости весь невидимый персонал гостиницы материализовался и, бросив работу, пошел смотреть на какие-то художества! Разгильдяйство, позор! — войдя в кураж, припечатывала госпожа Санли, вынуждая меня вздрагивать на каждом

слове. — Развела здесь бардак! Криворукая, безмозглая тупица!

— Ну, знаете! — моему далеко не ангельскому терпению в какой-то момент все-таки наступил конец. — То, что я ваша подчиненная, еще не дает вам права меня оскорблять! Это раз. Два — повторяюсь, у меня сегодня выходной, и я вольна заниматься тем, чем пожелаю, в том числе и «художествами». Три — я не обязана отвечать за действия работников Большого Дома и следить за нелегально проникающими на территорию духами!

Высказалась, и сразу немного полегчало. Правда, тут же вспомнились указания Алены на тот счет, что спорить с управляющей нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в каких условиях, и вообще лучше сразу умереть.

Я ожидала, что в ответ услышу поток негодующей брани, но губы госпожи Санли сложились в пугающую улыбку. У меня даже мурашки по коже промаршировали, а в душе шевельнулось крайне нехорошее предчувствие.

— Так уж и быть, я дам тебе шанс загладить вину, — словно не услышав моего возмущения, управляющая снова заговорила вкрадчиво. — Прошу за мной.

Развернувшись, она вышла из комнаты, звонко цокая каблучками, а я в этот момент подумала о том, что ради этого она изначально и пришла: заставить меня выполнять какую-то работу в законный выходной.

Но делать было нечего: устраивать скандал, грозящий по-настоящему крупными неприятностями, мне совершенно не улыбалось, поэтому я была вынуждена встать и нехотя поплестись за ней. У владельца гостиницы проблем и так существовало выше крыши, на помощь Германа я тоже не полагалась, так что не оставалось ничего другого, кроме как смириться с неизбежной расплатой за свою несдержанность. Но с другой стороны, мне было немного любопытно узнать, куда же отведет меня госпожа Санли и что заставит делать.

К моему удивлению, мы поднялись на третий этаж, где среди тумана виднелась только дверь, ведущая в бани. Пройдя мимо нее, управляющая уверенно двинулась вперед, и туман перед ней расступался, точно по мановению волшебной палочки, обнажая дорожку темного лакированного паркета. Что примечательно, чем дальше мы шли, тем более влажным делался воздух, и туман тоже становился как будто тучнее, похожим на светлые дождевые тучи.

Наконец, перед нами появилась еще одна дверь. Да какая дверь — дверище! Помпезная, украшенная позолоченной резьбой и разноцветными камнями, казалось, она вела как минимум в дворцовые покои!

Распахнув еще шелчком пальцев, госпожа Санли важно вплыла внутрь, и я нерешительно вошла за ней, после чего дверь за моей спиной моментально захлопнулась. Мелькнула мысль, что меня отрезали от всего мира, но она быстро потонула в водовороте других, более важных в настоящий момент.

Работая в Большом Доме, я, конечно, повидала всякого, но такой комнаты на моей памяти еще не было. В общем и целом, я почти не ошиблась, когда предположила, что роскошная дверь должна вести в дворцовые покои. Вот только имелось небольшое уточнение: покои эти, судя по виду, могли принадлежать какой-нибудь сумасбродной и частично чокнутой придворной ведьме!

Напротив занавешенного темно-бордовыми шторами окна стояла широкая кровать, не уступающая в помпезности той самой двери. Над кроватью раскинулся украшенный золотистой бахромой балдахин, а над изголовьем красовался портрет госпожи Санли, которая на нем выглядела значительно моложе и, что греха таить, намного привлекательнее. По обеим сторонам от кровати стояли тумбочки, притом абсолютно разные — одна была изящной и светлой, а другая, напротив, массивной и темной.

В противоположном конце комнаты громоздился двухъярусный письменный стол, заваленный всякой всячиной. Чего там только не было! Какие-то книги, свитки, шкатулки, из разъявленных пастей которых выглядывали всевозможные открытки и украшения. Рядом примостился высокий книжный стеллаж, помимо непосредственно книг напичканный не предназначенными для него вещами. А рядом с ним — еще один, полки которого занимали разнообразные колбы и пузырьки. Неподдалеку располагалась ширма, из-за которой выглядывала часть ванной, стоящей на массивных золотых ножках в форме жаб. Судя по периодически раздающимся булькающим звукам и исходящему из-за ширмы пару, в ванну была набрана горячая вода.

Пожалуй, больше стоящей в комнате ванной меня удивила только расположившаяся у окна клетка, где сидела... жаба. Только уже настоящая и неимоверно огромная. Зеленая, усыпанная многочисленными бородавками и обладающая непомерно большим ртом. А рядом с ней, на полу стояла не менее большая стеклянная банка, где жужжало несколько десятков упитанных мух.

От вида последних меня передернуло.

Словно желая усилить мое отвращение, жаба вдруг высунула невероятно длинный язык, просунула его сквозь прутья клетки, открыла им же крышку банки и, выловив несколько мух, с видом гурмана их сожрала.

— Не стой с открытым ртом, муха залетит, — ехидно бросила госпожа Санли, и я с трудом заставила подскочивший желудок вернуться на место. — Значит так, милочка, вот здесь, — она подошла ко второму стеллажу, — хранятся зелья моего личного производства, они неприкосновенны, и совать к ним свои кривые руки не смей! Зато вот это, — кивок на заваленный стол, — твои владения. Наводить порядок строго по инструкции, их найдешь во втором ящике сверху. И еще. Следить, чтобы Джу-джу не ел больше пяти мух за час, у него диета. На все про все два часа, время пошло.

Ошарашенная я отмерла ровно в тот момент, когда управляющая уже открыла дверь, намереваясь покинуть спальню.

— У меня. Сегодня. Выходной! — крикнула я ей вдогонку, кипя праведным негодованием.

Замерев, госпожа Санли обернулась через плечо и приторно-елейным голоском, действующим на нервы сильнее воплей, пропела:

— Кто-то хочет лишиться места? — и, снова отвернувшись, напомнила: — Два часа!

Очередной хлопок двери заставил меня сначала вздрогнуть, а затем гневно и немного по-детски топнуть ногой.

Убираться в ее комнате, ну надо же! И это вместо того, чтобы заканчивать свой проект!

Наплевав на возможные последствия, я решительно подошла к злополучной двери, с силой дернула на себя ручку, но та не открылась. Потребовалась еще пара отчаянных попыток, чтобы признать: меня самым наглым образом заперли.

В порыве накалившей злости я уже хотела вместо наведения порядка разнести здесь все к Котиковой бабушке, но в последний момент сдержалась и аккуратно опустила взятое было зелье на место. Меня отрезвила вовсе не сознательность работницы Большого Дома и даже не инстинкт самосохранения, а неизвестность последствий. Я не знала наверняка, что содержится в пузырьках и колбах, и что произойдет, если их разбить. Зато хорошо помнила, что случилось в прошлый раз, когда госпожа Санли случайно разбила какое-то из них, и в холле гостиницы гремел натуральный гром.

Сдувшись, я понуро потопала к столу и открыла второй ящик. В нем, среди всякого хлама, виднелся помятый бумажный листок, на котором, помимо пары зеленых пятен, присутствовало изложенное неровным почерком руководство к действию.

— Пункт первый, — зачитала я вслух. — Разложить ингредиенты для зелий в указанном ниже порядке...

Нахмурившись и бросив быстрый взгляд на стол, продолжила:

— Пункт второй — разложить книги строго по алфавиту...

Чем дальше я читала, тем стремительней мое негодование сменялось недоумением: и вот на это мне дали всего два часа? Да тут и полдня мало! Помимо наведения порядка на столе, мне предстояло разгрести все, что накопилось под ним, помыть пол, разбрызгать какой-то ароматизатор, начистить до блеска зеркало и, кроме прочего, проследить, чтобы вода в ванной не остыла.

Все это пахивало откровенным дурдомом и сумасбродством одной дорвавшейся до власти ведьмы, но, решив взяться за дело делу, отступить я была не намерена. Алена с Аней уже упоминали о том, что им доводилось здесь убирать, а это значило, что ничего особенного, мне, по сути, не поручили. Однако это вовсе не подразумевало, что я намеревалась пускать такую вопиющую эксплуатацию горничных на самотек. Еще не знала, как именно, но я твердо вознамерилась заняться этим вопросом. Возможно, даже потревожить вечно занятого Кирилла и раскрыть ему глаза на выходки управляющей. Учитывая, как его нахваливал весь персонал, включая моих напарниц, он мои слова проигнорировать не должен.

К уборке я приступала с настроем как перед ожесточенным боем! Отправляя мелкий мусор в обнаружившуюся у стеллажа урну, припоминала уборку в старой библиотеке. Если справилась с целым помещением — справлюсь и с одним столом!

Наверняка дело бы двигалось быстрее, не привлекаяй мое внимание попадающиеся под руку вещи. Я

просто не могла совладать с собой, то и дело задерживаясь на странных амулетах, засушенных цветах и старых книгах. Несмотря на творящийся хаос, все вещи находились в отличном состоянии — даже рукописи, которым по виду был не один десяток лет, обрамлял новый переплет. Было видно, что к ним относятся бережно и аккуратно... хоть и бросают валяться, где пришлось.

Я пересыпала в разные банки перемешанные между собой разноцветные камешки, чувствуя себя при этом Золушкой, отделяющей горох от чечевицы. Перекладывала бусы и искала пары серьгам, сортировала пишущие перья и пыталась оттирать пятна чернил (почему не пользоваться шариковой ручкой?). Сортировала открытки, на некоторых из которых, не удержавшись, прочитала тексты. Писали госпоже Санли в основном родственники и подруги — судя по всему, такие же ведьмы в прямом и переносном смысле.

А вот одна стопочка открыток, обнаружившаяся в закрытой шкатулке, вызвала у меня сначала изумление, потом недоумение, а затем ехидную и немножко злорадную улыбку. По правде говоря, то, как мне удалось открыть эту шкатулку, так и осталось загадкой. Просто, глядя на нее, я вдруг заметила на замке полупрозрачную, как будто призрачную гусеницу. Вообще-то это неведомое существо больше походило на жирную личинку, но я предпочла думать, что это именно гусеница, когда, вооружившись пером, спихивала ее в урну. Гусеница отлипала от замка нехотя, сопротивляясь, но сражение все-таки проиграла. А как только это случилось — щелк! — и замочек открылся.

В шкатулку я заглянула без промедления. Конечно, не самый красивый поступок, но... но вот нечего было меня в свои личные служанки записывать! Да и содержимое оказалось таким, что всякие муки совести тут же исчезли, уступив место тому самому восторженному злорадству. Открытки, на которых изображались разные портреты госпожи Санли, сопровождалась небольшими, но содержательными письмами, адресованными ее возлюбленному. То есть, она подписывала их, признавалась в пылкой страсти и безмерной любви, но почему-то не отправляла адресату, а складывала в шкатулку и запирала.

А таинственным возлюбленным был не кто иной, как... Най.

Когда до меня это дошло, я аж присела на очень кстати стоящий рядом стул. Самое удивительное заключалось в том, что первое письмо было написано около тридцати лет назад, в то время, когда госпожа Санли была еще молодой девушкой. Из написанного следовало, что они с духом желания познакомились еще давно, и у них случился роман. Короткий, но, видимо, очень бурный.

Как мне уже было известно, если девушке случилось влюбиться в духа желания, после ее непременно ждет разбитое сердце и невозможность больше полюбить кого-нибудь другого. Кажется, именно это с управляющей и произошло. Неожиданно я поймала себя на том, что начинаю ей сочувствовать.

Эти открытки... письма... я понимала, что заглянула во что-то глубоко личное. Сунула нос туда, куда не имела никакого права. Злорадства поубавилось, и возникшая мысль как-то воспользоваться найденным, сдулась, точно воздушный шарик.

Ощущая, как горят щеки, я прикусила губу и, чуть помедлив, аккуратно сложила открытки обратно. Каково же было мое удивление, когда поблизости снова обнаружилась выбравшаяся из урны призрачная гусеница! Она медленно поднялась по ножке стола, подползла к шкатулке и, изогнувшись, подпрыгнула, после чего вновь прилепилась к замку. На сей раз — намертво. Мне даже показалось, что на ее маленькой голове появились глазки, косящиеся на меня с возмущением и недовольством.

С оставшейся уборкой я справилась, как ни странно, довольно быстро. Покончив с ней, разбрызгала нужный ароматизатор, а затем переместилась к ванной, в которой мне предстояло взбить пышную пену и снова нагреть воду. С этим проблем не возникло — я уже умела пользоваться амулетами-бусинами, какие обычно использовались в банях.

Единственная сложность возникла с жабой, которая так и порывалась сожрать лишних мух. Даже когда я отставила банку в дальний от нее угол, эта животина, обладающая невероятно длинным языком, все равно сумела до нее дотянуться. В итоге мне пришлось таскать банку с собой и снова заставляя подскакивающий к горлу желудок возвращаться обратно.

Когда я — уставшая и мысленно проклиная вся мир обессиленно рухнула в кресло, из выделенных мне двух часов осталось пятнадцать минут. Поставив банку на пол и мысленно пожелав жабе «приятного аппетита», я прикрыла глаза и уже почти расслабилась, как вдруг раздался характерный щелчок — дверь отворилась.

Я ожидала увидеть преждевременно вернувшуюся госпожу Санли, но вместо нее в комнату вошел человек, с которым мы виделись всего один раз. Кирилл предстал передо мной точно таким, каким я его запомнила — разве что на бледном лице лежал явный отпечаток усталости.

— Вы? — привстав, выдохнула я. — То есть, в смысле... добрый вечер.

— Добрый вечер, — кивнул он, скользнув по комнате беглым оценивающим взглядом, который в следующий миг остановился на мне. — Юлия, мне нужно с вами поговорить. Если не возражаете, пройдемте в мой кабинет.

Неожиданным вторжением Кирилла и последовавшим за ним предложением я была удивлена, но, не медля, пошла следом. Как только мы покинули комнату, он приложил к двери ладонь, и замок снова щелкнул. Затем мы прошли вперед по коридору, рассекая повисший здесь туман, и уже вскоре оказались перед дверью кабинета. Я даже не поняла, как так получилось, ведь госпожа Санли жила на третьем, а святая святых владельца располагалась на первом этаже.

Здесь с моего прошлого визита тоже ничего не изменилось: не лишенный уюта минимализм. Присев в рабочее кресло и предложив мне занять место напротив, Кирилл произнес:

— Есть несколько причин, по которым я вынужден отвлечь вас на разговор. Полагаю, по меньшей мере об одной из них вы догадываетесь?

Кое-какие догадки у меня действительно были, но я, боясь обмануться, промолчала, предоставляя ему возможность продолжить.

— Речь о госпоже Санли, — поставив локти на стол и сцепив в замок руки, оправдал ожидания Кирилл. — О ее превышении служебных полномочий, если быть точнее. Видите ли, мы с ней знакомы уже не один десяток лет и, должен сказать, она, при своем темпераменте и некоторых особенностях, добрый и отзывчивый человек.

Я не сдержала скептического хмыканья.

Кирилл улыбнулся:

— Поверьте, это так, хотя, понимаю, насколько сложно в это поверить. Ведьмы ее рода все такие — прячут свои хорошие стороны так глубоко, как только возможно. И, тем не менее, я признаю, что в последнее время она стала позволять себе слишком много, что недопустимо. Приношу извинения за доставленные неудобства. Вы работаете у нас совсем недавно, а уже столкнулись с неподобающим отношением. К сожалению, в минувшие недели у меня не было возможности заняться этим вопросом, но сегодня же я поговорю с нашей управляющей.

До этого момента я почти не сомневалась, что Кирилл хороший начальник, но, надо признать, он все равно меня удивил. Он говорил искренне, с убежденной твердостью, показывающей, что его действия вызваны не просто формальностью, а желанием оставаться справедливым.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Думаю, не только я буду вам признательна, если от госпожи Санли перестанут исходить всяческие оскорбления, и она перестанет дергать работниц в выходные.

— Будем считать, что с этим разобрались, — едва заметно улыбнулся Кирилл и впервые за все время посмотрел мне прямо в глаза. — А следующее, что мне бы хотелось с вами обсудить, это ваше сотрудничество с Германом.

А вот этого я совсем не ожидала и, кажется, позволила удивлению отразиться на лице.

— Как вам уже известно, эта гостиница открывает двери для гостей из разных миров, — не отводя взгляда, произнес Кирилл. — Я, как ее владелец, отвечаю за безопасность и несу ответственность за тех, кто совершает переходы. Герман же, являясь безликоборцем, помимо исполнения работы за пределами Большого Дома, помогает мне поддерживать защиту и вокруг него. Можно сказать, Герман работает здесь официально, поскольку у нас заключен контракт.

Он сделал паузу, и я незамедлительно ею воспользовалась:

— То есть, вы предлагаете мне тоже... э-э-э... легализовать свою деятельность по части безликих? Но я, по сути, вообще ничего не делаю. Герман сам сказал, что во мне нет ни капли сил безликоборца. Все, что я могу — это просто видеть безликих и... некоторых других.

Последние слова вырвались произвольно, и я тут же пожалела, что об этом заикнулась, потому что Кирилл чуть подался мне навстречу и переспросил:

— Некоторых других?

— Духов, которых многие не замечают, — призналась я и поспешила вернуться к предыдущей теме: — Так вот. Как уже сказала, толку от меня немного и по-настоящему Герману я еще не помогала.

— А он считает иначе, — возразил Кирилл. — Как и заклинатель духов. Тэйрон не щедр на похвалы, но даже он признает присутствие в вас определенного таланта. К чему я веду — мне в самом деле

хочется предложить вам внести коррективы в уже заключенный между нами договор. Ознакомьтесь, — он протянул мне документ. — Это короткое приложение, где изложена ваша с Германом договоренность. В сущности, это просто формальность, но благодаря ей гонорары за работу вы будете получать вместе с основной зарплатой.

Документ я подписала почти сразу — в нем содержались ровно те коррективы, какие были озвучены. А далее владелец Большого Дома перешел к третьей причине, по которой вызвал меня на разговор. И причина эта носила знаменитое имя — Най. Кирилл поинтересовался, удалось ли мне решить эту проблему, и снова принес извинения за то, что не смог вовремя среагировать.

— У вас, должно быть, сложилось совершенно ужасное впечатление о Большом Доме, — вздохнул он, взъерошив свои рыжие волосы.

— Нет, что вы, — моментально возразила я. — Конечно, малоприятные моменты случаются, но они неизбежны в любом случае. А у меня теперь просто работа мечты!

Делая такое громкое заявление, душой я не покривила ничуть. Причастность к чудесам до сих пор меня не отпускала и вдохновляла как ничто другое.

— К слову о работе, — возникло ощущение, что непринужденность Кирилла сменилась напряжением и легкой настороженностью. — Я слышал, вы занялись подработкой, это так?

Испугавшись, что ему это не нравится, я заверила:

— Не беспокойтесь, на работу в Большом Доме это несколько не повлияет, правда. Я просто... просто очень люблю рисовать и решила совмещать приятное с полезным.

Наверное, будь на месте Кирилла кто-нибудь другой, я бы так не откровенничала, но в данных обстоятельствах чувствовала, что это уместно.

Из кабинета выходила немного ошарашенная случившимся разговором, но довольная его результатами. Во-первых, я убедилась, что начальнику на своих подчиненных не плевать, особенно если учесть, что проблемами персонала должна заниматься скорее управляющая, нежели владелец. А, во-вторых, официальная прибавка к зарплате тоже не могла не радовать. Единственное, что вызвало некоторое беспокойство, это реакция Кирилла на мою вторую работу. По этому поводу он не сказал ничего укорительного, более того — даже взглядом не выдал хотя бы малейшего неудовольствия, и все-таки какой-то странный осадок от обсуждения этой темы у меня остался.

Чуд в комнате не наблюдалось, чему я даже порадовалась. Хотелось немного побыть в спокойном одиночестве и разобраться в заполняющих сознание мыслях.

День выдался долгим, насыщенным, кружащим голову не хуже вина. Время, проведенное за обучением в офисе, короткое путешествие в другой мир, экскурсия в обитель управляющей и, как вишенка на торте — беседа с Кириллом, меня знатно вымотали.

Махнув рукой на учиненный духами и мной самой беспорядок, я вытащила на балкон стул и, укрывшись тонким одеялом, удобно на нем устроилась. Гроза прекратилась, дождь тоже, и теперь капли падали только с крыши, отбивая звучный ритм. Воздух был очень свежим, а умытая листва благоухала самым летом, которому подмигивали звезды, выглядывающие в прорви туч.

— Не помешаю? — неожиданно раздалось позади меня, и я едва не вскрикнула.

Обернувшись, наткнулась на стоящего рядом Германа, в упор смотрящего сверху вниз.

Несколько секунд просидев с открытым ртом, я мотнула головой и неопределенно пожала плечами. Спрашивается, зачем задавать такой вопрос, если уже и так вломился в мой номер?

— Дверь была приоткрыта, — словно прочитал он мои мысли и без перехода спросил: — О чем вы говорили с Кириллом?

Быть грубой я совсем не хотела, но и на вежливость меня не хватило:

— Вот у него и спроси.

Зевнув, я натянула одеяло повыше и снова устремила взгляд на улицу, по которой тащилась одинокая «одноглазая» машинка. Ночную тишину нарушало порывивание старого двигателя, и по мокрому асфальту расстилалась дорожка бледно-желтого света. В этот момент мне почему-то вспомнилось, как мы с Германом ходили к заброшенной фабрике. Тогда тоже только-только прошел дождь, рядом с нами прогуливались комары, безликие жаждали нас сожрать, но тот вечер все равно оставил после себя только приятные впечатления. А следом за этим воспоминанием вдруг пришло другое — с ярмарки, когда мы с безликоборцем, неразрывно связанные, прыгали через костер...

Я помотала головой повторно, но толку от этого нехитрого действия было ноль. Герман подошел к периллам и, положив на них руки, тоже устремлял взгляд в ночь, предоставляя мне возможность беспрепятственно его рассматривать.

Сегодня на нем были простые темные джинсы и такая же темная рубашка, контрастирующая со светлыми волосами. Вскоре на ум пришла еще одна сцена: уже в библиотеке, где он защитил меня от наглого духа желания. А после нее — странное, практически неуловимое ощущение, что Герман напоминает мне кого-то давно знакомого, но безнадежно забытого. Как будто по нарисованному памяти образу взяли и провели ластиком, оставив огромные белые пробелы...

Пришлось мотать головой в третий раз, потому что чувство, когда не можешь что-то вспомнить — одно из самых неприятных на свете.

## Глава шестнадцатая, о скоротечности времени и красных цветах

— Ты зачем пришел? — спросила я, чтобы нарушить затянувшееся молчание. — Если хочешь знать про Кирилла, так ничего особенного мы с ним не обсуждали. Так... пообещал поговорить с управляющей и официально назначил меня твоей помощницей в экстренных случаях.

Несколько мгновений казалось, что безликоборец натянул на себя свою любимую угрюмую маску и отвечать не собирается, но его голос все-таки прозвучал:

— Зря я это предложил. Теперь сотрудничество со мной может быть опасно вдвойне.

— Теперь? — мысленно пребывая в воспоминаниях, рассеянно переспросила я.

Он обернулся:

— Ты видела, что сегодня случилось. Этот случай не единичный.

И тут меня осенило:

— Тогда на ярмарке... — глядя на него во все глаза, проговорила я. — Вторжение безликих тоже не было случайностью, ведь так?

— Выяснилось, что Игорь не остался в стороне, — подтвердил Герман. — Ярмарку посетили многие из постояльцев гостиницы, и он сделал первое предупреждение. На него работает не один медиум, и не один маг. Насколько мне известно, он нанял даже безликоборца. Разве что личным заклинателем не обзавелся, хотя и пытался.

— Тэйрон? — догадалась я. — Он поэтому оказался на ярмарке так вовремя?

Герман кивнул.

Недолго над всем поразмыслив, я добавила:

— Но Кирилл ведь сильный маг. Почему он ничего не может с этим сделать? В конце концов, у него есть ты — безликоборец, и заклинатель духов, которого, как ты сам сказал, нет у Игоря.

— Все не так просто, — последовал ответ и, спустя пару мгновений: — Ладно, я пойду.

Я чувствовала, что стоит немного поднажать, и дождусь более внятных ответов, но посчитала, что на сегодня с меня и так достаточно. Больше обсуждать проблемы, которые, в сущности, касались меня лишь косвенно, больше желания не было. А вот поговорить с Германом на отвлеченные темы и заставить его задержаться хотелось, так что отпустить его просто так я не намеревалась. Он был первым, кто пробудил во мне такой сумасшедший интерес. Не человек, а сплошная тайна и клубок противоречий!

— Подожди, — попросила я, поднявшись со стула.

Не снимая одеяла, протопала к нему и, встав рядом, как бы невзначай коснулась его локтя. Не так давно я уйму раз представляла, как окажусь с ним наедине и придумала тысячу способов, как завести непринужденный разговор, но сейчас в голове внезапно стало пусто. Как будто все мысли, еще недавно в ней копошащиеся, разлетелись в разные стороны, точно стая вспугнутых бабочек.

— Ты давно здесь живешь? — одну «бабочку» мне все-таки удалось поймать.

— Четырнадцать лет.

— Ого, — сказала я вслух, а мысленно присвистнула. — Чем увлекаешься?

На меня перевели полный недоумения взгляд:

— Что?

— Увлекаешься чем, спрашиваю? — терпеливо повторила я. — Ну, знаешь, обычно у людей есть любимое занятие, своего рода отдушина от рутины. Сомневаюсь, что уничтожение желеобразных духов является для тебя не только работой, но и хобби.

— С такой работой времени на хобби не остается, — показалось, что его взгляд чуть потеплел, отчего уже другие бабочки моментально появились внутри меня.

Повисла пауза, в которую я вдруг ощутила странную неловкость, и чтобы от нее избавиться, неожиданно для самой себя предложила:

— Хочешь, нарисую твой портрет?

Вот так — сначала сказала, потом подумала. Теперь, когда у меня работы выше крыши, а из-за бесконечных забот скоро будет некогда спать, я собственноручно готова взвалить на себя еще и это!

Желание нарисовать Германа у меня появилось чуть ли не в первую нашу встречу, но со времени вылазки на фабрику я все не находила подходящей возможности. Почему-то казалось, что если я сумею передать его точный облик на бумаге, то необъяснимое чувство, что мы встречались прежде, исчезнет... или же я вспомню нечто важное.

Было похоже, что мне удалось поставить Германа в тупик. Впервые на моей памяти он молчал не из нежелания разговаривать, а просто потому что не знал, как ответить.

— Нет, если не хочешь, я не настаиваю. Просто у тебя типаж такой...ммм... подходящий. Мне уже давно в академическом рисунке попрактиковаться хочется. Анатомию на практике изучить... анатомию лица, разумеется.

«Боже, ну что я несу?» — отчаянно билось в сознании, вызывая стойкое желание, уподобившись духам, стать невидимкой.

— Хорошо, — внезапно согласился безликоборец, невероятно меня удивив. И, усмехнувшись, добавил: — Я подумаю.

На такой неопределенной ноте мы и попрощались. Повода задержать его я больше не нашла, а он сам не стремился остаться подольше. Когда за ним закрылась дверь, в душе всколыхнулась какая-то странная смесь облегчения и сожаления, но, пожалуй, облегчения было все-таки больше.

Твердо решив хотя бы ночь провести в абсолютном покое, я улеглась в кровать, и когда встретила с Совом, попросила отключить «ночное вещание».

В последующие недели не происходило ничего из ряда вон выходящего, если не считать места, где я в основном работала, и окружения, в котором постоянно находилась. Кирилл свое обещание сдержал, и хотя упреков в сторону персонала от госпожи Санли меньше не стало, они, по крайней мере, звучали сдержаннее и не так оскорбительно, как прежде. С памятной встречи в библиотеке с Наем мы больше не виделись, и даже в мои сны он больше проникнуть не пытался, так что я почти успокоилась на этот счет. А даже если бы вдруг мне взбрело в голову задуматься, почему он так легко отступил, времени на это все равно не было.

Мои предположения оправдались, и теперь я могла отдыхать только во сне, который длился в лучшем случае часов семь. Сделанной серией иллюстраций Дмитрий остался доволен настолько, что тут же поручил мне новое задание, рассчитанное на целый месяц. Теперь вдохновением для иллюстраций стал Котик, который благодушно разрешил подолгу рисовать Его пушистое Величество во всевозможных позах. Этим приходилось заниматься поздними вечерами, поскольку хрупкую сдержанность госпожи Санли не хотелось лишней раз испытывать на прочность.

Герман стал все чаще пропадать, причем меня с собой не звал ни разу. Он мог уходить на целый день, а однажды исчез на целую неделю. Вернувшись, закрылся у себя в комнате и не позволяя никому входить, но Аленка каким-то образом выведала, что он выполнял какое-то поручение Кирилла.

Еще не так давно мне казалось, что мы находимся на пути сближения, но сейчас я сильно в этом сомневалась. С момента разговора на моем балконе мы едва ли обменялись парой слов, а на мое предложение нарисовать его портрет, Герман так и не ответил.

Я даже не знала, совершаются ли еще нападения на постояльцев гостиницы. Конечно, природное любопытство подталкивало меня действовать, но все попытки что-то разузнать кончались полнейшим провалом. Меня как будто намерено игнорировали, обходили стороной и вообще забыли о моем существовании. И Кирилл, и Герман, и тем более Тэйрон. С чем это связано, я искренне не понимала и даже хотела обратиться к девушке-кошке, но и она вдруг исчезла.

Аленка с Аней оставались относительно беззаботными и ни о чем не подозревали. Точнее, они знали о проблемах Кирилла и об Игоре, но никогда это не обсуждали. В отличие от меня, их это волновало не слишком. Наверное, считали, что Кирилл в любом случае со всем справится.

Из-за всего этого во мне все больше зрело убеждение, что нынешние недели — затишье перед бурей...

Мама стала звонить чаще, жалуясь, что Сашка совсем отбился от рук и успел передрасться со всеми соседскими мальчишками, а папа снова с головой ушел в работу и почти не появляется дома. Она просила приехать, как у меня будет свободное время, и я обещала, искренне надеясь, что оно действительно появится. Было так странно слышать, что где-то еще существует привычная

человеческая жизнь. Что мои собственные родные живут и не знают о существовании Большого Дома, его обитателях и прочих невероятных существах.

Совершенно незаметно июль подошел к концу, а за ним промелькнула и первая неделя августа. Опомнилась я ближе к середине месяца, когда, придя в офис на встречу с Дмитрием, случайно взглянула на настенный календарь.

Вот тут-то и пришло понимание, что в наш мир давным-давно вошел последний месяц лета. Он прибыл тихо, крадучись, неуловимо приглушив краски и подготовив дорогу осени. Дни все еще были жаркими, большую часть времени царил невыносимый зной, но вечера уже окутывали прохладой, даже легким холодком, напоминающим, что близится пора теплых пледов и горячего чая.

— Совсем ты себя не бережешь, — озадаченно покачал головой Дмитрий, которого вообще-то я уже стала называть просто «Димой». — Под глазами вон какие круги... высыпаться нужно, Мартынова!

— Вот когда меньше меня грузить будешь, тогда и выплюсь, — ответила я, очень кстати зевнув.

Мои слова неожиданно были приняты со всей серьезностью:

— К слову, об этом я и хотел поговорить. Ты невероятно продвинулась в своих умениях с тех пор, как стала у нас работать. Необходимости в обучении больше нет, дальше ты прекрасно справишься и без меня. Все эскизы можешь присылать в электронке, в офис придется заглядывать совсем редко. Но, Юля... — Дима явно испытывал некоторую нервозность, хотя и пытался ее скрыть. — Мне бы хотелось продолжения наших встреч.

Не успела я в полной мере удивиться, как он, глядя мне в глаза, добавил:

— Буду рад, если сегодня вечером ты согласишься составить мне компанию.

Я опешила. Наши отношения успели выйти за рамки строго официальных, но все-таки имели скорее дружеский, чем романтический окрас. Так что его слова в самом деле застigli меня врасплох.

— Честное слово, я не кусаюсь, — попытался он сгладить возникшую неловкость и...

Я согласилась.

Наверное, просто захотелось развеяться, почувствовать себя нормальной привлекательной девушкой и сходить на свидание. Да, с начальником, ну и что? Тем более что начальник номер три, к которому я все еще питала настоящие симпатии, не то, что до свидания, даже до разговора со мной не снисходил!

Дима хотел за мной заехать, но я настояла, чтобы мы встретились в городе.

— Тогда до вечера, — довольный моим согласием, кивнул он.

Как обычно сопровождающий меня «цыпленок» снова был чем-то недоволен. Он уже давно не выказывал признаков беспокойства, но сегодня вдруг опять пришел в плохое расположение духа. Чем это вызвано, я поняла на выходе из офиса, когда заметила уже знакомую дорожку зловонной грязи, тянущейся через все помещение.

В первый раз это можно было списать на случайность, теперь могло быть совпадением, но что-то мне подсказывало — нет, это уже закономерность. Должно быть, в офисе завелся какой-то дух и, судя по реакции цыпленка, не совсем безобидный.

Я решила прояснить этот вопрос у кого-нибудь из обитателей Большого Дома. Конечно, не помешало бы расспросить о подобном заклинателя духов, но с ним я в последнее время разговаривала еще меньше, чем с Германом. А точнее — не разговаривала вообще.

К предстоящему свиданию я готовилась со всей тщательностью. В последний раз так старалась перед пресловутой ярмаркой, да и то — сейчас усилий прикладывала больше. Не знала точно, куда мы поедем, но, зная Диму, предполагала, что меня ждет нечто торжественное и дорогое. Скорее всего, ресторан. Вот и одевалась соответствующе. По пути домой забежала в один из торговых центров, где удачно обзавелась красивым коктейльным платьем — коротким, черным и оголяющим плечи. Такими нарядами я баловала себя не часто, но сейчас внезапно захотелось. Ух, как захотелось! И, конечно же, совершенно случайно, я хотела при всем параде попасться на глаза безликоборцу, который в последние несколько дней часто вечерами мелькал то на кухне, то в саду.

Когда я выходила из комнаты, на улице начинало смеркаться. Это время обычно ознаменовывалось в Большом Доме начинающейся активностью. Постояльцы спускались к ужину, проводили время в гостиных и нижних банях — словом, довольствовались всеми предоставляемыми им благами.

В коридорах витал легкий полумрак, создаваемый нарочито приглушенным освещением. Спускаясь вниз, я отметила, что красные цветы в напольных и настенных вазах изменились — они как будто красиво увядали, готовясь к наступлению осени. Меня посетила мысль, что в начале сентября они вообще превратятся в гербарии, и в тот же момент я неожиданно наткнулась на препятствие, не дающее мне спуститься вниз.

— Аня? — удивилась я, глядя на сидящую на ступеньках, ссутулившуюся девушку. — Что с тобой?

Протиснувшись между ней и перилами, я встала прямо перед Аней, а в следующий миг та подняла на меня бледное лицо — худенькое, заостренное, на котором влажные серые глаза казались просто огромными.

Аня молчала. Но только я захотела повторить вопрос, как мой взгляд упал на смятый конверт, в который она вцепилась дрожащими пальцами. Все моментально стало ясно.

— Не поступила? — участливо поинтересовалась я и, изловчившись (из-за платья было очень трудно), опустилась на ступеньку рядом с ней. Приобняв за плечи, постаралась успокоить: — Ань, не расстраивайся, да кому вообще нужна эта учеба! А если и нужна, то обязательно поступишь в следующем году. Ты же ведьма, в конце концов!

Ее губы задрожали вслед за руками, и она не менее дрожащим, прерывистым голосом пролепетала:

— Н-нет, меня з-зачислили... Самые б-большие баллы набрала...

С полминуты я пыталась осмыслить услышанное, а когда осознала его в полной мере, не сдержала восторга:

— Ну и чего дрожишь тогда? Анька, это же здорово! Дурында ты такая... студентка же теперь!

Я радовалась почти так же, как если бы поступила сама. Впрочем, сама-то я как раз всего единожды была зачислена в торговый колледж, и радости по этому поводу не испытывала ничуть. Но поступившая в медицинский Аня, это все равно что занявшаяся иллюстрированием я, поэтому можно представить, насколько огромным должно быть ее счастье!

— Я просто не в-верю, — она покачала головой, посмотрела на меня молящим взглядом, и тут ее словно прорвало: — Это же не сон, правда? У нас в роду никто университеты не заканчивал! Испокон веков в пригороде живем, все знания передаем из поколения в поколение, на опыте старших учимся... ой, что мне будет... что будет-то...

— Что будет? — перебила я начинающиеся причитания. — У тебя родня настроена против высшего образования?

— Не совсем, но... они не одобряют. Скажут, что силу свою ведьмовскую зря растрчивать буду, погублю ее наукой и зря время потеряю...

Я покусала губу — очень уж знакомой была такая ситуация. Вот только теперь я с твердостью, убедившись на собственном примере, могла сказать, что поступать в жизни нужно ровно так, как хочется тебе, а не кому-нибудь другому. И заниматься тем, к чему лежит душа, а не на что указали родители, друзья, подруги или домашний песик задней пяткой.

Это я и озвучила, после чего с довольством убедилась, что сама Аня думает точно так же. Несмотря на озвученные сомнения, для себя она уже все решила и мысленно парила на седьмом небе от сбывшейся мечты. Я даже не сомневалась, что как только она придет в себя и все осмыслит, ведьмовской радости вообще не будет границ!

— А ты куда такая красивая? — запоздало поинтересовалась Аня, когда я поднялась, собираясь уходить.

— Да так, — я легкомысленно накрутила на палец тщательно завитый локон. — На свидание.

Честное слово, не видела я в это время, что делается внизу! Ну вот правда, не видела. И проходящий мимо лестницы Герман был чистой, но чертовски удачной случайностью!

Вот и показалась «на кухне или в саду»...

Он был явно погружен в свои мысли, но, не то заметив нас с Аней, не то услышав мой голос, резко остановился и бросил взгляд в нашу сторону. Я даже не сразу поверила своим глазам — скажите-ка, пожалуйста, какая неожиданность, на меня соизволили обратить внимание!

Сделав вид, что ничего особенного не происходит, я спокойно попрощалась с Аней и легко преодолела оставшиеся несколько ступеней. К счастью, Герман стоял так, что не загоразивал проход, и мне удалось без трудностей его обойти.

Язык так и чесался что-нибудь сказать, но невероятным усилием я заставила себя промолчать. Не то чтобы я была обидчивой, но когда тебя столько времени упорно игнорируют, внутри просыпается маленькая и крайне злопамятная ведьмочка.

Единственное, от чего не удержалась — это повторить походку модели и тряхнуть волосами так, чтобы до угрюмого безликоборца непременно долетел аромат духов.

Идя к двери, спиной я буквально физически ощущала прикованный ко мне взгляд. И не один — у происходящей сцены были прохлаждающиеся в холле свидетели. Но именно этот — неотрывный, словно отдающий пламенем ярморочного костра, позволял чувствовать себя победительницей.

Маленькая ведьмочка определенно была довольна.

Вот только когда я вышла за ограду Большого Дома, это чувство победы внезапно сменилось досадой.

Идти на свидание совершенно расхотелось, но высокие каблуки, красивое платье и уйма усилий, приложенных для прически, вынудили устремиться в поздний вечер.

Дима ждал меня на том месте, где мы условились, и хотя я, как порядочная девушка, опоздала на добрых двадцать минут, не выразил ни намека на недовольство. Знакомая красная ауди встретила ярко горящими фарами, а мой нынешний спутник — букетом таких же красных роз.

«И снова красное», — машинально отметила я, вспомнив о цветах в гостинице.

Честно признаться, таких букетов мне еще не дарили. Наверное, для некоторых пятнадцать роз — это не так уж и много, но для меня, прежде получавшей только охапки полевых цветов или одну-три розочки, это число являлось впечатляющим.

— Потрясающе выглядишь, — сделал комплимент Дима, открыв для меня переднюю дверь.

Как только я оказалась в салоне, все сомнения и нерешительность оказались развеяны. Нет, на меня повлияла вовсе не красивая машина, цветы и комплименты — просто я твердо решила получить от этого вечера максимальное удовольствие. Раз уж все складывается именно так, почему бы этим не воспользоваться? Да и Дима, как ни крути, человек приятный во всех отношениях.

Как я и предполагала, мы приехали в ресторан. Перед этим немного покатались по городу, на который уже опустились плотные сумерки. Дима впервые на моей памяти рассказывал о себе: о том, как учился на художественном факультете, какие забавные случаи переживал с одноклассниками на пленэрах и как «докатился» до нынешней должности. Разговаривать с ним было легко и весело, а самое главное — отсутствовало чувство неловкости и боязнь сказать что-нибудь не то, какие обычно бывают в начале первых свиданий. Так что к тому моменту, как мы вошли в лучший (со слов Димы) ресторан города, мое настроение значительно улучшилось, и я ощущала себя абсолютно комфортно.

Интерьер в этом заведении был довольно приятным: спокойные тона, приглушенный свет, создающий уютную и романтическую атмосферу. А что еще важнее — услужливый персонал, встретивший и проводивший к заранее бронированному столику.

Вскоре нам принесли бутылку красного вина, официант разлил его по бокалам, а вслед за этим постыли и блюда, на мой взгляд, вполне соответствующие картинке из кулинарного журнала.

— Немного странно, не находишь? — попробовав утку, улыбнулась я. — Пить вино в ресторане, а не кофейничать в офисе.

— Если хочешь знать, — легко подхватил тему Дима, — Впервые тебя увидев, я уже представлял нас сидящими в этом самом ресторане. С вином, хорошей музыкой и ночным городом за окном.

— Прямо-таки с первого мгновения все продумал? — не стирая улыбки, прищурилась я. — А как же деловая этика и честный отбор кандидатов?

— Отбор был кристально честным и непредвзятым, — заверил собеседник. — Несмотря на то, что одна соискательница обладала невероятно красивыми глазами.

Я засмеялась и честно признала:

— Никогда их не любила.

— Свои глаза? — искренне удивился Дима и тут же пристально в них всмотрелся, после чего негромко и вкрадчиво произнес: — У тебя удивительные глаза. Глубокие и теплые, цвета верескового меда. Ты и сама такая же теплая. Девушка-лето...

Легкая магия между нами, наконец, случилась. Она была поверхностной, лишь невесомо коснувшейся моего сердца, но дрожь по коже все-таки пробежала.

Димины глаза тоже были красивыми — насыщенно карими, кажущимися почти черными. Если мои — вересковый мед, то его — горький шоколад. Неожиданно я поймала себя на том, что не могу от них оторваться, и чем больше смотрю, тем сильнее становятся пробуждающиеся внутри чувства.

Приблизившийся официант, наполнивший наши бокалы, вернул меня к реальности.

Разговор возобновился. Мы произносили тосты, наслаждались вкусным вином, и все происходящее казалось каким-то нереальным, похожим на часть головокружительной сказки. Весь мир вдруг отдалился, остался далеко за стенами ресторана, и даже прочие посетители исчезли. Мне было по-настоящему хорошо. Спокойно и немного волнительно одновременно.

Я даже не поняла, когда именно атмосфера за нашим столом переменялась. Может быть, в тот момент, когда я уловила легкий холодок, а может после невесть откуда взявшегося ветерка. Сначала я не придавала этому никакого значения, но вскоре стала ощущать нарастающее беспокойство. Диму уже слушала вполуха, пытаюсь осознать, что же меня так настораживает.

Совсем скоро я не без удивления обнаружила, что и он часто теряет нить разговора, хмурится, да и вообще смотрит на меня совсем не так, как прежде. Общение вдруг стало тягостным, приглушенный свет начал раздражать, обстановка утратила всякую романтичность. А Дима для меня... Дима стал восприниматься как скучный, безликий и бесцветный объект. Начальник, с которым я вынуждена проводить время.

«Да что за...», — мысленно недоумевала я, поражаясь собственной переменчивости. — «Как за какую-то четверть часа может случиться настолько кардинальная перемена настроения?»

Впрочем, настроение как раз осталось прежним. Прислушавшись к себе, я поняла, что изменилось исключительно мое отношение к Диме, как, судя по всему, и его — ко мне.

И вопрос — с чего бы?

Разговор превратился в обмен короткими репликами, а через некоторое время и вовсе прервался. Дима рассеянно пил вино и смотрел в окно, я же сконцентрировалась и снова прислушалась к своим ощущениям. Хотя, скорее к интуиции.

И интуиция эта мне подсказывала, что происходит нечто странное. Наверное, не находишь я последний месяц в постоянном обществе духов, решила бы, что мы с Димой просто друг другу не подходим, и причина в этом. Но теперь я смотрела на вещи несколько по-другому.

Тщательно все проанализировав — благо, затянувшееся молчание это позволяло — я сделала одно интересное предположение. Интересное и до крайности возмутительное!

Чтобы его проверить, сконцентрировалась и призвала всю имеющуюся во мне наблюдательность. Вспомнила, как я видела грязевые следы в офисе только после того, как действительно хотела их увидеть и вглядывалась максимально внимательно.

Вообще-то в успех я почти не верила, но... у меня получилось! Получилось увидеть то, что видеть была не должна!

Прямо за нашим столиком, используя свою змею вместо стула, сидел невидимый для остальных Най.

## Глава семнадцатая, Об испорченных свиданиях и повторяющихся нападениях

Хорошо, что Дима, продолжая смотреть в окно и хмуриться, не заметил, насколько я опешила. Не могла видеть себя со стороны, но не сомневалась — вид у меня сделался еще тот.

Даже не знала, чему изумляться больше: присутствию духа желания, беззастенчиво пользующегося своими возможностями, или тому, что я сумела обнаружить это самое присутствие. Все-таки одно дело видеть безликих с Наблюдательницей, и совсем другое — рассмотреть довольно сильного, можно сказать могущественного духа, в то время как он сохраняет невидимость!

Смотреть на него столь пристально явно не стоило, потому что, в отличие от Димы, Най мой взгляд заметил. Впрочем... за ту невероятную смесь эмоций, что отразилась на его лице, можно было отдать многое! Так он смотрел на меня разве что, когда я отталкивала его во снах. Да и то — потрясение не было столь сильным.

Моя внутренняя ведьмочка испытывала злорадное удовлетворение и, желая его продлить, подстегнула продолжать смотреть на откровенно растерянного духа в упор. Я и смотрела — пристально, немигающе, выражая взглядом все испытываемое возмущение.

Да как он вообще до такого додумался?! Потащиться со мной на свидание с явным намерением оно испортить!

В том, что дело обстоит именно так, я нисколько не сомневалась. Этим и объяснялось неожиданно возникшее между нами с Димой напряжение — если дух желания может подталкивать людей друг к другу, почему бы ему не осуществлять и противоположный эффект?

Ну, знаете ли...

— Я отойду, если ты не возражаешь, — не отрывая взгляда от Най, обратилась я к Диме. — На минутку.

И, не дожидаясь ответа, двинулась в сторону выхода. Я не оборачивалась, но была твердо уверена, что дух следует за мной буквально по пятам. Поэтому, когда, оказавшись на улице, свернула за угол ресторана, нисколько не удивилась, увидев его рядом — материализовавшегося и все такого же потрясенного.

— Немедленно прекращай! — возмущенная просто до крайности, обрушилась я на него. — Не смей лезть в мою личную жизнь, ты, бессовестный, наглый и невозможно самовлюбленный дух!

Меня неожиданно схватили за предплечья, притянули к себе и, сверкая синими глазищами, спросили:

— Как ты меня увидела?

— Вот вообще не об этом речь! — слишком сосредоточенная на своих эмоциях, я даже не попыталась вырваться. — Какое ты имеешь право вмешиваться в мои отношения? Это вообще по правилам — использовать свои возможности для корыстных целей? Я тебя спрашиваю!

Внутренняя ведьмочка неистовствовала, и даже моя светлая половина полностью ее поддерживала. Всякий страх перед духом был окончательно забыт и вытеснен горячим негодованием. И не столько из-за испорченного свидания, которое, положив руку на сердце, было мне не слишком дорого, а из-за самого факта вмешательства Най!

А я уж было начала думать, что он оставил меня в покое...

— Как ты меня увидела? — повторил вопрос дух, в голосе которого звучало угрожающее нетерпение. — Этого не могло произойти!

— Все вы это спрашиваете! — воскликнула я. — Только мне вот, не поверишь, ответ не известен. И не нужно переводить стрелки, я требую, чтобы ты немедленно прекратил свое воздействие и оставил нас в покое!

Руки на моих плечах сжались, а синие глаза недобро сузились:

— Ты так уверена, что дело во мне? Сама предположила, что существуют определенные законы, идти против которых я не в силах. Если бы искры чувств между вами горели на самом деле, я бы помешать не сумел.

Не пребывай я на эмоциях, непременно задумалась бы над тем, что он сказал, но в настоящий момент была слишком взвинчена:

— Да что тебе надо-то от меня? Так хочется пополнить свою коллекцию разбитых сердец? Да имей ты хоть каплю совести, здравомыслия и проницательности, уже давно понял бы, что «нет», значит нет!

Боль от его хватки стала ощутимей, а синие глаза знакомо потемнели, предвещая начало скорой грозы. Грозы, предназначенной специально для меня — как тогда, в библиотеке...

Осознав, что сейчас снова могу оказаться во власти навязанных чар, я попыталась вырваться, но не получилось. Меня словно удерживали руки не из плоти и крови, а высеченные из самых прочных камней.

Я успела испытать запоздалое сожаление, что вообще взялась разговаривать с непробиваемым духом наедине, прежде чем ощутила дежавю.

Какой-то неведомой силой Ная внезапно отшвырнуло от меня, но он, отлетев на порядочные метры десять, сумел удержаться на ногах. В свете ближайшего фонаря нарисовались две фигуры, движущиеся по направлению к нам и, несомненно, мне на спасение.

Я уже не знала, смеяться над складывающейся ситуацией, или плакать оттого, что у меня, как всегда, все идет кувырком. Появление Германа с Тэйроном воспринималось как явление суперменов, спешащих на выручку попавшей в беду девушке. На обоих были черные плащи, которые развевались на ветру, и у меня в голове произвольно зазвучала соответствующая музыка, добавившая происходящему нужной эпичности.

У меня все-таки вырвался нервный смех, отчего в мою сторону тут же обратились три пары глаз, имеющих одинаково недоуменное выражение.

Ну да, весь пафос им порушила...

— Знаете, это действительно смешно, — борясь с приступом истерического веселья, прерывисто выдавила я. — Один еще куда ни шло, но трое... ребят, у вас все так плохо с личной жизнью, что ходите на чужие свидания?

Конечно, мне бы следовало поблагодарить своих «спасителей» за своевременное вмешательство, но, учитывая, сколько они меня игнорировали, я не посчитала нужным этого делать.

Столько времени была для всех невидимкой, а тут за один вечер сразу лавина внимания! Может, для разнообразия польщенной себя почувствовать? Впрочем, если бы к моей бури чувств добавилось еще одно, мне бы грозил окончательный их переизбыток и, как следствие, возможное помешательство.

— Я предупреждал, — ровно произнес Герман, вновь обратив взгляд на застывшего Ная.

Тот передернул плечами и, проигнорировав угрозу, покосился на молчащего Тэйрона, близкое присутствие которого заставляло его нервничать. Дух тщательно это скрывал, но плотно сжатые челюсти и выражение глаз все же его выдавали. Заклинатель же оставался абсолютно бесстрастным, и понять, что он думает, не представлялось возможным.

— Ты бы лучше следил, с кем твоя напарница проводит время, — не глядя на Германа, процедил Най и в следующее мгновение исчез.

А еще через миг над крышей ресторана появился лиловый змей, стремительно возносящий своего наездника под купол усыпанного звездами неба. Я провожала его взглядом буквально несколько секунд, после чего обернулась к застывшим рядом со мной «суперменам».

— И что вы здесь делаете? — спросила у них.

— Работаем, — отозвался Герман.

— То есть, мимо проходили совершенно случайно? — недоверчиво уточнила я. — Увидели обнаглевшего духа и решили вмешаться?

На этот вопрос, что удивительно, ответил заклинатель:

— Почти.

Странно, но в его обычно ровной интонации явно проскользнуло недовольство, если не злость. И... и, наверное, я окончательно сбрендилась, потому что это с трудом сдерживаемое неудовольствие вызвало во мне какое-то необъяснимое узнавание.

Класс — мало было мучиться из-за ощущения знакомства с Германом, так теперь еще Тэйрон своими интонациями кого-то напоминает!

Нет, это все стресс.

Во всем виноваты нервы!

Молчание затягивалось, веселье улетучилось, и я не знала что делать, что думать и вообще как лучше поступить. Всякое желание возвращаться в ресторан отпало, но уйти, не попрощавшись с Димой, было бы верхом свинства. Да и безликоборец с заклинателем, являющие собой два неприступных изваяния, дружелюбием не блистали.

Мысленно помянув всех духов, а заодно тех, кто с ними связан, я все же вознамерилась вернуться к своему не задавшемуся романтическому вечеру. Испытывая крайне противоречивые чувства, двинулась по направлению входа, но... но когда это мне удавалось с первого раза осуществить задуманное?

Уйти мне помешал внезапно раздавшийся «шмяк!», причем раздавшийся не где-нибудь, а прямо у меня под ногами. От неожиданности я отпрянула назад, но уже в следующий миг обнаружила, что «шмяк» издал словно из ниоткуда появившийся дух, с размаху шлепнувшийся на тротуар.

— Цыпленок? — изумилась я, увидев перед собой старого знакомого.

Но на сей раз пришел он явно не ко мне, потому как, осмотревшись, быстро-быстро засеменил в сторону заклинателя. Остановившись подле него, начал громко и, сбиваясь, пищать. Из этого писка я, как обычно, не поняла ни слова, а вот заклинатель, похоже, все понял. Хотя лица его не было видно, я шестым чувством улавливала сначала исходящую от него настороженность, а затем настоящую ярость.

— Возвращаемся! — скомандовал он, обращаясь к Герману.

А затем вдруг обернулся ко мне:

— Ты — тоже.

Спроси кто-нибудь, почему у меня даже желания не возникло спорить, с ответом я бы не нашлась. То ли извечное любопытство подтолкнуло устремиться следом за мужчинами, то ли я просто была более бессовестной, чем о себе думала, и эта бессовестность позволила мне уйти, не попрощавшись.

Впрочем, большой вклад в мою сговорчивость внесло и невероятной силы потрясение, которое мне обеспечил Тэйрон. Перед ним вдруг появился созданный из золотистого света круг, а затем еще парочка, только поменьше. Они образовали собой нечто вроде короткого тоннеля, в который меня жестом пригласили войти. Вот как раз после этого и проснулось мое неумное любопытство, вытеснившее всяческие угрызения совести. В конце концов, к совести можно прислушаться и попозже — когда станет ясно, что это за невероятные золотистые штуки.

За мной шел Герман. Он положил руки мне на плечи и подтолкнул вперед, когда я, не ожидавшая его прикосновения, непроизвольно замерла. На несколько мгновений свет вдруг стал нестерпимо ярким, вынудил зажмуриться, а когда я открыла глаза, то обнаружила, что темная улица сменилась холлом гостиницы.

У меня отпала челюсть. Кажется, буквально.

Это что сейчас такое произошло? Заклинатель создал нечто вроде портала? Такого, какие бывают в крутых фантастических фильмах?

Отпад!

В себя мне пришлось приходиться быстро, так как в отличие от некоторых «горничных тире иллюстраторов» заклинатель и безликоборец не мешкали. Оказавшись в гостинице, они ринулись вперед к лестнице, а за ними, попискивая и подпрыгивая, побежал цыпленок. Судя по всему, меня просто хотели перенести в Большой и безопасный Дом, а посвящать в происходящее не намеревались.

Ну уж нет! Я из-за них, между прочим, лишилась если не приятного общества, то вкусного ужина точно!

Спohватившись, я устремилась за стремительно ускользающими из виду черными плащами и обеспокоенным куроподобным духом. На ходу сбросила каблуки и по ступеням взбегала уже босиком, подгоняемая теперь не только любопытством, но и страхом. Страхом, что случилось нечто плохое. Нехорошее предчувствие подпитывалось еще и тем, что первый этаж выглядел абсолютно опустевшим, чего на моей памяти не случалось никогда. Даже Олега на рецепшене не было!

На третьем этаже я нагнала цыпленка, обогнула его и мертвой хваткой вцепилась в Германа,

твердая в намерении не отпускать его, что бы ни случилось.

Пусть только попробует от меня избавиться!

Не попробовал. И темпа не сбавил, и вообще никак не отреагировал на мое к ним присоединение. Мы пересекали знакомый туман, который сейчас казался еще тучнее и влажнее, чем в прошлый раз.

Мелькнула мысль, что мы направляемся к комнате госпожи Санли, но внезапно возникшая перед нами дверь была незнакомой. Белоснежной, украшенной витиеватым орнаментом, с изящной серебристой ручкой. А еще эта дверь была приоткрыта, и из комнаты, в какую она вела, струился серебристый свет.

Когда Тэйрон и Герман вошли внутрь, загородив собой проход, мне пришлось приподняться на носочки, чтобы увидеть хоть что-то.

От открывшейся картины сердце сначала замерло, а затем забилось с удвоенной скоростью. На широкой кровати лежала девушка, похожая на фарфоровую куклу. Ее длинные разметавшиеся волосы сливались с цветом простыней — таких же белых, как и все в этой комнате.

Все, кроме ярких красных пятен, тянущихся по полу непрерывной дорожкой. Ситуация, до боли похожая на недавнюю, произошедшую в другом мире, отличалась от нее присутствием почти всего персонала Большого Дома. Все стояли молча, теснясь на расстоянии нескольких метров от кровати, где рядом с девушкой-кошкой сидел Кирилл. Положив одну руку ей на лоб, а другую на грудь, он прикрыл глаза и что-то говорил, едва шевеля губами.

Из-за шока от увиденного я не сразу заметила одну важную деталь. Кое-что еще, помимо красных пятен, сильно выбивалось на фоне белоснежности.

Грязь. Дорожка грязи, тянущаяся параллельно кроваткой!

— Это же... — на выдохе проговорила я и осеклась, мысленно перенесшись в офис.

Сомнений не оставалось: точно такую же грязь я неоднократно наблюдала и там. Но как? Почему?

Прежде, чем я успела что-либо понять, Тэйрон, непривычно тихо переступая, приблизился к кровати и остановился у изголовья. Наблюдать за происходящим было так же странно, как и страшно, потому что я понимала — теперь все по-другому. Теперь Джея не просто находится без сознания, а на границе, за которой вместо белоснежности ее ждет чернота.

Две белые кошки лежали на ее ногах, еще одна на плече — едва дышащие, с закрытыми глазами и бегущими изо рта тонкими алыми струйками. А четвертой поблизости не наблюдалось.

В то время как маг и заклинатель стояли у кровати, Герман оставался рядом со мной, и я решила этим воспользоваться.

Собравшись с мыслями, осторожно подалась к нему и шепнула:

— Что это за грязь на полу?

Безликоборец проследил за моим кивком и едва заметно приподнял брови:

— Ты о чем?

— Присмотрись внимательнее, — попросила я. — Там, рядом с пятнами крови.

Не прошло и минуты, как стало понятно, что никакой грязи Герман не видит. Мне хотелось схватить его за руку, подвести прямо к отвратно пахнущей дорожке и заставить до нее дотронуться. Но, разумеется, я этого не сделала.

За время нашего короткого разговора на кровати произошли изменения: Тэйрон опустил руку на плечо Кириллу, который, в свою очередь, продолжал касаться лежащей без чувств Джеи. Со стороны это выглядело опять же странно, но на каком-то интуитивном уровне я понимала, что они таким образом пытаются ее спасти. Кирилл воздействует непосредственно на девушку, а Тэйрон как бы придает ему дополнительных сил.

Когда они оба открыли глаза, а пострадавшая так и не очнулась, я подумала, что все оказалось тщетно. Но Кирилл, отерев влажный лоб, негромко произнес:

— Несколько дней пробудет без сознания. В итоге должна справиться.

В комнате тут же будто бы включили звук, и все отмерли, словно по команде. Госпожа Санли как

всегда оказалась стоящей впереди всех и тут же принялась отправлять столпившийся народ на выход.

— Нечего, нечего здесь смотреть! — кричала она, активно размахивая руками. — Работы непочатый край, а они покой VIP-клиента нарушают! Вон, вон, не зеваем, глазами не хлопаем!

Я держалась рядом с Германом, снова цепляясь за его рукав, и вытолкать меня, не потревожив его, управляющая не могла. А потревожить Германа не решилась.

Мимо меня проскользнул Олег в окружении духов-помощников, затем Аня с Аленой, причем последняя наградила меня многозначительным взглядом, предвещающим обстоятельный разговор со всеми подробностями. Вскоре в комнате, не считая хозяйки, осталось всего пятеро: я, Герман, Тэйрон, Кирилл и вездесущая госпожа Санли.

— Звервон, — произнес заклинатель духов. — Только он мог преодолеть такую сложную защиту и пробраться внутрь Большого Дома.

— Звервон? — усомнился напряженный Герман. — Они разве еще остались?

Возникло ощущение, что на скрытом капюшоном лице Тэйрона появилась кривая усмешка:

— Остались, уж поверь. Эти твари встречаются чертовски редко даже в мирах духов, не говоря об этом. Те немногие, что еще живы, обитают в нижнем. Но, похоже, нашему старому «другу» удалось одного достать.

— Уверен? — спросил Кирилл, в голосе которого звучало заведомое знание ответа. Вслед за этим он взъерошил свои волосы и, кажется, негромко выругался. — Нужно ставить потоковый барьер.

— Спятил? — бесцеремонно спросил Герман.

— Другого варианта нет. И вам четверым придется мне помочь.

Сначала мне подумалось, что я ослышалась. Но когда на мне сосредоточилось внимание всех здравствующих собравшихся, стало ясно, что нет — не ослышалась.

— Она в этом участвовать не будет, — отрезал Тэйрон, чем привел меня в еще большее изумление.

Даже если я сейчас окажусь втянута во что-то сомнительное, ему-то какое до меня дело?

Похоже, Герман был удивлен не меньше, а вот Кирилл на такое заявление отреагировал достаточно спокойно, словно именно таких слов от заклинателя и ожидал. И все же от своего отступить не собирался, ровно возразив:

— Она теперь тоже часть Большого Дома, Тэйрон. У Юли контракт не только горничной, но и напарницы Германа, обязывающий оказывать содействие в экстренных случаях. А какой еще случай можно назвать экстренным, как не этот?

Повисла долгая и напряженная тишина.

Реакция заклинателя вновь пряталась под черным плащом с глубоким капюшоном, но, если бы меня попросили угадать, что он сейчас чувствует, я бы ответила так: Тэйрон в бешенстве. Зол как тысяча чертей и столько же голодных безликих! Хотя умело держит себя в руках.

Я же, хоть убей, не понимала, чем вызвана такая опека с его стороны, и почему он не хочет, чтобы я оказала помощь Кириллу. Да и какую именно помощь меня просят оказать, тоже пока не совсем представляла.

— Ей это по силам, ты же знаешь, — в упор глядя на заклинателя, произнес маг.

Мне порядком надоело, что меня обсуждают в третьем лице в моем же присутствии, и я, наконец, вмешалась:

— А, может, вы для начала объясните, о чем вообще идет речь? Что за потоковый барьер?

— Потоковый барьер, — моментально подхватил Кирилл. — Одна из самых сильных магических защит, преодолеть которую не в силах почти никто. А даже если кому-нибудь это вдруг удастся, незамеченным он не останется.

— И в чем подвох? — уточнила я.

— В том, что такой барьер черпает силу из создателей, — опередил Кирилла Герман. — Чем больше магов участвует при его создании, тем меньший поток энергии требуется от каждого.

Не сказать, что мне стало все ясно, но суть я уловила.

— Но я ведь не маг, — перевела взгляд с Германа на Кирилла. — И к тому же понятия не имею, как все это делается.

Госпожа Санли, до этого момента хранящая подозрительное молчание, громко фыркнула. Я бросила на нее беглый взгляд, но она его демонстративно проигнорировала и обратилась к Кириллу:

— Ты же понимаешь, что это в любом случае рискованно? Я, разумеется, костями лягу, а защищу этот Дом, но все-таки дополнительная помощь для нас лишней не будет. Духи для такого не годятся, а вот наши лоботрясы вполне подойдут. Их потоки минимизируем, но какую-никакую пользу они все ж таки принесут. Дарам у нас медиумы да захудалая ведьма работают?

— Нет, — маг отрицательно покачал головой. — Каждый лишний участник равен возможной брешу в барьере. Действовать будем вчетвером.

Говоря «вчетвером», он снова смотрел прямо на меня, отчего я уже начинала чувствовать себя немного неудобно. Да что там немного... очень неудобно!

Юля-Юля... и во что ты опять ввязываешься?

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — невольно поежившись, напомнила я. — Что мне придется делать, учитывая, что я ни разу не маг?

— Кирилл, — с угрозой в голосе произнес Тэйрон.

Но маг остался к угрозе безучастен и с неизменным спокойствием ответил:

— Будешь находиться рядом с Германом, и все поймешь. На самом деле, в установке барьера не будет ничего сложного. По крайней мере, для тебя.

Я была убеждена... нет, даже уверена, что сейчас заклинатель духов взорвется, и прямо в опочивальне ныне беззащитной девушки-кошки завяжется нешуточная потасовка. Но ошиблась. Недовольство Тэйрона было ощутимо буквально на физическом уровне, но он все-таки сумел оставить его при себе.

## Глава восемнадцатая

Чем занимаются все порядочные девушки глубоким вечером, стремительно перетекающим в ночь? Правильно, ходят вокруг гостиниц, вооруженные большой кистью и ведром белой краски!

Я очертила уже добрую треть территории вдоль изгороди и начинала думать, что присоединиться меня попросили не потому, что я обладаю какими-то там необычными задатками, а чтобы повесить самую скучную работу. В самом деле, кому еще доверить ответственную миссию — помечать границу Большого Дома краской, как не начинающему иллюстратору?

— Уи-уи! — пропищал семенящий за мной цыпленок.

— А ты вообще предатель, — согнувшись в три погибели, обронила я. — Как гулять, так это к Юле, а как что серьезное, так сразу к господам заклинателю и безликоборцу!

— Уи-Уи, — прозвучало с неподдельной досадой.

Я вздохнула:

— Ладно, ты не виноват. Это просто я не гожусь ни на что кроме уборки и разрисовывания травы.

На этот раз в писке отражалось категоричное несогласие и воинственное желание приободрить. Воинственность заключалась еще и в том, что цыпленок начал выписывать вокруг меня круги и умудрился вляпаться в краску, став при этом частично белым.

Я улыбнулась:

— Дух, называется. Стал бы неосязаемым, и все дела.

Обидеть цыпленка совершенно не хотела, да и он, в общем-то, обижаться даже не думал. В его компании мне стало веселей, и дело теперь продвигалось значительно быстрее. Когда с поставленной задачей было покончено, я вернулась в гостиницу, где сразу же отправилась в излюбленную подсобку. Вошла в нее, по привычке не включая свет, опустила на пол ведро с краской и сняла перчатки.

Наблюдательница не показывалась мне уже давно, и увидеть ее сегодня я никак не ожидала. Поэтому фигурка, скукожившаяся у старого шкафа, буквально застала меня врасплох, и я едва не вскрикнула.

Спустя мгновение устыдилась своего порыва и приветливо ей улыбнулась.

Конечно, после случившегося с Джеей нервы шалют, но это вовсе не повод портить дружеские отношения с одиноким духом. Уж не знаю, считала ли Наблюдательница меня своим другом, но, по крайней мере, искренне на это надеялась.

Ее внезапный порыв со мной заговорить, удивил не меньше, чем само появление этого замкнутого духа. По правде сказать, я не была уверена, что она пытается мне что-то сказать, но иной трактовки протянутым вперед рукам и беззвучно открывающимся губам придумать не могла.

— Что с тобой? — я сделала шаг в ее сторону, и она тут же отпрянула. — У тебя что-то случилось?

На короткий миг показалось, что сейчас произойдет чудо, и она действительно ответит — за все время нашего знакомства ею было обронено всего одно слово, — но этого так и не произошло. Она отошла в тень, слилась со стеной, и до меня донесся лишь приглушенный протяжный вздох.

— Тупиц... в смысле, Юля! Где тебя носит?! — настиг меня гневный вопль госпожи Санли. — Живо сюда!

Опомнившись, я бросила еще один быстрый взгляд на то место, где скрывалась Наблюдательница, и покинула подсобку. Голос управляющей доносился из холла, куда я и вошла, не без удивления обнаружив, что никаких зевак здесь нет. Наверное, госпожа Санли обеспечила порядок, велев никому не высовываться из своих комнат. Это она умеет — кому надо, пригрозит, а кого-то сопроводит в апартаменты с услужливой улыбочкой.

Вся верхушка была уже в сборе и, по правде говоря, я в такую могучую кучку совершенно не вписывалась. В голове творился полнейший кавардак, из которого на первый план выбивался вопрос «что сейчас будет?» и напоминание «не забыть выпытать у Германа подробности о Звервоне».

Да, этот грязный, вонючий, а к тому же редкий и сильный дух упорно продолжал занимать мои мысли. Кажется, вторгся в самые недра сознания и даже там успел наследить.

— Ну что, приступаем? — скорее не спросил, а призвал к действию Кирилл, вслед за чем все встали на начерченный на полу круг.

Этот круг я заметила ровно в тот момент, когда управляющая вновь окатила меня волной недовольства, призывая занять место рядом с ними. Я не без опаски подчинилась, попутно пожалев изгвазданный краской пол, ступила на белый контур и...

И началось!

Воздух как будто сгустился, став плотным и осязаемо вязким. Мне было неясно, что именно происходит, но не прочувствовать изменения было попросту невозможно. Еще некоторое время видимых проявлений творящейся магии не существовало, но в какой-то момент появились и они — сначала едва уловимые свечения, исходящие от каждого из участников круга, а затем ставшие гораздо ярче. Вскоре я с изумлением заметила, что такое свечение исходит и от меня — правда, совсем тусклое, почти незаметное, но все-таки! Оно было бледно-золотистым, точно сотканным из множества мелких мерцающих крупинок.

Невероятно...

Маг, заклинатель духов, безликоборец и ведьма вытянули перед собой руки, и я интуитивно сделала то же самое. Теперь свет струился сквозь пальцы, сливаясь в единый переливающийся сгусток, с каждым мгновением становящийся все больше и больше. Он пульсировал, вбирал в себя энергию, и я просто поверить не могла, что участвую в таком... таком... чуде!

По ощущениям, прошло несколько минут перед тем, как образовавшийся шар вдруг пришел в движение и полетел прямо к выходу. Все тут же отправились следом, вышли на улицу, где почему-то не горел ни один садовый фонарь, и остановились там же, где переливающийся шар — в центре переднего двора.

Если бы не разные оттенки, этот шар можно было бы принять за миниатюрное солнце. Мне даже казалось, что его легкая пульсация — это дыхание, а он сам — живое существо. Нестерпимо хотелось до него дотронуться и проверить, такой ли он горячий, как мне думается, но я, конечно, это желание сдерживала.

Мы снова стояли вокруг шара, и снова некоторое время ничего не происходило. А затем шар внезапно стал распадаться на огни поменьше, которые срывались с места и разлетались по всему периметру двора. Они летели, оставляя за собой длинные хвосты, какие бывают у падающих звезд, и я невольно вспомнила о звездах других — тех, каким загадывала желания.

И ведь последнее сбылось...

У меня есть самая потрясающая в мире работа, возможность заниматься любимым делом, каждодневное созерцание чудес и, какими бы недостатками она не сопровождалась, им ее не переплюнуть!

Тэйрон, Кирилл и госпожа Санли разошлись в разные стороны, а нам с Германом выпало идти на запад. Мы шагали молча, и я с интересом наблюдала, как он управляется с встречающимися на пути шарами. Стоило безликоборцу протянуть к ним руку, как они взмывали вверх, обращались сияющей завесой, а как только мы удалялись, становились невидимыми. Таким образом, прямо на моих глазах появлялся тот самый барьер — невидимый, но невероятно сильный.

— Кто такой звервон? — я не была бы собой, не попытайся разговорить Германа, тем более, когда мы остались наедине.

Мне не ответили, но это меня не остановило:

— Слушай, у вас, у мужчин, есть хоть какая-нибудь логика? Впрочем, учитывая то, что всегда говорят только о женской, вероятно, нет. Но в любом случае, это очень странно: постоянно меня игнорировать, но в то же время приходить на выручку — заметить, когда не звали, — а потом еще просить посодействовать в установке какой-то там защиты.

Выпавив все это на одном дыхании, я шумно выдохнула и постаралась успокоиться. Все-таки такое отношение задевало, как бы я ни старалась убедить себя в обратном. А особенно задевало безразличие Германа... безликие его забори!

— Ты не нравишься Тэйрону, — эти слова буквально застали меня врасплох. — Точнее, он не хочет, чтобы ты была моей напарницей и вообще работала в Большом Доме.

Я уже открыла рот, но Герман меня опередил:

— Не знаю, почему.

— Ты поэтому меня игнорируешь? — во мне боролись недоумение и негодование. — Потому что я, видите ли, пришлось не по вкусу великому заклинателю духов?

Герман резко остановился и, обернувшись ко мне, посмотрел в глаза.

Это было нечто. Правда. Проступившая сквозь темноту фигура, блестящие в полумраке глаза и светлые волосы, на которые легки блики огней. Он был значительно выше меня, смотрел сверху вниз, но в этом взгляде, как ни странно, не было ни снисхождения, ни превосходства. Взгляд походил на тот, который я видела на ярмарке духов, в злосчастный момент полета над костром. Почему злосчастный? Потому что с него все началось. Для меня начался противоречивый безликоборец по имени Герман.

— Я обязан Тэйрону жизнью. Больше, чем жизнью, и это тот долг, который мне никогда не вернуть, — произнес он с несвойственной ему горячностью. — Но я никогда не стану слепо выполнять чьи-либо указания, если не считаю это нужным.

Я усмехнулась, пряча кипящий внутри меня ведьмовской котел чувств:

— А, так значит, ты избегаешь меня по собственной инициативе?

Что вдруг нашло на Германа, мне было неизвестно, только на его лицо набежала тень, вызванная вовсе не погасшим поблизости огоньком:

— Все, кто мне так или иначе дорог, погибают.

— Что? — нахмурившись, переспросила я. — Что за бред ты говоришь? Не знаю, что ты вбил себе в голову, но даже, будь это так, я ведь тебе не дорога. Мы знакомы-то всего ничего.

Герман на миг отвел глаза в сторону, а затем снова посмотрел на меня:

— Могла бы таковой стать. Ты посмотри на себя, — он передернул плечами, и в его голосе зазвучала термоядерная смесь раздражения, злости и восхищения. — Легкая, живая, веселая. Ты такая, каким когда-то был я и каким уже никогда не стану. Если не хочешь проблем, держись от меня подальше.

Ни установка барьера, ни происшествие с Джеей, ни даже само существование духов не потрясло меня так, как эти его слова. Я была обескуражена такой внезапной откровенностью, целиком и полностью. Но, несмотря на эту обескураженность, сумела заглянуть в то, что крылось за предостережением Германа, и только сейчас в полной мере убедилась: его коснулись те же чувства, что мучили меня. Было ли это не поддающимся объяснению влечением, симпатией... нет, определенно больше, чем просто симпатией.

Мне, как никогда, захотелось пробраться под панцирь безликоборца, растормошить его, заставить забыть о каких-то нелепых предубеждениях и страхах.

— А что, если я хочу проблем? — спросила, сделав шаг вперед и оказавшись с ним буквально лицом к лицу. — Знаешь, всегда имела ужасную привычку притягивать к себе неприятности, а от привычек не так-то просто избавляться.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — ответил Герман спустя несколько мгновений, в течение которых испытывал силу моего взгляда.

Для себя я все решила именно еще задолго до нынешнего момента, но поняла это только сейчас. Хотя я верила в чудеса и загадывала желания, все же считала, что иногда человек может стать волшебником и исполнить их сам. Моим теперешним самым сильным желанием было достучаться до этого непробиваемого человека, заставить его по-настоящему меня заметить. И не только потому что он действительно, по неведомым причинам мне нравился, но и потому что именно Герман мог стать тем, кто даст мне ответы и поможет разобраться в происходящем. А если точнее — я считала, что тоже могу оказать реальную помощь, если только мне, наконец, начнут доверять.

И, все духи множества миров, никакой Тэйрон не мог стать помехой в исполнении моего желания!

Вообще я человек милый. Покладистый, не то чтобы очень рискованный — говоря по правде, во все авантюры я влипала исключительно по стечению обстоятельств. Но сейчас на очередную авантюру шла осознанно, подталкиваемая какой-то шальной смесью адреналина и злости.

Я его поцеловала.

Поцеловала Германа!

Не обделенный хорошей реакцией, безликоборец не успел не то, что среагировать, но даже моргнуть, как одна горничная Большого Дома прижалась губами к его губам! Пожалуй, именно на

эффект неожиданности можно было списать тот факт, что мне не ответили. Сначала не ответили, если быть точнее. Герман застыл, словно каменное изваяние — кажется, глубоко потрясенный моим поступком.

— Да поцелуй же меня, — на секунду оторвавшись, потребовала я, обвив руками его шею.

Судя по выражению голубых глаз, поцеловать меня хотели ровно настолько же, насколько убить. Несмотря на всю внешнюю уверенность и браваду, внутри я просто тряслась от страха, что сейчас он меня оттолкнет и... и тогда его убью уже я!

К счастью, Герман все же оказался не каменным. Отбросив лишнюю скромность, я могла сказать, что выглядела по-прежнему очень привлекательно — даром столько времени перед свиданием потратила!

И он не устоял. Издав приглушенный звук, в котором легко угадывалось ругательство, рывком прижал меня к себе.

Теперь целовали меня, притом целовали так, что у меня не осталось никаких сомнений — точно не каменный! Кто бы мог подумать, что под этой угрюмой бесстрастностью скрывается столько страсти и живых чувств? И кто бы знал, что эти вечно сжатые в твердую линию губы могут быть такими мягкими?

Вот это действительно относилось к разряду чудес: целоваться с нелюдимым безликоборцем, стоя на территории гостиницы духов, в то время как вокруг нее воздвигается невероятный барьер!

Ведьмочка внутри меня ликовала, то тая, то танцую румбу. Не знаю, с чего вдруг это создание сегодня во мне появилось, но пока уходить оно явно не намеревалось и всячески о себе напоминало.

Перед закрытыми веками мелькали яркие вспышки — отсветы сияющих и тут же гаснущих огней, где-то в отдалении слышались голоса, стрекотали кузнечики, и шелестел древесными кронами ветер, который обнимал и нас.

Я словно вернулась в полет над костром, сполна ощущая на себе его жар. Только жар теперь источник не пламя, а безликоборец, чей неожиданный напор заставил меня забыть обо всем.

И все же я нашла в себе силы отстраниться первой.

— Так кто такой звервон? — выдохнула, не узнав собственного голоса.

Тяжело дыша, Герман всматривался в мое лицо так, словно видел в первый раз. Похоже, его желание меня убить стремительно возросло.

Наш «разговор» оказался прерван появившимся в поле зрения заклинателем духов, идущим с южной стороны гостиницы. Разумеется, его лица, как обычно, видно не было, но я могла бы поклясться, что он пребывает в высочайшей степени недовольства.

Тоже заметив его появление, Герман, вопреки ожиданиям, взял меня за руку и потянул за собой, оставив своего наставника позади. Мы двинулись стремительно, и он на ходу воздвигал барьер, заставляя огненные шары превращаться в невидимую защиту еще быстрее, чем прежде.

Когда барьер был установлен, время стояло до того позднее, что совсем скоро должно было перетечь в неприлично раннее. Несмотря на все события, я устала и хотела спать, так что когда Кирилл, поблагодарив всех за участие, предложил разойтись по комнатам и отдохнуть, спорить не стала. Оставшиеся без ответа вопросы вполне терпели до утра, и я была уверена, что больше от меня бегать Герман не будет. А даже если вдруг вознамерится это сделать, у него ничего не выйдет, потому как настроена я решительно и больше игнорировать себя не позволю.

Этой ночью спала я настолько крепко, насколько это вообще возможно. Притом сон у меня вышел не совсем обычный: попросив Сова избавить меня от ночного телевидения, я осталась в «отправной точке», где кровать успела смениться потертым диваном. Перетащив на него с кресла-качалки теплое лоскутное одеяло, устроила себе уютное гнездышко и улеглась спать прямо во сне.

Обычно в «отправной точке» я оказывалась сразу после того, как проваливалась в дремоту, но никогда после пробуждения. Однако на сей раз все было иначе.

Проснувшись, я снова очутилась в обители Сова, который в это время мирно покачивался в кресле и пил неизменный кофе.

— Поговорить нужно, — сказал он, как только я разлепила глаза, и громко, с выражением сделал глоток. — О твоём подсознании.

Тряхнув головой, сбрасывая остатки сонливости, я недоуменно переспросила:

— Моем подсознании?

— Я тут копнул в него немного глубже, — продолжил Сов. — И обнаружил, что часть информации индивидуального уровня подлежит сложной кодировке, расшифровать и снять которую не получается даже у меня.

Я даже привстала:

— Чего-чего?

— Какое-то воспоминание у тебя забаррикадировано, говорю, — пояснил Сов, сделав еще один глоток. — Когда-то оно было очень ярким и со временем должно было только поблекнуть, но не стереться совсем. А кто-то поковырялся в твоей голове и затолкал его в такие недра подсознания, что теперь и не достать.

Поднявшись с дивана, я подошла к столику, плеснула кофе в свободную чашку и залпом его выпила. Затем, глянув на Сова, уточнила:

— Что-нибудь еще можешь сказать? Какой давности воспоминание, о чем примерно, кто мог «покопаться» у меня в голове?

— Без понятия, без понятия, кто-нибудь, — по порядку ответил ловец снов. — Можно только предположить, что воспоминание старше пары лет. А в память, в сущности, могут влезть очень многие. Маги, ведьмы, заклинатели духов, сами духи, псионики, да даже гипнотизеры и психологи из простых людей.

Прошлая обратившись к дивану, я с размаху в него опустилась и нахмурилась. Полученная от Сова информация меня очень взволновала. Разумеется, воспоминание могло быть абсолютно любым, но я почти не сомневалась, что оно как-то связано с Германом. Возможно, такая уверенность была глупой, но обострившаяся за последнее время интуиция настойчиво меня к ней подталкивала.

Еще раз мысленно перебрав перечисленных Совом кандидатов, я спросила:

— Кто такие псионики?

Тот огладил крылом подбородок и задумчиво произнес:

— Кто-то называет их магами психологами, кто-то магами разума. Они обладают способностью воздействовать на чужое сознание, считывать чувства, а иногда, в редких случаях, даже мысли.

Дополнительные сведения помогли не слишком. Я не имела даже малейшего представления о том, кто мог залезть ко мне в голову, а самое главное — зачем и когда.

— Я точно встречалась с ним раньше, — пробормотала, подумав о Германе. — Еще этот Тэйрон... — следующую фразу произнесла уже громче и, обращаясь к ловцу снов: — Ты что-нибудь знаешь о местном заклинателе духов?

Прозевавшись, Сов устремил на меня свои круглые, с припухшими от недосыпа веками глаза:

— Никто о нем ничего не знает. И мы, духи, предпочитаем оставаться в неведении.

— А...

— А тебе пора вставать, — бесцеремонно оборвали меня.

Я моргнула и спустя мгновение лицезрела привычную обстановку своей комнаты. Уже взошло солнце, часы показывали время завтрака, а в Большом Доме, судя по звукам, царило оживление.

Быстро умывшись, я натянула джинсы с первой попавшейся под руку футболкой и спустилась вниз. Уже на лестнице столкнулась с парой духов, шепчущихся об усовершенствованной защите, затем отголоски той же темы уловила в холле и даже, войдя в кухню, услышала обсуждение ночных событий.

Одним ненастоящим кофе сыт не будешь, поэтому я была зверски голодна, но вместо того чтобы позволить удовлетворить необходимую потребность, мне буквально с порога устроили допрос с пристрастием. Инициатором, естественно, была Аленка, схватившая меня в охапку, усадившая за стол и выдавшая требовательное:

— Рассказывай!

Аня в это время сидела, поглощенная чтением, пара духов-помощников безразлично копошилась в углу, и только один Вилли оказался настоящим другом! Этот бесценный шеф-повар обеспечил меня

порцией свежайшего омлета и мягких булочек с изюмом, за сдобный запах которых можно было умереть.

— Ну и вот, — спустя несколько минут рассказывала я, за обе щеки уплетая завтрак. — Вся компания притащилась в ресторан и освободила бедную меня от повинностей свидания.

— Обалдеть, — потрясенно выдохнула Алена, как только я закончила повествование установкой барьера и поцелуем с безликборцем.

Вообще-то, о поцелуе говорить изначально не собиралась, но потом подумала, что если буду носить все в себе, то однажды точно свихнусь. Хорошо иметь рядом пусть не подругу, но хотя бы хорошую приятельницу, с которой можно поделиться подобными вещами.

— Обалдеть! — повторила «хорошая приятельница». — Ты и Герман... невероятно!

— Ничего невероятного, — приговорив булочку, возразила я. — В конце концов, он просто мужчина, а я фактически навязалась ему сама.

— Ничего не навязалась, — в свою очередь запальчиво возразила Алена и тут же понизила голос: — Вчера вечером, когда мы были в комнате Джеи, я заметила, как он на тебя смотрит. Никогда с его стороны ничего подобного не замечала... да он же вообще непрошибаемый, даже когда с Кириллом говорит, свои обычные манеры не меняет! Разве что с Тэйроном приоткрывается... я-то, конечно, сама не видела, это мелкие духи шепчутся.

— Кстати о Тэйроне, — зацепилась я, отложив вилку. — Учитывая твою наблюдательность... ты не обращала внимания на то, что он меня недолюбливает?

Алена открыла рот, намереваясь ответить, как вдруг медленно его закрыла, а ее взгляд остановился на ком-то позади меня. Почти не сомневаясь в своем предчувствии, я обернулась и, наткнувшись взглядом на знакомый черный плащ с капюшоном, услышала:

— Кстати о Тэйроне. Не окажешь ли любезность с ним поговорить?

## Глава девятнадцатая

На небольшую, примыкающую к кухне террасу, я проследовала с превеликим довольством и нетерпением, потому что в кои-то веки наши цели с заклинателем совпадали. Какую бы тему он ни хотел со мной обсудить, я намеревалась воспользоваться удобной возможностью и узнать все меня интересующее. А вопросов в запасе имелась просто тьма!

День сегодня и впрямь выдался солнечный и теплый, что только подчеркивало мрачность моего собеседника. Дело было вовсе не в плаще, под которым он скрывался, а в нем самом. Впрочем, не будь он недружелюбно ко мне настроен, возможно, я бы воспринимала его иначе.

Мы присели прямо на пол, свесив ноги с невысокого порога, и наступило молчание. Сильно пахло мелиссой и мятой, в зеленом саду привычно стрекотали кузнечики, а духов поблизости не наблюдалось — как всегда, держались подальше от Тэйрона.

— Чем я вас не устраиваю? — первой начала я.

— По-моему, это я позвал тебя для разговора.

— А теперь молчите, — хмыкнула, выразительно на него покосившись. — Мне надоело неведение, так что если вам есть, в чем меня упрекнуть — говорите прямо. Я знаю, что чем-то вызываю ваше недовольство, хотя мы пересекались всего пару раз. Хотелось бы узнать, чем именно.

На сей раз в голосе заклинателя раздражения, как ни странно, не слышалось:

— Дело не в тебе. А в том, что тебе не следовало устраиваться сюда работать. И тем более становиться напарницей Германа.

— Вот это уже мне решать, — я сумела сдержать негодование. — И Кириллу, которого, должна заметить, моя кандидатура на вакансию горничной ничуть не смущала. Что до Германа, то вам не кажется, что он уже взрослый человек для того, чтобы принимать решения, как и с кем ему работать?

— Не дай Великий пережить кому-нибудь то, что пережил Герман в свои шестнадцать, — ровно произнес заклинатель духов. — Последние четырнадцать лет он вел уединенный образ жизни и никого к себе не подпускал. Однажды он встретит ту, кто сумеет вернуть ему умение быть счастливым, но это будешь не ты.

Теперь негодование сдержать не удалось:

— Да кто вы вообще такой? Великий волшебник, господь Бог? Какого безликого вы вообще считаете, что имеете право решать за него? Знаете что, — силясь успокоиться, я сделала глубокий вдох. — Мне ровным счетом наплевать на ваше мнение и на то, что вы какой-то там известный заклинатель. Вы не можете вмешиваться в нашу личную жизнь!

— А она у вас есть? — голос отражал усмешку.

— Не ваше дело! — чувствуя, что щеки предательски покраснели, отрезала я. — Мне уже приходилось действовать по указке других, из-за чего я потеряла несколько драгоценных лет, прозябая не чертовски нелюбимой работе. Но даже тогда мне приходилось следовать воле родителей, а вы мне вообще никто! Не знаю, что именно связывает вас с Германом, но что бы это ни было, оно не дает вам права ограничивать его свободу!

Ко мне соизволили обернуться и все с той же иронией хмыкнули:

— Какие слова, какая страсть. А ты уверена, деточка, что свобода Германа ограничена? Может, просто ты ему менее интересна, чем он тебе?

Разговор уходил совершенно не в то русло. Спорить с этим... с этим... с заклинателем я не видела никакого смысла, да и не собиралась позволять ему лезть ко мне в душу.

— О чем вы собирались поговорить изначально? — резко сменила тему, взяв эмоции под контроль.

— Ты видишь безликих, — не вопрос, а констатация факта. — И духов, неразличимых зрению других.

Я промолчала, ожидая продолжения.

И долго себя ждать оно не заставило:

— Ты уже сталкивалась со звервоном прежде?

А вот сейчас это был вопрос. Вопрос, который я хотела услышать.

— Возможно, — ответила уклончиво, поведя плечом. — Если бы я знала, что это за дух, могла бы сказать наверняка.

— Звервоны — это духи, чья сила заключается в разрушении любой магии, — на удивление легко поведали мне. — Они без труда преодолевают любые барьеры, одним прикосновением разрушают сложные заклинания и даже заклинателям трудно с ними справиться. Эти духи достаточно редки, и так же редко идут на контакт. Они могут становиться абсолютно невидимыми, но узнать об их присутствии можно по характерному грязевому следу.

— Но любых духов подчинять могут только заклинатели, — я задумалась. — Если на Джею напал звервон, значит, Игорь сотрудничает с каким-то заклинателем духов?

— Соображаешь, — неожиданно похвалил Тэйрон и тут же возразил: — Но это не обязательно так. Вот что я хотел сказать: с этим духом в апартаментах Джеи побывал кто-то еще. Она спала, и в ее комнате было темно. Понимаешь?

Несколько секунд я пыталась понять, к чему он клонит, а затем внезапно вспомнила о Наблюдательнице, которая накануне хотела мне что-то сказать.

Заметив, что до меня дошло, Тэйрон добавил:

— Разумеется, я ее вижу, но заставить говорить не могу. Она замкнутый дух, невосприимчивый к любой боли. Мне она ничего не скажет, но тебе...

Облизав пересохшие губы и, по-прежнему стараясь сдерживать волнение, я кивнула:

— Хорошо, я все у нее узнаю. Но у меня есть условие.

Убедившись, что заклинатель весь внимание, озвучила свое требование:

— Вы дадите слово, что не станете смешиваться в мои с Германом отношения... какими бы они ни были.

Кажется, я услышала легкий скрип челюсти, прежде чем прозвучало абсолютно бесстрастное:

— Согласен. Обещаю.

Внутренне возликовав по поводу своей победы, внешне я никак не выразила чувства и, взвесив все за и против, решила затронуть еще одну животрепещущую тему. По правде говоря, обсуждать ее именно с Тэйроном мне совершенно не хотелось, но я понимала, что рано или поздно об этом узнают все. Так что лучше рассказать обо всем самой и сейчас.

— Вы правы, я уже видела звервона. Точнее, оставленный им след. В офисе компании, куда не так давно устроилась иллюстратором.

Говоря по правде, я ожидала куда более интересной реакции на свое признание, чем простой кивок. Никак не прокомментировав мои слова, заклинатель поднялся с места и, не дав мне опомниться, молча удалился, чем вызвал в моей душе очередной всплеск негодования. Хотела крикнуть ему в спину и даже набрала побольше воздуха, но в последний момент передумала. А передумала, потому что, во-первых, все-таки не жаждала продолжать наше общение, а, во-вторых, неожиданно боковым зрением заметила стоящего у входа Германа.

Резко обернувшись в ту сторону, я вперилась в него немигающим взглядом.

И как давно он здесь находится?

Одно только предположение, что Герман слышал весь наш разговор с заклинателем, заставило меня оцепенеть. И вновь покраснеть, чего уж там.

А я еще так рьяно право на наши «отношения» отстаивала...

Я продолжала смотреть на него, он так же внимательно смотрел на меня, и неизвестно, кто бы отвел взгляд первым, если бы не пара духов-помощников, выбежавших из кухни. Они тащили какой-то горшок с комнатным цветком и, споткнувшись, уронили его на землю, отчего тот разбился. Их расстроенный писк сразу же привлек наше с безликоборцем внимание и избавил меня от необходимости проверять силу своих нервов на прочность.

— Через полчаса Кирилл ждет нас у себя, — произнес Герман, наблюдая, как духи убирают глиняные черепки. — Есть дело.

Я прищурилась:

— Что, меня хотят поэксплуатировать в установке еще одного барьера?

— Нет, — просто ответил он. — Здесь другое.

Сказав, что через полчаса подойду к кабинету, я поднялась на ноги и, обогнув Германа, направилась в подсобку. Разговор с Наблюдательницей откладывать не следовало, и я надеялась, что она пойдет со мной на контакт. Вчера нас прервали, поэтому сегодня я позаботилась, чтобы этого не случилось. По пути встретившись с Аленой, предупредила, чтобы она не подпускала никого к подсобке в ближайшие минут двадцать. Та хоть и удивилась, но пообещала, что просьбу выполнит.

Войдя в темную комнатку, я взяла с полки небольшой фонарик и, включив его, плотно закрыла за собой дверь. Фонарик расположила так, чтобы его свет позволял мне видеть хоть что-то, но в то же время не достигал дальнего угла, где обычно находился дух.

— Привет, — улыбнувшись, негромко приветствовала я. — Ты здесь?

Спустя некоторое время в том самом углу стала различима знакомая светлая фигура. Наблюдательница сидела на сгрудившихся старых ящиках, обхватив колени руками. Ее светлые, как будто выцветшие волосы сливались с тоном сорочки и укрывали худенькую фигуру подобно тонкому одеялу.

— Я хотела спросить, — сохраняя на лице улыбку, осторожно начала я. — Что ты вчера хотела мне сказать?

Дух посмотрел на меня взглядом, который по пристальности переплюнул и Германа, и меня саму. По коже моментально поползли мурашки, но страха как такового я не испытывала. Странно, но за время, что мы знакомы, я стала считать Наблюдательницу почти что родной.

А потом неожиданно произошло то, что вызвало мое искреннее изумление. В руках Наблюдательницы вдруг появилась маска — та, которую я купила на ярмарке и ей подарила, — и она ее надела. Бледное лицо обзавелось нарисованной улыбкой, что сделало его хоть и странным, но по-своему милым.

— Тебя он послал, — прозвучал негромкий шелестящий голос. — Он, я знаю.

— Попросил, — поправила я, не став отрицать. — Но я здесь не из-за заклинателя, отношения с которым у нас совершенно не задались. Мне самой очень важно узнать, чем ты вчера была так напугана и о чем хотела рассказать.

Мельком осмотревшись, я села прямо на пол, сложив ноги по-турецки. Теперь она смотрела на меня сверху вниз, а не я на нее, притом, что наши лица находились почти вровень.

Наблюдательница еще несколько минут молчала, и я не торопила ее.

Когда она заговорила, ее прозрачные глаза устремлялись куда-то в пространство:

— Там был сильный разумный человек. Сильный настолько, что он заставил кошку впасть в глубокий сон, а только после ее ранил. С ним был невидимый дух, разумный человек держал в полном повиновении и его. Потом они ушли.

Из ее слов я поняла далеко не все, но заострила внимание на самом главном:

— А как выглядел этот человек?

— Я не всегда вижу внешность, — сфокусировав взгляд на мне, ответила Наблюдательница. — Иногда только ауру. Его была холодной.

Я хотела задать еще несколько вопросов, но Наблюдательница отрицательно покачала головой и стала растворяться в темноте.

— Будь осторожна, — вновь прошепестел ее голос. — Он не хочет, чтобы ты здесь была...

— Он? — подавшись вперед, переспросила я, но дух уже исчез. — Кто — он? Тэйрон?

Что ж, по крайней мере свою часть договора с заклинателем я выполнила. Вот только сообщить об этом в первую очередь намеревалась не ему, а Кириллу, на встречу с которым и пошла, пробыв в подсобке еще немного.

У кабинета встретилась с Германом, а когда мы вошли внутрь, оказалось, что маг нас уже ждет. Он сидел на своем обычном месте и работал за компьютером, но как только заметил нас, поднялся.

— Юлия, вы единственная, кому я еще не выразил благодарность лично, — маг сдержанно улыбнулся и протянул мне довольно пухлый конверт. — За проделанную ночью работу.

Я не стала возражать или задавать лишние вопросы — просто приняла свой законный заработок. Но, взяв конверт, произнесла:

— Несмотря на наш контракт, я оказала помощь не ради денег. Не знаю, в чем именно моя заслуга, учитывая, что я фактически ничего не сделала, но защита Большого Дома для меня сейчас больше, чем работа. Это место... — я на миг замолчала, подбирая слова. — Действительно кажется мне... домом.

— Мне, как и Дому, радостно это слышать, — улыбка Кирилла стала шире, но его глаза остались серьезными. — Как вы думаете, Юлия, что есть суть любого дома?

— Семья? — предположила я.

— Семья, — согласился маг. — И история. Я смею считать всех своих работников семьей, а отношения в семье строятся на доверии. Именно поэтому я хочу посвятить вас в историю Дома и поручить ее защищать.

Сказав это, он подошел к книжному шкафу и тронул одну из стоящих на полке книг. Раздался тихий скрежет, и левая секция отъехала в сторону, открыв утопающий в мягком свете проход.

— Так просто? — пошутила я. — Ни выезжающих из стены лестниц, ни даже паутины, которая обычно опутывает потайные ходы?

— Я ценю комфорт, — бросил Кирилл через плечо. — Прошу за мной.

Потайной ход действительно оказался чистым, аккуратным, и, как сказал маг — комфортным. Как только мы в него вошли, секция шкафа заняла прежнее место, а на потолке зажглись небольшие круглые лампочки. Всего через несколько минут коридор сменил направление — пол под ногами плавно устремился вниз. Здесь не было лестниц, но можно было не сомневаться, что мы спускаемся на несколько этажей. А поскольку кабинет Кирилла и так находился на первом этаже, выходило, что мы оказались где-то под землей.

Спустя еще некоторое время ход привел нас к простой светлой двери, на которой имелось углубление в виде руки. Остановившись, Кирилл приложил к нему ладонь, и от двери стало исходить легкое свечение, которое вскоре сменил негромкий щелчок. Вслед за владельцем гостиницы я вошла в открывшееся помещение, при этом спиной ощущая присутствие позади Германа.

Комната была довольно большой, но загроможденной. В сущности, здесь не было ничего кроме квадратных, расставленных где пришлось тумб, которых я насчитала одиннадцать. По виду они были абсолютно одинаковыми — деревянными, лакированными и высотой примерно с письменный стол.

Я подавила желание спросить, что это за тумбы и терпеливо дождалась момента, когда Кирилл уверенно подошел к одной из них — той, что располагалась у левой стены. Едва он коснулся ее гладкой поверхности, как вновь раздался тихий щелчок, сопровождающий выехавший вперед ящик.

Кирилл загоразивал мне обзор, и я не видела, что он достал из ящика вплоть до того момента, пока маг ко мне не обернулся. В его руках находился медный ключ, украшенный изящной ковкой и разноцветными, завораживающе поблескивающими камнями.

— Это и есть история Большого Дома, — произнес Кирилл. — Так ценимые людьми бумаги дают власть только над зданием, но это — ключ к его сердцу.

Было в интонации мага нечто такое, что у меня по коже мгновенно пробежала дрожь. Герман ничем не выдавал своего присутствия, но я почему-то стала ощущать его еще острее.

— Вы двое, — голос вновь заговорившего Кирилла заставил вздрогнуть, — Будете оберегать ключ наравне с духом-хранителем, Тэйроном и госпожой Санли. Юля, — ко мне обратился взгляд глаз, мерцающих так же ярко, как драгоценные камни. — Вы отдали часть своей энергии на поддержание барьера, поэтому между вами с Большим Домом появилась особая связь. Теперь вы наравне с другими можете прикасаться к ключу и обеспечивать ему защиту.

Наравне со странной смесью трепета и волнения я чувствовала себя несмышленной первоклашкой, не способной понять взрослого и умного учителя.

— Подождите, — я постаралась вникнуть в суть. — Мне известно, что некто по имени Игорь желает завладеть гостиницей. А для того чтобы стать владельцем, нужно обладать не только участком и

усадебой, но и этим ключом, я правильно поняла?

— Правильно, — подтвердил Кирилл. — Но маг, который создал на этом месте гостиницу духов, позаботился и о том, чтобы владеть ключом могли только наследники его крови.

А вот тут мои брови стремительно поползли вверх:

— То есть, вы хотите сказать...

— Да, — Кирилл улыбнулся. — Бывшие владельцы Большого Дома были моими родителями.

— Но как же... — я непроизвольно помотала головой, как будто это могло помочь внести ясность. — Если ключ может взять только потомок, то какую угрозу представляет Игорь?

Уже задавая этот вопрос, ответ я примерно представляла, и Кирилл мои догадки оправдал, сообщив, что пресловутый Игорь приходится ему двоюродным племянником. Когда графиня вместе с мужем ушла из этого мира, здесь у нее осталась сестра, чей внук теперь жаждал заполучить Большой Дом. Каким образом он вообще узнал о духах, Игорь не сказал, но пояснил, что гостиница его интересует прежде всего как источник долгой жизни. Игорь убежден, что его дядя живет так долго не потому, что владеет магией, а поскольку имеет возможность путешествовать в различные миры.

— Все подробности обсудим за ужином, — резюмировал Кирилл, вернув ключ туда, откуда взял. — Герман, Юлия, вы приглашены в нашу скрытую обеденную. Прошу, приходите к восьми вечера и не опаздывайте.

Вот так я и обзавелась новой информацией, подогрившими любопытство вопросами и приглашением на таинственный ужин, который уже предвкушала, потирая ладони.

Когда мы с Германом вышли из кабинета начальства в коридор, уходить я не спешила. Привалившись спиной к стене, несколько раз глубоко вздохнула и перевела взгляд на безликоборца, который тоже здесь задержался.

— Мне вновь проявлять инициативу первой? — глядя на него в упор, осведомилась я. — Учти, гордость у меня есть, и если ты сейчас опять станешь делать вид, что я тебе безразлична, больше тебя не побеспокою. Никогда.

Герман стиснул челюсти и несколько мгновений стоял неподвижно, демонстрируя на собственном примере, как можно застыть каменным изваянием. А затем случилось то, чего я ожидала от него в самую последнюю очередь, если ожидала вообще. Эти как минимум сто восемьдесят сантиметров в мгновение ока оказались передо мной, и голубые глаза стали надвигаться на меня со скоростью внезапно обрушившегося на землю торнадо. Я успела подумать о том, что сейчас их цвет напоминает грозное небо, затем мелькнула какая-то глупая мысль, что все происходящее — просто плод моего воображения, а затем мыслей не осталось совсем.

Я сильно заблуждалась, когда думала, что Герман позволил себе оттаять вчера вечером. Нет! Настоящему его панцирь разбился сейчас, когда он сам — первый! — осознанно и решительно сделал шаг мне навстречу.

И какой шаг! Меня целовали с такой голодной неистовостью и напором, каким мог позавидовать даже дух желания. Я смутно сознавала, что до этого момента не знала Германа таким, не представляла, что его отстраненная угрюмость может скрывать настолько сильный фейерверк. Фейерверк, который взрывался специально для меня.

Духи возьми, а ведь я, незаметно для себя, успела влюбиться по уши...

Никогда не жаловала любовные романы, но в тех, что прочитала по настоянию Ленки, главные героини всегда страдали слабостью колен, головокружением и тахикардией. Раньше считала все это огромным преувеличением, но сейчас понимала, что такие симптомы не составляют и малой части срывающих крышу ощущений.

Не было Большого Дома, Германа, меня самой — только властные губы, руки и прерывистое хриплое дыхание. А после — снова соприкосновение губ, но уже едва-едва, и наши глаза, смотрящие друг в друга.

Я была ошеломлена и неожиданным поведением безликоборца, и своей реакцией на него. Его же чувства до конца распознать не получалось, но в этих все еще грозных глазах, в этом взгляде читалось такое неприкрытое желание, что на сей раз Най удавился бы от зависти!

«Пропала окончательно», — припечатала моя внутренняя ведьмочка и, притопнув ногой, исчезла, оставив меня наедине с бушующими эмоциями.

Кажется, впервые за время нашего с Германом знакомства я не находила слов. Вообще, никаких. Просто стояла, ощущая все пресловутые симптомы, и чудом держалась на ногах.

— Такая инициатива тебя устроит? — севшим голосом спросил безликоборец.

— Более чем, — с той же интонацией ответила я.

Прежде во время нашего общения мне почти всегда удавалось сохранять ощущение равенства между нами, но сейчас я чувствовала себя перед ним абсолютно беспомощной.

— Пойдем, — обхватив за запястье, он потащил меня за собой.

Обескураженная я сопротивляться даже не пыталась:

— Куда?

Обернувшись через плечо, Герман усмехнулся:

— За мной долг свидания, не забыла?

Я чуть не ляпнула, что свидание мне испортил не столько он, сколько Най, но вовремя прикусила язык и нашла в себе силы улыбнуться. Даже предстоящий ужин мерк перед временем, которое мне предстояло провести наедине с Германом. И не только из-за пробудившихся ярких эмоций, но и потому что он сам волей-неволей дарил мне удобную возможность прояснить некоторые, касающиеся его же моменты.

Оказавшись на улице, Герман решительно направился вперед по залитому солнцем тротуару, а руки моей так и не отпустил. В другой ситуации я, возможно, ощутила бы себя идущей на привязи собачонкой и такой ассоциации бы совсем не обрадовалась, но сегодня все было иначе. Мне почему-то нравилось не знать, куда мы направляемся. Сюрпризы я любила всегда, а Герману, несмотря на все сложности наших взаимоотношений, доверяла.

И все же место, куда он меня привел, знатно удивило. Это была небезызвестная фабрика, где мы когда-то отражали нападение безликих.

— Можешь выходить, — сказал безликоборец, и я не сразу поняла, к кому он обращается.

Но вот прозвучало неповторимое и хорошо знакомое «уи-уи!», с которым из соседних кустов выпрыгнул цыпленок. А что меня удивило еще больше, так это мой собственный рюкзак, который он тащил на плечах! Как тонюсенькие ножки этого хлипкого духа выдерживали такую тяжесть, я просто не представляла, но факт оставался фактом: мне принесли полный набор для рисования. Это обнаружилось, когда я открыла рюкзак и обнаружила в нем блокнот, ластик, карандаши, маркеры и прочие полезные штуки.

Недоумевая, я перевела взгляд на Германа и, в который раз за последний час посмотрев ему в глаза, все поняла.

— Ты хочешь...

Начала и не договорила, но он закончил за меня:

— Это ты хотела нарисовать мой портрет. Я согласен.

Сначала в его интонации мне почудилось сделанное одолжение, но все же это было не оно. Что бы Герман ни говорил, он и сам хотел мне позировать — по крайней мере, в настоящий момент. Меня же дважды просить не требовалось, и я, не медля, приступила к делу.

В первую очередь, особо не церемонясь, усадила Германа на землю и подобрала ему нужную позу. Он послушно терпел, пока я поворачивала его голову и плечи, пытаясь отыскать нужный ракурс, а затем так же послушно замер — благо, застывать изваянием он умел, как никто. Я же сама в это время с трудом сдерживала волнение, прикасаясь к его лицу, рукам, волосам...

Да чтоб меня!

После я удобно расположилась напротив, вооружилась блокнотом и под любопытным взглядом духа-помощника взялась за карандаш. Откровенно говоря, я была бы просто счастлива ощущать на себе взгляд лишь цыпленка. Но моя модель тоже смотрела на меня — в упор, чуть прищурившись, почти не мигая, вынуждая нервничать и не давая сосредоточиться на работе.

«Да соберись ты, в конце концов!» — мысленно надавала я себе оплеух.

Как ни странно, помогло.

У Германа были четкие и немного резковатые черты лица. Выступающий вперед квадратный подбородок, прямой нос и выразительные губы, которые обычно были сжаты в твердую линию, но сейчас оказались расслаблены. Я всегда видела, что он хорош собой, но именно сейчас рассмотрела, насколько. Даже шрам на виске в виде кривого креста не портил, а дополнял эту суровую и несколько мрачную красоту.

По мере того как на бумаге появлялись очертания лица, я все чаще ловила себя на мысли, что когда-то Герман был совсем другим. Казалось, изначально его внешность могла принадлежать дружелюбному, ангельски красивому светловолосому парню, но затем что-то наложило на нее неизгладимый отпечаток.

— Откуда у тебя этот шрам? — вырвалось у меня, в то время как на листе обозначились очертания глаз.

Герман не шелохнулся, только его губы пришли в движение:

— Ты уверена, что хочешь это знать?

## Глава двадцатая

О да, я хотела, о чем не преминула сообщить. Но уговаривать на рассказ его не собиралась, ограничившись утвердительным кивком и вернувшись к рисованию. Герман ожидаемо молчал и, как это обычно бывает, заговорил как раз тогда, когда я подумала, что мне снова не удастся ничего услышать.

— Я узнал, что обладаю способностями, не свойственными простым людям, когда мне было девять, — он по-прежнему не двигался, но его взгляд будто заволокло туманом. — Я видел то, чего не видели другие. Безмолвные тени, встречающиеся мне на каждом шагу, казалось, не замечали меня. Но я замечал их. Мне никогда не удавалось рассмотреть их отчетливо, зацепиться за детали, но я точно знал, что они существуют. Они не трогали меня, никак не мешали, и привыкнуть к их постоянному присутствию оказалось несложно. Так прошли семь лет. Затем, в какой-то момент я вдруг отчетливо почувствовал, что могу взаимодействовать с ними. Мне захотелось попробовать поймать хотя бы одну из теней, дотронуться до нее. И у меня получилось. Выжил я чудом, а тень растворилась. Я не хотел ее уничтожать, но когда мы соприкоснулись, во мне проснулось неудержимое желание убивать.

— Так значит, ты видишь безликих тенями? — незаметно для себя прекратив рисовать, спросила я. — И это тот первый, уничтоженный тобой безликий, оставил этот шрам?

Герман кивнул:

— Чтобы прийти в себя, мне потребовался месяц. А потом я стал гордиться тем, что умею, захотел испытать свои силы вновь. Я никому не рассказывал о них, никто бы не понял.

— И ты это сделал? Снова попытался напасть на тень?

— Не успел, — было сложно понять, что теперь отражалось в колючих голубых глазах. — Они напали сами, вместе. Но не на меня. На мой дом, мою семью, пока я находился в городе.

Выронив карандаш и даже этого не заметив, я осторожно проронила:

— Но ведь они в основном охотятся на духов...

— В основном, — жестко усмехнувшись, подчеркнул Герман. — Это была месть глупому мальчишке, сунувшемуся туда, куда не следовало.

Наступила недолгая, но очень напряженная пауза, а затем он продолжил:

— Мои родители и сестра до сих пор числятся пропавшими без вести, потому что от них не осталось ничего. Ничего, кроме пары золотых украшений. Не видь я собственными глазами, что с ними делалось, тоже считал бы, что они просто исчезли. Я вернулся домой как раз в тот момент, когда безликие разделялись с матерью. Даже самому заклятому врагу не пожелаю такое увидеть...

Я была ошеломлена. Даже моего буйного воображения не хватало, чтобы представить, как все это происходило, и что чувствовал в тот момент Герман. Каково это — разом лишиться всей семьи? Да еще и своими собственными глазами увидеть, как их зверски, нечеловечески убивают?

— Они даже не кричали, — мускул на лице безликоборца дрогнул. — Не могли. Но эти полные ужаса и страданий глаза... А я ничего не мог сделать. До сих пор не понимаю, почему безликие в тот вечер не убили и меня.

Я больше ни о чем не спрашивала, но Герман меня уже словно не замечал:

— Помню, я тогда полночи шатался по городу, мысль идти в полицию меня почему-то не посетила. Потом пошел дождь, я сел на электричку и поехал черт знает куда. Шел по проселочной дороге, останавливался у заборов, зашел в какой-то двор, смотрел в окно... Странно, но моему воспаленному сознанию тогда казалось, что в этом окне сияет свет. Не от лампы, просто свет... мягкий такой, согревающий. Как будто там находился кто-то знакомый и родной. Я цеплялся за него, чтобы не упасть в черную пропасть, а потом появился Тэйрон. Он шел за мной уже несколько часов, узнал, что случилось в городе. За ту ночь это было не единственное нападение безликих. Как я узнал позже, пострадали еще две семьи и множество мелких духов. Я тогда ничего не соображал, но когда Тэйрон велел идти за ним, почему-то послушался. Он рассказал мне, кем я являюсь, взял к себе в помощники и показал мир, скрытый от большинства людских глаз. Без него я бы пропал.

Слов все еще не было. Наверное, нужно было что-то сказать, но выражать соболезнования казалось несвоевременным, а утешения — попросту глупым. Только сейчас я и понимала, что сделало Германа таким закрытым. Сгладить боль утраты полностью минувшие четырнадцать лет способны вряд ли, разве что только ее приглушить. Я попыталась представить, что стало бы со мной, увидь я

смерть родителей с Сашкой... и не смогла.

Наверное, выражение моего лица было очень красноречивым, поскольку вернувшийся из своего прошлого Герман заметил:

— Ты сама просила рассказать.

— Спасибо, — все, на что хватило меня.

— За что? — его левая бровь выразительно приподнялась.

— За то, что поделился, — просто ответила я и, немного подумав, невесело добавила: — Знаешь, я может и не умею говорить красивые слова, да и кажусь поверхностной веселой девочкой, но... я правда сожалею. Хотя и не способна до конца осознать все, что тебе пришлось пережить. Ты сильный человек... по-настоящему сильный. Не только физически, морально.

Мне хотелось сказать что-нибудь еще, но я не соврала: говорить красивые и правильные слова никогда как следует не умела. И все же, несмотря на то, что Герман больше ничего мне не ответил, я чувствовала, что этот разговор нас в некоторой мере сблизил. Почти не сомневалась — эта тема до сих пор является для него болезненной, и обсуждал он ее со считанными людьми... или вовсе не обсуждал ни с кем, кроме Тэйрона.

Когда я вернулась к рисованию, погода заметно испортилась. Солнце скрылось за пеленой пока еще слегка сероватых облаков, но ветер уже приобрел запах скорого дождя. И все же сидеть прямо на траве, держать в руках карандаш и пытаться передать выражение лица расположившегося напротив меня человека, было... снова не хватало слов, чтобы описать эти чувства даже самой себе. Волнительно, приятно, доверительно — только малая их часть. Где-то внутри я все еще поверить не могла, что это действительно происходит. Так и казалось, что после очередного штриха я вдруг проснусь, и вся эта сцена исчезнет.

Никогда не думала, что могу испытывать такую гамму чувств всего из-за одного мужчины!

Наверное, прошло около четверти часа, прежде чем я вновь с головой погрузилась в работу. Отсутствие академического образования давало о себе знать, и дело шло не так гладко, как мне бы хотелось. Раньше я самостоятельно пыталась изучать книги по рисунку, читала разные статьи о построении и анатомии лица, но практики все-таки не хватало.

И все же некоторая схожесть постепенно стала появляться. Она была заметна лишь намеком, а мне хотелось добиться ее целиком. Передать ускользающее выражение глаз, ухватить суть, облачив ее в узнаваемые черты...

Чиркал карандаш, появлялись новые пятна и линии, и чем больше их становилось, тем сильнее уплотнялся туман в моей голове. Рука двигалась почти неконтролируемо, а я все гналась за образом, который так сильно хотела ухватить. Казалось, осталось совсем немного, я вот-вот его настигну, но что-то словно мешало, и противное чувство, когда не можешь что-то вспомнить, становилось еще острее.

Это было так странно — понимать, что перед тобой сидит человек, которого ты одновременно и знаешь, и которого не можешь вспомнить. Слово вы с ним встречались в какой-то прошлой жизни, а сейчас переродились и не можете друг друга узнать...

В себя я пришла от стука первых капель. Дождь начинался медленно, но по всем признакам обещал перерасти в настоящий ливень. Герман заметил это вместе со мной и, поднявшись, помог мне сложить в рюкзак разбросанные вокруг карандаши.

Только в этот момент заметила, что, не глядя, использовала их почти все...

На рисунок он тоже порывался посмотреть, но этого я не позволила, быстро засунув свое неоконченное творение в папку. Даже сама не взглянула, решив, что посмотрю на «творение» свежим взглядом во время следующего сеанса. Ну а в том, что этот сеанс состоится, я не испытывала почти никаких сомнений.

Я ожидала, что мы вернемся в гостиницу, но у Германа были иные планы. И, надо сказать, планы эти я целиком и полностью одобряла. Почти бегом мы добежали до ближайшего кафе, миновав при этом торговый центр, у которого на дереве мокли два неразлучных гуся.

Мимо кафешки, куда мы вошли, я проходила неоднократно и не раз хотела войти внутрь. Вот случай и представился.

— Прости, что не ресторан, — в голосе Германа, открывшего передо мной дверь, слышался сарказм.

— Ах, какая досада, — пропела я, оценивая местный интерьер.

Внутри кафе оказалось уютным и милым, выдержанным в темно-синих и зеленых тонах, контрастирующих с развешенными на стенах гирляндами светящихся лампочек. Строго говоря, это заведение было скорее кофейней, о чем свидетельствовала вывеска с уймой наименований кофе, а также обилие на витрине сладостей.

Как раз когда мы вошли внутрь, за нашими спинами обрушилась ливневая стена, чей шум перекричал звучащую в кофейне музыку.

Заказав кофе, мы присели за рассчитанный на двоих и стоящий у окна столик.

В который по счету раз я не знала, о чем заговорить. Понятия не имею, что вдруг на меня нашло, но пока нам не принесли кофе, не проронила ни слова!

От Германа это не укрылось:

— Я начинаю думать, что в тебя вселился дух молчания.

— А такой существует? — моментально отреагировала я, вернув дар речи.

— По крайней мере, мне не встречался, — усмехнувшись, он придвинул к себе чашку. — Но кто знает, какие духи затеряны во множестве миров?

А капучино в этой кофейне оказался просто отменным. Еще и красивый арт сердечком из пены мне нарисовали. Портить такую красоту было жалко, но я сделала щедрый глоток и тут же зажмурилась от удовольствия. Испортившаяся погода скорее походила на осеннюю, чем на летнюю, так что горячий напиток был как раз кстати.

Да что там, я бы на тот момент и от горячительного не отказалась...

— Свидание значит, — вернув себе бразды правления ситуацией, я исподлобья покосилась на Германа. — И что это на вас нашло, господин безликоборец?

— Наваждение одной рыжеволосой ведьмы, — вкрадчиво проговорил он, неотрывно глядя мне в глаза.

— Ой, смотрите, господин безликоборец, — я прищелкнула языком и ответила ему в тон: — Скоро начну думать, что в вас вселился дух желания. Или под рыжеволосой ведьмой вы понимаете госпожу Санли?

Пожалуй, смех Германа можно было считать самым неожиданным из всего сегодняшнего дня. Он рассмеялся так естественно и искренне, что совсем перестал походить на того, кого я знала. А смех у него оказался красивым... очень, чтоб его!

Как-то совершенно незаметно мы заговорили о совершенно обычных и в то же время важных вещах. О забавных случаях из жизни, о детских увлечениях и мечтах, в которых не было ни безликих, ни каких-либо духов вообще. Оказалось, что Герман терпеть не может зеленый чай и заставляет себя пить мятный через силу. А я поделилась своей любовью к карамели и клубничным жвачкам. Все это было настолько же странным, насколько восхитительно естественным. Словно мы знакомились только сейчас, в этой кофейне — два абсолютно обычных человека из нормального, лишённого мистики мира.

Я рассказала даже о своей первой влюбленности. Случай вышел банальный до нельзя: один одноклассник дергал меня за волосы и всячески изводил, а другой становился на мою защиту и клялся в вечной любви. Разумеется, как хорошая девочка, я вспылала чувствами к первому.

— Всегда питала слабость к хулиганам, — я хитро улыбнулась. — Хорошие мальчики — такие скучные... Ну а ты?

— Что я? — Герман вернул улыбку и прищурился. — Мальчики меня не интересуют — ни хорошие, ни плохие.

Я расхохоталась и, отсмеявшись, потребовала:

— В кого ты впервые влюбился? Наверняка в красотку из старшего класса.

— Со мной по соседству жила девочка, — тронув давно опустевшую чашку, произнес Герман. — Наши дома располагались через один. Мы дружили семьями, и нет, ты не угадала — она была младше меня на пять лет. Я бы не назвал это влюбленностью, скорее дружеской привязанностью. Но цветы я ей дарил, да. И игрушки, и сладости, которые она обожала. Мы знали друг о друге все... почти.

Я поняла, что под этим «почти» подразумевались его тогда еще нераскрытые способности.

— И где сейчас эта девочка? — любопытно спросила я.

За столом внезапно возникло напряжение, и через несколько мгновений стало ясно, почему.

Герман поднял взгляд и, посмотрев мне в лицо, ответил:

— При любви ко всем животным, наибольший восторг она питала к оленям.

Меня как будто ударили чем-то тяжелым. В мыслях всплыл образ девочки с длинными каштановыми волосами и торчащими на макушке оленьими рожками. Ее одежда, которая казалась вроде бы обычной, но капельку старомодной...

— Это тоже были безликие? — глухо спросила я.

— Нет, — уже без тени улыбки ответил Герман. — Несчастный случай.

О большем я не спрашивала. Он и так рассказал мне слишком много, а отплатить на такую откровенность мне было нечем. К счастью, в моей жизни не случилось трагедий, а все, на что я могла пожаловаться прежде, в теперешнем свете казалось просто смешным.

В гостиницу мы вернулись вечером, когда до ужина оставалась всего пара часов. Расставшись с Германом у лестницы, я поднялась к себе и вместо того, чтобы в свободное время заняться чем-нибудь полезным, прыгала по комнате и лежала на кровати, смотря в потолок.

Вот вроде бы ужасные истории сегодня услышала, и впечатление они произвели немалое, но все же так позитив перевесил. И нахождение у фабрики, и времяпрепровождение в кофейне — все воодушевило настолько, что я боялась расплескать заполнившие душу прекрасные эмоции.

— Дурная ты, Юлька, — обняв подушку и, уткнувшись в нее носом, выдохнула я. — Вот же дурная...

К ужину я собралась буквально минут за пятнадцать, что для меня являлось своего рода рекордом. Не имея представления, в каком формате он будет проходить, я оделась так, чтобы чувствовать себя комфортно: джинсы и легкую блузку — вроде бы не претенциозно, но и не слишком повседневно.

Такое простое действие как вечерний прием пищи обещало быть чем-то необычным, но я почти не волновалась. А когда за мной зашел Герман, предложив идти вместе, всякое волнение вообще испарилось. К слову, с нарядом я не прогадала — он тоже надел джинсы и светлую рубашку. Светлую! Это, учитывая, что прежде всегда отдавал предпочтение темным тонам.

Поскольку я не знала, где находится упомянутая Кириллом «скрытая обеденная», сопровождение Германа стало просто бесценным. А как я выяснила уже вскоре, обеденная располагалась по соседству с гостиничным рестораном, только как мы в нее попали, я так и не поняла. Казалось, находились в коридоре, а тут — раз! — и перед нами уже круглый, с белой кружевной скатертью стол, накрытый на шесть персон. За ним уже сидели госпожа Санли и, неожиданно, Олег, а остальные места пока пустовали. Сама же обеденная выглядела удивительно причудливо: небольшая круглая комната с потолком недостижимой высоты. Сложилось впечатление, что я нахожусь не в знакомом строении, а в какой-то высокой башне. Впрочем, если вспомнить, сколько в Большом Доме имелось секретов — возможно, такое сравнение было недалеко от истины.

Вдоль стен располагались кухонные буфеты разных размеров и форм, застекленные и со сплошными деревянными дверками. На стенах в разном порядке висели картины самых разнообразных стилей — среди масляной живописи виднелись даже плакаты и постеры. Кое-где проступали барельефы птиц и небольших ящеров, больше похожих на дракончиков.

На первый взгляд, в обеденной царил идиллия. Даже госпожа Санли, вальяжно рассеявшись в одном из обитых бархатом кресел, казалась самым спокойствием. Расправив многочисленные юбки, она восседала среди них как фигурка на свадебном торте и непринужденно рассматривала свои покрытые красным лаком, длиннющие ногти. Олег тоже сохранял абсолютную невозмутимость. В отличие от нас с Германом, он вырядился как на праздник, облачившись в черный костюм и рубашку до того белоснежную, что с нее разве что не сыпался крахмал. Глядя на него, я пожалела, что здесь нет Аленки — она бы его вид точно оценила!

Герман отодвинул для меня кресло, заставив почувствовать себя чуть ли не леди, а затем сам сел на соседнее. Сперва я не поняла, откуда исходит методичный тикающий звук, а затем заметила, что наравне с картинами на стенах развешаны часы — большие и маленькие, квадратные и круглые, старомодные и современные. Комната была и впрямь чудной!

Не успели мы обмолвиться и словом, как на пороге, будто из ниоткуда, возник Тэйрон. Удостоив собравшихся коротким кивком, он занял свое место. А уже меньше чем через минуту в обеденной

появился и Кирилл, который, в отличие от заклинателя, отличился большей приветливостью.

— Благодарю всех за то, что пришли, — прежде чем тоже занять свое кресло, произнес он. — Осталось дожидаться еще одного гостя, и можем приступать.

Упомянутый гость ждать себя не заставил. Сначала изображение на самой большой картине исчезло, затем полотно стало черным, а через пару секунд на нем появилась большая белая морда, буквально пропевшая:

— Ну здра-у-встуйте.

Котик стилем поддержал нашего администратора, надев черную бабочку, которая невероятно ему шла. Вслед за мордой и бабочкой появилось остальное тело, и вместе с тем рама картины увеличилась, чтобы вместить духа целиком.

— Вот теперь можем приступать, — улыбнулся Кирилл. — Вилли, прошу закуски.

Пустые тарелки тут же стали наполняться едой, а бокалы — напитками. В бокале Кирилла и Германа оказалось красное вино, у Тэйрона — явно что-то покрепче, а госпожа Санли, чей бокал наполнился янтарной жидкостью, довольно хмыкнула:

— Люблю бренди! Лучше вашей виноградной кислоты.

Принюхавшись, я обнаружила, что мне тоже подали вино — только игристое и с явным фруктовым оттенком. Похоже, учли вкусы каждого.

Сидящие за столом звонко чокнулись, Котик отсалютовал нам из картины, и все сделали глоток. После приступили к поданным перепелкам, которые оказались такими вкусными, что мне захотелось проглотить даже косточки. Вилли снова оправдал свое звание гения специй, придав мясу такие невероятные ароматы, что оторваться от него, дабы заговорить, было практически невозможно.

И все же Кирилл сумел:

— Полагаю, нет нужды озвучивать причины, по которым с сегодняшнего дня начинается наше тесное сотрудничество. Все мы стоим на страже Большого Дома. Существой кандидат, более достойный стать владельцем этого места, я уступил бы ему без колебаний. Но человек, желающий прибрать Большой Дом к рукам, принесет только разруху и хаос, так как желает завладеть гостиницей сугубо в корыстных целях.

Он сделал паузу, во время которой обвел присутствующих внимательным взглядом, и продолжил:

— Я прошу всех вас поочередно патрулировать комнату, где хранится ключ, и ведущие к ней коридоры. Расписание составлено согласно вашему удобству, его вы возьмете после ужина. Подобные меры можно было бы посчитать лишними, но мы уже неоднократно убеждались, что возможно всякое. Любую, даже самую безупречную защиту можно вскрыть. Именно поэтому все мы, шестеро, должны быть предельно бдительны.

— Что, и мила-у-шка? — протянул из картины Котик.

Ко мне обратились прищуренные желтые глаза.

— И Юлия, — проследив за его взглядом, подтвердил Кирилл. — Нам очень повезло, что в Большом Доме появилась эта девушка. Тэйрон, — без перехода обратился он к заклинателю. — Поведайте нам, о чем вам утром рассказала Юлия и сделанных вами выводах.

Поиграв напитком в бокале и заставив всех немного подождать, тот ответил:

— Игорь сотрудничает с псиоником, на которого зарегистрирована липовая фирма. Как только в Большом Доме появилась новая сотрудница, этим не преминули воспользоваться, пригласив ее работать иллюстратором. Собеседование проводил тот самый псионик, Дмитрий Шарин. Он же пытался воздействовать на девушку, в течение нескольких недель стараясь проникнуть в ее сознание.

Смысл сказанного дошел до меня не сразу. И, не успев задать уже рвущийся с языка вопрос, как вновь заговорил Кирилл:

— И как мы можем быть уверенными, что этот человек действительно является псиоником? Распознать их практически невозможно.

— Невозможно даже для таких сильных магов, как вы, — кивнул Тэйрон. — И таких заклинателей, как я. Но духи отличаются от нас, а некоторые могущественны настолько, что могут заглянуть в

самые потаенные уголки души любого человека.

На последних словах Тэйрон прищелкнул пальцами, и всеобщее внимание сосредоточилось на том месте, где ранее появлялись гости. Теперь там — у буфета, имитирующего дверь, стоял Най, весь вид которого выражал злость и крайнюю степень недовольства.

— Дух желания был так любезен, что поведал мне о сущности молодого человека, с которым одна из наших работниц не так давно ходила в ресторан.

— У одной из «наших работниц» есть имя, — придя в себя, не стерпела я. — Не очень-то красиво говорить о человеке в третьем лице, в его же присутствии, не находите?

— Итак, — бессовестно меня проигнорировав, обратился Тэйрон к Наю. — Ты подтверждаешь, что Дмитрий Шарин является псиоником?

Дух желания успел только, передернув плечами, кивнуть, как вдруг в обеденной раздалось прерывистое:

— Это... это и правда... ты? Здесь?

С лица Ная мгновенно сбежали все краски, и его кожа приняла оттенок застеленной на столе скатерти. Госпожа Санли же, наоборот, покраснела, чего не смог скрыть толстый слой пудры, и привстала с места, не сводя горящего взгляда с предмета своей симпатии.

— Начина-у-ется, — обреченно протянул Котик, прикрыв морду лапой.

Похоже, от желания немедленно броситься наутек Ная спасали только гордость и чувство собственного достоинства.

Вероятно, до сего момента, находясь в гостинице, ему удавалось удачно скрываться от госпожи управляющей. А теперь он попался ей на глаза не по собственной вине, а из-за заклинателя духов, вынудившего его появиться на ужине.

Меня же на данный момент их любовные разборки волновали в последнюю очередь. Куда больше занимала только что услышанная новость о Диме — неужели это правда? Неужели он действительно является псиоником — одним из магов разума, о которых мне как-то рассказывал Сов?

Я припомнила все связанные с ним моменты, каждую нашу встречу, начиная собеседованием и заканчивая толком не состоявшимся свиданием. Сейчас, переосмыслив собственные чувства, я вдруг поняла, что изначально испытывала к Диме непоколебимую симпатию. Его хотелось слушать, ему хотелось верить, а в ресторане со мной и вовсе происходило нечто странное, пока не вмешался Най!

Еще и след звервона — можно было сразу понять, что в офисе нечисто!

Все сходилось. Но легче от этого не стало. Напротив, на душе сделалось прескверно, и мне буквально захотелось взвыть. Если все так, как описал Тэйрон, то последние недели я пребывала в иллюзиях, которые сейчас рассыпались, точно карточный домик. Мое устройство на интересную работу, похвалы начальства, обещанный карьерный рост и развитие — все ложь.

А я-то действительно поверила, что на что-то способна! Что смогу зарабатывать иллюстрированием и состояться как художник!

Хотя...

С другой стороны, даденные задания я выполняла честно. Навыки свои, как ни крути, прокачала, сильно продвинулась в освоении программ и даже сделала несколько индивидуальных серий иллюстраций! Так что, нет — не все ложь. Я — настоящая, и мое творчество настоящее, провалились оно все пропадом!

— Ты выглядишь так, словно сейчас взорвешься, — подавшись ко мне, шепнул Герман.

Я бы много чего могла ответить, взорваться тоже могла. Но срываться на Германе, который в моих разочарованиях был невиноват, не хотела. Поэтому, сделав над собой усилие, сумела сдержаться и, чтобы отвлечься, обратила взгляд к весьма комичной сцене, что разворачивалась прямо у меня перед носом.

— Ах, Най! — восклицала пунцовая госпожа Санли. — Куда же ты пропал, драгоценный? Сколько времени прошло, а от тебя никаких вестей!

Дух желания пятился маленькими шажками и, судя по перекошенной физиономии, желал

незамедлительно исчезнуть. А, судя по свирепым взглядам, периодически бросаемым на заклинателя, больше всего на свете хотел его укокошить.

— Бесстыдник! Паразит! — неожиданно сменила тактику управляющая. — Нелюдь проклятуший! Бросил меня одну, влюбленную, потерянную! Голодную, холодную, с ребенком!

У всех открылись рты.

— Каким ребенком? — опешил Най и, опомнившись, возмущенно воскликнул: — Женщина, вы бредите?!

— Ладно, ребенка не было, — легко согласилась госпожа Санли и тут же снова пошла в наступление: — Но все равно! Меня, одну! Бессовестный! Да я всю молодость на тебя потратила, всю красоту зря прошлапила, не в силах полюбить кого-нибудь другого! Женщина?! Это так ты меня теперь называешь?!

Скандал набирал обороты. Воздух вокруг управляющей буквально наэлектризовался, Най стал совсем дерганым, и неизвестно, чем бы закончилась перепалка ведьмы с бывшим любовником, не прекрати ее Кирилл.

Подойдя к управляющей сзади, он мягко коснулся ее плеча и, склонившись, что-то негромко проговорил. В это же время заклинатель приблизился к Наю (чего я на его месте делать не рискнула бы).

Кажется, эти двое были не просто магом и заклинателем, а самыми настоящими волшебниками! Потому что вскоре все снова сидели за столом, в том числе и дух желания.

Просто поразительно...

— Продолжим, — как ни в чем не бывало провозгласил владелец гостиницы. — Вилли, будь добр подать основное.

Воздух все еще был наэлектризован, со щек госпожи Санли не сходила краска, ее небольшие ноздри широко раздувались, а у Наю явно чесались руки разнести все и вся. Но Кирилл этого будто не замечал, источая уверенность и свойственное ему спокойствие.

## Глава двадцать первая

Теперь шестое место за столом не пустовало, а в обеденной нас было семеро. Котик, дожидаясь, пока мы доедим поданную утку с рисовым гарниром, лениво покуривал любимую трубку и краем глаза косился на насупленного Ная. Дух желания был единственным, кто не притрагивался к еде и сидел с таким выражением лица, будто ненавидел целый мир — впрочем, возможно, в этот момент так оно и было. Даже госпожа Санли немного успокоилась, хотя ее ноздри по-прежнему трепетали, а щеки оставались цвета вареной свеклы.

— Хватит жра-у-ть, — в какой-то момент не выдержал Котик. — Обсуждать дава-у-йте. Мне спа-у-ть охота.

Перевернувшись на бок, он подпер пушистую морду пушистой же лапой и обвел всех собравшихся скучающим взглядом. Дольше всего его взгляд задержался на Кирилле, и тот, отерев губы салфеткой, возобновил прерванный разговор.

Обратившись лично ко мне, он попросил продолжать работать иллюстратором и общаться с Димой. Но, чтобы тот не сумел залезть ко мне в голову, предложил оградить мое сознание особой формой магии. Он не конкретизировал, но я заподозрила, что форма магии, о которой идет речь, по сути является такой же, какая скрывает одно из моих воспоминаний.

— Мне бы хотелось этого избежать, — честно признала я. — При всем уважении, я не хочу, чтобы кто-то притрагивался к моим мыслям. Даже вы.

— Никто не увидит ваших мыслей, Юля, — опроверг Кирилл. — К тому же, я не настолько силен в подобной магии. Будет лучше и гораздо безопасней, если эту задачу выполнит Тэйрон.

Наверное, не следовало выражать свои чувства столь открыто, но я, не сдержавшись, воскликнула:

— Он?!

Да я скорее свои маркеры съем!

Най ухмыльнулся, Герман негромко хмыкнул, а реакцию остальных я отметить не успела, так как Котик неожиданно выпалил:

— Наро-у-д, ко-у-шка очнулась!

Кажется, сперва не одна не сообразила, о какой такой кошке говорит... кошка. А потом, словно по щелчку пальцев, мысли прояснились, и стало ясно, что речь идет о Джее, которая несколько дней лежала без сознания.

Новость взбудоражила всех, и на сей раз даже Кирилл заметно заволновался, изменив своему привычному спокойствию. Раздав нам листки с расписанием дежурств, он извинился и спешно покинул обеденную. Вместе с ним отправился Тэйрон, и хотел было пойти Герман, но, уже привстав с места, посмотрел в сторону Ная, затем на меня и решительно опустил обратно.

Я почувствовала себя польщенной. Между работой и мной безликоборец выбрал меня — просто неслыханно! И приятно.

— А ты? — спросила я у Котика. — Не хочешь пообщаться с кошечками?

Дух-хранитель почесал подбородок и проворчал:

— Я ве-у-рный. Не нужны мне у-сякие...

Мне тут же вспомнилась милая мадам Стью, к которой Котик испытывал самые пламенные чувства, и я непроизвольно улыбнулась.

С уходом Кирилла разговор расклеился, и смысла оставаться здесь дольше не было. Но ситуацию спас десерт, принесенный Вилли на замену утке. Им оказались его фирменные пряные кексы, пропитанные имбирным сиропом и дополненные ломтиками хурмы. Никогда не любила хурму, но сочетание оказалось и впрямь убойным!

Пока я наслаждалась сладким, остальные явно были не столь довольными. Если Герман сохранял спокойствие, словно бы заменив в этом Кирилла, то между остальными, не считая Котика, повисло напряжение. Очень плотное, наэлектризованное, буквально физически ощутимое! Я не особо понимала, почему после ухода Тэйрона не ушел и Най — наверное, даже без своего личного присутствия, заклинатель продолжал удерживать его в обеденной.

— Значит, карамелька, ты теперь с ним? — кивнув на Германа, усмехнулся дух.

Прожевав, я с долей опаски глянула на госпожу Санли и убедилась, что опасения мои были ненаправленными. Если бы взглядом можно было испепелить — от меня бы не осталось и горстки пепла!

— Неважно, с кем я сейчас. Важно, что с тобой я не была и не буду никогда, — прямо ответила я. — По-моему, мы с этим уже разобрались. Ты привык получать, что хочешь — точнее, кого, — но не в этот раз. Смирись уже и забудь. По-настоящему я тебе не нужна, и ты это прекрасно знаешь.

Не представляла, как еще можно убедить его в своей правоте, а еще важнее — показать госпоже Санли, что на ее драгоценного возлюбленного я не претендую.

К счастью, у Ная хватило ума больше ни о чем подобном не заикаться, и через несколько минут сверлить меня немигающим взглядом управляющая перестала.

— Так что там с ребенком? — вновь переключилась она на несчастного духа.

— Да какого, к безликим, ребенка?! — вспыхнул тот.

— Нашего, несуществующего, — госпожа Санли похлопала густо накрашенными ресницами в откровенном флирте.

Испугалась даже я, не говоря о Нае, которого мне вдруг стало откровенно жалко.

Он отодвинулся от стола вместе со стулом, едва не повалившись на пол.

— Ты же можешь подарить мне молодость, Наюшка, — пропела ведьма, и к хлопанью ресницами добавились картинно надутые красные губы. — Зелье мне поможешь нужное доделать, я каждую неделю стану его принимать и омоложусь, чтобы вновь стать для тебя самой красивой.

А вот теперь мне захотелось совершенно неприлично — нет, даже не засмеяться. Заржать.

Вот так госпожа Санли, вот так «рыжая чума!» Хочет не только духа к рукам прибрать, но еще и омолодиться за его счет, не гнушаясь при этом никакими методами!

За то время, которое прошло перед возвращением Кирилла, мы стали свидетелями сцены, достойной мыльной оперы. Я уже, не скрываясь, наблюдала за развернувшимся противостоянием, Котик составлял мне компанию, а Герман в какой-то момент негромко предложил делать ставки. К слову, я бы однозначно поставила все теперешние и будущие сбережения на управляющую — она разошлась так, что напоминала уже не рыжую чуму, а безудержное рыжее пламя!

Вернувшись, Кирилл коротко сообщил, что Джея действительно пришла в себя и сейчас чувствует себя намного лучше. А также сказал, что она подтвердила присутствие в гостинице звервона. Желая отомстить, она выслеживала Игоря, но в какой-то момент, незаметно для себя, из охотника превратилась в жертву — ее застали буквально врасплох.

Далее нам всем было вручено расписание дежурств, после чего мы разошлись. Герман проводил меня до комнаты и, фактически передав в лапы моих личных подкроватных телохранителей, ушел. Где-то в глубине души мне хотелось, чтобы он задержался, но у нас впереди было еще столько времени...

Впервые за долгое время я не могла заснуть из-за будоражащих душу впечатлений. Кажется, уже и забыла, каково это — испытывать симптомы влюбленности, от которых распирает настолько, что ты, как ни старайся, не можешь думать ни о чем другом.

Вместо того чтобы переживать из-за утерянного воспоминания, намерения Тэйрона воздействовать на мое сознание и насущных проблем Большого Дома, я эгоистично предавалась мечтам.

Мечтам, которые после сегодняшнего дня стали частью реальности...

Настроение мне подпортили с утра пораньше, не успела я толком позавтракать. Как раз рассказывала Ане с Аленкой о вчерашнем собрании, когда в кухню вошел Тэйрон и бесцеремонно заявил, что по требованию Кирилла должен защитить мое сознание своей магией.

— Спасибо, но мое сознание в вашей магии не нуждается, — не задумываясь, заупрямилась я. — Если Кирилл считает, что мне это необходимо, то пускай сам этим и занимается.

Следующие действия заклинателя духов были до того возмутительными, что я даже растеряла все подходящие слова! Вот, правда, от негодования даже нецензурные забыла!

Приблизившись, он одним рывком поставил меня на ноги, обхватил за плечи железной хваткой и

вынудил смотреть себе в глаза... хотя, правильнее сказать, на уровень глаз, поскольку они сами, как обычно, скрывались в тени глубокого капюшона.

И до того, как я обрела дар речи, до того, как решилась высказать все, что о нем думаю, меня лишили возможности сопротивления.

Перед глазами все поплыло, и я погрузилась в вязкую тишину. Цвета вдруг будто выцвели, знакомая кухня утратила привычный вид, сделавшись какой-то другой, неуютной. Постепенно исчезла и она, оставив меня наедине со скрывающейся под капюшоном темнотой. Голова сделалась пустой, хватка на плечах ослабла, но вырваться я больше не пыталась. Как-то незаметно всякое желание сопротивляться ушло, предоставив мне, точно загипнотизированной, всматриваться в подернутое тенью лицо.

Я не знала, сколько продлилось это оцепенение, но как только оно прошло, а окружение не успело вернуться в прежнее состояние, сделала то, что хотела уже давно. Резко — как недавно сам Тэйрон, выбросила вперед руку и сорвала с его головы капюшон.

Зрение вновь расфокусировалось, черты лица увиделись смазанными, но я успела отметить небольшие карие глаза, показавшиеся невероятно знакомыми...

— Юля! — кто-то настойчиво тряс меня за многострадальное плечо. — Юля, ты в порядке?

Конечно, в порядке... таком порядке, что готова убить невыносимого и чрезмерно наглого заклинателя духов!

Открыв глаза, я поморщилась и тут же обнаружила, что снова сижу на стуле, рядом с встревоженными девчонками.

— Где он?!

Должно быть, мой внешний облик полностью соответствовал внутреннему состоянию, поскольку Алена ответила с заиканием:

— К-кто?

— Мистер черный капюшон, — убавив громкость, процедила я.

— Ушел, — сообщила очевидное Аня, теребя кончик косы. — Тебе бы сейчас кофе крепкого выпить, станет легче.

В следующий момент передо мной оказалась чашка с эспрессо, любезно поданная Вилли. Ничего не говоря, я молча сделала несколько глотков и, ощутив, как обожгло горло, почувствовала себя несколько лучше. Слабость быстро отступала, а вот желание собственноручно отправить на тот свет Тэйрона только возросло.

— Не беспокойся, — неожиданно добавила Аня. — И не злись. На самом деле, многие мечтают о такой защите, какой только что обеспечили тебя. Ведьмы всегда стараются оградить свое сознание, но наши методы, по сравнению с уровнем силы магов и заклинателей — просто детские шалости. А в наше время и в нашем мире встретить мага, не говоря уже о заклинателе — огромная удача.

Возможно, так оно и было, но свое знакомство с Тэйроном считать удачей я категорически отказывалась.

— Так ты в этом разбираешься? — сделав еще глоток кофе, спросила у Ани. — Случайно не знаешь, мог ли он кроме установки этой... защиты дополнительно покопаться у меня в голове?

Аня отрицательно покачала головой и уверено ответила:

— Не мог. Он взаимодействовал с тобой не дольше минуты, да и все признаки говорили о том, что его действия направлены исключительно на сотворение защитной магии. Ты права, я кое-что в этом смысле. До того, как поступила в медицинский, бабушка с мамой хотели отдать меня в высшую школу одной современной ведьмы. При подготовке к поступлению мне пришлось читать всякое, в том числе и о разновидностях магии.

Я осведомленности Ани, которая была ботаником в самом хорошем смысле этого слова, удивилась не очень. А вот Алена, похоже, была изумлена ее познаниями в такой сложной сфере. Обычно в нашей тесной компании именно Аленка была источником информации, а тут оказалось, что Аня просто всегда предпочитала отмалчиваться и не проявлять инициативу.

Наконец, допив кофе, я опустила голову в ладони и глубоко вдохнула. Услышанное несколько успокоило и умерило мой пыл. Хотя негодование на заклинателя все еще присутствовало, я понимала, что так бесцеремонно он повел бы себя с любым, оказавшимся на моем месте. Да и, в

конечном счете, ничего страшного не произошло, даже напротив. Уж лучше так, чем если на мои мысли станет воздействовать псионик по имени Дмитрий Шаров.

До сих пор в голове не укладывалось, что этот человек — совсем не тот, за кого себя выдает!

Наше с Германом дежурство начиналось уже сегодня вечером, по случаю чего мой рабочий день закончился несколько раньше обычного. Всеобщий любимец Вилли выдал нам по коробочке с перекусом, затем Герман велел мне взять куртку, и мы отправились патрулировать гостиницу. Вообще-то, изначально я думала, что мы станем ходить непосредственно внутри гостиницы, как и сказал накануне Кирилл, но, как оказалось, я не так его поняла. А еще оказалось, что я вообще ничего не знаю о Большом Доме!

— Коридоры, о которых говорил Кирилл — не те, что мы видим в здании, — по пути объяснял Герман. — Речь об энергетических. Тех, по которым проходит тончайшая материя, составляющая суть магии.

Он говорил еще какие-то вещи, но я вникала в них не слишком. Все-таки воспринимать такую информацию было сложно, а пропускать через себя и понимать — еще сложнее.

Мы, горничные и иллюстраторы по совместительству, народ простой: сказали патрулировать — патрулируем и не вникаем в сложные определения.

Мы обошли весь внутренний двор, побродили по саду, во время чего Герман иногда останавливался и, прикрыв глаза, что-то проверял. После поднялись на крышу.

На крышу, чтоб меня! И как это сделали — история, заслуживающая отдельного внимания.

Неожиданно оказалось, что лестница, ведущая из бань на нижние этажи — не одна в своем роде. На одной из стен гостиницы с внешней стороны тоже имелся рычаг, при нажатии на который прямо из той же стены выехала лестница — только не деревянная, а железная. Похожая на пожарную и своим видом не внушающая никакого доверия! Герман заставил меня лезть первой, буквально взяв на «слабо», и как назло, едва я стала подниматься, разыгрался ветер, точно специально норовящий меня сбросить. Я тут же пожалела, что забыла завязать волосы, из-за чего растрепавшиеся пряди теперь лезли в глаза и ужасно мешали.

Забравшись наверх, чувствовала себя настоящим героем. А когда следом за мной на крыше оказался Герман, совсем некстати вспомнила об одном из снов с Наем. Вроде бы тогда мы с ним тоже находились на крыше, только небо было звездным, а сейчас первые звезды прятались под завесой хмурых туч.

— Отсюда наблюдать лучше всего, — отряхнув руки, произнес безликоборец.

— Наблюдать тебе, — поправила я. — Мне вообще не видны никакие коридоры. А раз так, то, к слову, какой от меня толк? Зачем мне нужно таскаться на дежурство?

— Затем, что ты участвовала при создании барьера, — Герман загнул один палец. — Видишь безликих, — загнул второй. — А умение видеть невидимых духов, если таковые вдруг сумеют проникнуть на территорию, может пригодиться, — загнул третий.

Недолго подумав, я кивнула:

— Аргументы приняты. Но ты ведь понимаешь, что я не буду тратить время понапрасну, торча с тобой на крыше?

Герман подозрительно на меня покосился. А я, хмыкнув, достала из прихваченной сумки неизменный блокнот и карандаши. Улыбнулась обманчиво-ласковой улыбкой и пригласила:

— Милости прошу занимать позицию, господин безликоборец.

Как и вчера, мы снова сидели друг напротив друга. Я рисовала Германа, а Герман, позируя, следил за состоянием барьера и все теми же коридорами. Его выдавал несколько отсутствующий вид и складка, пролеглая меж бровей. И снова, как в минувший раз, портрет захватил меня целиком, заставил погрузиться в мир линий и участвовать в гонке за ускользающим образом. Все, что нарисовала прежде, теперь казалось мне неправильным — хотелось переделать нос и брови, придать большую выразительность глазам, которые никак не желали мне поддаваться.

Боже, это лицо...

Во время рисования я испытывала такой эмоциональный надрыв, что действительно забывала, где нахожусь. Не помнила, что сижу на крыше Большого Дома, а над моей головой — бескрайнее темное небо и пара звезд, все-таки сумевших выглянуть сквозь пелену туч.

— Ты поговорила с Наблюдательницей? — вопрос безликоборца застал меня врасплох.

Я даже не сразу поняла, откуда исходит звук, и что он вообще значит.

— Тэйрон просил тебя с ней переговорить, — не дождавшись ответа, добавил Герман.

Когда сказанное окончательно вернуло меня к реальности, я кивнула:

— Поговорила. Она сказала, что на Джею напал «разумный человек», и что у него холодная аура.

— Разумный человек? — нахмурившись, переспросил Герман. — Под этим следует понимать мага разума, то есть псионика?

— Думаю, да, — согласилась я. — После всего, что узнала, я теперь тоже склоняюсь к такому варианту. Хотя... учитывая связанные с духами странности, все может быть не так, как кажется. К слову, раз уж ты об этом заговорил. Обсуди это с заклинателем сам. Видеть его не хочу!

Мое последнее заявление Германа явно обескуражило:

— Почему?

— Почему? — я усилием заставила себя не вскипеть. — Потому что он крайне бесцеремонный, наглый и неприятный тип!

На этом тема для меня была закрыта, и я демонстративно вернулась к рисованию, но теперь ничего не клеилось. Состояние погони за образом ушло, ушло и волшебство, оставив мне простую бумагу и карандаш, которым я вяло штриховала тени.

Примерно через час, когда ночная прохлада дала о себе знать, а выданный Вилли перекус был съеден, мы собрались спускаться. Требовалось еще заглянуть в комнату, где хранился ключ, и некоторое время провести около него. Я как раз сложила блокнот в сумку, когда на горизонте вдруг показалась знакомая лиловая змейка. Она стремительно становилась все ближе, и вскоре рядом с нами стоял дух желания собственной персоной.

Вот только его мне не хватало после утреннего общества заклинателя!

Най остановился, сложив руки на груди, и обвел нас с Германом тяжелым взглядом. Будь я Наблюдательницей и умей видеть ауры, наверняка обнаружила бы, что у духа желания она сейчас чернее угля.

— Что надо? — без тени дружелюбия спросил Герман.

— Я пришел не к тебе, — передернув плечами, ответил дух и, не став дожидаться, пока я выскажу все накопившееся в душе возмущение, произнес: — Я думал над тем, что ты сказала. И, знаешь, ты права. Я существую с того времени, как появился этот мир. С того же времени получаю любую, какую только пожелаю, кем бы она ни была. Просто потому, что хочу. Но мне не подвластно разлучать пары, это противоречит самой моей сути. Теперь ты больше не одинока, карамелька. Поэтому я оставлю тебя.

Как только до меня дошел весь смысл его слов, так сразу и захотелось рухнуть на колени и благодарить высшие силы за ниспосланное мне счастье. А еще я непроизвольно покосилась на Германа, гадая, понял ли он самое важное в словах Най. Судя по ответному взгляду — понял.

Мне стало настолько же легко, насколько неловко.

«Теперь ты больше не одинока» — фраза, которая не имеет двойного дна.

Больше ничего не говоря, Най ловко запрыгнул на змея и уже приготовился взлетать, но я вынудила его ненадолго задержаться.

— Удачи тебе, — пожелала ему почти искренне. — И учись хорошо прятаться.

Догадавшись, что я подразумеваю преследующую его госпожу Санли, дух желания усмехнулся, но теперь в этой усмешке не было ничего надменного и самодовольного — пожалуй, так мог улыбаться один хороший знакомый другому.

— А ты учись смотреть глубже, — неожиданно пожелал он. — Видишь безликих, а самого главного — того, что под носом, не замечаешь.

Сорвавшийся с места змей поднял ветер, резво взвился к самому небу и вскоре превратился в маленькую лиловую ниточку, затерявшуюся где-то в темноте. А мне только и оставалось недоумевать: что он сейчас имел в виду?

Остаток августа пролетел быстрее, чем июль, а сентябрь оказался еще скоротечнее августа. Незаметно наступил октябрь, с которым постепенно уходило последнее тепло, а природа так же постепенно засыпала, облачаясь в красно-золотую пижаму.

Темп жизни более менее налачился: я продолжала трудиться в гостинице, работала иллюстратором, контактировала с Димой, который по всем признакам не оставлял попыток на меня воздействовать, и проводила много времени с Германом... нет, не так. Очень много времени с Германом! Помимо совместных дежурств до сих пор не прекращались наши сеансы рисования — я все никак не могла закончить его портрет. Перерисовала уже три раза, и каждый из них в итоге разрывала бумагу в клочья. На меня нападала какая-то смертная тоска, недовольство собой, что в конце концов приводило к полнейшему отчаянию. Герман, чей характер переменялся в лучшую сторону, старался меня успокоить и говорил, что неудачи с портретом не стоят моих переживаний, но это не утешало. Зато, если не брать в расчет мой творческий кризис, наши отношения ничем не уступали изменению в поведении Германа — то есть, прогрессировали.

Вечерами, свободными от дежурства, мы ходили в кофейню, ставшую нашим любимым местом. Или выбирались на террасу, если там было пусто. А иногда просто торчали у него в комнате, валяясь на кровати, слушая музыку и болтая о жизни.

Казалось бы, прошло почти два месяца, а я все никак не могла поверить, что безликоборец оттаял. Конечно, характер у него по-прежнему оставался еще тот, и на компромиссы этот человек идти так и не научился, но все-таки угрюмости в нем стало меньше. А вот чувство юмора и легкость в общении, напротив, пробудились, что меня несказанно радовало.

В общем, если не тратить слов понапрасну, то я влюбилась — нет, даже не по уши, — а по самую макушку. Я буквально не могла им надыхаться, хотя и всячески старалась не показывать своих чувств слишком явно. Определенно, я тоже была ему очень симпатична — более того, очень нравилась, но вот в том, влюблен ли он в меня так же, уверена не была. А, не будучи в этом уверена, не позволяла нашим отношениям перейти на новую ступень, чего иногда очень хотелось.

Наверное, я все-таки чересчур идеалистка. Как мечтала когда-то о прекрасном принце — единственном и на всю жизнь, так мечтать и продолжала. Ну и гордость, куда уж без нее, не позволяла полностью раствориться в том, чьи ответные чувства пока еще вызвали сомнения.

В целом, минувшие недели прошли довольно спокойно. Никаких нападений, никаких попыток проникнуть на территорию Большого Дома предпринято не было — видимо, Игорь решил временно залечь на дно. Я наконец-то съездила домой, провела родителей и Сашку, которого завалила горой подарков. Первого сентября вместе с ним пошла в школу и испытывала невероятную гордость, видя, как мой младший братишка вышагивает впереди всех с букетом цветов.

Аня с головой ушла в учебу и все время жаловалась, что из-за работы ничего не успевает, и скоро ее обязательно отчислят. Мы с Аленой скептически переглядывались и разводили руками — уж если из универа выгонят Аню, то этот мир точно сошел с ума.

— Такие красивые, — улыбнулась я, глядя на розы, которые Алена пристраивала в вазу.

Не в пример мне, она насчет взаимности чувств не заморачивалась, и их с Олегом роман находился в самом разгаре. Как оказалось, получал наш администратор очень прилично, поскольку Алена уже походила на новогоднюю елку, сверкая самыми разнообразными украшениями. Впрочем, даже они не могли затмить сияние, что источала сама Алена, преобразившаяся практически до неузнаваемости. Все-таки любовь — действительно великая сила. Даже самым невыразительным глазам она придает чарующий блеск и делает прекрасным любое лицо. У по-настоящему любящего и любимого человека не бывает кривых ног и неровных зубов, не бывает коротких ресниц и некрасивой фигуры — такой человек источает до того заразительную волшебную энергию, что всяческие недостатки просто исчезают.

-Завтра Олег пригласил в театр, — в ответ на мое замечание о цветах, поделилась Аленка. — А еще — на Самайнский бал.

— Самайнский? — непонимающе переспросила я.

Алена посмотрела на меня как на ребенка:

— Скоро Самайн, ты забыла? Хэллоуин, то есть. В Большом Доме будет проходить традиционный бал, сюда съедутся почетные духи со всего нашего мира!

Не сиди я, точно рухнула бы на пол!

— Со всего мира? — в изумлении переспросила снова и, среди всех закруживших в мыслях

вопросов, озвучила один: — И каким образом они все здесь поместятся?

Алена звонко засмеялась, чуть не подавилась мятной жвачкой и, прокашлявшись, ответила:

— Это — одна из лучших гостиниц для духов. Место, связанное с источником эфира. Да при должном подходе оно способно вместить всех духов не только нашего, но и остальных миров! Вдобавок, на балу ожидается всего шестьсот гостей.

У меня непроизвольно приоткрылся рот: как-то понятие «всего» и «шестьсот» вместе не сочеталось.

— Хочешь сказать, — севшим от ужаса голосом выдавила я, — Что нашему скромному в количестве персоналу придется обслуживать всех этих гостей?

— Ой, темнота-а, — беззлобно протянула Аленка. — По такому случаю к нам съезжаются работники многих других гостиниц, а так же духи-помощники и банницы. Не беспокойся, будет тяжело, хлопотно, но все-таки выполнимо. К тому же, — она мечтательно прикрыла глаза. — На самом празднике будут работать только мелкие духи, а остальной персонал займет место среди гостей.

О-бал-деть!

И почему я вечно узнаю обо всем самой последней?!

По иронии судьбы, этим же вечером я официально узнала о предстоящем празднике от госпожи Санли. Управляющая собрала всех подчиненных в конференц-зале и торжественно, со свойственной ей экспрессивностью, зачитала план по подготовке к Самайнскому балу.

— Всего три недели осталось, оболтусы! — подытожила она. — Послезавтра начнут прибывать работники других гостиниц, чтобы помочь нам в подготовке! У вас два дня, чтобы привести этот свинарник в нормальный вид, приготовить комнаты и свои радушные улыбки! Немочь... то есть Аня, я сказала улыбки, а не унылое подобие! Все понятно?

Мы синхронно кивнули.

— Ну и чего тогда вы еще здесь?! — спросила управляющая, и нас сдуло, точно ветром.

## Глава двадцать вторая

Как и было сказано, коллеги из других гостиниц прибыли через пару дней. К этому времени нашими усилиями Большой Дом сиял чистотой и порядком, как и все двадцать подготовленных комнат. Кстати сказать, все номера уже были заняты нашими постоянными гостями, но эту проблему решил Котик всего одним ленивым взмахом усов. Как дух-хранитель он обладал особой властью над Большим Домом и мог запросто перестраивать и расширять его по своему усмотрению.

Вместе с комнатами появился огромный — да что там огромный, просто гигантский! — зал, где предполагалось провести грядущее торжество. Вот только вид он имел запустелый: как мне сказали, этот зал всегда появлялся перед важными празднествами, и каждый раз его убирали не после, а перед торжеством.

Так что работенки у нас всех прибавилось.

Такого оживления в гостинице на моей памяти еще не было! Новые гости начинали прибывать уже сейчас, Олег вместе с приехавшей напарницей едва успевал их заселять, а Аленка ужасно ревновала, отмечая, что эта самая напарница очень хороша собой.

— В прошлый раз Стаса присылали, — ворчала она. — А теперь сестру его... правда, она страшенькая?

Я активно кивала.

— Ну да, волосы светлые и длинные, ну и что? — продолжала бубнить Алена, надраивая пол и с неприязнью косясь на улыбчивую девушку. — Нос слишком вздернутый, сама пухловата, а ресницы, как пить дать, не свои!

Вместе с красоткой, которая, к слову, «пухловата» была только в нужных местах, к нам пожаловала еще одна видная особа, оказавшаяся родной сестрой Джеи. Она была бы точной ее копией, если бы не иссиня-черные волосы, черные же глаза и не менее черные, сопровождающие ее кошки. Даже имена у сестер были похожи, отличаясь всего одной буквой: «черную» звали Джия.

И если кто-нибудь, включая меня, думал, что родственницы прекрасно между собой ладят и будут рады встрече, то очень сильно ошибался!

Они столкнулись как раз в день приезда Джии, когда ее кошки — а точнее, коты, — относили чемоданы наверх. Джея в этот момент спускалась вниз по лестнице и, заметив сестру, замерла на месте, как вкопанная.

Взгляды черных и голубых глаз столкнулись, и воздух между ними заискрился так, как — честное слово! — не искрился даже между Наем и госпожой Санли!

— Пора сваливать, — судорожно сглотнув, проговорила Аленка и, схватив недоумевающую меня под руку, потащила вперед по коридору.

Уже вскоре нам в спину летело кошачье шипение и взрывы, сопровождающиеся громогласными криками. Словом, отношения между кошечками были и впрямь сестринскими. Теплыми настолько, что они грозились друг друга испепелить!

Одним из вечеров, когда ливший последнюю неделю дождь сменился приятным октябрьским солнцем, Алена позвала нас с Аней пройтись по магазинам, чтобы выбрать платья на предстоящий бал.

— В прошлом году я переодевалась в духа осени, — по пути рассказывала она. — Вообще-то этот дух — сущей воды вымысел, но зато костюм получился просто потрясающий! А в этом должен быть еще лучше, хотя у меня нет никаких идей...

— А ты? — спросила я у Ани.

— Аня у нас каждый год ведьмовскую шляпу надевает, — опередила ее с ответом Алена.

Аня перекинула через плечо косу и, привычно потрепав ее кончик, оправдалась:

— Ну это же традиция. У нас в семье всегда все традиционные ведьмовские костюмы надевают.

Я заинтересовалась:

— Так что, ведьмы действительно носят остроконечные шляпы? Я думала, это просто человеческая распиаренная выдумка.

— Любые «выдумки» имеют под собой реальные основания, — заметила Аня. — Хотя, зеленой кожи у ведьм, конечно, не бывает... если они не страдают морской болезнью.

Посмеявшись над последней шуткой, я добавила:

— И летучие мыши у вас в домах не висят.

Аня внезапно споткнулась. Алена остановилась и, хитро улыбнувшись, проговорила:

— Это ты просто в ее номер никогда не заходила... там тако-о-е...

Надо ли говорить, что во мне разыграло недюжинное любопытство, и всю оставшуюся дорогу до торгового центра я приставала к Ане с расспросами? В конечном счете, она сдалась и обреченно проронила:

— Только не рассказывай никому. Госпожа Санли строго настрого запрещает персоналу держать у себя какую-либо живность.

Я клятвенно заверила, что буду нема, как могила и вдобавок заметила, что сама управляющая, на минуточку, держит у себя огромную жабу.

Аня вздохнула:

— Так на то она и управляющая, бывшая няня Кирилла... а у меня в номере...

Вскользь брошенная фраза заставила меня моментально переключить внимание с живности Ани на другой крайне занимательный момент.

— Няня Кирилла? — переспросила я. — Мне сейчас не послышалось?

Потрясена была даже Алена, выражение лица которой примерно повторяло мое.

— Как, вы не знали? — бесхитростно спросила Аня. — Ладно, Юля, но ты, Ален... Да, госпожа Санли фактически вырастила Кирилла. Некоторое время она жила с ним в другом мире, благодаря чему заработала себе продолжительную жизнь. Потом вернулась в наш, где провела что-то около десятка лет, ну а затем сюда приехал и сам Кирилл, чтобы взяться за возобновление работы гостиницы. Так что Большой Дом они восстанавливали вместе, поэтому она и стала управляющей.

Посмотрев сначала на Алену, а после на меня, Аня прочертила кончиком ботиночка по асфальту и добавила:

— В общем, у меня Бэтти и Дэтти живут. Летучие мышки. Можешь зайти как-нибудь посмотреть. Они вообще-то боязливые, но мне кажется, ты им понравишься.

После новости о том, кем госпожа Санли в действительности приходится Кириллу, наличие у Ани летучих мышей не произвело такого впечатления, какое могло. Но все-таки из вежливости, да и еще теплящегося во мне любопытства, я согласилась к ней заглянуть.

Торговый центр, куда мы пришли, со слов Алены, был ее самым любимым. Именно здесь, в одном из павильонов, наряду с красивыми вечерними платьями продавали тематические вещи к разным праздникам. Во всем городе только тут можно было найти пресловутые ведьмовские шляпы, оригинальные чулки, парики и многие другие нужные вещи.

Войдя внутрь, Аня сразу направилась к скоплению черных платьев, Алена — к продавцу, которая являлась ее давней знакомой, ну а я некоторое время топталась у порога, исследуя взглядом длинные, забитые до отказа вешалки.

В отличие от подруг, я не имела ни малейшего представления, в кого хочу нарядиться. Ведьма отпадала сразу, вампиры меня никогда не привлекали, оборотни — тем более, а менее банальные варианты на ум не приходили.

Хотя... нет, один все-таки пришел, когда я заметила висящие в дальнем углу черные плащи. Уж не тут ли их покупали Герман с Тэйроном?

А что? Вот надену такой плащ, придам лицу выражение угрюмости и с легкостью сойду за безликоборца!

— Отстойная идея, — не поддержала меня Аленка, уже набравшая охапку платьев. — Это же бал, возможность покрасоваться! А ты собираешься напялить какой-то пыльный плащ!

— Да я же несерьезно... — рассеянно успокоила ее и продолжила поиски.

— Тебе нужно что-то особенное, так ведь? — ко мне неожиданно подошла продавец. — Ты сама кто? Медиум, ведьма, маг?

Сообразив, что эта девушка тоже является не совсем обычным человеком, я честно ответила:

— Ни то, ни другое, ни третье. По правде говоря, я просто вижу духов, незаметных для остальных. И близких.

Выражение лица продавщицы сделалось просто непередаваемым. Несколько секунд она смотрела на меня так, словно перед ней стоит приведение, а затем вдруг схватила за руку и энергично ее затрясла:

— Чертовски приятно познакомиться, я — Света! Видишь близких? С ума сойти, как интересно! А как они выглядят? Что из себя представляют? Ты кто-то вроде безликоборца?

От обрушившихся расспросов меня спасла Алена, требующая, чтобы Света немедленно помогла ей застегнуть задние пуговицы. Аня тоже отправилась в примерочную, прихватив пару платьев, и я, оставшись в одиночестве, задумалась всерьез.

Алена права: бал — повод побыть красивой. И даже то обстоятельство, что при этом нужно наряжаться в кого-то пугающего, не должен стать помехой.

Впрочем... кто сказал, что нужно быть именно пугающим? Та же Алена вон в прошлом году наряжалась духом осени — наверняка, во что-то прекрасное.

Одно за другим я перебирала платья и костюмы, скользя по ним рассеянным взглядом и надеясь, что хотя бы что-нибудь мне приглянется, но тщетно — взгляд ни за что не цеплялся. Я уже подумала, что не найду вообще ничего, когда мое внимание вдруг привлекла полупрозрачная, похожая на стрекозиные крылья ткань.

Это оказалось платье, длиной в пол. Оно состояло как бы из нескольких слоев, верхний из которых был очень тонким и при нужном освещении переливался всеми цветами радуги. Рукава тоже были длинными и плотно облегающими, как и вся верхняя часть платья, а вот юбка — свободной и летящей, но в то же время не слишком пышной.

В целом, цвет и фактура ткани навеяли мне ассоциацию с безликими, которых я видела как полупрозрачное, отливающее разными цветами желе. Разумеется, ассоциация была не слишком приятной, но, кажется, я обнаружила то, что требовалось: наряд обещал стать настолько же прекрасным внешне, насколько ужасным по своей сути. По крайней мере, для меня.

Недолго думая, я сгрэбла платье в охапку и отправилась с ним в примерочную, откуда как раз выходила довольная Аня.

К несказанному облегчению, платье подошло мне идеально: и по размеру, и по длине. Когда я вышла показаться девчонкам, они наперебой заверили, что лучшего мне не найти, а Света моментально подобрала к нему серебристые туфли на высокой шпильке и подходящую бижутерию.

Вслед за крупным торговым центром мы посетили еще пару магазинчиков, где Алена с Аней прикупили кое-какие мелочи, а затем зашли погреться в небольшую кафешку.

Следующий день у меня значился выходным в Большом Доме, но рабочим в офисе. Да-да, мне следовало показаться в нем лично, чтобы обговорить детали нового заказа. С некоторых пор, по понятным причинам общение с Димой стало для меня настоящим испытанием, но, наверное, во мне дремал талант актрисы, поскольку он ничего подозрительного не замечал. Не так давно Кирилл поговорил со мной и попросил, по возможности не привлекая внимания, стараться узнать что-нибудь полезное. Например, вслушиваться в разговоры по телефону, или наблюдать за тем, кто приходит в офис. Но поскольку в офисе я появлялась не так часто, осуществить все это было довольно таки проблематично.

Однако сегодня мне улыбнулась удача.

Мы обсуждали стилистику новой серии персонажей, когда у Димы зазвонил телефон. Посмотрев на дисплей, он как-то сразу напрягся и, коротко извинившись, вышел из кабинета.

Но дверь закрылась за ним не полностью, и я не преминула этим воспользоваться. Убедившись, что он отошел достаточно, чтобы меня не заметить, я тихонько подошла к двери и, еще немного ее приоткрыв, прислушалась.

— Да, все так, — прозвучал голос, в котором улавливалось напряжение и легкая взволнованность. — Послушайте... да, тридцать первого. Я говорил, что в это время граница между мирами истончается, эфир ослабевает... да, это лучшая возможность. Прошу прощения, мне сейчас не очень удобно

говорить.

Дима положил трубку, и я спешно вернулась на прежнее место. Когда он вошел, я увлеченно чиркала карандашом по бумаге, создавая новый эскиз.

— Ну, что тут у тебя? — улыбнувшись, спросил начальник.

Сделав вид, что глубоко погружена в работу, я «не сразу его услышала», и только через несколько секунд подняла глаза. Напряженность Димы, с которой он говорил по телефону, бесследно исчезла, и теперь мне адресовалась обезоруживающая, обаятельная улыбка.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты сегодня особенно хорошо выглядишь?

«Ага, с чего бы мне выглядеть плохо после напряженных рабочих дней и нескончаемой суматохи?» — мысленно сыронизировала я.

Но вслух, разумеется, сказала совсем другое:

— Уверена, это же говорили и тебе.

Мы смотрели друг на друга, и в какой-то миг я ощутила легкую пульсирующую боль в висках. Кирилл предупреждал, что такая реакция организма свидетельствует о попытке вмешаться в мое сознание. После установки защитной магии в обществе Димы я чувствовала такую боль уже неоднократно, но сейчас она была сильнее обычного.

И что, интересно знать, он пытался мне внушить?

Моя рука лежала на столе, и я упустила момент, когда Дима накрыл ее своей.

— Я все хотел поговорить о том вечере, — произнес он, поймав мой взгляд. — Там, в ресторане... прости, что так вышло. Не знаю, почему все пошло наперекосяк. Я много думал и понял, что ты мне по-настоящему нравишься, Юля. Мы не могли бы... то есть, я пытаюсь сказать... не согласишься ли ты на повторение свидания? Обещаю, на этот раз все будет по-другому!

А, так вот оказывается, к чему воздействие на мои мысли... хочет, чтобы я согласилась. С ума сойти — да с того несчастного вечера прошла уже целая вечность, а он только теперь опомнился! Или все это время он думал, что я подвержена его влиянию и сегодня решил закрепить успех?

Не будь у меня указаний Кирилла, прямо сейчас послала бы этого «умника» к такой-то бабушке и гордо ушла. Но главный маг на меня рассчитывал, тридцать первого октября — а это ночь Самайна — явно что-то затевалось, и я подумала, что в неформальной обстановке смогу узнать еще что-нибудь полезное.

Поэтому, скрепя сердце и заставив себя мило улыбнуться, ответила:

— Хорошо. Только давай без ресторанов.

— Понял, — просиял Дима. — Никаких ресторанов! Завтрашний вечер у тебя свободен?

Да, завтрашний вечер у меня был свободен. Но все же над «романтическими» планами нависла угроза пострашнее полчища безликих.

Герман.

Я валялась на кровати в его комнате, подперев подбородок ладонями, болтая ногами и глядя на него снизу вверх. Он, в свою очередь, возвышался надо мной, сложив руки на груди, грозно расставив ноги и медленно уничтожая меня мрачным взглядом.

— Ты не пойдешь! — повторила Его категоричность.

— Позволь спросить, почему? — вкрадчиво уточнила я.

— Потому что я не хочу, чтобы ты проводила вечер в его компании! — отрезали мне в ответ. — И флиртовала!

Ведьмочка, живущая где-то внутри меня, внезапно проснулась, лениво потянулась и заурчала, точно довольная кошка.

Я прикрыла один глаз и, хитро покосившись на «категоричность», промурлыкала:

— Ревнуешь?

— Да, — неожиданно легко согласился Герман и, не менее неожиданно опустившись рядом,

повалил меня на спину.

Я засмеялась и попыталась шутливо сопротивляться, но он заглушил протест поцелуем, от которого по телу разлилась жаркая волна. Ведьмочка проснулась окончательно и пританцовывала, обуреваемая вихрем ярких чувств.

— А ревность тебе к лицу, — на выдохе проговорила я, непроизвольно пробежав кончиками пальцев по заросшей щетиной щеке. — Надо почаще заставляй тебя ее испытывать.

Несмотря на все недовольство Германа, на назначенное свидание мне точно предстояло пойти. И, как ни странно, он это понимал. Наверное, именно поэтому его ревность так льстила моему самолюбию и... ой, да кого я обманываю? Не в самолюбии дело — от него так восхитительно не переворачивается душа, и не сжимается в сладостных спазмах сердце.

Не удержавшись, я остановила пальцы на крестообразном шраме, одновременно чувствуя, как по моему лицу скользит внимательный взгляд. Обычно холодный, сейчас он буквально обжигал, как и губы, через несколько мгновений вновь накрывшие мои.

Я не поняла, когда исчезла рубашка, и мои руки заскользили по открытой коже спины. Не поняла и того, как мой свитер оказался снят и отброшен куда-то в сторону. Какие-то укоренившиеся в сознании принципы призывали остановиться, но ведьмочка кричала громче.

Принципы, неуверенность... да к черту их!

Ледяная броня внезапно оказалась разрушена окончательно — кажется, я даже слышала свист разлетевшихся осколков, под которыми оказалось горячее, быстро бьющееся сердце. А в голубых глазах вдруг зажглось пламя, точно повторяя то, над которым начался наш полет.

Руки, губы... нет, именно эти глаза гипнотизировали меня больше всего, заставляли вздрагивать и сходить с ума от близости разгадки. Сейчас Герман был открыт как никогда, подпустил меня так близко, как это вообще возможно — в каждом касании, каждом вздохе обнажая душу.

Это было так невероятно — чувствовать его так же, как саму себя, прикрывать глаза, чтобы отчетливее ощущать переплетения пальцев, твердость тренированного тела, исходящее от него тепло...

— Герман, — не контролируя слетающие с языка слова, выдохнула я. — Я... я тебя...

Договорить мне не дал громкий стук. Никто из нас двоих не успел опомниться и хоть сколько-нибудь прийти в себя, как дверь резко распахнулась, ударилась о стену, и на пороге комнаты появился бесцеремонный, не дождавшийся позволения войти гость.

— Какого... — начал Герман.

Фразу закончила я, причем словом, недостойным печатной речи.

Если я ненавидела заклинателя духов прежде, то теперь эта ненависть стала просто лютой, побуждающей немедленно подбежать к нему и греснуть по голове чем-нибудь тяжелым — так, чтобы наверняка! Этот порыв сдержало осознание собственного внешнего вида. Явно растрепанная, лежащая на кровати в одном белье... и все же интересно, меня посадят в какую-нибудь магическую тюрьму за убийство заклинателя духов?!

Невероятно, но, судя по всему, Герман впервые испытывал по отношению к Тэйрону те же чувства, что и я. Из-за своих бьющих через край эмоций и сложившейся ситуации в целом мне не сразу бросилась в глаза реакция самого Тэйрона.

А этот невыносимый человек... поразительно, но он был зол не меньше нас! Чертов капюшон, как обычно, скрывал его лицо, но то, что оно сейчас перекошено от ярости, не вызвало никаких сомнений. Я буквально физически ощущала исходящий от заклинателя негатив, но, что еще более странно, сейчас он адресовался исключительно Герману.

Герману, не мне!

Это открытие потрясло почти так же, как все предыдущие.

В этой небольшой комнатке на цокольном этаже словно происходила сцена из немого кино. Мы трое молча смотрели друг на друга, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее становилось напряжение.

Почему, ну почему он нагрянул именно сейчас?! Не вчера, не завтра, а именно сейчас, выбрав самый неудобный из всех возможных моментов! Последний месяц вообще на глаза не попадался, а тут нате вам, пожалуйста!

Поднявшись, Герман заслонил меня собой и холодно, тоном, в котором никогда прежде не разговаривал с наставником, спросил:

— Что-то случилось?

— Ее зовут Кирилл, — сухо сообщил заклинатель.

И только-то? Вот по этой причине нужно было чуть ли не вышибать дверь и врваться сюда, подобно разбойничьей банде?

Больше не сказав ни слова, Тэйрон развернулся и стремительно вышел, не забыв напоследок громко хлопнуть многострадальной дверью. С петель она не слетела только чудом, и точно таким же чудом я не сгорела от накрывшего меня смущения, принявшись торопливо натягивать свитер и джинсы.

Момент был безнадежно испорчен, и все, чего мне сейчас хотелось, это некоторое время побыть в одиночестве и остыть. Возможность осуществить желаемое мне представилась гораздо быстрее ожидаемого: все потому, что когда я пришла в кабинет Кирилла, оказалось, что он никого не ждет. Более того, даже намеком не просил меня позвать!

— Все в порядке? — обеспокоился маг, заметив мою растерянность.

Я заставила себя собраться:

— Да-да. Извините, я, наверное, ошиблась...

Вылетев из кабинета пулей, промчалась вперед по коридору и, остановившись у поворота, шумно выдохнула. Причины, побудившие заклинателя соврать, находились за пределами моего понимания. Эта противоречивая личность, действия и реакции которой никогда невозможно предугадать, была одной сплошной загадкой.

Загадкой, которую мне до невозможности хотелось разгадать.

И безликие меня сожри, если я этого не сделаю!

## Глава двадцать третья

Свое обещание Дима сдержал: на сей раз никакого ресторана не было.

Был бар!

Точнее, сначала катание по вечернему городу, затем прогулка по залитой светом фонарей набережной, а уже потом обитель алкоголя и ламповой атмосферы, куда мы завернули ближе к полуночи.

Изначально я не планировала, что пробуду на этом «свидании» так долго, но как только начинала намекать на необходимость уходить, Дима уговаривал меня остаться еще ненадолго. Вообще, не имея все происходящее двойного дна и не занимая мои мысли один безликоборец, наверное, я бы получала какое-никакое удовольствие. Все же, как ни крути, а мой спутник — человек привлекательный, да и времяпрепровождение сумел разнообразить и сделать интересным. Даже бар вписался в нашу прогулку как нельзя лучше, несмотря на то, что я ничего подобного не хотела.

В выходной день танцпол был забит почти до отказа — невзирая на завтрашний понедельник, люди отрывались под зажигательный бит, поставленный ди-джеем. Мы немного посидели за барной стойкой, где Дима заказал нам по вкусному, надо признать, коктейлю, а потом присоединились к толпе танцующих. Как раз в это время включили медленный танец, что не слишком меня обрадовало с одной стороны, но стало хорошей возможностью завести нужный разговор с другой.

За минувший вечер я так и не сумела заговорить о Хэллоуине, а сейчас момент был более чем удачный. Небольшая доза алкоголя сделала свое дело, атмосфера танцевального бара ей в этом помогла, и Дима окончательно расслабился. Я замечала, как поблескивают в полумраке его глаза, как взгляд опускается на мои губы, а рука на спине незаметно придвигает меня ближе.

В мыслях тут же снова всплыл облик Германа, и на душе стало отвратно. Негативные чувства я подавила, затолкав их глубоко внутрь себя, но поклялась, что это последний раз, когда я выполняю подобное поручение Кирилла. Приезжать в офис по работе? Возможно. Но только не вот такие вот свидания, которые, несмотря на всю внешнюю привлекательность и обаяние псионика, мне неприятны!

-Видел афишку на входе? — как бы невзначай спросила я Диму. — На Хэллоуин здесь будет тематическая вечеринка.

— Ага, — кивнул он. — Их вообще во всех ночных заведениях каждый год устраивают.

— Не понимаю, чего все так носятся с этим праздником, — легкомысленно заметила я. — Какой интерес переодеваться в нечисть и пугать народ?

— Это сейчас канун дня всех святых утратил свое реальное значение, — дыхание Димы коснулось моего уха. — Люди забыли суть праздника, осталась одна мишура. А ведь когда-то Хэллоуин, или, если правильнее, Самайн был довольно жутким событием. Приносились жертвы духам, проводились ритуальные обряды.

— Кошмар, — честно озвучила я свое мнение.

— Людям вообще свойственно верить в самое худшее. В то время они почитали и поклонялись только злым духам, не зная, что есть и другие.

Мое сердце екнуло. Дима в какой-то степени проговорился, но, кажется, даже этого не заметил.

— А почему именно канун дня всех святых? — крепче обвив руками его шею, выдохнула я. — Эта ночь что, какая-то особенная?

— Да, — так же на выдохе ответил Дима, абсолютно точно забыв, что в своих словах нужно быть осторожнее. — В эту ночь границы между мирами истончаются, духов могут увидеть даже простые смертные, а сама суть магии преобразуется, позволяя проникнуть туда, куда в другое время попасть невозможно.

Сердце екнуло повторно.

Вот оно!

Значит, Игорь не без помощи Димы намеревается предпринять попытку попасть в Большой Дом на Хэллоуин? Конечно, это ведь так удобно: все будут заняты на празднике, защита вокруг ключа ослабнет.

Теперь я была уверена на сто процентов, что все случится именно этой ночью, а значит, моя миссия

была выполнена. Кирилл удостоверится наверняка, что был прав в своих умозаключениях и сможет подготовиться к вторжению заранее. Ведь, как известно, предупрежден — значит, вооружен.

Сославшись на усталость, я попросила Диму уйти и на уговоры уже не поддавалась. Судя по отразившемуся на его лице разочарованию, он рассчитывал на приятное продолжение вечера, а меня передегеривало только от одной этой мысли.

Пока я забирала у охранника оставленную сумочку, Дима принес мое пальто, помог мне его надеть, и мы вышли в осеннюю ночь. На улице было холодно, до Большого Дома предстояло проделать приличный путь, но мое намерение вызывать такси потерпело полнейшее фиаско. Дима даже слушать ничего не стал и буквально силком потащил в свою машину.

Теперь, когда мне было известно, что он знает о моей работе в Большом Доме, конспирация не имела смысла. Так что я назвала адрес, близкий к гостинице, а когда мы приехали, пошла в сторону дома, на который выходили окна моего номера. Там, стоя у подъезда, попрощалась, надеясь, что Дима уйдет, но он мою игру не поддержал. Зная о том, куда мне на самом деле нужно, но, не подозревая, что о его осведомленности известно мне, он стоял, дожидаясь, пока я войду в подъезд.

— До встречи, — еще раз попрощалась я, в этот момент ненавидя его всей душой.

— До встречи, — все же смилостивился Дима, но почему-то сделал шаг ко мне.

И прежде чем я успела опомниться, прежде чем сумела воспротивиться, резко притянул к себе и поцеловал. Такого я никак не ожидала, и ему удалось застать меня врасплох. Первые мгновения была до того растеряна, что даже не пыталась отстраниться, но когда до меня в полной мере дошло происходящее, решительно его оттолкнула и лишь чудом сдержалась от того, чтобы не влечь ему пощечину.

Ну да, свидание. Уже второе. В таких обстоятельствах за поцелуй не убивают.

Но до чего же стало противно! Уже в сотый раз пожалев, что вообще подписалась на продолжение «работы иллюстратором» и все эти сомнительные затеи, я круто развернулась, и тут на мое счастье из подъезда вышла какая-то женщина. Воспользовавшись этим, я юркнула внутрь и, оказавшись в спасительной темноте, отерла рукавом губы.

Дима еще недолго постоял на крыльце, затем сел в машину и уехал. Я проводила его взглядом и уже собралась выходить, когда внезапно заметила неподалеку, у детской песочницы знакомый силуэт.

Несчастное сердце екнуло в третий раз и учащенно забилося.

Черт! Ну и как давно здесь стоит Герман?

Пока во мне боролся страх за то, что он не правильно понял ситуацию, осознание некоторой вины и желание объясниться, я стремительно шла к безликоборцу, который застыл в этом темном, не слишком приветливом дворе. А еще, по мере того, как к нему приближалась, я не могла отделаться от странного ощущения. Когда стояла в подъезде и смотрела на Германа сквозь маленькое окошко, во мне родилось чувство дежавю. Этот образ... словно он уже существовал когда-то, и теперь все повторялось.

Когда нас стала разделять всего пара шагов, он вдруг развернулся и зашагал прочь.

— Герман! — крикнула я ему в спину.

Он не обернулся. Пришлось ускориться, и через несколько секунд я нагнала его. Схватила за рукав, заставляя остановиться, обошла и заглянула в отчужденное лицо.

— Что ты здесь делаешь? — спросила, хотя собиралась сказать совсем не это.

-Я? — он холодно усмехнулся. — Ничего.

И снова зашагал вперед.

Мне жутко хотелось вновь его одернуть, заставить нормально поговорить, но я понимала, что сейчас это бесполезно. Этот безликоборец упрямый как осел, а когда надевает свой любимый панцирь, вообще становится непрошибаемым.

Так что я приняла решение подождать до утра и, топнув ногой от досады, направилась к Большому Дому, в то время как Герман удалялся в противоположном направлении.

Накануне пресловутого Хэллоуина все носились как оголтелые, и Большой Дом походил скорее не на гостиницу, а на психиатрическую больницу. Конечно, таковым он являлся несколько предыдущих недель, но сегодняшний день определенно побил все рекорды!

Госпожа Санли была сама не своя и гоняла всех больше обычного, духи-помощники мельтешили повсюду, и так же снующий повсюду персонал разве что о них не спотыкался. Жар в банях не спадал ни на секунду, а пара было столько, что он заполонил даже черную лестницу.

Пока Аня с Аленой носились по всей гостинице, я сидела в главном зале, где вырезала последние тыквы. Именно на меня, как на художницу, повесили обязанность украсить парадное помещение соответственно тематике. Хотя, вообще-то, не только парадное, но еще холл и главные коридоры.

Именно я руководила развешиванием гирлянд из кленовых листьев, именно я составляла осенние букеты и расставляла их по вазам. Это я мучилась со злосчастными тыквами — которых, на минуточку, было больше сотни! — превращая их в фонари.

С тыквами я возилась все время подготовки, а сегодня доделывала оставшиеся четыре. Разумеется, с таким объемом работы в одиночку справиться просто нереально, так что мне помогли мелкие духи.

Ну, как помогали... сперва у них вместо головы Джека получались тыквы с кривоватыми отверстиями, потом перекошенные рожи, и только под конец духи-помощники стали выдавать что-то более менее похожее на нужный результат.

Пристраивая внутрь последней тыквы свечу, я вдруг заметила бесшумно промелькнувший мимо зала силуэт. Даже деталей видеть не требовалось, что его узнать: сегодня дежурил Тэйрон. Увидев его, я вспомнила нашу последнюю встречу.

Держа данное себе слово, я старательно пыталась выяснить, что скрывает заклинатель, почему так странно ведет себя со мной и почему его мельком увиденные карие глаза показались мне невероятно знакомыми. Несмотря на загруженность работой и царящий в гостинице дурдом, я умудрялась находить время, чтобы за ним следить. Как только Тэйрон появлялся в Большом Доме, так я и начинала тенью следовать за ним попятам. «Случайно» протирала пыль в той комнате, где он находился, заглядывала к Вилли, когда он ужинал, или просто кралась по коридорам. Заклинатель моих манипуляций не замечал... по крайней мере, так мне казалось.

Однажды я осмелела настолько, что предприняла попытку проникнуть в его комнату. Будучи абсолютно уверена в его отсутствии, я воспользовалась незаметно стянутым у Олега ключом от его номера и без зазрений совести проникла внутрь... собственно, на этом моя карьера следопыта и завершилась.

Войдя в комнату, я наткнулась прямо на развалившегося в кресле Тэйрона, так и источающего энергию скептицизма и превосходства. Надо мной откровенно посмеялись, как над неразумным дитем, и отправили «заниматься полезными делами, вместо того, чтобы маяться ерундой». А потом еще пригрозили, что если продолжу его преследовать, сильно об этом пожалею.

В общем, я решила ограничить список своих профессий горничной и иллюстратором. До праздника, разумеется. Просто так отступить не собиралась!

Еще и в отношениях с Германом появилось напряжение, которое, казалось, уже давно сошло на нет. Обсуждать тему, касающуюся Димы, он наотрез отказался, и все мои попытки завести нужный разговор разбивались о глухую стену. В конце концов, меня это достало, и я решила обидеться. Тоже до праздника. Потому что долго обижаться не умею в принципе.

Да и времени из-за организации торжества хватало только на то, чтобы поспать каких-нибудь шесть часов, да пару раз перекусить. Котик, который, как выяснилось, мог бестелесно покидать пределы своей комнаты, неустанно надо мной подтрунивал, не забывая при этом фирменно тянуть гласные и покуривать трубку.

— Ну что, мила-у-шка? — спросил котяра, когда я разобралась-таки с последней тыквой. — Еще одно-у-го безмогло-у-го сделала? Лучше бы ко-у-та вырезала...

— Да ну тебя, — отмахнулась я, отерев влажный лоб. — Балабол!

Силы были на исходе, но меня наполняло удовлетворение и чувство выполненного долга. Даже не верилось, что вырезание дурацких фонариков осталось позади, и одной проблемой стало меньше!

Странно, но, видимо, силы все же покинули меня не окончательно, поскольку вместо того, чтобы идти к себе, я по пути заглянула к Ане. На второй этаж мы поднимались вместе, и она мимолетно упомянула, что, прежде чем лечь спать, нужно не забыть покормить своих летучих мышек. Вспомнив свое давнее желание на них посмотреть, я пошла вместе с ней, и как только мы вошли в

комнату, едва не упала, споткнувшись обо что-то твердое.

— Извини, — виновато проговорила Аня, поднимая упавшую вешалку. — Бэтти и Дэтти не выносят яркого света, поэтому я не включаю лампы и зашториваю окна, из-за чего постоянно что-то роняю.

— И как ты умудряешься в таком случае корпеть над своими книгами? — довольно громко спросила я.

Аня тут же на меня зашикала, призывая говорить тише, и почти шепотом ответила:

— Настольная лампа у меня светит приглушенно, так и справляюсь.

— А почему бы просто не накрывать клетку с твоими мышами тряпкой? — тоже понизив голос, полюбопытствовала я.

— Клетку? — мы будто поменялись ролями, потому что Аня чуть ли не вскрикнула. — Что ты! У них нет клетки, они спокойно летают по всей комнате... хотя большую часть времени, конечно, спят, повиснув на люстре.

Мне сразу стало как-то неуютно и захотелось немедленно ретироваться обратно в коридор. Потому что одно дело находиться рядом с запертыми летучими мышами, и совсем другое — с теми, которые в любой момент могут сесть тебе на голову или укусить!

Словно прочитав мои мысли, Аня оскорбилась за своих любимцев и, гордо вздернув подбородок, заверила, что Бэтти и Дэтти милые и хорошо воспитанные летуны. Видеть всегда спокойную Аню такой воинственно настроенной мне еще не приходилось, так что она сильно меня удивила. Мне даже понадобилось несколько минут ее успокаивать и уверять, что о летучих мышах у меня не было ни одной плохой мысли, и вообще я считаю их замечательными существами. В итоге обиженная хозяйка успокоилась, вернулась к своему обычному состоянию и, наконец, познакомила меня с причиной нашего небольшого конфликта.

Надо признать, ее летучие мышки и впрямь оказались довольно милыми... насколько эти существа могут быть таковыми в принципе. Черные, мохнатые, с перепончатыми крыльями и поблескивающими в полумраке глазками, они могли бы вызвать отвращение или страх, но ситуацию спасали выражения их мордашек. Было в них что-то такое беззащитное — будто они и сами боялись каждого шороха.

— О, а это твоё платье? — заинтересовалась я, увидев его на кровати.

— Да, вот немного фиолетовых рюшей на подол пришила, — скромно потупилась Аня. — И чулочки к нему купила.

Я разве что по лбу себя не стукнула!

За всеми последними заботами совсем забыла, что завтра нужно будет облачаться в платье «безликой», а я даже не удосужилась продумать причёску и макияж!

Попрощавшись с хозяйкой номера и вежливо отказавшись поучаствовать в кормежке Бэтти и Дэтти, я побежала к себе. Бежала, бежала... а, оказавшись в номере, рухнула прямоком на не заправленную с утра постель.

Прическа? Макияж? Да за лишнюю минутку сна я готова идти на Хэллоуин в облике страшилища! В конце концов, именно это для данного праздника и требуется...

Уткнувшись носом в пахнущую свежестью подушку, я блаженно выдохнула и лениво сбросила туфли. Затем заставила себя чуть приподняться, стянула форму и, не глядя, куда-то ее бросила.

Вот он — рай на земле...

— Помнется, — прозвучало у меня под ухом.

— Духи-помощники с утра погладят, — сонно пробормотала я.

Мерно тикали стрелки часов, где-то за окном шумели редкие, проезжающие мимо машины... сон слетел буквально в один миг!

Распахнув глаза, я резко обернулась и буквально нос к носу столкнулась с лежащим у меня под боком Германом. Хотя, скорее это у него под боком лежала я, инстинктивно прижимаясь к источнику тепла и даже не задумываясь, откуда это тепло, собственно, исходит.

Это еще... что вообще... за?! Откуда он тут взялся?!

Каким бы образом господин безликоборец не изъявили ко мне явиться, уходить тем же способом они явно не собирались. Да и вообще не собирались, если верить насмешливому, направленному на меня взгляду и рукам, вдруг крепко меня обнявшим. Наверное, в другой раз я бы плюнула на удивление и позволила себе растаять, но только не сегодня. Только не после того, как от меня отгораживались в который по счету раз на протяжении длительного времени!

То обстоятельство, что сейчас он вел себя так, словно ничего не случилось, меня откровенно разозлило. Упершись руками ему в грудь, я высвободилась и отстранилась, после чего снова поймала его внимательный взгляд.

— Так не делается, — сообщила ему.

— Я знаю, — просто ответил Герман. — Так же как знаю и то, что со мной бывает тяжело.

— Очень, — не стала врать я.

— Я был неправ.

— В чем? — спросила, не отводя глаз.

— Во всем, — абстрактно ответили мне, но, когда я продолжила молчать, конкретизировали: — Мне с самого начала не нравилась затея Кирилла в отношении псионика. А когда я увидел вас, целующимися... — напрягшись, он на миг замолчал, но вскоре продолжил: — Я должен был поговорить с тобой следующим утром.

— Утром, не сразу же? — мне не удалось сдержать язвительность.

Герман усмехнулся:

— Боюсь, заговори я с тобой сразу же, ситуация сложилась бы гораздо хуже той, что сейчас.

Поспорить с таким утверждением было трудно.

Я несколько расслабилась. В кои-то веки Герман первым сделал шаг к примирению, признал свои ошибки, и обижаться на него дольше было сложно. Тем более что обижаться я и так планировала только до Хэллоуина, а он уже почти наступил.

— Мне бы конечно хотелось сказать, какой ты все-таки упрямый осел, и со вкусом тебя помучить, прежде чем простить, — зевок вырвался сам собой. — Но на твое счастье я слишком устала.

Несмотря на свои слова, без маленькой мести обойтись я просто не могла. Герман хотел еще что-то сказать, но, не дав ему заговорить, я придвинулась максимально близко, поерзала, устраиваясь удобнее, и обняла свою большую и теплую «подушку». Под ухом раздался глухой рваный вздох, и на моих губах расцвела довольная ухмылка.

За окном снова шумели машины, тикали стрелки часов, отправляя в вечность секунды... идиллию нарушил чрезмерно низкий голос безликоборца:

— Юля...

— М-м-м? — млея от навалившийся истомы, невнятно промычала я.

Что мне говорили после, я уже не слышала, плавно погружаясь в уютную, обволакивающую сознание темноту, за которой меня ждал старый, потрескивающий фильмоскоп и Сов, ставящий нужные кадры...

День, обещающий стать самым волнительным, суматошным и беспокойным за всю историю моей работы в Большом Доме начался очень рано, но крайне приятно. Благодаря спокойному ночному вещанию выпалась я просто прекрасно, а, проснувшись, обнаружила, что лежу, обнимая Германа руками и ногами. Как несчастный не задохнулся, осталось для меня загадкой, но, во всяком случае, он не жаловался. Хотя и проснулся раньше, лежал, не шелухнувшись, явно из боязни меня разбудить.

Нет, ну, правда, приятно же!

Ничуть не обеспокоенная своим утренним видом, состоящим из взлохмаченной шевелюры и припухших глаз, я улыбнулась, пожелала своему соседу по кровати доброго утра и, отцепившись от него, потопала напрямиком в ванную. В гостинице уже стоял гвалт, доносящийся буквально отовсюду, и было страшно даже вообразить, что там сейчас творится.

Собраться требовалось быстро, что я и сделала. Герман последовал моему примеру, причем бессовестно ввалившись в мою ванную, когда я чистила зубы! Цыпленок любезно приволок ему зубную щетку, и безликоборец разместился возле раковины рядом со мной. А потом, когда свежее дыхание восторжествовало, мне была поведена занимательная история. Я спросила, как Герман умудрился попасть в мою комнату, если она была заперта, и тут выяснилось, что у меня завелась пара предателей. Подкроватные монстры впустили его без колебаний и зазрений совести, буквально по первому зову!

— А мы что, бро? — раздалось из-под кровати в ответ на мое возмущение.

— А мы ничего, бро.

После чего зазвучало тихое посапывание.

Ну и как на таких чуд обижаться? Особенно, когда толком обижаться — вы, конечно, помните, — я не умею в принципе.

Наверное, я бы еще раз для проформы разложила все по полочкам, обсудив с Германом наши отношения, если бы не госпожа Санли. Ее непомерно громкий голос, усиленный стократ, разнесся по всей гостинице и сообщил, что те из работников, кто сию же секунду не появятся в холле, могут считать себя уволенными.

Увольнение в мои ближайшие планы никак не входило, так что я стремительно помчалась вниз, где уже выстроилась толпа из не выспавшихся, взъерошенных и побитых ранним часом бедолаг.

Мы все выстроились в шеренгу, приготовившись внимать грозной управляющей, которая не заставила себя ждать. Кратко, но очень выразительно повторив план действий на сегодняшний день, она отправила нас всех завтракать, добавив при этом, что на трапезу у нас сегодня всего пятнадцать минут. А если кто-то вдруг задержится хотя бы на секунду, днем останется без обеда.

Нам — вечно уставшим и голодным работникам, лучший стимул не требовался. Пока я вместе с остальными маршировала на кухню, мысленно прикидывала, как там одновременно может уместиться такое количество народу (прежде ели небольшими группами). Но когда мы переступили порог, оказалось, что Котик обо всем позаботился заранее. Помещение значительно увеличилось в размерах, появился длинный обеденный стол, число приборов на которых соответствовало числу прибывших.

Завтрак сегодня был поистине праздничным! Вместе с традиционной яичницей Вилли подал нам по кусочку тыквенного пирога, который, казалось, отражал саму суть осени. К слову, декор как стола, так и кухни в целом теперь тоже соответствовал праздничной тематике, в чем частично присутствовала и моя заслуга. За окном еще было темно, помимо ламп на столе горели свечи, отчего кухня наполнилась особой атмосферой.

Правда, насладиться ей в полной мере не получилось, поскольку всех занимали мысли о том, как поскорее впихать в себя всю вкусноту и идти работать.

День был расписан буквально по секундам, и если во время подготовки к нему я чувствовала себя как белка в колесе, то сегодня эта белка бежала в два раза быстрее и, наматывая вокруг шеи язык. Помимо уборки номеров, слежения за банями, контроля работы духов-помощников, мы все сменяли друг друга на встрече прибывающих гостей, приезжающих из самых разных уголков.

Бог мой, кого тут только не было! Я, конечно, насмотрелась всякого, но колоритные духи все же сумели поразить даже мое далеко не скромное воображение! Большие и маленькие, похожие на зверей и человекоподобные — казалось, им просто нет конца, и Большой Дом вот-вот лопнет! Но Котик, как и все мы, исправно выполнял свою работу. Можно сказать, трудился не покладая лап, из-за чего даже не успевал устраивать перекур и сопеть любимой трубкой.

Калейдоскоп часов промелькнул как одно мгновение, и я даже оглянуться не успела, как утренние сумерки за окном превратились в сумерки вечерние. Открытие бала назначили на восемь вечера, а в свою комнату я вернулась только в семь.

На сборы остался час. Всего один час на переодевание, макияж и прическу!

Во мне проснулся азарт и типично женское самолюбие в лице внутренней ведьмочки, подстегивающей сотворить из себя нечто сногшибательное. Глядя в зеркало, я видела уставшее чудовище, которое мне предстояло безо всякой магии превратить в красавицу-безликую.

Пока наносила макияж, все размышляла, догадается ли кто-нибудь, в кого я нарядилась? Поймет ли Герман? Ведь я говорила ему о том, какими вижу безликих...

Но вместе с тем в моей голове теснились мысли и другие. О том, что сегодня Игорь, Дима и кто там

еще предпримут попытку попасть в комнату, где хранится ключ.

Кирилл провел сложную работу, навешав на него дополнительных защит, но в сущности, это почти ничего не меняло — магия этой ночью ослабнет. Носить ключ с собой Кирилл тоже не мог — я так до конца и не поняла, почему.

Но факт оставался фактом: как бы то ни было, самым безопасным местом для его нахождения все равно оставалась та самая комната. Герману и Тэйрону предстояло дежурить у входа в нее практически неотступно, но на открытии бала Герман все-таки обещал быть. После его ухода я намеревалась задержаться еще ненадолго, а потом потихоньку слинять к нему. Конечно, находиться рядом с заклинателем духов мне не хотелось, но ради общества Германа была готова потерпеть.

Сильно мудрить с прической я не стала и просто подкрутила волосы плойкой, предварительно сделав небольшой начес. За моими манипуляциями неотрывно наблюдали чуды, неустанно комментирующие процесс. Видимо, из-за моей утренней реакции на их поступок они чувствовали себя виноватыми и теперь всячески старались мне угодить. Compliments отвечивали такие, до каких не додумался бы даже Най!

Готова я была минут за десять до открытия. Сунула ноги в туфельки, взбила локоны, поправила переливающуюся ткань платья и, толкнув дверь, вышла в коридор.

В Хэллоуин. В таинственную ночь Самайна...

## Глава двадцать четвертая

Вдоль стен главного зала тянулись банкетные столы, покрытые красно-оранжевыми скатертями. Все они были уставлены разнообразными блюдами: начиная миниатюрными канапе и заканчивая полноценными, нарезанными на щедрые порции тортами. Повсюду стояли и висели фонари из вырезанных мной тыкв, букеты из кленовых листьев, декоративная, оплетающая углы паутина и черные пауки. Помимо этих вполне традиционных атрибутов в зале присутствовали золотые скульптурки жаб и красные бумажные журавлики. Воздух был влажным и жарким — сказывались пыхтящие бани, буквально захватившие весь Большой Дом.

Гостей было столько, что просто разбегались глаза! Пожалуй, именно они делали это празднество по-настоящему особенным и колоритным. Само присутствие разнообразных духов напоминало о том, где я нахожусь. Не просто на какой-то тематической вечеринке, а на удивительном, неповторимом и уникальном в своем роде празднике духов!

Я, Алена и Аня стояли у входа, наблюдая за заполняющими зал гостями. Пока наши обязанности были не закончены, и исполнять их предстояло еще по меньшей мере час. Горничные других гостиниц занимали места у других входов в зал, которых в общей сложности было пять. Каждый украшала гигантская гирлянда из красных листьев, маленьких тыкв, блестящей мишуры и всяких мелких штук.

— Полчаса назад по просьбе госпожи Санли пришлось сбежать в магазин, — улыбнувшись очередному новоприбывшему гостю, пожаловалась Аня. — Там одна девочка меня назвала ведьмой!

— Так ты же и есть ведьма, — не поняла ее досады Аленка. — Еще и нарядилась в ведьмовской костюм!

— Странно просто так... — протянула наша белокурая скромность. — Простой человек меня до этого только один раз ведьмой называл... когда я сказала, что ем много сладкого и не толстею.

Я тихо прыснула и тут же трансформировала смех в любезную улыбку, когда мимо проплыл разряженный в пух и прах дух, чьи ветвистые рога едва пролезли в дверной проем.

Официально бал начался с появлением Кирилла, приход которого практически моментально заставил всех смолкнуть. Даже Дджея и Джия, готовые испепелить друг друга не только взглядами, стали вести себя прилично и сосредоточились на стоящем в луче света маг. Огни на свечах стали приглушенными, и помещение погрузилось в полумрак, благодаря чему Кирилл стал объектом всеобщего внимания.

Выглядел сегодня владелец гостиницы просто безукоризненно. Черный, с иголки костюм, аккуратно уложенные рыжие волосы и квадратные очки делали его похожим на парня с обложки. Похоже, он был единственным, кто пришел на праздник без костюма.

А вот паре, стоящей неподалеку позади него, костюмы и не требовались. Пронизывающий взгляд Германа и так мог испугать кого угодно, а Тэйрон, как обычно, прятался под плащом.

Интересно, заклинатель его хотя бы в душе снимает?

Вскоре рядом с Кириллом появилась и госпожа Санли, в чьем ворохе юбок можно было утонуть. Копна ее буйных волос сегодня была особо пышной, глаза сверкали аки алмазы, а шлейф сладких духов заполнил весь зал. Заметила я и Шэлли, скромно жмущуюся к Герману и с интересом осматривающую окружающую обстановку.

Мне было не совсем понятно, кто в этот момент присматривает за ключом, если все находятся здесь, но в действиях Кирилла не сомневалась — он точно знал, что делал.

Когда все собравшиеся были должным образом поприветствованы, и небольшая вступительная часть подошла к концу, началось настоящее веселье. Клянусь, я о таком не знала! Да что там, даже предположить не могла, что такое будет, а сообщить мне никто не потрудился!

Почти все духи вдруг стали стремительно меняться, принимая внешность обычных людей. Исчезали ушки, рожки, лапы, хвосты и прочие несвойственные человеку атрибуты. А затем, когда осталось лишь то, что можно было принять за маскарадный костюм, духи стали один за другим вылетать в появившееся в стене окно — прямо на городскую улицу!

— Сейчас станут видимы для простых людей и пойдут народ пугать, — хмыкнула Алена. — Забавно кстати, можем пойти посмотреть.

— А как же работа? — усомнилась я.

Аленка деланно закатила глаза:

— Ты еще хоть одного прибывающего видишь? Нет, все уже пришли. За банями мелкие проследят, за подачей закусок тоже. А нам, пока госпожа Санли отвернулась, можно линять! Давай, все обратно уже через полчаса вернутся, — она перевела взгляд на Аню и поторопила: — Ты тоже с нами, такую комедию только раз в год увидеть можно!

Я, как человек, вечно пропускающий премьеры и все доступные сеансы в принципе, на сие кино решительно вознамерилась посмотреть. И хотя данная небольшая авантюра изначально в план не входила, что может быть лучше приятной спонтанности?

В отличие от духов, через окно мы вылететь не могли, потому проследовали привычным маршрутом, выйдя через холл в сад, а из сада — за ограждение гостиницы.

Это было что-то неопишное!

Улицу заполонила разномастная толпа, которую на первый взгляд можно было принять за обычных ряженых, но мы-то знали, кем все эти «люди» являются на самом деле! Они шли вперед по тротуарам и даже шоссе, игнорируя сигнализирующие им машины, водители которых высовывались из окошек, но вместо того чтобы возмущаться, восторженно глядели на интересное шествие.

А потом притворившиеся людьми духи стали разбредаться по дворам и звонить кто в квартиры, кто в частные дома расположившегося рядом частного сектора. Мы с девчонками проследовали как раз за одной из групп, выбравших объектом посещения небольшие коттеджики. Слившись с общей массой, наблюдали, как духи поднимаются на крыльцо, стучат в дверь, а когда им открывают недоумевающие хозяева, громко вопрошают:

— Сладости или жизнь?!

У меня сложилось впечатление, что я попала куда-то за границу, где Хэллоуин куда более популярен, чем у нас. Происходящее в самом деле напоминало гуляние где-нибудь в Америке, когда подростки ряжутся в страшные костюмы и звонят в дома соседей, требуя сладости...

Нет, все-таки сейчас все было гораздо круче!

На крыльцо выходили старички и молодые люди, женщины с детьми и одинокие мужчины, но лицо каждого из них при виде неожиданных гостей озарялось радостью. И это казалось мне странным, пока я не поняла, в чем дело.

Кирилл пускал в Большой Дом только добрых духов, не причиняющих людям зла. Должно быть, именно поэтому при взгляде на них вся подозрительность, недоверие и недовольство у людей исчезали, уступая место инстинктивному восторгу. Ведь они, хотя сами того не ведали, встречались с настоящим волшебством — таким, о котором мечтали когда-то в детстве!

Ну, скажите мне, кто хотя бы однажды, хотя бы один единственный раз не мечтал увидеть чудо? Получить волшебную палочку, встретить невиданное существо, взлететь под самый потолок — да о чем угодно! А эта ночь волшебством буквально дышала.

Почему-то именно сейчас я в полной мере осознала слова, не так давно сказанные Димой. Эфир, магия, волшебство — как бы кто не называл эту энергию — не добро и не зло. Просто что-то нейтральное, невидимое. И только живое существо — материальное, или не совсем, может окрасить его в белый или же черный цвет.

В детстве люди смотрят на мир чистыми, широко раскрытыми глазами, поэтому и уверены, что волшебство дарит свет и радость. А когда вырастают, либо перестают в него верить, либо начинают бояться, неосознанно трансформируя эфир в нечто пугающее.

— Мама, смотри, у нее кошачьи уши! — восторженно крикнула высунувшаяся на улицу девочка, совершенно беззастенчиво ткнув пальцем в Джею.

— Это костюм, дорогая, — склонившись к дочери, ответила миловидная женщина.

В этот момент кончики обсуждаемых ушей дрогнули, но, к счастью, этого никто не заметил.

— Как это она снизошла до простых смертных? — вслух удивилась Аленка. — Никогда их ни в грош не ставила!

— Ее сестра в Большом Доме осталась, — негромко ответила Аня. — Наверное, человеческое общество для нее оказалось предпочтительнее.

Словно услышав нас, Джея резко обернулась, мазнула равнодушным взглядом, заставив покрыться мурашками от макушки до самых пят, и снова обратила взгляд на ребенка, протягивающего ей начатую плитку шоколада.

Тем временем у соседнего дома разворачивалось целое представление: какой-то дедок в смешных клетчатых штанах, видимо, очень радуясь гостям, выносил им все содержимое холодильника.

Вот она: широкая славянская душа! Просили сладости? На-те вам, пожалуйста, целую банку варенья! И еще одну. И еще, побольше, чтобы уж наверняка! А еще колбаску на всякий случай и маринованные огурчики.

От такой щедрости ошалела не только я. Дух, кому предназначалась вся эта еда, буквально лишился дара речи и изумился настолько, что у него материализовался пушистый лисий хвост. И снова, на всеобщее счастье, никто посторонний этого не заметил — видать, дедок оказался еще и подслеповатым.

Эти полчаса однозначно были обречены переместиться в копилку моей долгосрочной памяти, чтобы я время от времени могла к ним возвращаться. Очень уж яркими, насыщенными и своеобразными оказались пережитые мгновения!

Обратно в Большой Дом участники шествия возвращались, как и подобает порядочным людям, пешком, а внутрь входили через дверь. Уж не знаю, была ли использована какая-то магия, или сами духи умели, сохраняя материальность, становиться незаметными, но исчезающая внутри заброшенного дома толпа внимание не привлекла. Вновь слившись с гостями, мы тоже вошли в гостиницу, и только в этот момент я обратила внимание, что на плечах Ани сидят ее летучие мышки.

— А как же шум и яркий свет? — не могла не поинтересоваться я.

— Сегодня ночь особая, — ответила ведьма, любовно погладив своих питомцев. — Они по-другому все чувствуют.

Ночь и впрямь была особой. Я уже давно знала, что Самайн окажется незабываемым, но реальность все же сумела превзойти ожидания. И дело было не только в созданной атмосфере, даже не в мелькающих повсюду духах — а в той самой волшебной энергии, напитавшей каждую частицу воздуха. Граница между мирами истончилась, позволив чудесам прогуляться по обычным городским улицам, опуститься на крыши и приоткрыть завесу удивительных тайн простым смертным.

Перед тем как идти в главный зал, я по привычке заглянула к Наблюдательнице, чтобы угостить ее тыквенным пирогом. И была очень удивлена, застав ее не в излюбленном темном углу, а прямо в центре подсобки — рядом с лучом впущенного мною света!

— Самайн, — прошелестел ее негромкий голос. — Этой ночью я могу выходить из абсолютной темноты...

Честное слово, я едва не прослезилась и оттого, что было сказано, и оттого, как это было сказано. Мне было так жаль Наблюдательницу из-за того, что она, единственная, проведет праздник в угрюмом одиночестве, а тут оказалось, что и для нее существует пускай небольшая, но все-таки радость.

Получив благодарность за тыквенный пирог, я ушла, оставив дверь приоткрытой.

Настроение было просто потрясающим, хотелось немедленно начать петь, танцевать — делать хоть что-нибудь, чтобы его выплеснуть! И я отправилась в зал, где к этому времени началось представление. Специально приглашенные духи устроили концерт, где как раз-таки пели, танцевали и демонстрировали другие свои умения. Парили в калейдоскопе горящие тыквы, а вместе с ними парили и духи, взмывающие под потолок и танцующие вместе с участниками концерта. Они разбивались на группы и пары, водили хороводы, и не присоединиться к ним казалось просто невозможным.

Поскольку летать я не умела, пришлось ограничиваться полом. И это, скажу я вам, ничем не уступало пляскам в воздухе! Все работники объединились вместе и зажигали не хуже духов под сменяющие друг друга динамичные композиции. Пока танцевала, взглядом я выискивала Германа, но ни его, ни Тэйрона, ни Кирилла нигде видно не было. Одна часть меня помнила о нависшей над Большим Домом опасности, но другая была слишком восхищена происходящим, чтобы от него отказаться.

Я не пила ни грамма алкоголя, но мысли сделались невесомыми, точно перышки, а меня саму наполняли легкие воздушные шарики. Да я и сама стала такой — легкой, невесомой, наполненной неповторимой энергией этой ночи.

Наверное, именно из-за рассеянности и затуманенности сознания я упустила момент, когда меня крепко обняли сзади. Это объятие органично вплелось в канву праздника, дополнило мои чувства, придав им недостающих оттенков, и я охотно расслабилась, позволяя привлечь себя еще ближе.

А потом в один момент опомнилась и, круто развернувшись, наткнулась на взгляд знакомых голубых глаз.

— Повторяешься, — поддела я Германа, обвив руками его шею.

— Люблю появляться неожиданно, — негромко произнес он, практически касаясь моих губ. — Ты сегодня оделась в костюм стрекозы?

— Я возмущена! — мое негодование было почти искренним.

— Феи?

— Очень возмущена!

— Понял, ты перламутровый жук.

Я уже была готова взорваться, когда этот невыносимый человек прислонился своей колючей щекой к моей и прошептал, обжигая дыханием ухо:

— Ты самый прекрасный безликий из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. И, как безликоборец, я просто обязан взять тебя в плен.

— Разве не уничтожить? — буквально расплавившись от его близости, так же шепотом спросила я.

— Еще никому не удавалось подчинить безликого, — музыка сменилась на медленную, и мы незаметно перешли на танец. — Хочу стать первым.

Слова прозвучали несколько двусмысленно, но этим вечером я была слишком раскованной для того, чтобы испытывать даже долю смущения. В ответ только выразительно приподняла бровь, как бы говоря мимикой и взглядом: ну попробуй!

Наш танец был таким же, как и эта ночь — волшебным. Было что-то чарующее и в неспешных движениях, и в нотах звучащей музыки, и в светящихся рожицах фонарей-тыкв, вышедших из-под моих рук. Пахло чем-то сладковатым, и этот запах перемешивался с ароматами разнообразных духов, а еще — табачного дыма, исходящего от Котика, который свободно перемещался между развешенными по залу картинами.

Хотелось, чтобы эти мгновения длились бесконечно, но, как и все хорошее, они пролетели быстро. После поставили еще один медленный танец, однако мы его уже не застали. Герман сказал, что ему нужно идти к Тэйрону, и я, как планировала, вызвалась идти вместе с ним. Аня с Аленкой были слишком увлечены празднеством, чтобы заметить мой уход, и единственным, кто обратил на него внимание, стал Котик, промурлыкавший из висящей у выхода картины:

— Что, мила-у-шка, уже ухо-у-дишь?

Делу — время, потехе — час, так что соблазнительную мысль плюнуть на все и таки задержаться, возникшую после вопроса духа-хранителя, я пресекла. Да и перспектива провести остаток бала без Германа привлекала не слишком. Кажется, в этот момент я ненавидела Игоря и все, что с ним связано, как никогда! Да если бы не он, мы бы все сейчас наслаждались праздником и не имели никаких проблем!

У комнаты-сейфа, к моему удивлению, стоял не только Тэйрон. Когда мы пришли, стену там подпирали еще пять мужчин, спланировавшие заклинателя духов, надев непроницаемые черные плащи. Правда, капюшоны у них были не настолько глубокими, и лица при желании можно было разглядеть.

В отличие от зала, где гремела музыка, и разносилось множество голосов, сюда не долетали даже отзвуки шума. Коридор увязал в тишине, на фоне которой окружившие меня мужчины казались такими же безмолвными тенями. Во время танца я успела отметить костюм Германа, который состоял из черных брюк и рубашки, в вырезе которой виднелся его медальон. Он был безликоборцем и оставался им сейчас, когда, как и остальные, тоже надел плащ.

— Ребята, а вам плащи не мешают? — поинтересовалась я, нарушив тишину. — Вдруг придется бежать, а вы запугаетесь в их полах, упадете.

«Пятеро из ларца» продолжили неподвижно стоять, будто меня не услышав, и на их просматривающихся в тени лицах не дрогнул ни единый мускул. Тэйрон обернулся в мою сторону, но тоже промолчал.

— Не мешают, — за всех ответил Герман, приобняв меня за плечи.

Честно признаться, его слова я пропустила мимо ушей, сосредоточившись на объятии. Приятно и

как-то так... надежно, что ли.

Раздался негромкий звук, вызывавший ассоциацию со скрипом зубов: кажется, он исходил от Тэйрона. Нет, ну что за человек такой невыносимый?! Так и нейметя при виде чужого счастья! Чего привязался-то?

Не желая провоцировать заклинателя, но не в силах совладать с возмущенной внутренней ведьмочкой, я ответно обняла Германа за пояс и, чтобы уж наверняка продемонстрировать всю степень пренебрежения к чужому мнению, положила голову ему на плечо.

Скрежет стал громче, но на сей раз вместо злости он вызвал удовлетворение. Я искренне недоумевала и не могла понять, что так раздражает Тэйрона в наших с Германом отношениях, но была намерена не дать ему хоть как-то их испортить.

Возможно, на этом наше противостояние бы не закончилось, не случись внезапно вещи, моментально привлекшей всеобщее внимание.

Не знаю, как для остальных, но для меня все началось с запаха. Противного, тошнотворного запаха, отдающего плесенью и какой-то неведомой гухлятиной. Эту вонь я узнала сразу, и инстинкты сработали быстрее разума. Обернувшись, я вперилась взглядом в конец коридора, где на первый взгляд не было ничего. Но все же, наравне с запахом, до меня доходили едва различимые колебания воздуха, заметить которые становилось возможным, только предельно сосредоточившись.

— Звервон, — на этот раз повисшую тишину нарушил Герман, негромкий голос которого прозвучал предельно отчетливо.

И все сразу переменялось.

Ушли посторонние мысли, стали неважными разногласия, потому что теперь всем нам предстояло действовать сообща. И, несмотря на то, что многие точно в этом сомневались, я знала, что сейчас смогу быть полезной.

Прежде неоднократно представляла, как может выглядеть дух, источающий такой смрад и оставляющий после себя литры грязи. Но то существо, какое в скором времени я увидела в конце коридора, совершенно не совпало с картиной, нарисованной моим воображением.

Этот дух оказался скромным в размерах, не страшным, не уродливым и походившим на... гусеницу. Нет, серьезно — на прыгающую на кончике хвоста гусеницу серого цвета! Глаза у него были небольшими и круглыми, чуть поблескивающими в полумраке, а вот раззявленный рот — здоровым, похожим на черный провал. Конечно, не самое привлекательное существо, но после всего, на что я насмотрелась, страха оно не внушало. Да и вообще, не зная я, кто он такой, приняла бы за рядового постояльца!

-Что, так просто? — негромко проговорил один из пяти «черных плащей».

Мне тоже очень хотелось задать тот же вопрос, потому что, глядя на нашу «армию» и эту несчастную гусеницу, не заметить перевеса сил было попросту невозможно.

Но «гусеницу» я явно недооценила, потому что расстояние между нами она сократила за считанные секунды. Не знаю, что она собиралась сделать, но наверняка нечто ужасное, иначе Герман бы не прыгнул на меня и не повалил на пол, отбрасывая в сторону. Пока я пыталась понять, что происходит, «черные плащи» во главе с Тэйроном уже окружали духа, который оказался до того вертким, что от его передвижений рябило в глазах.

Вновь оказавшись на ногах, я обнаружила, что меня закрывает купол золотистого света, явно поставленный заклинателем. Точно такое же свечение всегда сопровождало его магию, и эта помощь стала для меня неожиданностью. Сориентировавшись, я лихорадочно осмотрелась по сторонам и с изумлением обнаружила, что все пять «плащей», повторяя мою недавнюю участь, лежат на полу. Вот только, в отличие от меня же, встать не собираются, а борьбу со звервоном теперь ведут только Герман с Тэйроном.

Да как так?!

Присмотревшись внимательнее, я заметила, что дух бесконечно меняет форму, и теперь это уже не гусеница, а многорукое существо, в следующее мгновение обращающееся невнятной тенью.

Вот теперь стало жутко.

Я хотела броситься на подмогу Герману, но внезапно обнаружила, что светящийся купол заклинателя не дает мне выйти за его пределы.

— Тэйрон! — выкрикнула я, разозлившись на такую «помощь». — Сними эту штуку!

— Стой и не дергайся! — рыкнули мне в ответ.

Знакомо рыкнули... очень знакомо.

Черт возьми, да что за напасть?! Почему даже в такой стрессовый момент у меня возникает чувство, что этот невыносимый заклинатель, как и Герман, был мне знаком до нашей встречи в Большом Доме?

Как бы то ни было, странности и провалы моей памяти могли подождать до лучших времен, а пока требовалось выгнать из гостиницы непрошеного гостя. Вот только стараниями Тэйрона оказать в этом помощь мне было не то, что нелегко — попросту невозможно. Снова и снова пытаюсь преодолеть свечение, я словно упиралась в невидимую непробиваемую стену.

Впрочем... такую ли непробиваемую?

Отрешившись от всего постороннего, я глубоко вдохнула и, затаив дыхание, на несколько мгновений прикрыла глаза. Никакая магия не может быть абсолютно идеальной, особенно в эту ночь, когда границы между мирами стираются, и она ослабевает. В окружившем меня куполе точно должна быть брешь — на желании ее увидеть я и сосредоточилась.

В первую секунду после того как разомкнула веки, я видела все таким же, как прежде, но уже в следующую рассмотрела новую деталь. В одном месте покрывший меня купол сиял не так ярко — словно бы выцвел и потускнел.

Быстро сообразив, что у меня получилось отыскать то, что хотела, я положила ладони на ту самую брешь и снова сосредоточилась. Не знаю, возможно, стоило оставаться в стороне и предоставить остальным разобраться со звервоном, что, безусловно, было разумным. Но так поступить я не могла. Просто чувствовала, что должна вмешаться! В конце концов, у меня контракт, который я обязана отрабатывать в экстренных случаях, к каким теперешний однозначно относится!

Иначе, какой из меня работник Большого Дома и напарник безликоборца?

Спроси у меня кто-нибудь, как мне удалось вырваться за пределы защитного купола, ответ был бы один: не знаю. Но факт оставался фактом, я оказалась вне золотистого свечения, и как только это произошло, побежала к Герману, который вместе с заклинателем и звервоном успели переместиться в другой конец коридора.

## Глава двадцать пятая

При всех своих умениях, силе и потрясающей магии совладать со звервоном у безликоборца с заклинателем никак не получалось. Тот так быстро менял форму и перемещался настолько резво, что отследить за его перемещениями было практически невозможно... ключевое слово «практически».

Замерев на расстоянии нескольких шагов от разворачивающегося действия, я призвала весь свой самоконтроль, все внутренние возможности и концентрацию, чтобы достичь желаемого результата.

Было дело в особенности сегодняшней ночи, в необычных колебаниях эфира, или во мне самой — неизвестно. Вот только удача явно в кои-то веки повернулась ко мне лицом, так как осуществить задуманное у меня получилось на удивление легко.

Время словно замедлилось, растянуло мелькающие перед глазами картинки, позволяя рассмотреть их во всех подробностях. Я видела, как пригнулся Герман, и над ним просвистела сжатая в кулак черная лапа, как уклонился от такого же удара Тэйрон, а звервон, собравшись с силами, решил снова одновременно их атаковать.

Я даже не услышала собственного голоса, когда выкрикнула предупреждение. Неведомо откуда, мне вдруг стало известно, что именно предпримет дух и с какой стороны ударит, о чем и предупредила сражающихся с ним напарников.

Как они сумели вовремя отреагировать и не растеряться из-за того, что я оказалась поблизости, так и не поняла, да и волновало это в последнюю очередь. Самое главное — мои слова оказались полезными, и они увернулись от удара, который мог бы стать для них если не последним, то уж точно существенным.

А звервон тем временем, почувствовав, что в поле зрения появилось новое действующее лицо, внезапно развернулся ко мне. Сейчас это было существо, похожее на огромную летучую мышь, морда которой отдаленно походило на человеческое лицо. Жуткая тварь, не имеющая почти ничего общего с милыми Дэтти и Бэтти!

— Назад! — теперь выкрикнул Герман и ринулся ко мне, но его опередил Тэйрон.

Оказавшись рядом в считанные доли секунды, он заслонил меня собой и, столкнувшись со звервоном, отбросил его назад.

— Дура! — адресовалось мне. — Зачем вышла за пределы защитного контура?!

Оставив вопрос без ответа, я крикнула Герману, чтобы он уходил вправо, что тот моментально сделал. Острые когти прошлись на расстоянии каких-то жалких миллиметров от его лица, едва не добавив ему новых шрамов.

У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло! Даже когда дух летел на меня, не испытывала такого страха, как за безликоборца.

Время для меня все еще было растянуто, поэтому я вовремя успела заметить, что Тэйрон поднял руку в явном намерении вновь выставить вокруг меня защиту. Все так же необъяснимо, на каком-то подсознательном уровне я знала, что это все испортит — если окажусь покрыта золотистым свечением, больше ничем помочь не смогу.

Перехватив руку заклинателя, чем изрядно его удивила и разозлила, я отрицательно покачала головой. Времени что-либо объяснять не было, вдобавок, под ногами внезапно появилось что-то липкое и чавкающее.

Грязь.

Снова приняв облик гусеницы, только на этот раз куда более жуткой, звервон разливал вокруг себя литры зловонной жижи. Воздух сделался жарким и влажным, совсем как в банях, но с тем исключением, что не пах душистыми травами и маслами, а наполнился тошнотворным смрадом.

Машинально закрыв нос рукавом, я продолжила следить за перемещениями разъяренного духа, когда услышала негромкий, но отчетливо прозвучавший стук, идущий из-за стены. Услышал его и Тэйрон, мгновенно посмотревший на дверь, за которой находилась комната-сейф. Не сговариваясь, мы опрометью бросились туда. Обернувшись на бегу, я обратила взгляд на Германа, преграждающего путь звервону и не дающему ему последовать за нами. Одна моя часть отчаянно желала остаться здесь и помочь безликоборцу, но другая рвалась к Кириллу, которому так же явно требовалась помощь.

Упрекнуть меня в том, что только путаюсь под ногами и мешаю, заклинатель не мог, поэтому

мешать на этот раз не стал, позволив войти в комнату следом за ним. Точнее, вбежать — на всех парах и, буквально выбив ногой незапертую дверь!

С моего прошлого визита здесь произошли кардинальные перемены. Это помещение увеличилось как минимум раз в пять, а количество тумб, которых в прошлый раз было всего одиннадцать, сейчас явно перевалило за сотню.

Едва я оказалась внутри, как по глазам резанула вспышка яркого света, источником которого был Кирилл. Он стоял в центре комнаты, свободной от нагромождений тумб и, выставив перед собой руки, чертил в воздухе какой-то символ.

Врываясь сюда, я ожидала увидеть еще одного звервона, какого-то другого духа, или Игоря на худой конец! Но почему-то совершенно не предполагала встретить Диму, который, замерев напротив Кирилла, выглядел совершенно спокойным и невозмутимым.

Но когда к нему направился окончательно разозлившийся заклинатель духов, от былой невозмутимости не осталось и следа! Кирилл и Тэйрон ударили одновременно, и на несколько мгновений комнату затопил до того яркий свет, что снова стало больно глазам. Перед тем как зажмуриться, я заметила одну крайне странную вещь: фигура Димы пошла рябью, будто он вдруг оказался под водой.

Через несколько секунд, когда поток яркого света иссяк, и я вновь посмотрела на то место, где только что стоял псионик, его там уже не было. Владелец гостиницы и заклинатель духов по-прежнему находились в центре комнаты, стоя плечом к плечу.

— Ушел, — спустя недолгую, но очень напряженную паузу констатировал Кирилл. — Не понимаю, почему он...

Договорить ему не дал появившийся на пороге Герман — взлохмаченный, тяжело дышащий и с ног до головы перепачканный серо-буро-малиновой грязью. От безликоборца разило не хуже чем от звервона, в связи с чем так и захотелось немедленно сопроводить его в бани, но вместо этого я, опередив остальных, спросила:

— С тобой все в порядке?

— Со звервонном покончено, — хрипло ответил Герман, стряхнув со лба приставший, похожий на глину, комок.

Тэйрон и Кирилл переглянулись, после чего заклинатель задумчиво произнес:

— Надо же... твои навыки и впрямь выросли. Я удивлен.

— Польщен, что ты, наконец, заметил, — губы Германа сложились в кривую усмешку, которая в следующее мгновение трансформировалась в гримасу брезгливости. — Черт побери, как же эта дрянь воняет!

Отмерев, я сделала несколько шагов и, обогнув Германа, высунулась в коридор.

Как высунулась — так и обомлела, чуть не задохнувшись от нового потока нестерпимой вони. Грязью было заляпано буквально все: пол, стены, потолок, а еще повсюду валялись какие-то подрагивающие ошметки, о происхождении которых я догадывалась, но думать об этом не хотела.

— Слишком просто, — повторил недавно сказанную фразу заклинатель, вынудив непроизвольно оторваться от созерцания неприятного зрелища и обернуться на его голос. — Они не могли не понимать, что звервон против всех нас не выстоит.

— Против одного меня, — сыронизировал Герман, сложив руки на груди и небрежно прислонившись плечом к дверному косяку.

— А как же Дима? — не поняла я. — Он ведь пришел вместе с духом!

Посмотрев на меня, Кирилл отрицательно покачал головой:

— Это была проекция. Самая сложная разновидность магии разума. Сам псионик не находился в Большом Доме, только его материально воплощенное сознание.

Понять сказанное мне было достаточно трудно, да и я была слишком взвинчена, чтобы вникать в сложные определения.

— Мы предполагали, что так будет, — вмешался в разговор заклинатель. — То же происходило и в тот раз, когда совершили нападение на Джею. Наблюдательница сказала, что на нее напал «разумный человек с холодной аурой», иными словами — проекция сознания псионика.

— Игорь знал, кого брать в помощники, — вздохнул Кирилл, сняв запотевшие очки. — Не будь мы предупреждены заранее, вряд ли бы сумели ему помешать.

— И все-таки слишком просто, — снова задумчиво повторил Тэйрон. — Я ожидал гораздо большего. Впрочем, ночь еще не закончилась.

Очень мне не понравился непрозрачный намек, сквозивший в последних словах. Но, не успела я выразить надежду, что все самое страшное уже прошло, как за стеной раздалась звуки возни.

Снова высунувшись в коридор, только на этот раз в компании всех остальных, я увидела стремительно несущуюся в нашу сторону госпожу Санли, которую окружала орава духов-помощников, навьюченных ведрами, швабрами и прочей утварью.

— Ну надо же, какое возмутительное свинство! — громыхнула управляющая чуть ли ни на весь Большой Дом. — Ироды! Охальники! Неряхи проклятущие! Чтоб вас нелегкая забрала, только ведь до скрипа эту чертову, с позволения сказать, гостиницу отдраили!

— Госпожа Санли, — тяжело выдохнул Кирилл.

— В своем репертуаре, — хмыкнул Герман.

— Бедный Най, — посочувствовала я.

— Опасная женщина, — подытожил Тэйрон и еще тише, так, что, похоже, расслышала одна я, добавил: — Вот уж точно рыжая чума...

Вопреки опасениям, остаток Самайна прошел спокойно, если не учитывать громкую гулянку духов, которая длилась до самого утра. Тэйрон с Кириллом продолжили дежурить у комнаты, госпожа Санли металась между руководством над мелкими духами и контролем банкета, а мне — совершенно не знаю, как так получилось! — выпала доля проводить Германа в бани, да еще и прислуживать ему вместо духов-помощников.

Идея принадлежала госпоже Санли и, слава богу, Тэйрон в этот момент был слишком поглощен разговором с Кириллом. Иначе, узнай он о возложенной на меня обязанности, либо разразилась бы очередная перепалка, либо он бы лишился последних зубов.

— Давай-давай, пошевеливайся, все равно на бал уже не пойдешь! — подгоняла меня управляющая. — Сама-то от грязи на страшилище похожа, и костюма не надо! Можешь тоже в банях искупаться. Главное, банниц не отвлекай, сама все организуешь, как положено!

В общем, в бани мы с Германом таки пошли. Взглянув на свое прекрасное платье, я с прискорбием обнаружила, что оно действительно стало не таким уж и прекрасным, успев заработать несколько больших пятен и значительного размера дыр. Прическа после пережитого тоже оставляла желать лучшего, но все бы ничего, не пропитайся я целиком и полностью все тем же отвратным запахом.

Так и хотелось оживить звервона, чтобы прибить его повторно!

Как и ожидалось, в банях было душно, влажно и тесно из-за неимоверного количества нежащихся в клубах пара духов. Казалось бы — такое пиршество устроено в главном зале, идите туда и радуйтесь! Так нет же, многие предпочитали пировать здесь и, надо признать, банный колорит нисколько не уступал бальному.

Духи помощники разносили угощения, от обилия яств ломились столы, повсюду висели вездесущие горящие тыквы (глаза б мои их уже не видели!)

Свободных парных комнат, как их здесь называли, в банях не оказалось, но Герману все-таки повезло. Потребовалось подождать буквально несколько минут, и одна комната освободилась — из нее вышел довольный и блещущий чистотой дух, наш неизменный, похожий на слона постоялец.

В освободившуюся парную тут же ринулись духи-помощники, которые прибрали в мгновение ока, но быстро наполнять бассейн, используя специальные магические камешки, они не умели. Банницы, как и предсказывала госпожа Санли, были заняты в нижних банях, так что мне пришлось взять инициативу в свои руки. Выгнав мелких, я взяла с полки нужный камешек и уже привычным жестом отправила его в бассейн. Пока тот стремительно заполнялся водой, добавила травяной сбор, масла и розмариновую настойку.

Пока я возилась, Герман стоял неподалеку и внимательно наблюдал за моими действиями. Даже не знаю, отчего было жарко больше: печей или его неотрывного взгляда.

Как-то сами собой в памяти всплыли слова, сказанные безликоборцем в нашу первую встречу. Тогда он бросил мне презрительное «прислуга», и вот сейчас я в полной мере оправдывала это звание,

причем прислуживая лично ему.

Как ни странно, никаких отрицательных эмоций по этому поводу я не испытывала. Только легкую взволнованность и желание покончить с этим побыстрее. Как-то совершенно не хотелось представлять, что в этом самом бассейне с минуты на минуту будет плескаться безликоборец, и задерживаться в банях не хотелось тоже. Лучше уж сбегать к себе и быстренько принять душ.

— Милости прошу, — сыронизировала я, когда все было готово. — Наслаждайся!

Я почти вышла из парной, когда меня вдруг придержали за плечо, вынудив задержаться.

— А спинку потереть? — вкрадчиво спросил безликоборец, поймав мой удивленный взгляд. — Тебе доверена роль банницы, не забыла?

Я опешила.

Он это сейчас серьезно?

— Герман, — так же вкрадчиво произнесла я. — У нас здесь всякие неприятные личности в Большой Дом вторгаются, не забыл?

— Как раз одну из таких личностей я недавно отправил в небытие, — сообщил он и, подавшись ко мне, словно прочитал недавние мысли: — Запах звервона простым душем не смыть.

Я несколько раз моргнула, осмысливая услышанное и гадая, врет он, или нет.

Судя по окружившему нас облаку вони — все-таки не врет.

Вот же... звервон!

Пока я соображала, как бы искупаться в одобренной магическими штучками воде, Герман зашел за ширму и принялся раздеваться. На стоящую рядом скамью летели плащ, обувь, рубашка, штаны... дальше я опомнилась и отвернулась. Кажется, щеки предательски покраснели, но эту маленькую неприятность можно было легко списать на жару.

Плюх! — раздалось за моей спиной, а вслед за этим послышался блаженный вздох безликоборца.

В этот момент я завидовала ему всей душой.

— Ну же, Юля, — в его голосе звучали довольство и усмешка. — Парфюм с нотками звервона совсем тебе не подходит.

— Жаль, что ты не оценил, — съязвила я, мысленно пытаюсь совладать с собой и решиться хотя бы на что-то: присоединиться к купанию, или выйти вон и поискать другую парную.

Усмешка Германа трансформировалась в негромкий смех:

— Никогда бы не подумал, что ты умеешь смущаться.

Мы словно поменялись ролями. Обычно это я беззлобно над ним подтрунивала, стараясь растормошить и проявить ко мне знаки внимания, а теперь все было наоборот.

Я глубоко вдохнула.

Все самые безбашенные поступки начинаются с мысли: «Ай, живем один раз!»

Вот и меня посетила точно такая же мысль, вслед за которой я совершила тот самый, безбашенный и решительный поступок. Протопав за ширму, сбросила туфли, стащила с себя платье и, пока не передумала, все остальное. Затем велела Герману отвернуться — что он, надо отметить, беспрекословно и, самое главное, честно выполнил, — и с разбегу прыгнула в бассейн, наделав кучу брызг.

Ух, облегчение-то какое!

Пряный запах трав и масел заключил в гостеприимные объятия, горячая вода обласкала кожу, и я почувствовала себя как в раю. Забавно, но до этого момента я ни разу не купалась в банях, довольствуясь личным душем: персоналу пользоваться банями вообще-то запрещалось.

Уйдя под воду с головой, я несколько мгновений наслаждалась абсолютной тишиной и умиротворением, а затем вынырнула обратно. Приправленная магией вода и впрямь была удивительной: чистой и вроде бы прозрачной, но вместе с тем, если смотреть на нее сверху, не было видно, что находится на дне.

Короче, из-за того, что сидела здесь нагишом, я могла не переживать.

— Просто не верится, — выдохнула я, посмотрев на Германа сквозь толщ белого, поднимающегося над водой пара. — Сидим здесь, купаемся вместо того, чтобы стоять на страже безопасности. Вдруг псионик вернется, или вообще пожалует сам Игорь?

— Больше никто не придет, — расслабленно откинувшись на бортик бассейна, ответил он. — А если и надумают снова сунуться, там Кирилл с Тэйроном. И без нас обойдутся.

Такая легкомысленность была совсем ему несвойственна, но... мне она понравилась. Понравился этот новый, раскрывшийся с другой стороны Герман, который многим отличался от того замкнутого и угрюмого типа, с каким я познакомилась несколько месяцев назад.

— И с чего такая уверенность? — прищурившись, поинтересовалась я. — Что они не вернуться?

— Пик Самайна пройден, — последовало пояснение. — Магия постепенно возвращается в привычное русло. К тому же, у Большого Дома очень хорошие защитники и, заметь, это я сейчас даже не о себе. Госпожа Санли в лепешку расшибется, а не допустит, чтобы Игорь завладел гостиницей.

— Госпожа Санли? — недоуменно переспросила я.

— Ты ведь уже наверняка знаешь, что она некогда была няней нашего мага, — Герман лениво прикрыл один глаз и исподлобья на меня покосился. — Некоторое время они жили порознь: он в ином мире, она — в нашем. Тогда госпожа Санли и повстречала Игоря, проходящегося родственником ее драгоценному воспитаннику. В то время она еще не знала, чем все обернется, вот и разболтала ему и о Большом Доме, и о духах, и о магии. До сих пор себя корит. Сам-то Игорь никакой магией не наделен, хотя умело, надо признать, компенсирует этот недостаток наличием одаренных помощников.

Вот так новость... выходит, во всех нынешних бедах так или иначе виновата управляющая?

Еще раз нырнув, я недолго пробыла под водой, млея от восхитительно горячей неги, и, оказавшись на поверхности, позвала:

— Герман...

Завладев его вниманием, в нерешительности прикусила губу, немного помолчала и продолжила:

— Слушай, помнишь, я когда-то спрашивала, не встречались ли мы прежде... У тебя нет такого ощущения, что мы виделись до того, как я устроилась работать в Большой Дом?

Сделав несколько размашистых гребков, Герман сократил между нами расстояние и оказался сидящим рядом со мной. Не встретив сопротивления, приподнял за подбородок, покрутил мою голову, рассматривая лицо со всех сторон и, обаятельно улыбнувшись, кивнул:

— Кажется. Такую красоту невозможно забыть.

— Господин безликоборец, — ощущая, как быстрее забилося сердце, я постаралась придать голосу ироничной непринужденности. — Вы бессовестно мне льстите. Неужели вознамерились соблазнить?

На серьезный разговор сейчас рассчитывать не приходилось, и я решила отложить эту тему до лучших времен.

— Не все же вам проявлять инициативу, госпожа иллюстратор, — голос Германа звучал чуть ниже обычного, вкрадчиво, обволакивая точно горячая вода.

Очень мне понравилось это его обращение «госпожа иллюстратор». Не горничная, не напарник, а именно иллюстратор — тот, кем я всегда хотела быть.

— Признавайся, ты дух, принявший облик безликоборца, которого я знаю? — с деланным сомнением спросила я, коснувшись его щеки. — Скулы те же, щетина, губы... даже глаза. Но безликоборец, живущий в Большом Доме, не отличается умением флиртовать.

— Это вы просто плохо его знаете, госпожа иллюстратор, — это были последние слова, в которых звучала насмешка.

А потом ее не стало, как и слов вообще. Я так и не поняла, когда губы Германа накрыли мои, когда его руки обхватили мою талию, а мои обвили его шею. Но все это было таким естественным, таким правильным, что никакого понимания и не требовалось. Он действительно оттаял, сумел перебороть демонов своего прошлого, что преследовали его на протяжении долгих лет, и осознание, что этому

в какой-то степени способствовала я, заставляло мою душу трепетать.

Слишком много было головокружительных чувств, слишком много ощущений и переполняющего сердца восторга, чтобы выразить все это словами.

Когда-то я мечтала о прекрасном принце, что придет ко мне на белом коне... А влюбилась в обладающего тяжелым характером безликоборца, с которым нас свела судьба в Большом Доме — месте, где моя вера в чудеса обернулась реальностью.

И сейчас, в эти мгновения, которые, уверена, стереть из памяти не сумеет никакая магия, в затуманенном сознании мелькала мысль: а в ночь Самайна и впрямь случается особое, ни с чем несравнимое волшебство... и даже заклинатель духов, вечно приходящий не вовремя, на этот раз не в силах ему помешать.

## Глава двадцать шестая

Проснулась я поздно и такой счастливой, какой не помнила себя никогда. На прикроватной тумбочке меня дожидался свеженький завтрак в виде ассорти десертов, оставшихся с праздника. Среди них особо выделялись карамельные корзинки, глядя на которые я с неприличным удовольствием улыбнулась — надо же, запомнил мою слабость к карамели...

Мысленно прокрутив события минувшей ночи, а точнее, второй ее части, я уткнулась носом в подушку и заколотила ногами по кровати, выплескивая переполняющие меня эмоции.

Сцены, происходящие в банях, а потом в моей собственной комнате казались просто нереальными — будто сон, который уходит с приходом утра. Но вся прелесть заключалась как раз в том, что утром он продолжился. И Герман до сих пор находился бы со мной рядом, не загляни к нам дух-помощник по поручению Кирилла. Новости, пришедшие к нам из пригорода, отличались повышенной степенью скверности, но я была слишком эгоистична, чтобы чужие проблемы могли омрачить мое потрясающее настроение.

Как оказалось, хотя в Большом Доме остаток Самайна прошел относительно спокойно, близ городской черты случилась череда нападений безликих. Нападали они на всех, встречающихся им по пути духов, а к тому же совершили нападение на двоих людей. Последние сейчас находились в больнице, было заведено уголовное дело — в полиции посчитали, что на них напал кто-то из «молодежи, сходящей с ума и рядящейся в чертей». Но самое ужасное заключалось в том, что бесчинства продолжались и сейчас, плавно переместившись на несколько соседних городов. Насколько я успела узнать, в Хэллоуин безликие всегда вели себя буйно, но таких массовых бесчинств не устраивали уже давно.

В общем, Германа, как и прочих, находящихся в стране безликоборцев, призвали объединить усилия, дабы разобраться с потерявшими страх духами.

Вторая неприятная новость этого дня заключалась в том, что после обеда мне предстояло снова дежурить у комнаты, причем не одной, и даже не в компании Тэйрона, или госпожи Санли, чью компанию я, ввиду замечательного настроения, как-нибудь бы перенесла, а с Джеей и Джией! Собственно, меня и поставили к ним третьей, чтобы эти милые сестрички друг друга не убили. Как сообщил дух-помощник сегодня в несуетливую рань, на пост они вызвались добровольно, раздосадованные тем, что ночью не участвовали в защите ключа. Что до Джеи, то у нее к Игорю остались личные счеты и она просто горела желанием с ним покончить. Кирилл же, хоть и считал, что теперь ключу ничего не грозит, хотел еще некоторое время продолжить дежурства у скрытой комнаты, справедливо полагая, что меры предосторожности лишними не бывают.

Перекатившись на спину, я потянулась и довольно улыбнулась. Моя внутренняя ведьмочка делала примерно то же самое, растянувшись на воображаемых перинах и легкомысленно наматывая на палец локон.

Из номера я выползла ближе к обеду, и когда оказалась в коридоре, обнаружила, что в Большом Доме стоит непривычная тишина. Большинство гостей отдыхали после насыщенной ночи, а те немногие, кто шатался по гостинице, украдкой зевали и передвигались в темпе улиток.

В кухне тоже царствовали тишина и покой. Один только Вилли, этот неутомимый шеф-повар демонстрировал привычную бодрость, колдуя над ароматным обедом.

Алена с Аней сегодня вышли во вторую смену и уже трудились вовсю — все же были плюсы в моем дежурстве, хотя... сложно сказать, что менее привлекательно: нести караул в компании темпераментных сестричек, или убирать после бессонной ночи.

— Тебя сюда не звали, черная!

— Сильно ошибаешься, белая! — настигли меня вопли, как только я ступила в коридор, ведущий к скрытой комнате.

Духи-помощники расстарались на славу, и теперь здесь ничего не напоминало о ночном противостоянии. Даже от мерзопакостного запаха не осталось и следа!

Опасаясь, что могу попасть под горячую руку, я остановилась за поворотом коридора и решила подождать, пока эти родственнички успокоятся. Ну а если уж ссора начнет набирать обороты — вмешаться.

— Да лучше б ты тогда не очнулась! — орала Джиея.

— Да лучше б мать тебя вообще не рожала! — не оставалась в долгу Джея.

Я непроизвольно закатила глаза и, достав из кармана телефон, уткнулась в дисплей. Не так давно, наконец, распрощалась со своей допотопной раскладушкой и приобрела недорогой, но вполне приличный смартфон.

Я проверила все соцсети и полюбовалась на фотографии из Египта, присланные Ленкой, которая не так давно все-таки удосужилась мне написать. Подруга стенала на свою извечную забывчивость и слезно просила ее простить. Я, как человек, не умеющий долго обижаться, не принять ее извинения не могла и, в конце концов, сдалась. Теперь она чуть ли ни каждый день присылала мне фотографии пляжа, пирамид, моря и прочих отпускных радостей, коих она наснимала до неприличия много.

Я как раз рассматривала Ленку, позирующую в красном купальнике, когда телефон завибрировал, и на экране высветилось милое: «мамочка».

Как всегда в последнее время, принимая вызов от мамы, я улыбалась. Но по мере прослушивания сбивчивого, скрывающегося на истерику голоса, моя улыбка постепенно исчезала.

— Юля, Сашка пропал! — сходу огорошили меня. — Он ночевал у Миши, утром пошел домой и не вернулся! Я тут весь поселок на уши подняла, а до отца твоего дозвониться не могу! Черт знает что! Ни до чего ему дела нет, даже до ребенка родного, вообще дома появляться перестал!

Маму штормило между паникой из-за пропажи Сашки и злости на вечно отсутствующего папу, а я в это время лихорадочно соображала, что предпринять. Сердце против воли колотилось, как бешеное, и унять его у меня не получалось. Мама продолжала что-то кричать в трубку, а во мне стремительно возрастало нехорошее предчувствие.

Брат, конечно, был шалопаем еще тем, но так безрассудно он бы никогда не поступил. Больше всего на свете Сашка боялся чем-то расстроить маму, которую очень любил, и даже во всех совершенных проказах всегда признавался сам. Он ни за что не ушел бы, никого не предупредив!

— Ты ему звонила? — вклинилась я в поток маминых воплей.

— Ну, разумеется, звонила! — воскликнула она. — У него мобильник вне зоны доступа, никто из друзей не знает, куда он подевался! А Миша говорит, что Сашка абсолютно точно собирался домой! Ты понимаешь, Юля?! С ним что-то случилось! Да от Миши до нас пять минут идти, а его нет уже полдня!

Надо признать, мама у нас всегда была склонна раньше времени поднимать панику. Но сейчас мне и самой не нравилось то, что происходило. Да, Сашка семилетний мальчишка, которому, при всей его не по-детски развитой ответственности, могло взбрести в голову все, что угодно. Но... моя обострившаяся за последнее время интуиция подсказывала, что опасения мамы небеспочвенны.

— Юля, приезжай! — выдернуло меня из размышлений особо громкое мамино восклицание. — Слышишь?! Прямо сейчас бери и приезжай, иначе я сойду с ума! А с отцом твоим разведусь! Если позвонит тебе, можешь так ему и передать!

— Хорошо, приеду — я понимала, чем чревата моя самовольная отлучка, но сидеть и ничего не делать, не могла. Глянув на часы, вспомнила, когда примерно отбывает следующая электричка и добавила: — К шести буду.

Не став дослушивать, я нажала на кнопку отбоя и, собравшись с мыслями, бросилась к все еще препирающимся сестрам. Мои слова о том, что ухожу, они явно пропустили мимо своих кошачьих ушей, и все, что я получила в ответ — это два мимолетных равнодушных взгляда. Понимая, что большего все равно от них не добьюсь, я побежала напрямик к Кириллу, но в кабинете его не оказалось. Семенящий мимо дух-помощник сообщил, что он отбыл час назад, оставив Большой Дом на попечение Котика. К последнему я и направилась и, к моему облегчению, дух-хранитель находился в своей вечной обители. Вкратце обрисовав ему ситуацию, я попросила передать все Кириллу с Германом и, получив утвердительное «мяу», сопровождаемое величественным взмахом хвоста, побежала собираться.

Много времени сборы не заняли, так как я собиралась ехать ненадолго и налегке. Побросав в рюкзак самые необходимые вещи, несколько минут потратила на поиск ключей, которые в последний раз доставала невесть когда. Они обнаружили на дне сумочки, которую я носила очень редко, а в последний раз брала, кажется, на свидание с Димой. Пришлось вытрясти уйму мелких и не очень нужных вещиц, прежде чем обнаружили ключики от родного дома.

Отправив в мусор пару невнятных помятых листков и браслет из клуба, я на ходу надела куртку, закинула на плечо рюкзак и выбежала из комнаты. Пулей спустилась на первый этаж, мельком отметила, что у Олега, видимо, сегодня выходной, а новых посетителей не ожидается, и выбежала во двор.

Я уже почти вышла за пределы гостиницы, когда едва не столкнулась с идущим мне навстречу

Тэйроном.

— Куда спешишь? — неожиданно остановил он меня вопросом.

Сперва я хотела отмахнуться, но потом подумала, что его предупредить тоже не помешает. Так, на всякий случай.

— У меня дома неприятности, — сообщила, притормозив. — Нужно срочно ехать.

К моему удивлению, заклинатель уточнил:

— Что случилось?

— Младший брат пропал, — с ответом я долго не колебалась. — Извините, я опаздываю.

Злосчастная электричка до поселка ходила всего два раза в день, и последняя отбывала уже через полчаса, а мне предстояло пересечь фактически весь город.

На этот раз я успела сделать несколько шагов, когда меня настигло знакомое золотистое сияние вместе с голосом заклинателя духов:

— Я перенесу тебя, куда скажешь.

В следующий момент мне пришлось второй раз в жизни видеть светящиеся круги, образующие своего рода тоннель. «Портал», — как я мысленно окрестила это магическое чудо.

Насколько помощь Тэйрона была неожиданной, настолько она пришлась кстати. Наверное, впервые за все время мне не захотелось с ним спорить, да и вообще привычная неприязнь к нему сменилась огромной и искренней человеческой благодарностью.

Причины его альтруизма в этот момент волновали меня не слишком и, бросив короткое «спасибо», я назвала адрес, после чего свет стал ярче, и я шагнула прямо в него.

Хотя и знала, что окажусь в родных, знакомых с детства окрестностях, резкая смена обстановки все равно произвела впечатление, и я на несколько мгновений оторопела. Под ногами появился пестрящий выбоинами асфальт, который пытались заделывать каждое лето, но к зиме приложенные усилия всякий раз сходили на нет. Неподалеку расположился продуктовый магазин, за которым в десяти минут ходьбы находилась школа, а по обеим сторонам дороги возвышались дома: какие-то совсем старые, преимущественно принадлежащие бабушкам-пенсионеркам, а какие-то поновее. Из общей картины выбивалось только несколько солидных коттеджей, куда хозяева навевывались в основном по выходным.

Сориентировавшись, я уже вознамерилась идти к своему дому, как вдруг обнаружила, что в Тэйрон перенесся в поселок вместе со мной.

— Ты, кажется, спешила, — ответил он на мой вопросительный взгляд.

Что-то в его интонации показалось мне странным — возникло ощущение, будто заклинатель напряжен и чем-то обеспокоен. Мне хотелось остановиться на этом моменте, расспросить его, или вообще сделать вид, что ушла, и попытаться за ним проследить, чтобы понять, наконец, что творится у этого непостижимого человека в голове, но он был прав: я действительно спешила. Хотя и обещала приехать только к шести часам, за Сашку переживала жутко, да и за склонную к истерикам маму — тоже.

Еще не дойдя до порога, я слышала доносящиеся из дома причитания. Судя по всему, к нам пришла живущая по соседству бабушка, что совсем неудивительно. Оказавшись внутри, я увидела, что, помимо бабушки, маму утешает еще и тетя Света — ее лучшая подруга, которая первой заметила мой приход.

— Ой! — вместо приветствия выдала она. — Юлька? А ты как так быстро доехала?

-Приятель подбросил, — почти не соврала я, понимая, что за такое время могла прибыть в поселок могла разве что на самолете.

К счастью, заострять внимания на этом факте никто не стал, благо других забот хватало. Обнявшись с родными, я первым делом спросила, не произошло ли чего нового за минувший час, и какие действия были предприняты для поиска братишки. Со слов мамы, некоторые местные мужчины объединили усилия и сейчас прочесывали лес, а обращение к участковому никаких результатов не дало: официально поисками должны заняться через три дня, если к тому времени ребенок не найдется.

— Три дня! — воскликнула мама. — Что у них там за законы?! У меня сын пропал, а им по уставу

искать не положено!

Присоединяться к истерическим метаниям я не планировала, как и задерживаться дома. Чем сидеть без дела и жаловаться, решила пойти к Мише и поговорить с ним. Конечно, мама сделала это еще утром, но интуиция подсказывала, что мне лучший Сашкин друг может рассказать больше, чем ей. И если он вдруг о чем-то умолчал, я обязательно об этом узнаю.

Как назло, нехорошее предчувствие все возрастало, и сдерживать эмоции становилось все сложнее. Сашка был моим самым дорогим в мире человеком... его я любила, наверное, даже больше родителей. Мой младший брат — этот светловолосый, немного шкодливый и крайне обаятельный мальчишка был слишком дорог моему сердцу, чтобы допустить даже мысль о том, что с ним произошло нечто нехорошее. И все же такая мысль настойчиво меня преследовала.

Папа Миши оказался в числе тех, кто ушел прочесывать лес, так что дверь мне открыла его мама. Выразив сочувствие и без перехода постаравшись приободрить, она проводила меня в комнату сына, где тот восседал на кровати, угрюмо уставившись в телефон.

При моем появлении он оторвался от своего занятия и поднял на меня несчастное, зареванное лицо. В общей сложности наш разговор не продлился долго и ничего нового узнать мне не удалось... вернее, так я думала. Не знаю, почему всегда так происходит, но по-настоящему важные вещи мы открываем именно в тот момент, когда теряем всякую надежду.

Разочаровавшись, но не собираясь отступить, я уже решила уходить, когда Мишка внезапно сказал:

— Он вчера тебя вспоминал. Мы в стрелялку играли, а он возьми и отвлекись. Говорит, смотри, Мишка, в окно! Я и посмотрел, а там...

— Что там? — вмиг насторожилась я.

— Огоньки, — понизив голос, с серьезным видом ответил Миша. — Желтые и зеленые, близко-близко к окну подлетели. Я еще говорю, светлячки это! А Сашка мне — дурак, что ли? Какие светлячки осенью? Это, говорит, волшебство какое-то! Вот тебя и вспомнил. Говорит, ты точно объяснила бы, что это за огоньки такие.

В том, что мой брат так сказал, не было ничего удивительного. Всегда отличаясь буйной фантазией, я рассказывала ему бесчисленное количество сказок, во многих из которых волшебство переплеталось с реальностью.

Раньше я бы не посчитала слова о странных огоньках важными, но теперь, после того как узнала о существовании духов, они заставили меня задуматься.

— И какого размера они были? — скрывая волнение, уточнила я. — Что делали?

— Во-о-от такого, — Миша показал кулак и, шмыгнув носом, добавил: — И поменьше еще, точно как светлячки! Покружили немного, в окно постучались и улетели куда-то...

Предположение, что Сашка мог податься в город, чтобы увидеться со мной, я отмела сразу. Не такой он безрассудный, да и если бы хотел поговорить, то сперва бы позвонил.

А вот пойти на поиски загадочных светлячков, подталкиваемый детским любопытством и возвращенной мной верой в чудеса... впрочем, тоже нет. Ну не мог он сбежать, никого не предупредив! Не мог и все тут!

Отказавшись от любезно предложенного чая, я вышла на улицу, где к этому времени уже стемнело. Вот за это и не особо жалую ноябрь — серый, унылый, он ворует свет и урезает дни, погружая мир в сонливую меланхолию.

Будто специально решив ухудшить и без того паршивое настроение, начал накрапывать дождь. Противная такая, мелкая морось, из-за которой хочется спрятаться с теплой шарф и, согревая руки в карманах, быстрее возвращаться в сухой и теплый дом.

Не знаю, возможно, именно это я бы и сделала, поскольку идей, куда податься, больше не было, но тут в поле моего зрения снова появился заклинатель духов. Он стоял за забором и, кажется, дожидался меня.

Порядком устав и от его переменчивости, и от странного поведения, я подошла ближе и напрямик спросила:

— Что вам нужно?

— Я знаю, где твой брат.

От такого заявления я откровенно опешила, но длилось мое замешательство недолго. В мыслях промелькнуло несколько предположений — одно хуже другого и похожих между собой тем, что к пропаже Сашки мог быть причастен сам Тэйрон.

— Я не имею к этому отношения, — словно заглянув ко мне в голову, возразил он. — Насколько могу судить, его забрали люди Игоря, а сейчас ребенок находится в логове аук.

— Аук? — переспросила я, в то время как в мыслях творился настоящий хаос.

— Блуждающих духов леса, — пояснил Тэйрон. — Видеть их могут только дети... или те, кто с возрастом не разучился, подобно детям, видеть суть вещей.

Следующую фразу он произнес с явной неохотой и, сделав над собой усилие:

— Я не смогу вытащить его в одиночку. Мне понадобится... твоя помощь.

— Ну и чего тогда мы все еще здесь стоим?! — вскинулась я, запретив себе довольствоваться моментом, где великий заклинатель духов признает необходимость моего вмешательства. — Идемте! Хотя... — я осеклась и внимательно всмотрелась в темноту глубокого капюшона, скрывающего лицо. — С какой стати вам мне помогать? Какое вам дело до моего брата? Откуда мне знать, что вы не действуете с Игорем заодно, и это не какая-то ловушка?

— Ты всегда задавала слишком много вопросов, — в голосе Тэйрона послышалась усталость. — Нужно идти. Чем быстрее Сашка окажется дома, тем лучше.

Я все еще колебалась и не могла не уточнить:

— Откуда вы знаете, как зовут моего брата?

— Все в этом поселке только это имя и повторяют, — теперь в его голосе звучало раздражение. — Поторопимся!

Не успела я опомниться, как оказалась схвачена за шкуру и буквально заброшена в световой тоннель, а уже через несколько секунд стояла посреди темного и совсем не гостеприимного на вид леса. Ввиду маминой любви к сбору грибов и ягод, здешний лес я знала не то, чтобы как свои пять пальцев, но довольно неплохо. Однако то место, где мы оказались, было мне незнакомо. Кажется, это была самая глухая чаща — в буквальном смысле сердце леса, где, несмотря на стоящий на дворе ноябрь, еще не облетели желтые листья. Деревья здесь были большими и кряжистыми, с потрескавшейся корой и толстыми ветвями, на некоторых из которых тянулись дорожки мерцающей пыли...

Момент! Мерцающей пыли?

— Это должно быть где-то здесь, — задумчиво проговорил заклинатель. — Видишь что-нибудь необычное?

— Вон там, на деревьях, — я указала в нужную сторону. — Как будто золотая пыльца.

И мы, не сговариваясь, двинулись в том направлении. Пока шли, кавардак в моих мыслях прогрессировал, и меня бросало из одной крайности в другую. То начинала мысленно жаловаться на несправедливость жизни, где всегда работает закон: если чувствуешь себя счастливой, готовься к скорым неприятностям. То желала самолично уничтожить Игоря, то гадала, зачем ему вообще понадобилось похищать моего брата и отдавать этим непонятным аукам.

— Зачем ему это? — незаметно для себя, я заговорила вслух.

Тэйрон же, поняв, о ком я говорю, глухо ответил:

— Есть предположение и, боюсь, оно окажется верным.

— Слушаете, — я не сбавляла темп. — У меня и так нервы на пределе! Вы можете хотя бы раз не говорить загадками, а сказать прямо?!

— Бесчинства безликих неслучайны, — заклинатель сегодня был на диво сговорчив. — Из-за них Герман вынуждено покинул гостиницу. Кирилла срочно вызвали на международное заседание магов, вернется он, предположительно, только к ночи.

— То есть, вы хотите сказать, — пораженная сделанным открытием, я остановилась, но, тут же опомнившись, вновь быстро зашагала вперед. — Что таким образом Игорь выманил всех из гостиницы, чтобы повторно попытаться завладеть ключом?! Да быть не может! А если все так, то... я не понимаю. Я-то чем могла ему помешать со своими смешными способностями? Зачем похищать Сашку?! И вы... почему сейчас помогаете мне, вместо того чтобы защищать Большой Дом?

На помощь Тэйрона я не жаловалась, но все же искренне не понимала движущих им мотивов. Вырисовывавшаяся картина была откровенно ужасной и дополняла мои и без того обострившиеся негативные эмоции. Мало было страха за Сашку, так теперь еще и это!

— Кажется, мы пришли, — проигнорировав мои вопросы, произнес Тэйрон.

Вынырнув из калейдоскопа лихорадочных размышлений, я снова остановилась и, осмотревшись, обнаружила, что лес стал реже, но вместе с тем еще темнее. Именно эта темнота позволяла ярче сиять множеству желтых и зеленоватых огоньков, что облепляли ветки, кружили в воздухе и стелились по земле. Они были совсем крошечными и, несмотря ни на что, красивыми.

И все же было в их красоте что-то пугающее. Даже их свет казался странным, будто бы неестественным — сияя, они почти не разгоняли сгустившийся здесь мрак.

— Что ты видишь? — подойдя сзади, спросил заклинатель.

— А вы разве их не видите? — выдохнула я, заворуженно глядя на открывшееся взору зрелище.

— Где-то здесь их логово, — в интонации Тэйрона угадывалось непонятное мне волнение. — Нужно найти самое большое дерево. Смотри внимательно, аук там должно быть больше, чем на остальных.

Прислушавшись к его замечанию, я медленно побрела вперед, тщательно приглядываясь к каждому дереву. Ауки на наш приход никак не реагировали и двигались по-прежнему неспешно, плавно, словно находясь в каком-то невидимом упругом киселе... да, ассоциации у меня всегда были странными.

И время двигалось так же медленно, стало вязким и тягучим. Проходили минуты, а мне казалось — часы. И чем дальше, тем сильнее нарастала нервозность, расплываясь по венам и холодя кровь. Я просто представить не могла, что должен чувствовать мальчик, оказавшийся совершенно один в ночном лесу.

Господи, ну почему именно он? Почему бедному ребенку нужно страдать из-за того, что его сестра устроилась работать в Большой Дом?! Нет, все-таки если Джея не доберется до Игоря первой, его самолично изобью я! И Диму заодно, и вообще всю их шайку, кто бы в ней ни состоял!

Сделав очередной шаг, я резко остановилась и медленно обернулась к тому месту, которое только что прошла. Слева, чуть дальше от сросшихся вместе берез возвышался огромный старый дуб. Его кора буквально отслаивалась кусками, трескалась, и сквозь все образовавшиеся проплешины струился рассеянный золотистый свет. Сконцентрировавшись и присмотревшись внимательнее, я заметила множество парящих вокруг дуба огоньков, а затем, опустив взгляд вниз, беззвучно ахнула.

Между выступающими над землей могучими корнями, окруженный ими точно коконом, лежал мальчик. Его лицо, волосы, синюю курточку покрывала золотистая пыль, а еще — такая же золотистая, едва заметная паутинка, точно сотканная из света.

— Сашка, — прошептала я и, ринувшись к нему, позвала уже громко: — Сашка!

Он не шелохнулся, не открыл глаз и, судя по всему, вообще меня не услышал.

## Глава двадцать седьмая

Вместо того чтобы испытать облегчение, я ощутила страх еще больший, чем прежде. Дважды споткнувшись от невероятного волнения, подбежала к брату и хотела его коснуться, но почему-то не смогла. Его будто окружала невидимая стена — ощущения были сродни тем, что я испытывала, находясь в защитном, установленном Тэйроном контуре.

— Саш, — позвала не своим, срывающимся голосом. — Сашка, ты меня слышишь?

Внезапно мне на плечо легла теплая рука:

— Отойди.

Немного помешкав, я уступила место заклинателю, и тот, опустившись на землю, положил ладони на невидимый барьер. Воздух слегка завибрировал, та же вибрация прокатилась по земле, заставив аук засуетиться. Только что зависшие в «киселе», они вдруг отмерли, и хотя двигались все еще медленно, все же стали гораздо активнее, чем прежде.

— Ты же видишь брата? — глухо спросил Тэйрон. — Прислони ладони к барьеру на том же уровне, где находится его голова.

Незамедлительно выполнив требуемое, я едва ли отдавала себе отчет, что мои губы шепчут не то просьбы, не то молитвы о том, чтобы все было хорошо. Чтобы Сашка пришел в себя, улыбнулся, как ни в чем небывало, и мы вместе перенеслись домой, где нас, непременно разрыдавшись, встретят мама и бабушка, а может, даже папа.

— Только бы получилось, — ни к кому не обращаясь и не понимая, что именно должно «получиться», прошептала я. — Только бы получилось...

Подушечки пальцев слегка покалывало, в спину дул ветер, разбрасывающий волосы в разные стороны и заставляющий жалеть, что, торопясь, забыла надеть шапку. Сашка по-прежнему лежал, не шевелясь и будто застыв. Казалось, он спит глубоким и беспробудным сном, нарушить который не под силу даже Сову.

В какой-то момент произошли перемены. Я не сразу поняла, что именно изменилось, но уже через пару секунд осознала, что ладоням стало горячо. В воздухе проступила похожая на мыльный пузырь пелена, которая расплзалась от наших с заклинателем прикосновений. Терпеть жар было очень сложно, но ладоней я не отнимала, жадно наблюдая за тем, как рушится закрывающий доступ к брату барьер.

Когда он исчез совсем, я, опередив Тэйрона, подалась вперед и, повинувшись зову недремлющей интуиции, стряхнула с него золотистую пыль. Заклинатель тем временем проделал какие-то манипуляции с паутиной, и та тоже исчезла. Как только это произошло, веки Сашки дрогнули. С приоткрывшихся губ сорвался короткий вздох, а затем он открыл глаза и посмотрел на меня рассеянным взглядом.

— Са-а-ш, — в который по счету раз протянула я и, не сдерживая рвущихся наружу эмоций, порывисто его обняла.

Только почувствовав его родной запах, ощутив, как мягкие волосы касаются моей щеки, как ровно бьется маленькое сердце, я до конца осознала, что с ним все хорошо. Что вот он — мой младший братишка, целый и невредимый. Видимо, барьер защищал его еще и от холода.

— С тобой все в порядке? — отстранившись, лихорадочно всмотрелась ему в лицо. — Что-нибудь болит?

Сашка успел только отрицательно покачать головой, не сводя с меня непонимающего взгляда, а затем ауки внезапно взбесились. От былой неподвижности не осталось ни следа, и они — мельтешащие как назойливая мошкара, обрушились прямо на нас. Это было до того неожиданно, что, не встань перед нами Тэйрон, нас с Сашкой, наверное, растащили бы на сувениры!

Растерянность длилась недолго, и я тоже принялась от них отмахиваться — в отличие от заклинателя, действующего наугад, мне были видны все суматошные перемещения этих духов.

— Что за дрянь?! — в ужасе воскликнула я, когда заметила, что огоньки стали похожи на меховые шарики, у которых отсутствуют глаза, но зато имеется немаленький, наполненный множеством острых зубов рот.

А потом случилось и вовсе невероятное — корни дерева, у которого мы сидели, пришли в движение. Прорывая землю, они вылезали на поверхность, точно змеи, и пытались сбить заклинателя с ног.

— Черт! — выругался тот, продолжая сдерживать натиск аук. — Нужно убираться!

Свободной рукой он принялся чертить в воздухе знакомый символ, и вскоре перед нами возникли такие же знакомые золотистые круги.

— Живо! — повысив голос, крикнул Тэйрон.

Подхватив Сашку на руки, я бросилась в спасительный «тоннель» и в последний момент перед тем, как совершить переход, почувствовала, что меня тянут назад. Несколько духов вцепились мне в волосы и капюшон, еще несколько впились зубами в рукава, задерживая и не позволяя уйти.

— Да отстаньте, пошли прочь! — что есть мочи закричала я, будто громкий голос мог их испугать.

Громкость, разумеется, не испугала, а вот Тэйрон — даже очень. Оказавшись за моей спиной, он что-то отрывисто произнес, бросил вперед несколько светящихся дисков, и аук от меня буквально оторвало.

Меня по инерции швырнуло вперед, и я, крепко удерживая Сашку, прошла через золотистый свет, чтобы затем кувырком выкатиться на границу между поселком и лесом.

— Не ушибся? — первым делом спросила я Сашку, ощупывая его везде, куда дотянулись руки.

— Да хорошо все, — ответил он, теперь глядя на меня не рассеянно, а широко раскрытыми глазами, в которых отражался и восторг, и недоумение, и откровенный шок. — Юлька-а, а это что сейчас было-о?

Когда брат нервничал, он начинал смешно тянуть гласные, чем в данный момент почему-то напомнил мне Котика. Вспомнив о духе-хранителе Большого Дома, я истерично расхохоталась и не успокоилась до тех пор, пока рядом с нами не появился Тэйрон.

— А вы кто-о? — шокированный взгляд переместился на него, и в следующий момент Сашку прорвало: — Это же сейчас было волшебство, да?! Самое настоящее волшебство-о! А как я в лесу оказался? А ка-а-к я там заснул? О-ой, точно — а что это были за шарики такие? Юль, ну Юль, ты же точно зна-а-ешь!

Знать-то я знала, но внятно ответить на поставленные вопросы была не в состоянии. И не только из-за переполняющих меня эмоций, фактически лишивших возможности говорить, но и из-за невероятности ответов. Нет, Сашка бы легко воспринял информацию о существовании духов, но вот нужно ли ему об этом знать?..

Присев рядом с нами, заклинатель чуть потеснил меня в сторону. Не подозревая ничего плохого, я позволила ему это сделать, а затем...

— Вы что творите?! — когда он притянул Сашку совсем близко и стал неотрывно смотреть ему в глаза, голос вернулся ко мне моментально.

Вопрос был риторическим, поскольку я и так знала, что происходит. Слишком хорошо мне была знакома такая сцена, и могла бы поклясться чем угодно — сейчас Тэйрон вмешивался с сознание моего брата. Скорее всего, хотел запечатать воспоминания о сегодняшнем дне, из-за чего меня переполнило негодованием.

— Не смейте, слышите?! — я хотела одернуть Тэйрона, но какая-то сила не позволила к нему прикоснуться. — Не трогайте моего брата! Не вам решать, что ему помнить, а что — нет!

Возможно, его намерение запечатать воспоминания Сашки и не было лишено смысла, но он действительно не имел никакого права действовать, не посоветовавшись со мной! Это ведь мой брат, а к тому же — семилетний ребенок, и без того переживший сильнейший стресс!

— Теперь все в порядке, — словно не замечая охватившей меня злости, произнес заклинатель. — Минут через десять он придет в себя и будет помнить, как утром, возвращаясь домой, решил прогуляться по лесу и заблудился. Бродил до самого вечера, а потом вдруг увидел тебя, приехавшую в поселок и отправившуюся на его поиски.

Сашка стоял, бесстрастно глядя в одну точку и опустив руки по швам.

— Да вы... вы... — я просто не находила подходящих слов.

— Что я? — тон заклинателя стал непоколебимо резким. — Спас твоего брата? Не дал аукам его растерзать, пожертвовав своими обязанностями в Большом Доме? Чтобы ты знала, эти с виду простые духи тянут из детей жизненную силу. Проведи Саша с ними еще час, и спасать стало бы просто некого. А что до его запечатанных воспоминаний, то чего бы ты хотела? Чтобы он, вернувшись домой, стал всем рассказывать невероятную историю о зубастых огнях и своей

собственной сестре, проходящей через магию переноса? Или незнакомце в черном плаще, который эту магию сотворил?

Открыв рот, я не сказала ничего, из того, что собиралась и медленно его закрыла. Пускай Тэйрон вызывал во мне бурю негодования, а его действия были прямыми и напористыми, правота все же оставалась за ним. Как ни крути, а он действительно спас Сашку, и этот долг мне не оплатить никогда.

— Спасибо, — скрепя сердце поблагодарила я, буквально заставляя язык ворочаться. — За помощь. Но почему вы все еще здесь? Нужно возвращаться в Большой Дом, там же...

— Поздно, — последовал короткий ответ.

— Что значит поздно? — мое многострадальное сердце снова забилося чаще. — Хотите сказать, Игорь сумел заполучить ключ? Но мы ведь не знаем наверняка! Нужно возвращаться в гостиницу, нужно ему помешать...

— Уже поздно, — с нажимом повторил заклинатель духов.

И в его голосе прозвучало нечто такое, что заставило меня поверить в ужасный смысл сказанных им слов.

Если Игорь провернул нападения безликих, похищение Сашки и подгадал время, когда Кирилл отбыл на конференцию, значит, он продумал все до мелочей. И к настоящему моменту ключ уже в самом деле находится у него.

Да черт возьми, как так?! Как это возможно?!

— Но как он смог попасть внутрь? — высказалась я вслух. — Мы ведь установили барьер, Кирилл навешал на комнату столько защитных заклинаний, а Хэллоуин уже прошел!

— Минувшей ночью все было слишком просто, — заклинатель говорил сухо и без эмоционально, излагая сухие факты. — Нас просто отвлекли. Тебе дали ложную информацию о том, что нападение произойдет в Самайн, и Кирилл в это поверил. Побывавший в гостинице звервон подорвал устойчивость защищающих скрытую комнату заклинаний, а что до барьера... полагаю, кто-то из нас шестерых его приоткрыл. И этот кто-то — ты.

-Я? — думала, что потрясения на сегодня закончились, но ошиблась. — В каком смысле? Да что ты, безликие возьми, такое говоришь...

Перепополняемая вновь разыгравшими эмоциями, я даже не заметила, как перешла на «ты».

— Скорее всего, псионик подsunул тебе какую-то заряженную вещь, — не в пример мне, заклинатель сохранял видимость спокойствия. — Ты могла этого не заметить. Как не заметили и мы все. Оказавшись в Большом Доме, она создала привязку и позволила ему переместиться внутрь не только как проекции сознания, но и физически.

Тэйрон опять использовал какие-то сложные определения, вникать в которые я даже не пыталась. Гораздо больше меня волновало другое: а что, если он прав и в этом? Что, если допустить хотя бы малейшую вероятность того, что я могу быть виновата?

И тут я вспомнила о своей сумочке. Той, которую брала в клуб и в которой сегодня нашла ключи. В ней отыскались какие-то скомканные бумажки, которые я приняла за обычный мусор. Но ведь тогда в клубе именно Дима ходил за моей сумкой! А вдруг это не просто смятые листки бумаги, а вещи, наделенные сложной магией, которые он подбросил?

Мне стало совсем плохо.

— Юля, — заклинатель коснулся моего предплечья. — Как бы то ни было, ты ни в чем не виновата. Виноваты мы: я, Кирилл, госпожа Санли, возможно, даже Герман. Ты всего лишь исполняла данные тебе поручения. Когда Кирилл с Германом вернутся, мы попытаемся вернуть гостиницу ее законному владельцу.

— Куда мне приехать? — спросила, взяв себя в руки. — Сегодня я нужна семье, но уже завтра вернусь в город и...

— Ты должна остаться, — пальцы на моем предплечье чуть сжались. — Это не твои заботы. Ты вообще не должна была всего этого видеть. Не должна была попасть в Большой Дом, узнать о существовании духов... какая все-таки ирония судьбы...

— Да о чем ты вообще? — меня штормило от одной эмоции к другой.

— Ты его любишь? — неожиданный вопрос Тэйрона застал врасплох. — Любишь Германа?

Я в который по счету раз опешила и просто стояла, глядя на отбрасываемую капюшоном тень. Глубоко внутри я давно определилась с ответом, и он был утвердительным. Но говорить об этом со странным заклинателем не хотела и вообще перестала понимать, чего он от меня хочет.

Прежде, чем я успела ответить хоть что-то, он откинул капюшон, и мне показалось, что я сошла с ума. Ветер словно затих, перестали шелестеть последние, задержавшиеся на ветвях деревьев листья. Даже твякующие собаки смолкли, будто пораженные вместе со мной...

Глядя в хорошо знакомое лицо, я ощущала, как мои глаза раскрываются все шире и шире, а сознание медленно ускользает в темноту.

— Прости, Юля, — горько усмехнувшись, произнес заклинатель.

Тьма стала гуще, и я почувствовала, как падаю прямо в ее гостеприимно распахнутые сонливые объятия...

Как хорошо проснуться и понять, что никуда не нужно спешить! Можно поваляться в постели, нежась в проникающих сквозь окно солнечных лучах, немножко помечтать, потом неспешно умыться и сварить себе утренний кофе...

Ой, да кого я обманываю?

Все плохо!

Все-таки более невезучего человека чем я, наверное, не существует. Это же надо было устроиться работать в гостиницу, которую совсем скоро закрыли! Как и конторку, где я подрабатывала иллюстратором последние несколько месяцев... вот уж действительно жаль — и самой работы, и зарплаты.

После вчерашнего гуляния по лесу у меня саднило горло, так что вместо желанного кофе я потопала на кухню заваривать чай с лимоном и медом. Надо же было брату зачем-то потащиться вчера в этот треклятый лес... хорошо еще, что все обошлось.

Родители ушли на работу, Сашка — в школу, куда отправился по собственному желанию, несмотря на вчерашние приключения, и дома я осталась одна.

Медитируя над чайником в ожидании, когда закипит вода, я периодически вздыхала. На душе скребли кошки, и настроение обитало где-то в подземелье. Никак не могла отделаться от ощущения ужасной утраты, будто вместе с потерей работы я потеряла огромную часть жизни. Хотя, с чего бы? Работая иллюстратором, я приобрела полезные навыки вместе с опытом и теперь могу попробовать устроиться в этом же направлении куда-нибудь еще. О должности горничной и говорить нечего — чередка уборок и смены белья... скукотища, хотя платили тоже очень неплохо.

И все же странное сожаление не отпускало, а к тому же не имело никакого отношения к деньгам.

Не вылезая из пледа, в который укуталась точно в кокон, я взяла кружку, уселась за стол и принялась пить чай вместе с приготовленными мамой кексами. Любимая домашняя выпечка настроения не улучшила, а еще мне подумалось, что кексам не хватает аромата специй — вот уж странно, мама отродясь их не добавляла...

Хорошая погода оптимизма тоже не прибавляла, даже наоборот. Когда на душе прескверно, а на небе сияет яркое солнце, кажется, будто оно издевается, портя настроение еще больше.

Чем сегодня заняться, я не знала. Хотелось взять небольшой перерыв, тщательно обдумать, как мне жить дальше и где искать работу, но преследующие меня необъяснимые эмоции мешали.

Я не могла сосредоточиться ни на чем. Даже когда села рисовать, не смогла выдавить из себя ничего путного. А вдобавок оказалось, что мой ноутбук совершил ужасающее и масштабное преступление — папки со всеми моими работами почему-то оказались бесследно стерты.

— Безликие все возьми! — в сердцах выругалась я и тут же зависла.

Безликие? Это еще что за выражение? Откуда оно взялось?

Сердце вдруг екнуло и болезненно сжалось, и я, злясь на себя за странности собственной психики, принялась просматривать объявления о работе. Зашла на все подходящие сайты, потом оставила везде резюме, вот только в качестве портфолио мне теперь предложить было нечего. Я даже любимый скетчбук где-то умудрилась потерять, что вызвало сожаление даже большее, чем его

стершаяся электронная копия.

С этого дня для меня началась непрекращающаяся серая полоса. Нет, не черная — именно серая, как сам стоящий на дворе ноябрь. Чай с медом ситуацию не спас, и я все-таки заболела. Провалилась с температурой целую неделю, а потом еще одну ходила, хлюпая носом.

К моему удивлению, работа все-таки нашлась. И, пожалуй, это был единственный луч света в моем царстве серости. Теперь я разрабатывала эскизы мягких игрушек, работая при этом удаленно и лишь изредка наведываясь в город.

Мишки, зайцы, бегемоты, ежи — кого я только не перерисовала за минувшее время, но чувствовала, что моим работам не хватает огонька. Какой-то изюминки, которая, как мне казалось, была прежде. Затяжная депрессия переросла в тупую душевную пустоту, заполнить которую у меня никак не получалось.

С Ленкой мы почти не общались, живущие в поселке приятельницы погрузились в семейные отношения, и единственным человеком, общение с которым доставляло мне радость, стал Сашка. Мы проводили вместе вечера, сначала занимаясь каждый своим делом: я — работой, он — домашним заданием, а потом вместе играя или просто болтая обо всем. Мне снова полюбили рассказывать сказки, и он, хотя и заявлял, что уже слишком для них взрослый, все-таки с удовольствием слушал.

— Говорящий кот — это так банально! — заявил мне Сашка, когда я начала очередной рассказ. — Они почти во всех сказках есть!

— Банально, — передразнила я его. — Ишь, слов умных нахватался... Может, и банально, вот только этот кот был особенным не только потому, что умел говорить. Он все время жил в одной комнате и никогда не выходил за ее пределы, а еще — ты только не бери с него пример! — любил курить трубку, лежа на парящих в воздухе подушках. Вдобавок, у него был один большой секрет. Кот был влюблен в одну особу, с которой не мог встретиться из-за того, что никогда не выходил из своей комнаты. А эта особа была... рыбкой.

— Рыбкой? — Сашка округлил глаза. — Он бы ее съел!

— Не съел, — возразила я. — Однажды он нашел способ передать ей послание, и с тех пор они стали общаться с помощью специальных прозрачных шаров, в которых видели друг друга...

Я рассказывала, рассказывала... и сама не понимала, откуда в моей голове берутся такие сумасшедшие истории. Конечно, на фантазию не жаловалась никогда, но в последний месяц она буквально фонтанировала, не давая мне покоя. Самое невыносимое заключалось в том, что рисовать свои сказки у меня не получалось — каждый раз выходило что-то не то. А они прямо-таки просились наружу, вот и приходилось облачать их в словесную форму.

Отправив Сашку спать, я вернулась в свою комнату и, еще немного поработав, тоже улеглась в кровать. Стоило голове коснуться подушки, как сон по закону подлости слетел, и вместо того чтобы заснуть, я лежала, глядя в потолок.

— Да что со мной? — в бесчисленный по счету раз задавшись этим вопросом, я перевернулась на бок и притянула колени к подбородку.

Глупо, но все последние недели я не могла избавиться от чувства, что живу не своей жизнью. Что окружающий меня мир какой-то неправильный, неполный, и я сама — такая же неполная. Мне все казалось, что я лишилась чего-то очень важного, а чего именно, вспомнить не могла...

Голова, как это обычно бывало по вечерам, начала побаливать, и я поняла, что пытаться заснуть сейчас бесполезно. Поморщившись, поднялась с кровати и, подойдя к окну, посмотрела на небо. Оно было ясным, темно-синим, демонстрирующим пухлую луну и россыпь звезд.

Когда-то в детстве я часто загадывала звездам свои смешные желания. Просила то куклу, то мягкую игрушку, то еще какую-нибудь желанную ерунду, а потом бежала обыскивать комнату и очень удивлялась, когда ничего не находила.

Смешно...

— Пожалуйста, — не веря, что действительно это делаю, попросила я. — Пожалуйста...

Что именно «пожалуйста» я и сама не знала. Вот только, коснувшись щеки, обнаружила, что та стала мокрой от незаметно скатившейся по ней слезинки.

Я что, плачу?

Нет, ну это уже совсем ни в какие ворота...

Перед тем как отойти от окна, мне показалось, что за воротами мелькнул и тут же исчез человеческий силуэт, но я списала это на расшалившиеся нервы.

Идя на кухню в намерении попить любимый мятный чай, на который я почему-то променяла кофе, ожидала, что никого там не застану. Но, войдя, обнаружила, что за столом, с бутылкой начатого коньяка сидит папа.

Чтобы была понятна степень моего изумления: папа пьет исключительно по праздникам и осуждает беспричинное употребление алкоголя.

— Пап? — тихонько подойдя ближе, позвала я. — У тебя все нормально?

Он поднял на меня осмысленный, но как будто немного растерянный взгляд:

— Юля? Думал, ты уже спишь.

— Ты не ответил, — присев на соседний стул, я кивнула на открытую бутылку и пристроившийся рядом стакан. — Есть повод?

Папа потер виски и, не глядя на меня, ответил:

— Неприятности на работе. Но все решаемо, не стоит беспокоиться.

Вообще-то врать он умел хорошо, это я знала. Наверное, именно поэтому сейчас и поняла, что его утверждение — чистой воды ложь. Из-за неприятностей на работе, даже нерешаемых, он не стал бы сидеть ночью на кухне в компании купленного к Новому году коньяка.

Наверное, не будь здесь папы, я бы и сама наполнила себе стакан, хотя крепкое спиртное терпеть не могу.

Видимо, все чувства и мысли отразились на моем лице, потому что папа задал встречный вопрос:

— А у тебя все в порядке?

— Полном, — откровенно соврала я.

— Я же вижу, что это не так, — сплетя пальцы рук, он внимательно на меня посмотрел. — Ты в последнее время сама не своя.

— Ты сейчас серьезно? — я усмехнулась. — Хочешь обсудить мои проблемы? Да мы разговариваем в лучшем случае минуту раз в неделю.

Папа вздохнул и неожиданно для меня признал:

— Знаю, я ужасный отец. Но все, чего я хочу, это чтобы вы — ты, Сашка, ваша мама, жили спокойной жизнью и находились в безопасности.

— А она у нас такая и есть, эта жизнь, — снова усмехнулась я. — По крайней мере, у меня. Спокойная и скучная. Мне... плохо очень, пап. Не знаю, почему. Наверное, скоро опять перееду в город. Вот поднакоплю денег, подыщу подходящее жилье и перееду...

— Поздно уже, — не дослушав, папа отвел глаза. — Пойдем спать.

Это был один из самых долгих и странных наших разговоров за последнее время. Раньше мы с папой были довольно близки, но после моего возвращения в поселок между нами будто выросла стена. Я не особо размышляла над тем, с чем это связано, но после теперешнего разговора задумалась.

Помыв за папой стакан и убрав коньяк в шкафчик, я уничтожила кружку мятного чая и, еще немного посидев на кухне, вернулась в постель. Возможно, успокаивающий чай сыграл свою роль, а может, просто усталость пересилила бессонницу, но на этот раз заснула я почти сразу.

Этой ночью спала так крепко, что впервые за долгое время по-настоящему выспалась. Правда, сны были какими-то странными... кажется, снилась какая-то сова, пытающаяся угостить меня кофе. Обилие рассказанных сказок на сознание повлияло, не иначе.

Сегодня мне предстояло съездить в город, чтобы сдать готовые эскизы и обсудить концепцию новой линейки игрушек. Вообще-то, это можно было сделать и по почте, но эти редкие визиты в город приносили хоть какое-то, так необходимое мне разнообразие. К тому же, пейзаж на улице со вчерашнего вечера сильно преобразился: наконец, выпал снег. Похоже, природа решила наверстать

упущенное за первую неделю зимы, и пушистый белый ковер расстелился по земле и крышам толстым слоем.

Всю дорогу, пока ехала на электричке, я смотрела в окно и думала о своем. Мелькали заснеженные деревья, симпатичные, будто сошедшие со страниц сказок, коттеджики... сказок — куда бы ни направлялся мой взгляд, я все время думала о них.

Противное чувство, которое за последнее время несколько притупилось, сегодня пробудилось во мне с новой силой. И я все никак не могла от него избавиться... точнее, уже даже не пыталась. Вместо этого, наоборот, сосредоточилась на нем и постаралась разобраться, чем оно вызвано. Анализ собственных эмоций занял довольно много времени, а результата фактически не было. Я по-прежнему склонялась к тому, что упускаю из виду нечто очень и очень важное. Что, вспомни я об этом, и все сразу встанет на свои места. Но это виделось откровенным бредом. Разве может человек вот так просто взять и забыть о каком-то чрезвычайно важном для себя событии, а потом страдать из-за этого целый месяц?

Неудивительно, что к работодателю я заявила вконец измученная душевными терзаниями. Он даже поинтересовался, хорошо ли я себя чувствую — видимо, вид у меня был еще тот. Привычно соврав, что все в порядке, я обсудила все рабочие моменты, взяла новый заказ и ушла. Обычно время до электрички, идущей обратно в поселок, я коротала, сидя в ближайшей кафешке, но сегодня сидеть в четырех стенах мне не хотелось, и я решила погулять по городу.

А городские виды, как и сельские, сегодня и впрямь были сказочными. Снег преобразил их практически до неузнаваемости, придав улицам праздничный вид и уничтожив надоевшую серость.

Еще бы серость из моей жизни всего за одну ночь убрать...

Особо не задумываясь о направлении, я неспешно брела вперед по тротуару, удаляясь все дальше от центра. Парка на мне была очень теплой, как и ботинки, вязаные шапка, шарф и перчатки прилагались, так что, несмотря на стоящий морозик, холода я не чувствовала. По ощущениям, я ходила по городу больше часа, когда мое внимание привлекла витрина одной из кофеен. Она, как и многие другие, уже была украшена светящимися гирляндами и снежинками. Из кофейни тянулся приятный запах свежесваренного кофе и корицы, а сквозь стекло были видны многочисленные, сидящие за столиками посетителями.

От взгляда на все это сердце вдруг екнуло. Странно, я точно знала, что никогда не заходила в эту кофейню прежде, но все в ней казалось таким знакомым, таким родным, что в груди защемило.

Господи, да что за напасть!

Решительно пройдя мимо, вскоре я остановилась у одного из торговых центров и снова не могла понять, почему это место кажется мне таким знакомым. Вдоль дороги в один ряд росли каштаны, на один из которых я, запрокинув голову, посмотрела. Почему-то казалось, что сейчас увижу там... что? Опять не знала.

«Гляди, какая цыпа!», — внезапно всплыло в мыслях, и голова отозвалась ноющей болью.

Помассировав гудящие виски, я поморщилась и, едва сдерживаясь, чтобы не распахнуться, вновь решительно зашагала вперед. О направлении все так же не задумывалась, и через некоторое время ноги сами принесли меня в какой-то глухой, кажется, находящийся близ городской черты, район. Многоэтажки здесь по большей части были старыми, тротуар — практически не чищенным, а неподалеку, чуть обособленно стояло совсем древнее здание, неизвестно как еще не развалившееся.

— Класс, вот старинная усадьба — как раз то, чего мне сейчас не хватает, чтобы полностью погрузиться в сказку, — хмыкнула я, подходя ближе.

Уже перестав недоумевать по поводу собственных странностей, я приблизилась к входу, оставляя следы на только что выпавшем снегу.

Сердце екнуло в очередной раз, вот только теперь так просто успокаиваться не хотело. Оно билось с такой скоростью, что, казалось, я чувствовала это биение каждой клеточкой тела.

Стало жарко, и я ослабила шарф.

Мне одновременно и хотелось, и не хотелось входить внутрь. Взять себя в руки категорически не получалось, и со мной едва не случилась истерика. Задумываться о причинах своего эмоционального состояния, я себе запрещала. Если сейчас это сделаю — точно пойду сдаваться психиатру... а может, и пора? Боже, ну со мной же явно происходит что-то не то! Откуда только берутся эти странные ощущения? Неужели так и сходят с ума?!

— Девушка, — неожиданно раздался позади меня мужской голос. — Вы, кажется, обронили.

Резко обернувшись, я увидела молодого человека, держащего в руках мою перчатку — сняла их, после того как ослабила шарф и, видимо, действительно уронила.

— Спасибо, — поблагодарила, взяв ее из рук незнакомца, и только потом подняла взгляд на его лицо.

Если бы в этот момент у меня случился инфаркт, я бы не удивилось. Сердце, судя по всему, шло на мировой рекорд.

Мы стояли, не шевелясь и неотрывно смотря друг другу в глаза. Похоже, мне действительно требовалась помощь психиатра, потому что по совершенно невыносимым причинам я хотела... обнять человека, которого видела впервые.

У него были короткие светлые волосы, волевые и немного резковатые черты лица и очень выразительные голубые глаза, оторваться от которых было выше моих сил.

— Простите... — мой голос прозвучал чрезмерно глухо. Пришлось покашлять, прежде чем продолжить: — Не поймите неправильно, но... мы с вами раньше нигде не встречались?

Он еще несколько долгих мгновений продолжал пристально смотреть мне в глаза, а потом, не менее глухо, чем я, бросил:

— Мне пора.

И, не дожидаясь, пока скажу что-нибудь еще, круто развернулся и зашагал прочь. Я смотрела ему вслед до тех пор, пока он окончательно не скрылся из виду, а затем звучно похлопала себя по щекам.

Ну и дура ты, Юлька! Черте что вообще с тобой творится! Точно пора переезжать в психушку...

Я уже хотела уйти, но что-то заставило меня помедлить и обернуться на заброшенную усадьбу. Поколебавшись, я, не стесняясь в выражениях, себя отругала и, практически взбежав по ступеням, рывком распахнула дверь.

Внутри было зябко и темно. Из полумрака взгляд выхватил обветшалые стены, прогнившую лестницу и размашистое, одобренное нецензурщиной граффити, явно оставленное кем-то из современных «деятелей искусства».

Испытав непонятное разочарование, я прислонилась спиной к стене и медленно сползла вниз на внезапно ослабевших ногах. В груди все ныло, разрывалось от невыносимой боли, и я непроизвольно всхлипнула, сдерживаясь из последних сил.

Немного так посидев, с трудом поднялась на ноги и зачем-то обошла комнату. Затем заглянула в соседнюю, интерьер которой выглядел так же удручающе, как в предыдущей. В третьей комнате, куда я заглянула, видимо, когда-то располагалась кухня, в соседней — гостиная. Подниматься на второй этаж я не рискнула ввиду не внушающей доверия лестницы, чьи ступени частично прогнили. Еще немного потоптавшись в «прихожей», я уже собралась уходить, как вдруг заметила неподалеку лежащую на полу тетрадь.

Странно... когда входила, ее здесь точно не было, я бы заметила.

Вопреки ожиданиям, когда взяла ее в руки, оказалось, что она совсем не старая, даже хорошо сохранившаяся, несмотря на царящую в доме сырость. И вообще, никакая это не тетрадь, а папка.

Не делая никаких предположений, что может быть внутри, я раскрыла ее и... стала близка к незамедлительной потере сознания.

В папке лежали рисунки.

Рисунки, выполненные в той же технике, в какой предпочитала рисовать я. Более того — манера, стилизация создавали впечатление, что... их и рисовала я сама.

— Я схожу с ума... — все больше в этом убеждаясь, пробормотала непослушными губами.

С первого листа на меня смотрели два монстрика: один толстый и темно-фиолетовый, другой — тощий и синий, оба смешные и пушистые.

Перевернув лист задеревеневшими пальцами, я увидела еще одно, не менее странное существо, похожее на цыпленка с непропорционально длинными ногами. Перебрав еще несколько листов, на которых изображались разнообразные фантастические существа, я остановилась на рисунке,

который поразил меня больше всех предыдущих вместе взятых.

Передо мной был большой и толстый желтоглазый кот, вальяжно развалившийся на парящих в воздухе подушках и покуривающий трубку.

— Этого не может быть... — практически беззвучно выдохнула я и как мантру повторила: — Не может... не может...

Это ведь был кот из моей сказки, которую я только-только рассказывала Сашке! Но это ведь немыслимо!

Внезапно головная боль усилилась и стала до того нестерпимой, что я обхватила голову руками. Перед глазами мелькали яркие пятна и вспышки, роились черные точки, и меня будто засасывало в непомерно большую черную дыру...

Сначала мне казалось, что я засыпаю и продолжаю сходить с ума, затем — что умираю, а после пятна и вспышки сменились разнообразными образами. Сначала они были размытыми и нечеткими, но постепенно становились все яснее и обретали узнаваемые черты. Чем четче становились они, тем хуже становилось мне. Тысячи сцен и образов наполняли сознание, готовое вот-вот взорваться от их неожиданного переизбытка.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Я сидела, тупо глядя перед собой и забыв, где нахожусь, какой сейчас час, день, месяц...

Горло сделалось шершавым и, сглотнув, я наугад вытянула из папки рисунок.

Снова глядя на стоящих бок о бок подкроватных монстров, больше не пыталась сдерживать текущие по щекам горячие слезы. Не замечая, что всхлипы становятся все громче, плавно переходя на истерические рыдания, я смотрела и смотрела на тех, кто принадлежал тому миру, который у меня так несправедливо отняли.

Я вспомнила.

## Глава двадцать восьмая

Дорога домой прошла как в тумане.

Словами не передать, сколько оттенков самых разнообразных эмоций я испытала, прежде чем пришла на вокзал.

Я входила и выходила из усадьбы бесчисленное количество раз, надеясь, что в один из них сумею попасть в Большой Дом, но тщетно. Наверное, случившаяся истерика была самой яркой, самой продолжительной из всех, происходивших со мной когда-то. Зато вместе со слезами вышла если не вся горечь, то значительная ее часть, уступившая место откровенной злости.

Да, я была зла! Как никогда зла! И эта злость придала необходимых сил, чтобы не впасть в отчаяние и окончательно не расклеиться.

Прибыв в поселок, по дорогам я буквально бежала, а едва переступив порог дома, громко выкрикнула:

— Где он?!

Домашние, не привыкшие к такому моему поведению, высунулись из кухни, и мама не то испуганно, не то удивленно спросила:

— Кто?

— Папа! — не сбавляя громкости, ответила я. — Учти, отныне, если ты захочешь с ним развестись, я всецело тебя поддержу!

Мама нервно ойкнула, а жующий бутерброд Сашка замер и смотрел на меня так, словно видел в первый раз.

— Папы нет дома, — осторожно заметила мама. — Его отправили в командировку, сказал, приедет только дня через три... Юля, у тебя все хорошо?

— Замечательно, — процедила я. — Чудесно...волшебно, черт возьми! Мам, а ты никогда не задавалась вопросом, что у папы за командировки? Его часть рядом, так куда он постоянно исчезает?!

— Ну, я... — мама заметно растерялась.

Я глубоко вдохнула и мысленно сосчитала до десяти. Потом еще на английском это повторила, давая себе время успокоиться, чтобы не наговорить глупостей и не срываться на ни в чем неповинных маму и Сашку.

— Простите, у меня просто выдался тяжелый день, — уже спокойнее проговорила я и, перед тем как запереться в своей комнате, попросила: — Не беспокойте меня, пожалуйста, я хочу отдохнуть.

Закрыв за собой дверь, я с размаху швырнула рюкзак на кровать и принялась мерить шагами комнату.

Потрясений было слишком много, и все это никак не укладывалось у меня в голове. Однозначно, если бы не непоколебимая, всепоглощающая злость на заклинателя духов, которым оказался мой родной отец, я бы снова впала в истерику и свихнулась.

Да, Тэйрон и мой папочка оказались одним и тем же человеком.

Наряду с остальными, мне отчетливо вспомнился момент, когда в лесу он откинул капюшон.

«Прости, Юля», — вспомнились и его слова, сопровождаемые полным сожаления взглядом.

-Да черта с два прощу! — произнесла я вслух. — Никогда не прощу! Ты же... просто...

На ум приходили сплошные ругательства, а произносить их в адрес родителя, какие бы поступки он ни совершил, у меня язык не поворачивался.

А вот у него запечатать мои воспоминания, и более того — заместить их другими, рука поднялась! Месяц... целый месяц, безликие возьми, я находилась в монотонном неведении и страдала! А он в это время сидел на кухне, пил треклятый коньяк и имел наглость спрашивать, все ли у меня в порядке!

Что теперь делать, я не знала. Сколько всего случилось за это время? Что стало с Большим Домом, и где теперь все работники? Кто владеет гостиницей — Кирилл или Игорь? Где сейчас Герман...

Подумав о Германе, я закусила губу, потому что желание разрыдаться стало нестерпимо сильным. Это ведь с ним я виделась сегодня у входа в усадьбу, он подал мне ту перчатку... Господи... а он меня помнит? Если помнит, то почему не приходил? Почему позволил мне умирать в этой серости, вдали от того мира, который я успела полюбить всей душой? Я ведь и его полюбила — этого угрюмого безликоборца, который...

Губу пришлось прокусить практически до крови, чтобы отогнать непрошенные мысли. Сейчас нужно было думать о том, что предпринимать дальше, а не убиваться из-за уже случившегося, которое все равно не изменить.

Идея пришла внезапно, и долго я ее не обдумывала. Возможно, она была глупой или даже идиотской, но попытаться стоило.

Глубоко вдохнув, бесчисленный по счету раз унимая эмоции, я выключила свет, сняла носки и нырнула в постель. Отвернулась лицом к стене, укрылась почти с головой, но одну ногу высунула из-под одеяла и немного свесила с кровати. Мысленно постаралась во всех деталях представить подкроватных монстров, что сделать было совсем несложно, учитывая, сколько раз я их рисовала.

Время шло, ничего не происходило. Тогда я сменила тактику. Чуды были слишком милыми, чтобы вызвать во мне чувство страха, и мне пришлось поднапрячься, чтобы их образ вытеснил другой — более зловещий.

Как я там обычно представляла обитающих под кроватью чудовищ до того, как стала работать в Большом Доме?

Мое воображение нарисовало нечто темное, косматое, с большими когтистыми лапами и светящимися в темноте глазами. После созерцания самых разнообразных духов даже такой образ особого страха не внушал, но какое-то его подобие в душе все-таки появилось. Я сосредоточилась на этом, во всех красках представила, как из-под кровати кто-то вылезает, протягивает ко мне ту самую лапу и...

Неожиданно меня схватили за пятку!

Неожиданно, потому что я была почти уверена, что из моей затеи ничего не выйдет!

Что, получилось?!

Резко сев, я посмотрела на пол и к своей несказанной, просто невысказанной по масштабам радости увидела двоих хорошо знакомых меховых чуд, смотрящих на меня в упор.

— Дратути, — синхронно поздоровались они совсем как в нашу давнюю первую встречу.

Все слова застряли в горле, и я, не в силах совладать с накрывшем меня вихрем, сползла вниз и стиснула их в медвежьих объятиях.

— Так на нас еще не реагировали, бро, — просипел синий.

— Нас сейчас задушат, бро, — пробасил фиолетовый.

Опомнившись, я отстранилась и тут же ощутила, как мне в бок ткнулось что-то подвижное и теплое. Посмотрев в ту сторону, обнаружила, что это мой верный дух-помощник, маленький цыпленок, попискивания которого напоминали радостные всхлипы.

— Ребята-а, — протянула я, незаметно для себя опять заплакав. — Вы не представляете, как мне вас не хватало-о...

Позаимствовав у брата привычку тянуть гласные, я обрушила на чуд ворох вопросов, предварительно предупредив, что если они сейчас вздумают снова меня бросить, то очень сильно об этом пожалеют.

Моей угрозой прониклись и, клятвенно заверив, что никуда не уйдут до наступления утра, дали все имеющиеся у них ответы. Ответов было не слишком много, но общая картина примерно вырисовалась.

Месяц назад, как раз в тот злосчастный день, когда заклинатель бессовестно изменил мою память, у Большого Дома появился новый владелец, которым стал Игорь. Полученный им ключ давал полную власть над гостиницей, из-за чего расстановка сил мгновенно поменялась. Игоря не особо волновал Большой Дом именно в качестве гостиницы, он был нужен ему как проход между мирами. Поэтому гости в течение нескольких дней разъехались, основные сотрудники, на которых все держалось, были уволены, и в Доме установились новые порядки. Котик и духи-помощники остались, но им сейчас приходилось несладко. Большой Дом стал прибежищем мутных личностей, с

которыми водился Игорь. Как оказалось, он успел обзавестись широким кругом друзей, среди которых были и псионики, и медиумы, и даже пускай не такие сильные как Кирилл, но все же маги.

— Но Кирилл так просто не сдался, — перебив «бро», важно произнес синий чуд. — Весь последний месяц они вместе с господином заклинателем, безликоборцем и госпожой управляющей разрабатывали план возвращения Большого Дома.

Услышав о «господине заклинателе», я снова едва сумела подавить вскипевшее внутри негодование. Да что там — гораздо больше, чем просто негодование.

— И каким образом они собрались его возвращать? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Фиолетовый шмыгнул носом и пробасил:

— Котик же там остался. А у него, оказывается, откуда-то редкий магический шар есть. Кирилл об этом еще давно узнал и успел вычислить, на кого этот шар настроен. Вот так-то он на мадам Стью и вышел, и теперь мы знаем, что происходит в Большом Доме. А еще Котик там всеми духами-помощниками командует, он же умный. Вот они переворот и готовят. Уже этой ночью на него пойдут.

— Этой ночью? — эхом повторила я и, включив телефон, взглянула на часы.

Немного помолчала, собираясь с мыслями, а потом не терпящим возражений тоном заявила:

— Значит так, свои слова я забираю. Вы уйдете отсюда раньше утра, но сперва скажете мне, где сейчас Кирилл, Герман и все прочие!

Заклинателя я не упомянула намерено.

Наверное, провидение решило сжалиться надо мной после месяца издевательств, поэтому сегодня мне улыбалась удача. Я почему-то ожидала услышать от подкроватных монстров отказ, но вместо этого получила точные координаты так называемой «штаб-квартиры», где сейчас собиралась наша компания. Точнее, уже не совсем «наша».

Собираться мне не требовалось, и я была готова отправиться по нужному адресу прямо сейчас, вот только существовало одно весомое «но». Ближайшая электричка до города отходила только ранним утром.

— Уи-уи! — неожиданно запищал цыпленок и, запрыгав на месте, указал куда-то в сторону окна.

Проследив за его жестом, я нахмурилась, не понимая, что он там увидел.

— Уи-уи! — взволнованно повторил цыпленок, на этот раз абсолютно точно указывая на окно.

Поднявшись на ноги, я подошла к нему и посмотрела на улицу. Свет в моей комнате по-прежнему не горел, так что мне было прекрасно видно, что творится на дворе.

И все же его я заметила не сразу.

Он стоял у нашего старого сарайчика и смотрел прямо на меня.

Обладатель голубых глаз. Тот, кто с самого начала казался мне таким знакомым. Тот, вспоминая о ком когда-то были у меня отняты, как недавно — о духах и Большом Доме.

Я стояла, не шелохнувшись и положив ладони на холодное стекло. Как когда-то, будучи маленькой девочкой, которой казалось, что кто-то стоит во дворе и внимательно смотрит в ее окошко. Стоит рядом с тем местом, куда она закопала свой «секретик»...

В голове вновь пульсировала жгучая боль, но я не обращала на нее внимания и не сводила глаз с Германа.

В какой-то момент перестала видеть даже его, и перед глазами, совсем как несколько часов назад, всплывали вереницы образов.

Сияющая бабочка, за которой я побежала и заблудилась в городе. Толпа равнодушных прохожих, невероятный страх, что меня никогда не найдут, и я останусь совсем одна.

«Заблудилась?», — словно наяву звучал знакомый голос. — «Где твои родители, малышка?»

Во рту появился вкус купленного новым другом пончика, а в руках — призрачный шарик в виде Микки Мауса, который сейчас, сдвинувшись, покоился где-то под землей.

Казалось, это было больше, чем моя психика могла вынести за последний день. Больше, чем она могла вынести вообще. Бесконечные вопросы кружили в голове как стая воронья, а наряду с ними такая же стая чувств терзала мое сердце.

Не знаю, сколько я простояла, прежде чем сорвалась с места и, даже не надев обувь, не говоря о верхней одежде, выбежала во двор. В этот момент я уже не думала о том, почему Герман не приходил последний месяц, что он чувствует по отношению ко мне. Не ощущала холода снега, по которому босиком бежала ему навстречу, не замечала нового потока слез, которые непрерывно струились из глаз.

Примерно в тот момент, когда я выбежала на крыльцо, Герман тоже устремился мне навстречу, но я едва ли отдавала себе в этом отчет. Все, чего хотела, это обнять его изо всех сил, до хруста костей, будто желая вобрать в себя и навсегда сделать своей частью. Впервые в жизни я испытывала такие сильные, не поддающиеся контролю чувства, впервые в жизни плевала на все: гордость, стеснение... все это было таким неважным в сравнении с тем стремлением, на крыльях которого моя душа буквально летела вперед.

— Юлька... — в какой-то момент выдохнули мне в волосы, стискивая объятья так же сильно, как я.

Я захлебывалась в свалившихся на меня цунами, не могла ни говорить, ни слушать, только сжимать руки все крепче, держать его мертвой хваткой и растворяться в таком родном, таком счастливом, исходящем от него тепле...

— Ты помнишь? — не размыкая объятий, лихорадочно спросила я. — Помнишь меня? Помнишь?

— Помню, я все тебе объясню... Юля! — тон Германа резко изменился. — Безликие тебя сожри, ты почему вышла на улицу в таком виде?!

Как оказалась у него на руках, я так и не поняла. Зато прекрасно поняла, что меня сейчас отнесут в дом, а это было совсем не то, чего я хотела. Мне было жизненно необходимо прояснить все здесь, сейчас, немедленно!

— Подожди, я не о том! — более или менее придя в себя, возразила я. — Я не о том, помнишь ли ты меня сейчас! А о нашей встрече четырнадцать лет назад...

Герман резко остановился и непонимающе на меня посмотрел. Этот взгляд говорил лучше всяких слов.

— Давай мы войдем в дом, и спокойно все обсудим, — отмерев, спустя короткую паузу произнес он. — Время еще есть.

Я не стала уточнять, время до чего — и так было понятно, что до осуществления плана по возвращению Большого Дома. И все же, как только оказалась в прихожей и была поставлена на ноги, быстро накинула пуховик, сунула ноги в ботинки и потащила Германа обратно на улицу.

— Юля, у тебя гости? — раздался мне в спину голос мамы, но я ее проигнорировала.

— Юля, я...

— Ты рассказывал, что четырнадцать лет назад у тебя погибла семья, — перебила я, остановившись на том самом месте, где был закопан мой «секретик». — В тот же день, точнее ночь, ты встретил заклинателя духов, а перед этим бесцельно шатался по городу и даже, незаметно для себя, оказался в каком-то незнакомом поселке, так?

Герман напрягся — тема по-прежнему была для него болезненна, — но все же утвердительно кивнул.

— Ты стоял, глядя в окошко незнакомого дома... точнее, тебе казалось, что незнакомого.

Я набрала побольше воздуха и, глядя ему в глаза, на одном дыхании выпалила:

— Это было мое окошко, Герман. Нас обоих заставили забыть.

Еще несколько мгновений его лицо выражало озадаченность, а потом оно стало отстраненным, словно он мысленно перенесся куда-то далеко. Я опять потеряла счет времени и не была уверена, сколько минут мы вот так простояли: я, глядя на него, он — глядя вглубь пространства. В какой-то момент его взгляд стал осмысленным, и мне довелось увидеть в нем отражение тех же чувств, во власти которых только что находилась я сама.

Конечно, привыкший сдерживать свои порывы Герман не позволил проявиться им так же бурно, но один только взгляд выдавал его с головой. Голубые глаза расширились, губы чуть приоткрылись, и в целом на лице безликоборца читалось такое потрясение, что оно передалось и мне, захватив во

второй раз.

Одним высшим силам известно, что мы оба испытывали в этот момент. Я не знала наверняка, какие именно подробности, кроме нашей прогулки по городу, вспомнил Герман, но прекрасно понимала, что сейчас творилось у него на душе.

И теперь друг перед другом стояли уже не те мы, какими стали сейчас, а те, что существовали четырнадцать лет назад: смешная девочка шести лет и шестнадцатилетний парень, подаривший ей воздушный шарик. Шелестя страницами, книга наших некогда пересекшихся жизней возвращалась к началу, к той самой первой встрече, что была стерта из нашей памяти.

— Я его убью, — спустя вечность произнес Герман таким тоном, что я испугалась.

Впрочем, испуг длился всего мгновение — все же было очевидно, что такая угроза несерьезна.

— Ты знаешь, кто запечатал наши воспоминания четырнадцать лет назад? — спросила я и, пересилив себя, добавила: — Думаешь, это тоже был заклинатель?

— Откуда тебе известно, что сейчас на наши воспоминания воздействовал Тэйрон? — спросил Герман. — Духи разболтали?

— Наши? — зацепилась я за царапнувшее слух слово. — То есть, ты все-таки тоже обо мне не помнил?

Герман немного помолчал, снова о чем-то задумавшись, а затем выдохнул:

— Давай все же войдем в дом и спокойно обо всем поговорим. Время хоть и есть, но его не так много, как хотелось бы.

Больше я не возражала, и вскоре мы оказались сидящими в моей комнате, где Герман, несмотря на все пережитые волнения, с интересом осматривался. Я принесла нам мятный чай и конфеты, чтобы подсластить пилюлю — обсуждение событий последнего месяца обещало быть нервным.

Монстрики никуда не делись и тихо шушукались под кроватью, а цыпленок, как только я вернулась, тут же оказался рядом и больше не отходил ни на шаг.

— Скучали, — понятиливо хмыкнул Герман. — Они тебя любят.

«А ты?» — хотелось спросить мне, но я промолчала.

Было так странно после всего случившегося видеть его в этом доме, сидящим в моей собственной комнате. А ведь еще вчера у меня был один из тех серых дней, когда жизнь казалась унылой и беспросветной!

Да как вообще можно было обо всем забыть?! Ну, папочка...

— Сначала отвечу на твой главный вопрос, — начал Герман, так и не притронувшись к чаю. — Да, Тэйрон воздействовал на мои воспоминания о тебе. Когда созвали безликоборцев, мне пришлось пробыть вдаль от Большого Дома целых пять дней, притом новости до меня дошли далеко не сразу. Сперва прошел слух, что гостиница теперь принадлежит простому смертному человеку, но я не поверил. Однако когда безликие были уничтожены, в последнюю ночь перед тем как я должен был вернуться, ко мне пришел Тэйрон. Он подтвердил слухи, а потом... словом, когда я понял, что происходит, было уже поздно. Все, что касалось наших взаимоотношений, оказалось вычеркнуто из моей памяти. Я помнил, что в Большом Доме работала горничная по имени Юля, но не более. Честно говоря, настолько паршиво мне не было с тех пор, как я разом лишился всех близких...

И в этом я его хорошо понимала. Но, сдерживая желание поторопить его с дальнейшим рассказом, терпеливо ждала продолжения.

— Не думал, что когда-нибудь это скажу, — Герман усмехнулся. — Но теперь я обязан духу желания.

Мои брови непроизвольно поползли вверх, и тут уже смолчать я не сумела:

— В каком смысле?

— Кирилл организовал штаб-квартиру в доме, который купил еще несколько лет назад. Там собираются почти все наши работники, а примерно через неделю после потери ключа пришел и Най. Он заявил, что теперешняя ситуация в любимой гостинице его совершенно не устраивает, Игорь ввел налог на перемещение между мирами, и теперь все духи, желающие переместиться, обязаны его платить. Разумеется, недовольных оказалась масса, и Най взялся организовать примерно то же движение, что и мы, только, объединившись с духами. Так вот, возвращаясь к

предыдущей теме — именно ему я обязан тем, что сумел вспомнить тебя. Не вдаваясь в подробности, скажу, что после нашего недолгого разговора он сумел пробудить во мне чувства, которые я испытывал к некой девушке. А затем уже пришло осознание, что этой девушкой была ты.

Повисла недолгая пауза, а затем я, осмыслив услышанное, спросила:

— Но если ты вспомнил меня уже через неделю, то почему не пришел раньше?

— Первым делом я пошел к Тэйрону, — посмотрев на меня, ответил Герман. — Это был тяжелый разговор... не обошлось без «обмена» магией. В конце концов он признал, что повлиял и на твое сознание... после чего «обмен» магией произошел во второй раз. Откровенно говоря, причин, по которым он действовал, я так не узнал. Но теперь, когда выяснилось, что он имел отношение и к потере наших воспоминаний четырнадцатилетней давности, я этого так не оставлю.

Последнее утверждение прозвучало убедительно. Конечно, я не сомневалась, что до убийства дело не дойдет, но вот до еще одного, особо мощного «обмена» магией — вполне себе.

Взгляд Германа стал более пристальным и цепким:

— Твое сознание и так подверглось сильнейшей нагрузке. Фактически, мне запечатали только чувства, а тебе воспоминания заменили полностью. Тэйрон сказал, что должно пройти время, прежде чем можно будет снять наложенную печать с минимальным вредом для тебя.

— И ты поверил?

— Поверил, потому что это действительно так. Я приходил к тебе почти каждый вечер, наблюдал и дожидался подходящего момента. Был почти уверен, что как только ты меня увидишь, сразу вспомнишь, но ошибся. Сегодня днем этого не произошло.

Мысленно вернувшись на несколько часов назад, я словно заново пережила то, что испытывала в тот момент, когда он протягивал мне упавшую перчатку. Я была близка к тому, чтобы вспомнить. Действительно очень близка, но толчком для воспоминаний все же послужило другое.

— Смотреть на тебя и видеть, что ты меня не узнаешь, это... — Герман замолчал, словно был не в состоянии подобрать подходящие слова. — Я подумал, что еще рано и решил повторить попытку позднее, но когда ты вошла в усадьбу, у меня появилась новая надежда. Как раз в тот момент ко мне подошел он, — Герман потрепал по голове прильнувшего к нему цыпленка. — И принес папку с рисунками, которыми ты успела осчастливить почти всех обитателей Большого Дома. С моего согласия он подобрал их в усадьбу, где ты их и нашла. К счастью, это сработало.

К счастью — это слабо сказано. Впрочем, эпитетов, чтобы описать всю степень моего облегчения и радости, в самом деле не существовало.

Мы еще немного посидели, все-таки выпив мятный чай и уничтожив добрую половину конфет, а потом Герман сказал, что пора ехать. Я пока не очень представляла, как мое появление воспримут в штаб-квартире и надеялась, что большинство мне все же обрадуется. Было очевидно, что о моих родственных связях с заклинателем Герман не знает, а значит, тем более не знают другие. Но афишировать это мне пока не хотелось, как и говорить с отцом. Может, после, когда все закончится, я и соберусь с силами для того, чтобы все ему высказать, но не сейчас.

— А ты что, тоже умеешь открывать «порталы»? — поинтересовалась я, когда мы выходили из дома.

— Вообще-то у меня есть водительские права, — усмехнулся Герман. — И машина.

Прежде чем я успела ответить, на крыльцо вышла мама, поинтересовавшаяся, куда я собралась на ночь глядя, и когда меня ждать. Больше не став ее игнорировать, я соврала, что друзья позвали меня на вечеринку в город, и Герман эту ложь подтвердил.

Машинка Германа была далеко не новой, но довольно резвой, и дорога до города пролетела быстро. На заднем сидении пристроился цыпленок, а чуды, к сожалению, с нами не поехали — на то они и подкроватные, чтобы обитать рядом с кроватью.

По пути мне был рассказан подробный план нынешних ночных действий, и на словах все звучало очень многообещающе. Я даже почти перестала волноваться по поводу того, удастся ли Кириллу вернуть Большой Дом. Как ни крути, на нашей стороне были сильные, одаренные личности и орава духов, а кто поддерживал Игоря? Еще удивительно, как Кириллу не удалось вернуть ключ раньше.

— Слушай, — протянула я, когда мы подъезжали к городу. — А что с Джеей и Джией? Помнится, по крайней мере одна из них была преисполнена решимости уничтожить Игоря.

— Ключом завладели как раз в их дежурство, — глядя на дорогу, произнес Герман. — Они были

слишком заняты спором друг с другом, это и сыграло против них. Но теперь они не намерены повторять прежних ошибок и, чтобы восстановить репутацию, заключили временное перемирие.

Был еще один момент, о котором я вспомнила буквально несколько минут назад, и который сильно меня взволновал.

— А я... я как-то виновата в том, что Дима сумел проникнуть в гостиницу?

Остановившись на красном светофоре, Герман перевел на меня внимательный взгляд. Он явно хотел спросить, откуда у меня взялось такое предположение, но, видимо, решил отложить это на потом, и ответил:

— Нет. Он подбросил тебе несколько необходимых вещиц, но твоей вины в этом нет.

То же самое мне уже говорил заклинатель, но легче от этого не стало. Я все равно чувствовала себя виноватой и хотела об этом сказать, но Герман не позволил.

— Псионик пытался воздействовать и на Аню. И на Машу. Так что ты не одинока.

Я растерялась. То есть как?

— На Машу — еще в то время, когда она работала в гостинице. Собственно, это стало одной из причин, по которой она уволилась. А у Ани были проблемы в учебе, из-за постоянных стрессов психика немного ослабла, и он пытался этим воспользоваться. К слову, как оказалось, Дмитрий Шарин преподавал на кафедре психологии и проводил занятия у Ани, чем с успехом пользовался.

У меня просто не было слов. Кошмар какой-то! И когда только все успевал?!

Похоже, бояться следовало не столько Игоря, сколько этого пронырливого псионика. И когда я высказала это вслух, Герман со мной согласился. Более того, сообщил, что, вероятно, Дима как раз и рассчитывал со временем перехватить ключ у Игоря и стать полноправным владельцем Большого Дома.

Район, куда мы вскоре приехали, находился в другом конце города, далеко от места, где располагалась усадьба. Здесь находился небольшой частный сектор, в один из домов которого мы и вошли. С виду он производил впечатление совершенно унылого, ничем не примечательного одноэтажного строения, но внутри оказался просторным, новым, да к тому же трехэтажным. Едва переступив порог, становилось понятно, что это обитель привыкшего к комфорту Кирилла. Прихожая блистала чистотой и порядком, на стенах висели стильные триптихи, под ногами расстился светлый ковер с гостеприимной надписью «Добро пожаловать!» И все в светлых, приятных глазу тонах, создающих уют подобный тому, какой существовал в Большом Доме.

Как только мы вошли, нам навстречу вылетело несколько незнакомых мне духов, похожих на маленьких птиц. Они залиристо защелкали и словно бы указали крыльями на дверь, ведущую в соседнюю комнату. Из-за стены доносился гул множества голосов, и они вкупе с забитой до отказа напольной вешалкой, свидетельствовали о том, что в доме полно народа.

— Готова? — ободряюще сжав мои пальцы, улыбнулся Герман.

Я только кивнула и вместе с ним вошла в комнату, оказавшуюся огромной, заставленной кучей мебели, гостиной. Мягких уголков здесь было по меньшей мере штук десять, и все они были заняты как людьми, так и духами, активно что-то обсуждающими. Но при нашем появлении этот разговор постепенно затих, и к нам обратилось множество самых разнообразных взглядов.

Заклинателя духов, стоящего рядом с Кириллом, я увидела сразу, но намерено быстро отвела глаза и сделала вид, что его не заметила. Иначе могла сорваться, что в настоящий момент было бы совсем некстати.

## Глава двадцать девятая

На некоторое время в гостиной повисла тишина, нарушаемая только шушуканьем мелких духов да свистом закипевших где-то в недрах дома чайников. Всеобщее внимание, вместо того чтобы вызвать чувство неловкости или смутить, пролилось на мое сердце сладким бальзамом. Здесь находились практически все, по кому я за минувший месяц ужасно успела соскучиться. И важные духи, бывшие у нас постоянными постояльцами, и кошки-сестрички, и даже Най, сидящий рядом с какой-то смутно знакомой симпатичной особой. Где могла видеть последнюю, я решительно не помнила, но, слава Богу, это уже не имело никакого отношения к запечатанным воспоминаниям.

— О, тупица криворукая вернулась! — неожиданно нарушила молчание та самая особа.

Я удивилась настолько, что даже не подумала обидеться на столь нелестное определение. Эта рыжеволосая, крайне привлекательная молодая женщина с ярким макияжем и в облегающем платье, имеющим неприлично глубокое декольте, была госпожой Санли!

— О-бал-деть, — по слогам выдохнула изумленная я.

Произнесла это не слишком громко, но из-за того, что в гостиной все еще было тихо, мою реакцию заметили все. Перекинув ногу за ногу, госпожа Санли довольно улыбнулась и еще теснее прижалась к Наю, которого держала под руку.

Сейчас она выглядела даже лучше, чем на портрете, который мне как-то довелось лицезреть в ее комнате. На ум тут же пришло предположение, что она-таки заставила духа желания помочь ей в приготовлении омолаживающего зелья, и зелье это, как ни странно, сработало.

— Юля! — на этот раз нарушителем вновь воцарившегося молчания стала Аленка, внезапно вскочившая с кресла. — С ума сойти, ты и правда здесь!

А дальше все отмерли словно по команде, и меня начали сжимать в таких же медвежьих объятиях, в каких я недавно едва не задушила подкроватных монстров. Правда, столь бурно меня встречали далеко не все — только Аленка, Аня, да несколько духов, с которыми я всегда поддерживала теплые отношения.

— А госпожа Санли сногшибательная красотка у нас только по ночам, — со смешком шепнула Алена. — Днем царица превращается в «лягушку».

— О чем вы там шепчетесь? — моментально настиг нас вопрос обладающей хорошим слухом «царицы».

Ответа не последовало, зато возобновился прерванный моим приходом разговор. Пока Кирилл продолжал повторять план действий, который предстояло начать реализовывать уже через час, я украдкой бросала быстрые взгляды на заклинателя духов и замечала, что он тоже изредка на меня смотрит. Все же полностью забыть о его присутствии не получалось, и внутри нет-нет, а брала, да и заново вспыхивала злость.

За следующих полчаса было выпито немало мятного чая, который разливали парящие по гостиной чайники. Хотя, конечно, не сами чайники, а невидимые духи — не иначе, родственнички Вилли. Многочисленные сладости, возвышающиеся в красивых вазочках, не ел никто кроме Аленки, которая не могла перестать их трескать — наверное, из-за нервов. Подле нее сидел Олег, которого она держала за руку, а еще рядом с ними сидела Аня, на плечах которой расположились победившие боязнь шума и света летучие мышки.

— Все гото-у-во, — произнес Котик, чья голова виднелась в стоящем на центральном столе шаре, рядом с которым кружила мадам Стью. — По-у-ра.

Оставшиеся полчаса свободного времени мы потратили на то, чтобы добраться до гостиницы. Чтобы не тратить силы, никто не переносился к Большому Дому самостоятельно, даже заклинатель. Всех нас до нужного места довез знакомый летающий автобус, вызванный Кириллом вместо такси. На этот раз мне даже напрягаться не пришлось, чтобы расплатиться за проезд: ассорти эмоций было столь разнообразным, что я смогла проплатить свои поездки на год вперед!

Как только автобус приземлился, и нас высадили, все участники грядущего действия разбрелись по ранее обозначенным местам. Сперва «человеческой» команде под руководством Кирилла и духам под командованием Наю предстояло установить так называемый «скрывающий» барьер почти на весь здешний район. Это объяснялось тем, что грядущая битва должна была проходить с размахом, а посторонние свидетели в лице непричастных людей были совершенно не нужны.

Идя рядом с Германом, я испытывала чувство дежавю — кажется, совсем недавно мы точно так же устанавливали защитный барьер вокруг Большого Дома. А сколько воды с тех пор утекло...

Когда барьер был поставлен, мы все, двигаясь небольшими группами, разбрелись вокруг Большого Дома, и вот тут-то оказалось, что нас ждали. Весь периметр гостиницы был оцеплен какими-то людьми, в наличии сверхъестественных способностей у которых сомневаться не приходилось.

Естественно, для меня никакой роли заранее припасено не было, но я держалась рядом с Германом и намеревалась, в случае чего, работать с ним на пару. Страх практически не было: все же, на мой взгляд, как на взгляд любого здравомыслящего человека, исход этого противостояния был предрешен. Все же Игорь допустил изрядную оплошность, настроив против себя большинство духов. Не будь они все сейчас на нашей стороне, шансы, возможно, стали бы равны.

Мы с Германом стояли недалеко от Кирилла, и я увидела, как он, не дойдя до ворот несколько метров, резко остановился. Затем поднял руку, начертил в воздухе какой-то символ, и земля под его ногами вспыхнула едким зеленым светом. Этот свет моментально распространился вокруг всей усадьбы, и, присмотревшись, я различила на снегу множество мелких горящих символов, напоминающих компьютерную матрицу. То, что над этой защитой постарался небезызвестный псионик, не поддавалось никаким сомнениям.

Следом за уже начерченным символом Кирилл сотворил еще один, а потом, продолжая держать перед собой вытянутые руки, принялся что-то негромко говорить. Он оставался абсолютно неподвижным, шевеля одними только губами, но вместе с тем было видно, насколько тяжело ему дается эта магия. На его лбу, несмотря на ночной мороз, выступили бисеринки пота, а между бровей пролегла глубокая складка.

Когда его символы засветились не менее ярко, чем «матрица», вокруг усадьбы пронесся сильнейший порыв ветра, едва не поваливший с ног. Именно он заставил меня оторваться от наблюдения за действиями Кирилла и заметить, что вокруг уже давно кое-что происходит. Те, кто сейчас держал оборону вокруг Большого Дома, выпустили перед собой полчище духов, в которых я с изумлением и ужасом узнала безликих.

Безликие подчиняются им? Но как?!

— Э-э-э, Герман... — протянула я, оборачиваясь к нему.

Но тот заметил безликих раньше моего, и рядом его уже не было. Мысленно выругавшись, я выискала Германа взглядом среди тех, кто стоял в первых рядах, и бросилась на подмогу. С нами находились еще двое безликоборцев, и сейчас они вместе с Германом расшвыривали колышущееся, переливающееся всеми цветами радуги желе в разные стороны.

В воздухе витал отчетливый запах мяты, которой с лихвой обзавелись все наши, даже духи. Но, как бы то ни было, именно духи были уязвимы перед безликими в первую очередь, поэтому подойти ближе к усадьбе они не могли. Даже сильнейшие — такие, как Най.

Оказавшись рядом с Германом, я не получила порцию его обычного недовольства тем, что рискую. Не получила и просьбы вернуться назад, и это воодушевило меня, как ничто другое. Он словно показывал, что признает важными мои способности и будет благодарен за помощь.

Ждать этой самой помощи я его не заставила. Привычно отслеживала движения безликих, отмечала синхронность, с которой они двигались, и подсказывала Герману, куда лучше ударить. Безликих я насчитала по меньшей мере три десятка, так что на одного нашего безликоборца приходилось десять духов. В какой-то момент я стала помогать не только Герману, но и остальным, а попутно подумала, что заклинатель мог бы и вмешаться. Еще в начале осени, на ярмарке духов, на гостей тоже напала орава безликих, и тогда ему удалось разогнать их довольно быстро. Так где он пропадает сейчас? Занят чем-то другим и тоже важным — единственное логичное, пришедшее на ум объяснение.

А еще я мимолетно предположила, что безликими управляет не кто иной, как Дима. Если псионики могут воздействовать на чужое сознание, то почему бы самым одаренным из них не уметь влиять и на этих безмозглых духов?

Безликие оказались уничтожены примерно в тот же момент, когда Кирилл снял «матричный» барьер. Теперь к мяте примешался запах гари — едкий и противный.

Как только исчезло препятствие в виде безликих, все наши духи ринулись вперед.

Такого я еще не видела...

Проработав в гостинице несколько месяцев, привыкла к тому, что даже самые страшенькие духи все равно выглядят по-своему мило. Но сейчас даже самые милые выглядели ужасающе. Они все бежали, едва касаясь ногами земли, а некоторые и летели с такой скоростью, что за их перемещениями едва ли можно было уследить. До этого момента я как-то не до конца осознавала, насколько их много, но сейчас казалось, что духов среди нас целое полчище. И все они изменились

— не столько внешне, сколько внутренне. Их движения были резкими, отрывистыми, где-то даже хищными. Они набрасывались на окруживших усадьбу приспешников Игоря, а те были явно к такому не готовы.

И вот теперь мне стало страшно. Как ни парадоксально, я боялась вовсе ни уже уничтоженных безликих, ни талантливого псионика, ни загадочного Игоря, а тех, с кем долгое время жила бок о бок. Сейчас они словно обнажили свои истинные сущности, суть которых — выходцы потусторонних миров.

Вскоре охранникам стало совершенно не до нас, и мы с Германом, Кириллом и, наконец, показавшимся в поле зрения Тэйроном, вошли внутрь усадьбы. За нами проследовали Аня с Аленой и два оставшихся безликотборца. Подсознательно я опасалась, что, войдя в дверной проем, как и днем, окажусь в обычном заброшенном доме, но эти страхи не оправдались.

Нас встретил пустой холл и звенящая тишина. Казалось, в гостинице никого нет, но, разумеется, такое впечатление было обманчивым. Я не имела представления, что нас сейчас ждет, и где искать ключ, поэтому продолжала держаться рядом с Германом и следила за Кириллом, который снова начал чертить в воздухе какой-то символ.

— Это поисковое заклинание, призыв ключа, — глухо произнес заклинатель. — Все отойдите.

Только мы сделали шаг назад, как в где-то в недрах гостиницы раздался грохот. Постепенно он становился все ближе, и в какой-то момент из соседнего коридора на нас вылетела очередная орава безликих, возглавлял которую звервон. Еще один.

— Твою ж... — на этот раз я выругалась вслух.

И началось. Холл словно увеличился в размерах, превратившись в настоящее поле битвы. Все смешалось в кучу, одно событие сменяло другое, и я едва успевала за всем следить, а в какой-то момент перестала даже пытаться. О том, чтобы помогать остальным, не могло быть и речи — все, что я теперь старалась делать, это не путаться под ногами, не попадаться никому под руку и изредка подсказывать Герману, с какой стороны на него сейчас нападут.

Кирилл тем временем продолжал творить сложное заклинание, а Тэйрон был занят тем, что поддерживал возведенную вокруг него защиту и отражал нападения тех, кто пытался сквозь нее пробиться. Не требовалось долго думать, чтобы понять: вся эта канитель и была устроена, чтобы помешать Кириллу закончить начатое.

Можно было бы попытаться пробиться к скрытой комнате, но никто не знал наверняка, где сейчас находятся Дима с Игорем. Они могли быть как в ней, так и в кабинете, или вообще в любом месте Большого Дома, который сейчас казался по-настоящему, как никогда Большим.

— Арвенторс Льюмия! — неожиданно прозвучал в творящемся хаосе громкий голос Кирилла.

По глазам резанула яркая вспышка, холл заполнил ветер, и на несколько мгновений стало нечем дышать. Снова запахло гарью, которая почти перебила даже вонь, идущую от уже покалеченного звервона. Прошло не более полуминуты перед тем, как в ближайшем коридоре показалась выходящая из полумрака фигура. Постепенно она обретала более четкие очертания, становясь все больше похожа на Дмитрия Шарова. Впрочем, несмотря на знакомую внешность, узнать в этом человеке своего бывшего работодателя мне было трудно. Его лицо казалось осунувшимся и заострившимся, под глазами пролегли глубокие тени, всегда идеально уложенные волосы были взлохмачены. Но самое главное — глаза. Сейчас они были практически бесцветными и светились в темноте так же, как светился висящий на его шее ключ. Шел Дима тяжело, с трудом переставляя ноги и, словно сопротивляясь невидимой силе, тянущей его в холл. И сила эта явно исходила от Кирилла, чье заклинание было с успехом завершено.

Тот факт, что вместо Игоря к нам вышел Дима, похоже, никого особо не удивил.

— Отдай его мне, — спокойным тоном, никак не вяжущимся с теперешней ситуацией, сказал Кирилл.

Сжав пальцами ключ, Дима криво ухмыльнулся:

— А ты попробуй отобрать.

Только сейчас я обратила внимание на то, что и Кирилл стал выглядеть не лучшим образом — очевидно, то заклинание потребовало от него колоссальных сил.

Не выпуская из одной руки ключ, другой псионик коснулся правого виска. Не прошло и пары секунд, как до этого немного присмиривший звервон ринулся в атаку с новыми силами, при этом целенаправленно выбирая жертвой нашего мага. Путь духу тут же преградил Тэйрон, а Герман

сделал выпад, пытаюсь пробиться к Диме, но того уже окружили все оставшиеся безликие.

Кирилл был вымотан, все силы Тэйрона уходили на поддержку сложной защиты, и противостоять Диме пришлось безликоборцам, но и они уже потратили значительную часть энергии. Положили несколько десятков безликих, но теперь им предстояло отправить в небытие еще примерно столько же. Пока здесь были безликие, оставшиеся снаружи духи не могли помочь без серьезной угрозы собственной жизни, а так рисковать ради Большого Дома они явно не хотели.

Впрочем, как оказалось, я сильно их недооценила.

В разгар заново развернувшегося противостояния в холл буквально влетели Джея и Джия, похожие на разъяренных фурий. У меня даже от звервона столько мурашек по телу не бежало!

И не думая бояться безликих, которые могли спокойно ими закусить, «кошки» первыми бросились в атаку, раскидав сразу несколько желешек в разные стороны. Воодушевленные прибывшим подкреплением, безликоборцы стали сражаться еще более рьяно, и я только и успевала, что уворачиваться от летящих в разные стороны «кусков желе».

Больше никогда в жизни желатинки есть не буду. И желе. И вообще все, что содержит желатин!

Неожиданно, увернувшись от очередной пакости, я заметила, как Аня, которая до сего момента находилась в поле моего зрения, пошла вперед — прямо к застывшему в начале коридора Диме. Безликие ее не трогали, даже расступались перед ней, а светящиеся, немигающие глаза псионика смотрели прямо в упор на идущую к нему девушку.

— Аня, не смей! — выкрикнула я, но мой голос потонул в царящем шуме. — Очнись!

Тут же вспомнилось, что Герман рассказывал несколько часов назад: и о том, что Дима преподавал в университете психологию, и о том, что пытался воздействовать на сознание Ани.

— Аня! — еще раз, надрывая голосовые связки, позвала я, но было поздно.

Она подошла к нему, с ничего не выражающим взглядом развернулась лицом к нам, и Дима притянул ее к себе.

— Все уходите, иначе ей конец.

Появившийся в его руках пистолет, который он приставил к голове Ани, казался менее реальным, чем окружающие нас духи. Подумать только — пистолет! Самый обычный, но произведший эффект даже больший, чем звервон.

Безликоборцы к этому времени разобрались со всеми без исключения безликими, а звервон, пытающийся пробиться через защиту заклинателя к Кириллу, заметно ослаб.

— Отпусти девушку, — не изменяя себе, по-прежнему спокойно попросил маг. — Ты уже проиграл.

— Черта с два! — выплюнул Дима, в лице которого уже почти не осталось ничего человеческого. — Ты не заслуживаешь того, чтобы быть владельцем этого уникального места, никто из вас! Я — сильнейший маг разума, сумевший подчинить двух духов небытия и безликих! Ты, — глядя на Кирилла, он сильнее прижал дуло к виску бледной Ани. — Хотя бы можешь до конца понять, каких высот я достиг? Этого не удавалось еще никому! Став владельцем Большого Дома, я буду и дальше развивать свои возможности, тренируясь на тех, кто приходит, чтобы совершить переход. Когда-нибудь мне станет подвластно подчинять не только духов, лишенных разума, но и высших, таких как они, — он кивнул на Джею и Джю.

— Ты просчитался, мальчик, — лицо Джеи заострилось, и ее губы сложились в оскал. — Мне плевать на эту девчонку, поэтому сейчас вы умрете вдвоем!

Далее одновременно случилось несколько вещей.

Джея, оправдывая свои слова, устремилась к псионику. Тот, успев понять, чем это грозит, попятился назад. Я, успев это понять тоже, так же устремилась вперед, намереваясь помешать Джею неведомо как. Мозг словно отключился, и я действовала машинально, движимая вперед пониманием, что моя подруга — та, к кому я относилась с искренней симпатией, сейчас погибнет.

Время будто замедлилось, вокруг мелькали какие-то силуэты, кто-то кричал, и голоса сливались в один нестройный хор. Боковым зрением я отметила движение звервона, которого призвал себе на защиту Дима, а потом...

Потом меня неожиданно схватили и отбросили в сторону. Я вообще не поняла, что произошло, но когда спустя несколько секунд опомнилась, обнаружила себя находящейся в кольце рук Германа. А, бросив замутненный взгляд на Джею, увидела, как ее удерживает Тэйрон. Удерживает не

физически, нет... силой заклинателя духов, заставившей ее подчиниться.

Все вернулось к тому, с чего началось несколько минут назад: прикрывающийся Аней псионик, рядом с которым теперь стоял звервон, и все мы, напряженно замершие напротив.

— Я ее убью! — Диму заметно шатало, и палец на курке дрогнул, заставив меня прерывисто вздохнуть. — Убирайтесь!

Никто не шелохнулся, и напряжение достигло апогея. Кажется, Кирилл собирался что-то сказать — возможно, все-таки попросить нас идти к выходу, — но тут произошло то, чего не ожидал никто.

Аня, до этого походившая на пустую куклу, вдруг резко дернулась, выворачиваясь из захвата и, бросив вперед что-то сверкающее, выкрикнула:

— Кирилл, ключ!

В отличие от большинства, изумленно и заворуженно наблюдая за полетом ключа, маг среагировал моментально, и спустя считанные секунды тот оказался у него в руках.

— Ах ты... — раздался голос Димы, за которым прогремел выстрел.

После него на короткие мгновения снова наступила тишина, во время которой я увидела, как Дима недоуменно смотрит на пистолет, который почему-то выстрелил в потолок и сейчас висит в воздухе.

А затем тишину нарушило громкое и призывное, отдающее хрипотцой от постоянного курения табака:

— Поне-у-у-слась!

Если до этого творился хаос, то сейчас начался хаос в квадрате! В кубе! В миллионной степени! Откуда не возьмись, в холл высыпали духи-помощники, вооруженные кто шваброй, кто сковородкой, кто поварешками и полумойными тряпками. Всей гурьбой они набросились на звервона, который ослабел вместе со своим хозяином, а потом частично обрушились и на Диму, не сумевшего устоять на ногах.

— Бе-у-й их! — разносился по всему Большому Дому голос Котика. — Долой узурпа-у-торов!

Как раз после такого эмоционального лозунга в гостиницу ворвались остальные духи, возглавляли которых Най с госпожой Санли.

— Что, опоздали? Уже успели разобраться без нас? — красотка управляющая удивленно похлопала длинными ресницами и, шагнув вперед, поскользнувшись на оставленной звервоном грязи. — Ах вы, бестолочи! Мурзы! Опять свинарник здесь развели? А убирать мне, да?! Эй! — возмущенно окликнула она пробежавшего мимо духа-помощника. — Ты куда швабру потащил?! А ну, сюда неси, живо!

Я сидела на полу, глядя на творящееся кругом безумие, и вопли госпожи Санли сладкой патокой ласкали слух. Именно они — такие привычные, такие родные, как ни что другое говорили о том, что теперь все плохое уже позади.

— Это самые безумные сутки в моей жизни, — еще не до конца придя в себя, пробормотала я.

Надо мной раздался смешок Германа и, подав руку, он помог мне встать. На непослушных ногах я тут же потащила его к Ане, рядом с которой уже нарисовалась насмерть перепуганная Аленка.

— Дура! — отчитывала она. — Я же чуть не поседела, когда этот урод грозился тебя пристрелить!

— Я же ведьма, — потупившись, ответила Аня. — Почувствовала его воздействие, но сумела ему противостоять. Просто хотела быть полезной и раздобыть ключ.

— Ключ раздобыть она хотела, — передразнила Алена, не без удивления на нее покосившись.

Да уж. Такой самоотверженности от нашей ведьмочки не ожидала даже я!

На выяснение отношений, осмотр гостиницы и относительное успокоение ушел остаток ночи. Все носились туда-сюда, отовсюду стоял ужасный гомон, духи-помощники пытались убирать учиненный в холле погром. Где-то под утро прибыло несколько человек, облаченных в странноватого вида темно-синие костюмы. Они надели на потерявшего сознание Диму наручники и, переговорив с Кириллом, унесли его в какой-то другой мир, где сквозь дверной проем виднелась только чернота. Как чуть позже пояснил Кирилл, там находилась тюрьма, предназначенная для преступников такого рода.

А еще в кабинете обнаружился Игорь. И, увидев его, я не знала, смеяться мне, или плакать. Мне он всегда представлялся солидным мужчиной, властным и уверенным в себе. А на деле родственник Кирилла оказался сублильным, сутулым товарищем, одетым в простые черные брюки, которые были велики ему как минимум на размер, и клетчатый свитер. Вид он имел крайне жалкий и, судя по всему, вообще не понимал, где находится, и что происходит.

После недолгого разговора с ним все пришли к выводу, что Дима просто использовал его для достижения собственных целей. Игорь явно обладал не очень устойчивой психикой и легко поддавался внушению, чем псионик и воспользовался. Тем не менее, «люди в темно-синем», которые вообще-то были магами, тоже забрали его с собой, сказав, что во всем разберутся.

Несмотря на бессонную ночь, расходиться никто не спешил. К счастью, за время пребывания в Большом Доме Дима не успел его разгромить, и местный ресторан не пострадал. Там, ранним утром за длинным столом и собралась вся наша честная компания. Правда, мы с Германом, занятые друг другом, чуть опоздали и, придя последними, наткнулись на стоящих рядом с входом Тэйрона с Аней.

— Не знаю, как вас благодарить, — расслышала я негромкие слова ведьмы. — Если бы не вы...

— Забудь, — отмахнулся заклинатель и, хотевший еще что-то сказать, осекся, заметив нас.

Я застыла, изо всех сил стиснув руку Германа, когда заклинатель сделал шаг в нашу сторону.

— Юля... — чуть помедлив, произнес он. — Давай поговорим.

Мне хотелось громко выругаться, наброситься на него с кулаками, послать куда-нибудь подальше, несмотря на близкие родственные связи, но вместо этого я как можно громче согласилась:

— Ну давай... папочка.

Одно короткое слово произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Ко мне снова приковалось всеобщее внимание, и на сей раз изумления в нем было столько, что оно могло наполнить весь Большой Дом.

— Папочка? — переспросил Герман.

— Папочка? — синхронно переспросили все, сидящие за столом.

И только Най, самодовольно улыбнувшись, с удовлетворением кивнул:

— Догадалась, наконец!

Наш уход получился не менее эффективным. То ли по привычке, то ли из-за повышенной нервозности, заклинатель создал свой светящийся тоннель, пройдя по которому, мы оказались в кабинете Кирилла.

«Будто пешком не могли пройти!» — мысленно фыркнула я, но вслух ничего не сказала, потому что разговаривать с папой не хотела в принципе. А на разговор согласилась только из желания поставить его в неловкое положение, афишировав наше родство.

— Будьте добры объяснить, что все это значит? — вместо меня начал Герман, присев на краешек стола и сложив руки на груди. — Вы действительно отец Юли?

Его сложенные на груди руки я отметила особо. Наверное, не у одной меня зачесались кулаки.

Заклинатель откинул злосчастный капюшон, и у меня снова заныло сердце. Какая-то крошечная и очень наивная часть меня все еще надеялась, что произошло недоразумение, и я ошиблась. Но теперь никаких сомнений не осталось — под извечным черным плащом действительно скрывался мой отец.

— Не уверен, что сумею правильно объяснить, и вы двое меня поймете, — с неприсуцей ему неуверенностью начал заклинатель.

— Вот и не пытайся! — не выдержала я, а вслед за этим все сдерживающие эмоции барьеры рухнули, и меня прорвало: — Да как ты вообще мог? Как мог так поступить?! Ладно тогда, четырнадцать лет назад, хотя причины мне непонятны. Но сейчас! Ты ведь знал, что я люблю этот Дом, люблю все, что с ним связано! Понимал, что я люблю Германа! — признание вырвалось легко, и я, пребывая на эмоциях, даже его не заметила. — Ты едва не разрушил мою жизнь! Весь последний месяц смотрел на то, как я мучаюсь, знал, что это происходит по твоей вине и ничего не делал! Да ты... ты... разве родители так поступают?!

После каждого моего восклицания плечи Тэйрона — вернее, Анатолия Мартынова, опускались все

ниже. Он как будто уменьшался в размерах, выражение его лица становилось все более скорбным и, не захлестни меня чувства, я бы отметила, что таким не видела его еще никогда.

Высказавшись, я еще некоторое время ловила ртом воздух, а потом с размаху опустила в кресло и, повторяя жест Германа, сложила руки на груди.

Повисло гнетущее молчание.

Но отец всегда отличался умением быстро брать себя в руки и справляться с любыми трудностями, не изменил ему и теперь. Резко распрямившись, он обвел нас с Германом уже решительным, источающим уверенность взглядом, и произнес:

— Да, я неоднократно влиял на вашу память и не стану это оправдывать. За свою жизнь я, как и многие, совершил массу ошибок, о которых жалею. Все началось в твой первый день рождения, — он остановил взгляд на мне. — Твоя мать никогда не догадывалась о моей второй жизни и не подозревала, какая опасность угрожает нашему ребенку. Духи боятся заклинателей, многие нас ненавидят. Наш дар переходит от отца к первенцу, который обычно рождается мальчиком. Но у меня, вопреки ожиданиям, родилась дочь, чей своевольный характер проявил себя уже в этом. Я подумал, что раз так, то мои способности тебе не передадутся, и это стало моей первой ошибкой. Духи почувствовали тебя уже в первый день жизни и попытались убить.

— Духи? — несмотря на твердую решимость больше с ним не разговаривать, невольно переспросила я. — Хотели меня убить?

— Далеко не все из них так безобидны, как тебе кажется, — произнес папа. — Заклинатели — это маги, способные не только их уничтожить, но и лишать воли. От ребенка избавиться всегда легче, чем от взрослого, поэтому они и предприняли попытку в первый же день твоей жизни. К счастью, я успел вовремя. Следующие нападения повторялись на протяжении четырех лет. Я не мог находиться рядом с тобой постоянно, и постоянная защита, которую я поддерживал, отнимала у меня слишком много сил. Тогда я решил эту проблему по-другому. Ты уже тогда видела духов: и мелких, случайно проходящих мимо, и тех, что желали твоей смерти. Ты была ребенком, поэтому не понимала всей опасности и воспринимала их присутствие относительно легко. Я запечатал все воспоминания о них вместе с силой, которая начала проявляться в тебе уже тогда.

Он немного помолчал и продолжил:

— А потом, спустя пару лет ты потерялась в городе. Я тогда подумал, что случилось самое страшное, и мне не удалось тебя уберечь. Но ты отыскалась, а затем целый вечер рассказывала нам с мамой о светящейся бабочке и своем новом друге. Этого друга, — его взгляд переместился на Германа, — Я заметил все тем же вечером, стоящим у нашего дома. Мне уже было известно о нападении безликих, и я сразу понял, кто он такой. Мне пришло в голову, что однажды он может увидеть тебя, Юля, узнать, что ты моя дочь, и так или иначе втянуть в мир духов. После пережитой трагедии Герман был морально слаб, и я использовал это, чтобы стереть его воспоминание о вашей встрече. Но парня мне было искренне жаль, и я решил ему помочь, взявшись его обучать.

— Ну, спасибо, — криво усмехнувшись, перебил Герман.

— Пожалуйста, — ровно отозвался заклинатель и вновь посмотрел на меня. — Я всю жизнь старался оберегать тебя, поэтому и настаивал, чтобы ты продолжала жить в поселке. Наш дом огорожен столькими защитами, сколько вообще можно одновременно поставить на одно место. Когда ты уехала в город, первое время я за тобой наблюдал, но потом и сам был вынужден ненадолго отъехать. Я думал, что ты, не найдя работу, вернешься в поселок, но, вернувшись, обнаружил, что ты устроилась работать в Большой Дом, — он усмехнулся и покачал головой. — Это стало для меня потрясением. Произошло самое страшное из того, что я только мог вообразить. Я был готов сделать все, только бы ты отказалась от этой работы. Но тебе здесь нравилось, и ты, к моему неудовольствию, ближе познакомилась с Германом и стала все больше подвергать себя опасности. Словом... когда похитили Сашку, я понял, что так больше продолжаться не может. И поступил точно так, как четырнадцать лет назад. Правда, на этот раз я имел дело с двумя взрослыми людьми, и запечатать ваши воспоминания, да к тому же чувства, оказалось гораздо сложнее.

Говоря о чувствах, папа поморщился и скосил глаза на Германа.

— Герман оказался талантливым безликоборцем и талантливым учеником, так что быстро сумел разрушить поставленные печати. Должен признать, когда он пришел ко мне на разговор, я уже и сам жалел о сделанном, поскольку видел, какие страдания тебе этим причинил.

Меня душило множество самых разнообразных чувств, но обида среди них все же по-прежнему преобладала:

— А ты не думал, что самое безопасное для меня — как раз находиться в Большом Доме?

— Теперь, когда вижу, что способности заклинателя в тебе все равно проявились, несмотря на все мои усилия, понимаю, — подтвердил папа. — Не знаю, в чем дело, возможно, в твоём неуёмном воображении, но ты четко видишь безликих. А ведь даже сильнейшие заклинатели на это не способны. Наверное, мне стоило с самого начала не скрывать правду, а браться за твоё обучение. Впрочем, упущенное можно наверстать.

Я недоверчиво прикрыла один глаз:

— Мое прощение купить хочешь?

— Скорее искупить вину, — папа усмехнулся. — Уж если совершать ошибки, то только для того, чтобы потом иметь возможность их исправить.

Не могла сказать, что я его простила, но все-таки мое сердце по отношению к нему немного оттаяло. Не он первый, не он последний, кто пытался сделать своему ребенку «как лучше». Да и, зная свой характер, я понимала, что долго носить в себе обиду все равно не смогу. Тем более сейчас, когда все, наконец, наладилось, и всякие псионики получили по заслугам.

На сей раз повисшее молчание нарушил Герман, к моему недовольству попросивший оставить их с папой наедине.

— К счастью, мы с вами не состоим в родственных связях, — произнес безликоборец. — Вы мой наставник и все равно что второй отец, но я не умею быстро прощать.

— Юля, — не глядя на меня, папа его поддержал: — Оставь нас, пожалуйста.

Как бы не хотелось, а пришлось послушаться. Но, прежде чем выйти за дверь, я сыронизировала:

— Вы только когда будете «разговаривать», кабинет не разгромите. Большой Дом и так изрядно натерпелся.

Выйдя в коридор, я еще немного постояла, прислонившись ухом к двери. Но папе подобные мои штучки были хорошо известны, так что пока я не отошла, в кабинете стояла абсолютная тишина.

Несмотря на все творящееся последние сутки безумие, я чувствовала себя бесконечно счастливой. И по коридорам не шла, а бежала в припрыжку, расставив руки и широко улыбаясь.

## Эпилог

— Скоренько-скоренько, ребятки! — верещал невысокий, похожий не то на гнома, не то на рождественского эльфа дух. — Раз, два! Раз, два! Не задерживаем господина администратора, не задерживаем!

Сегодня, за два дня до нового года в Большой Дом прибыла целая делегация духов, отличающихся друг от друга только цветом колпаков. Мне была поручена важная миссия — встречать их у входа и провожать до забронированных ранее номеров. Это были духи желаний.

«Только не путай с духом желания!» — как мне однажды сказала Аленка.

Они тащили с собой уйму праздничных пакетов и коробок, а, идущий самым последним, тащил свертки блестящей разноцветной бумаги, ленты и мишуру.

— Подарки упаковывать у вас будем, — с важным видом сообщил он, подойдя к рецепшену.

Первый дух, уже поднимающийся по лестнице, вдруг остановился на полпути и, обернувшись, нахмурился. Посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом, вынудив подумать, что я сделала что-то не то, а затем просиял улыбкой и спустился вниз.

— Вы — Юлия Мартынова, верно? — поправив на большом носу крошечные очки, спросил он.

— Верно, — почему-то с долей опаски подтвердила я.

— Тогда распишитесь в получении! — не дав опомниться, он сунул мне какую-то бумагу вместе с ручкой и тут же полез в один из своих пакетов. — Очень просим прощения, что так запоздали, но раньше не было совершенно никакой возможности передать ваши заказы. Бюрократия проклятая, чтоб ее! У нас же там, в нашей Канцелярии Желаний с бумажками вообще беда, поэтому вечно опаздываем! Но вы не переживайте, ваша вера в исполнение была очень крепка, так что все вышло, как положено.

Продолжая выливать на меня поток слов, на первый взгляд кажущийся полнейшим бредом, дух немного порылся в своем пакете и извлек из него... куклу. Точно такую же, какую дарили Ленке в день ее шестилетия.

Бесцеремонно сунув ее опешившей мне, дух еще покопался в своем бездонном пакете, и вскоре у меня в руках оказался плюшевый медведь, а за ним рядом пристроился трехколесный велосипед с висящим на руле меховым брелоком, а потом откуда-то взялся набор цветных карандашей. Завершилось все главной мечтой моего детства — белым щенком лабрадора, который, твякнув и высунув язык, уселся у моих ног.

Духи желаний уже успели утопать в свои номера, я все еще оторопело стояла среди кучи неожиданно свалившихся на меня подарков и размышляла над тем, что мне со всем этим счастьем делать.

Щенок снова твякнул и принялся грызть ногу кукле.

— Ладно, сабакен, — кивнув своим мыслям, проронила я. — Тебя оставляю... а игрушки отдам ребенку Ленки. Очень надеюсь, что у нее родится девочка.

Наше с подругой общение возобновилось, а началось все с того, что она позвонила и огорошила новостью о своей беременности. Муж теперь носился с ней как с писаной торбой, что, вообще-то делал и раньше, и Ленка была по-настоящему счастлива.

Впрочем, не более, чем я.

Как и обещал, папа начал обучать меня всем премудростям, какие должен знать полноценный заклинатель духов. Учителем он был строгим, вспыльчивым, и порой мне хотелось психануть и отказаться, но я терпела. Папа — это папа, его не переделать. Моя обида на него на фоне общей радостной картины давно отпустила, но я делала вид, что обижаюсь до сих пор. Пусть не думает, что все ошибки можно исправить так легко.

Зато отношения папы и Германа заметно изменились. Нет, никто никого не убил и даже не покалечил, а папа так вообще, скрепя сердце, признал свою неправоту и нас «благословил». Но вот Герман окончательно перестал зависеть от его мнения, хотя уважения, как к опытному заклинателю духов, не потерял. И меня это в какой-то степени даже радовало.

Кирилл напомнил мне, что по заключенному контракту я обязана отработать в Большом Доме еще как минимум полгода... и только потом могу рассчитывать на заслуженное повышение. Меня намеревались сделать вторым администратором, от чего я, к всеобщему удивлению, категорически

отказалась. Зато согласилась на работу другую, предложенную все тем же Кириллом в качестве альтернативы: занять должность штатного декоратора и портретиста. Теперь оформление гостиницы к различным праздникам, а также рисование портретов по желанию постояльцев, было моей прямой обязанностью, которой я не могла нарадоваться! С последнего места работы уволилась, о чем ни капельки не жалела. Да и как можно жалеть о каких-то игрушках, когда у тебя в натурщиках духи всех видов и из всех миров?

— Боюсь спросить, ты ограбила детский магазин? — со смешком спросил подошедший ко мне Герман.

— Куда мне все это временно деть, а? — простила я, прикидывая, куда такой ворох подарков вообще может уместиться.

Все-таки нужно было в детстве сдерживать свои, «полные крепкой веры» желания!

— Пошли, помогу затащить под елку, — проявил великодушие безликоборец. — Там, стараниями нашего мага, и еще один Большой Дом поместится.

Елок у нас в гостинице было целых пять, но самая большая располагалась в ресторане, где сейчас непрестанно горел камин, и стоял запах новогодних пряностей. Вилли было, где разгуляться, и аромат корицы, которую он добавлял почти во все свои блюда, витал даже в номерах, но это не делало его навязчивым. Напротив, он не надоедал, а, вдыхая его, каждый наш гость чувствовал себя, как дома.

Мы с Германом как раз перетаскивали под елку последнюю часть игрушек, когда нас неожиданно чуть не сбил с ног несущийся во весь опор Най.

— Спрячьте меня! — не своим голосом взмолился он. — Быстрее!

— На-а-й, — сладким голосом пропела управляющая, чьи шаги раздавались в коридоре. — Где-е ты?

— Что-то ночью ты от нее так не бегаешь, — тихо засмеялся Герман, хлопнув его по плечу.

— Так то ночью, — кажется, Най был близок к панике. — А сейчас только вечер! Юля, безликие тебя сожри! Ты мне, если помнишь, своим счастьем в любви обязана!

Прыснув вместе с Германом, я велела духу лезть под елку, где благодаря магии Кирилла действительно было крайне много места. Следом сунула велосипед, и тут в ресторан вошла госпожа Санли.

Окинув помещение цепким взглядом, она поинтересовалась:

— Вы моего благоверного не видели?

Мне захотелось засмеяться снова: вот уж кем-кем, а благоверным дух желания точно не был! Но вместо этого я только отрицательно помотала головой, незаметно поправила нижнюю еловую ветку и вместе с Германом поспешила ретироваться.

После насыщенного дня голова гудела, и мне хотелось немного проветриться. Мы вышли во двор, где уже стемнело, и белоснежный снег красиво контрастировал с темно-синим небом, откуда сыпались мелкие снежинки. Новогодние праздники в кои-то веки обещали сопровождаться не слякотью и дождем, а снегом и легким морозцем, что делало настроение еще лучше.

Хотя небо было не слишком ясным, некоторые звезды на нем все-таки проступили. Особенно выделялась одна — самая яркая, знакомая мне с далекого детства.

— А чудеса все-таки бывают, — глядя на нее, я улыбнулась.

— Для тех, кто умеет мечтать и верить, нет ничего невозможного, — судя по голосу, Герман улыбнулся тоже.

Я не могла его не поддеть:

— Вы только что разрушили свой брутальный образ, господин угрюмый безликоборец!

— Трудно оставаться угрюмым, когда рядом находится неугомонный иллюстратор, заклинатель и любимица духов в одном лице, — Герман приобнял меня, и я положила голову ему на плечо. — Я уже говорил, что очень тебя люблю?

Пока я наслаждалась первым официальным признанием, по небу, на миг загородив собой звезду, пролетел ярко-красный автобус, оставляющий за собой белый след. И самые разные люди, тоже сейчас смотрящие на небо, этот след заметили. Кто-то списал его на игру расшалившегося

воображения, кто-то принял за облако, а некоторые — такие же неисправимые мечтатели как я, тихо прошептали:

— Бывают же чудеса...

И знаете, однажды, точно так же глядя на небо, они увидят не только след, но и сам автобус, и даже сидящих в нем пассажиров. Потому что так устроено во всех мирах: волшебство открывается только тому, кто в него по-настоящему верит.